

МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Я. ГРОСУЛ

КРЕСТЬЯНЕ БЕССАРАБИИ (1812—1861 гг.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ * 1956

ВВЕДЕНИЕ

I. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА. ЛИТЕРАТУРА. ИСТОЧНИКИ

а) Постановка вопроса

Изучение истории крестьянства нашей социалистической Родины, его борьбы за освобождение от социального гнета является одной из важнейших задач советской исторической науки. Вышедшие в свет в послевоенное время крупные монографические исследования академиков Б. Д. Грекова¹, Н. М. Дружинина², а также монографии и статьи К. В. Сивкова³, Л. М. Иванова⁴, Я. И. Линкова⁵, Л. В. Черепнина⁶ и других советских историков в значительной мере восполняют пробел в изучении истории русского крестьянства. Работами украинских историков — И. Гуржий⁷, Ф. Е. Лось⁸ и других сделан важный шаг в изучении истории крестьян Украины. Все же история крестьян некоторых бывших национальных окраин Российской империи попрежнему остается еще мало

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, М.—Л., 1946.

² Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М.—Л., 1946.

³ К. В. Сивков, Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., М., 1951.

⁴ Л. М. Иванов, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, Исторические записки, М., 1945, № 13.

⁵ Я. И. Линков, Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг., Учпедгиз, М., 1952.

⁶ Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1—2, М.—Л., 1948, 1951. Кроме того, имеются в виду публикации документов «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», ч. 1, М., 1951 и другие, а также его статьи по истории Молдавии в некоторых сводных трудах по истории СССР.

⁷ И. Гуржий, Росклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві Україні першої половини XIX ст., Київ, 1954.

⁸ Ф. Е. Лось, Революція 1905—1907 років на Україні, Київ, 1955.

разработанной. В частности, недостаточно изучена история крестьян Молдавии первой половины XIX в. Такие кардинальные вопросы, как социально-экономическое и политическое положение различных категорий молдавских крестьян, их сословное бесправие в системе феодально-крепостнического государства, методы их эксплуатации помещиками и феодальным государством, различные формы классовой борьбы крестьян против возраставшего гнета крепостников, процесс разложения феодально-крепостнической системы и зарождения в ее недрах капиталистических отношений, до сих пор не явились предметом углубленного научного исследования.

Дворянская и буржуазная историография по своей классовой направленности и политической целеустремленности не была, да и не могла быть, заинтересована в правдивом освещении истории крестьян Молдавии. Советские же историки пока такого рода исследованиями не занимались. Не внес каких-либо существенных изменений в изучение вопроса и выход первого тома «Истории Молдавии» (1951 г.), так как, учитывая назначение книги, история крестьян там изложена в научно-популярной форме. В работах же историков Молдавии,¹ опубликованных, главным образом, в послевоенное время, они либо не затронуты вообще, либо затронуты вскользь.

Между тем, разработка названных вопросов представляет большой научный интерес.

Известно, что основной задачей марксистской исторической науки является изучение истории производителей материальных благ, истории трудящихся масс, истории народов. Молдавия — край аграрный, и крестьянство здесь в исследуемый нами период было основным производителем материальных благ. Аграрный строй в молдавской деревне в силу специфических условий исторического развития был весьма своеобразным. Руководствуясь основными положениями марксистско-ленинской исторической науки, автор задался целью исследовать историю крестьянства Молдавии в период разложения феодально-крепостнических и зарождения капиталистических отношений, стремясь тем самым в известной мере восполнить имеющийся пробел по этому разделу в исторической науке.

Значение темы выходит за узкие рамки истории Молдавской ССР, ибо нельзя воссоздать подлинно научную историю

¹ В. Ф. Малинский, Аграрная «реформа» 1918—1924 гг. в Бессарабии, Кишинев, 1949; Сборник статей, Феодальные отношения в Молдавии в XIV—XVIII вв., Кишинев, 1950; Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии во второй половине XV в., Кишинев, 1950; И. Г. Будаг, Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период, Кишинев, 1954.

крестьянства СССР без исследования истории крестьянства отдельных народов нашей страны, без учета специфики развития того или иного народа, без знания особенностей процесса разложения феодализма и зарождения капитализма в различных районах страны, особенностей, обусловленных различными социально-экономическими и политическими факторами.

Неразработанность этих вопросов неизбежно приводила к неправильному толкованию их в отдельных трудах некоторых видных советских историков и экономистов, о чем будет сказано далее.

Исходя из основных положений марксистской исторической науки, в настоящей работе ставятся следующие задачи:

1. Исследовать процессы и показать изменения, которые происходили в положении основных категорий крестьян Бессарабии в условиях разложения феодально-крепостнической системы и складывания в ее недрах капиталистических форм производства. В частности:

а) раскрыть специфические черты феодально-крепостнического гнета в Бессарабии в первой половине XIX в., обусловленные особыми историческими путями формирования и развития феодальных отношений в Молдавии;

б) охарактеризовать основные сословные категории молдавских крестьян;

в) показать, как в результате влияния общероссийских правовых порядков в молдавской деревне происходили изменения сословного строя (постепенно исчезали местные сословные особенности) и сближение его с сословным строем русской деревни, хотя некоторые особенности в указанный период еще сохранились;

г) рассмотреть, как в результате развития капиталистических отношений происходила ликвидация пестрого сословного состава сельского населения Бессарабии и наметился постепенный переход от сословно-феодального деления сельского населения к классово-капиталистическому.

2. Показать роль и значение крестьянского движения в первой половине XIX в. в ликвидации феодально-крепостнической системы, для чего осветить:

а) процесс обострения классовой борьбы как следствие нарушения закона соответствия производственных отношений характеру развития производительных сил;

б) сравнительно широкий размах крестьянского движения в Бессарабии как результат относительно более быстрого роста товарности сельского хозяйства края, а в связи с этим усиления эксплуатации крестьян;

в) своеобразие некоторых форм классовой борьбы крестьян Бессарабии (гайдучество, упорное стремление царан перейти с частновладельческих земель на государственные, на что они

могли претендовать, как пользующиеся юридически ограниченным правом выхода);

г) укрепление братских уз дружбы между молдавскими, русскими и украинскими крестьянами в их совместной классовой борьбе против общего социального врага — царизма, а также молдавских, русских и украинских помещиков;

д) на примере классовой борьбы крестьян Бессарабии еще раз подчеркнуть обоснованность марксистского положения — что стихийное, неорганизованное и не руководимое городскими классами крестьянское движение может лишь расшатывать устои феодализма, не приводя, однако, к ликвидации феодального способа производства.

3. Раскрыть крепостническую сущность аграрной политики царизма в Бессарабии в первой половине XIX в.

4. На конкретном историческом материале показать полнейшую несостоятельность различных буржуазных и буржуазно-националистических взглядов на крестьянский вопрос в Бессарабии в рассматриваемый период. В частности:

а) вскрыть классовую сущность положений русской дворянско-буржуазной историографии, пытавшейся доказать, что политика царизма по крестьянскому вопросу в Бессарабии являлась «благодеянием» для народа;

б) показать утопичность народнических взглядов на пути развития русской деревни вообще, и исследователей (находившихся под влиянием народнических идей), занимавшихся историей молдавской деревни, в частности;

в) разоблачить тенденциозность румыно-молдавской буржуазно-националистической историографии, которая путем фальсификации фактов пыталась отрицать объективно-прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России.

Объективно-прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России, его положительное воздействие на экономическое развитие края, а также благотворное влияние передовой русской общественной мысли на развитие культуры молдавского народа и укрепление его братских связей с великим русским и украинским народами является одним из важнейших выводов данной работы.

* *

В основу настоящего исследования положены методологические указания классиков марксизма-ленинизма по аграрному вопросу в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. При разработке важнейших теоретических вопросов аграрной проблемы классики марксизма-ленинизма осветили также ряд вопросов, относящихся непосредственно к истории Молдавии.

Известно, что Маркс и Энгельс тщательно изучали социально-экономическую и политическую историю России, а также

Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. Работы Маркса и Энгельса, затрагивающие в той или иной мере вопросы истории России и Дунайских княжеств, являются неоценимым руководством для исследователей истории Молдавии.

Особый интерес для избранной темы представляют те главы гениального труда К. Маркса «Капитал», где дана четкая характеристика особенностей феодально-крепостнического развития Дунайских княжеств и «Органического регламента 1831 г.».

В этом труде К. Маркс показал, в частности, особенности процесса экспроприации общинной земли и пути закрепощения молдавских крестьян¹.

Для выяснения поставленных вопросов большое значение имеют теоретические положения классиков марксизма-ленинизма о формах докапиталистической земельной ренты.

К. Маркс вскрыл сущность первоначального капиталистического накопления, показал процесс разложения феодально-крепостнической системы и формирования в ее недрах капиталистических отношений. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества, — писал он. — Разложение последнего освободило элементы первого»².

Как указывает К. Маркс, процесс, создающий капиталистические отношения, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на продукт его труда, процессом, который превращает общественные средства производства в капитал, а непосредственных производителей — в наемных рабочих.

Это теоретическое положение Маркса позволяет нам вскрыть подлинные причины разорения царан, обезземеливания и пауперизации значительной массы крестьян-собственников (резешей) Бессарабии, особенно в первой половине XIX в.

В своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокую и яркую характеристику феодально-крепостнической системы, господствовавшей в дореформенной России, вскрыли причины и условия проведения реформы 1861 г. Оценка крестьянской реформы 1861 г. в России, данная К. Марксом, помогает нам глубже разобраться в этом вопросе применительно к истории Молдавии.

Высказывания Маркса и Энгельса о крестьянской общине и закрепощении крестьян Молдавии, о докапиталистических формах земельной ренты, о крестьянской реформе помогают правильно объяснить особенности положения некоторых категорий крестьян Молдавии (царан, резешей), которые, хотя

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1951, стр. 242.

² Там же, стр. 720.

юридически считались свободными, но фактически были феодально-зависимыми от землевладельцев и государства.

Неоценимое значение для выяснения основных вопросов исследуемой нами темы имеют гениальные труды В. И. Ленина.

В. И. Ленин дал классическое определение феодально-крепостнической системы в России, подчеркнул ее основные характерные черты, установил хронологические рамки ее возникновения, развития и распада.

В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику дореформенного барщинного хозяйства и тех изменений, которым оно подвергалось в связи с развитием капиталистических отношений¹.

Барщинная система хозяйства, как указывает В. И. Ленин, предполагала наличие господства натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства, в частности землей, и прикрепление его к земле, личную зависимость крестьянина от помещика и крайне низкое, рутинное состояние техники.

Ленинская характеристика крепостнической системы хозяйства, господствовавшей в России, в основном относится и к той хозяйственной системе, которая господствовала в Молдавии в первой половине XIX в. (хотя тут и имелись некоторые особенности). Следовательно, именно эта характеристика дает нам ключ к пониманию существа вопроса.

Данное В. И. Лениным определение положения крепостных крестьян России позволяет правильно оценить и положение основной категории молдавских крестьян — царан, составлявших более 60% сельского населения, которые также «наделялись» землей помещиками и отбывали феодальные повинности, хотя юридически и считались «свободными».

В работе В. И. Ленина содержится ряд высказываний о более быстром развитии капиталистических отношений в губерниях, составлявших район торгового земледелия, в том числе и в Бессарабии. Труды В. И. Ленина позволяют нам проследить и правильно оценить процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Бессарабии еще накануне крестьянской реформы, особенно в хозяйствах колонистов и резешей, среди которых классовое расслоение началось раньше и шло быстрее, чем среди царан.

Вопросы положения крестьян при феодализме и роли их антикрепостнической борьбы в расшатывании основ феодально-крепостнического гнета нашли свое глубокое освещение и в ряде других трудов В. И. Ленина, явившихся методологическим руководством при написании данного исследования.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 157—159.

Настоящая работа написана, главным образом, на основе неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Центральном Государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ), Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) и Центральном Государственном историческом архиве Молдавской ССР (ЦГИА МССР).

Царское правительство, проводя свои мероприятия в крае, вынуждено было считаться с исторически сложившимися особенностями аграрного строя Молдавии. Поэтому архивные фонды сохраняют богатые материалы для изучения этих особенностей.

Большая часть указанных материалов представлена в виде отчетов, рапортов и донесений губернаторов, уездных исправников, судебных заседателей, предводителей дворянства, полицейских и военных начальников. Как представители господствующего класса авторы этих документов тенденциозно освещали экономическое и политическое состояние края, положение крестьян и их борьбу против феодально-крепостнического и царского гнета. Поэтому, чтобы установить истинную картину исторических событий, при рассмотрении и анализе этих документов требовался самый тщательный критический подход.

Наибольшую ценность представляют документы и материалы, исходившие от самих крестьян (жалобы, прошения, протесты), позволяющие установить истинное положение бессарабской деревни в изучаемый период. К сожалению, таких материалов в архивах оказалось сравнительно немного.

Из материалов Центрального Государственного исторического архива Москвы использованы документы фонда третьего отделения «Соб. е. и. в. канцелярии» (фонд № 9), главным образом, третьей и четвертой экспедиций, отражающие положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии в указанный период.

Ценные материалы, отражающие политику самодержавия в области народного хозяйства и административного управления края, хранятся в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде.

В частности, в архивном фонде Комитета министров (ф. 1263) сосредоточены годовые отчеты бессарабского губернатора и статистические приложения к ним — обзоры Бессарабской губернии, из которых путем тщательного анализа можно извлечь много интересных данных, характеризующих положение крестьян и их борьбу против феодально-крепостнического гнета в рассматриваемый период.

Очень важными оказались материалы фонда Секретного и Главного по крестьянскому делу комитетов и редакционных комиссий при них (ф. 1180), содержащие сведения по вопросу

о подготовке и проведении крестьянской реформы. По материалам этого фонда можно судить об отношении к крестьянской реформе различных групп помещичьего класса; ряд документов характеризует подготовку и проведение крестьянской реформы в Бессарабии, введение «Правил об освобождении крепостных крестьян Бессарабской области 1861 г.».

В работе использованы и некоторые материалы из архивного фонда министерства внутренних дел, в частности из фонда департамента полиции исполнительной, в которых нашли свое отражение факты, характеризующие крестьянское движение в Бессарабии.

Кроме того, из хранилища Государственного исторического архива в Ленинграде использованы материалы фондов земского отдела МВД за 1857—1861 гг. (ф. 1291), департамента окладных сборов министерства финансов (ф. 573), министерства государственных имуществ (ф. 379), канцелярии по управлению Бессарабской областью (1816—1819 гг.), комитета по бессарабским делам (1822—1825 гг.), главного выкупного учреждения, центрального статистического комитета, общей канцелярии министра финансов и другие.

Большое значение для изучения вопроса о положении крестьян и крестьянского движения в первой половине XIX в. в Бессарабии имеют материалы, находящиеся в Центральном Государственном историческом архиве МССР, где сосредоточено наибольшее количество документов, характеризующих положение края в первой половине XIX в.

Наибольший интерес представляют фонды канцелярии бессарабского губернатора (ф. 2), бессарабской казенной палаты (ф. 134) и бессарабской палаты государственных имуществ (ф. 122), содержащие самые разнообразные материалы по экономике, социальным отношениям, классовой борьбе и аграрной политике царизма в Бессарабии. Кроме того, в той или иной мере привлечены материалы многих других фондов.

В работе использован и ряд опубликованных документов. Среди них, прежде всего, следует назвать Полное собрание законов Российской империи, изд. I, СПб., 1830 г.; Полное собрание законов Российской империи, изд. 2, СПб., 1885 г. и свод законов Российской империи, где сосредоточены основные изданные законоположения, касающиеся царан, резешей, государственных крестьян и других категорий бессарабских крестьян.

Многие стороны жизни бессарабской деревни за исследуемый период нашли также свое отражение в описаниях Бессарабии русскими чиновниками.

Царское правительство, будучи заинтересованным в освоении богатств края, а также учитывая его большое военно-стратегическое значение, многократно направляло сюда офицеров генерального штаба, специалистов-статистиков для

сбора сведений, представлявших государственный интерес. Результатом их исследований явился ряд работ по истории, географии, экономике и этнографии края, которые были использованы при написании работы. Кроме того, привлечены общерусские статистические сборники, а также сборники бессарабского земства, различные доклады и отчеты губернских и центральных ведомств и другие материалы.

К сожалению, приходится констатировать, что состояние правительственной статистики Бессарабии за изучаемый период таково, что не дает возможности привести сводные данные по важнейшим экономическим показателям, а к тем скудным материалам статистики, которые имеются, приходится относиться осторожно, так как они зачастую противоречивы и необъективно отражают истинное положение края.

При работе над этими статистическими материалами автор руководствовался ленинской оценкой правительственной статистики, которая, как писал он, велась «так плохо и так пристрастно, что доверять ей нельзя»¹; в связи с этим каждый раз их приходилось сопоставлять с другими источниками.

Несколько лучше было поставлено дело земской статистики.

В отличие от правительственной статистики В. И. Ленин положительно оценивал земскую статистику: «Нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую действительность России,— пишет он,— который бы мог обойтись без данных земской статистики...»². Вместе с тем В. И. Ленин вскрыл и крупные недостатки земской статистики.

В своей статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (по поводу книги В. Е. Постникова — «Южно-русское крестьянское хозяйство») В. И. Ленин, говоря о земско-статистических исследованиях, отмечал, что земская статистика дает громадный и детальнейший материал об экономическом положении крестьянства, но дает в такой форме, что эти исследования пропадают почти бесследно³.

В работе «Аграрный вопрос и «критики» Маркса» В. И. Ленин отмечал, что земская статистика по полноте данных и детализации обработки их была выше западноевропейских частичных анкет и исследований. Он неоднократно указывал, что программы отдельных земских обследований являли пример тщательности и детальности статистической работы, несравненно лучшей, чем при западноевропейских переписях.

«Все дело только за *обработкой* этих превосходных данных. В этом — главная трудность, — писал В. И. Ленин —

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 542.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 556.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 3.

Здесь — самый больной пункт нашей земской статистики, великолепной по тщательности работы и детальности ее»¹.

Обработка же и выводы земских статистических обследований при всей их полноте, тщательности и детальности были тенденциозны. Земско-народническая статистика не желала видеть и пыталась скрыть дифференциацию, происходившую в деревне, затушевывать классовое расслоение. Следовательно, хотя земская статистика и велась несколько лучше правительственной, но и она требует осторожного и строгого подхода. Поэтому, критически используя некоторые данные правительственной и земской статистики, приходилось сопоставлять их с данными архивных документов.

К этому следует добавить, что бессарабское губернское земство, в отличие от других земств России, очень плохо вело дело статистики. Крупные бессарабские помещики, заправлявшие делами земств, противодействовали сбору статистических сведений, опасаясь, что они вскроют картину бедственного положения крестьянских масс. Поэтому в Бессарабии только земством Хотинского уезда были собраны и частично обработаны статистические сведения, которые выходили за пределы правительственных сведений для оценки земель и на основании которых был составлен «Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду», вышедший в 1886 г. под редакцией К. Ермолинского.

В этом сборнике, явившемся первым шагом земской статистики в Бессарабии, крестьяне разделены на группы по количеству надельной земли на один двор. Но в нем не приведены комбинационные таблицы, раскрывающие имущественное положение отдельных групп крестьян не только по количеству надельной земли на двор, но и по наличию рабочего скота, инвентаря, по числу десятин посева и другим показателям, являющимся, в условиях начавшегося развития капиталистических отношений, важным фактором для определения экономического положения крестьянского хозяйства. Сборник имеет и другие методологические и фактические пороки, но в нем содержатся и некоторые интересные данные по истории крестьян Бессарабии. Определенный интерес при исследовании вопросов, поднятых в работе, представляют сборники документов «Крестьянское движение в России в 1827—1869 гг.» выпуск I и II, Центрархив, М., 1938, «Кугузов в Дунайских княжествах» (сборник документов), Кишинев, 1949, и др. В этих сборниках документов имеются материалы, характеризующие положение крестьян в Бессарабии, их борьбу против феодално-крепостнического строя.

Таков круг главных источников, положенных в основу настоящего исследования.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 67.

6) Литература

Постановка крестьянского вопроса в русской исторической литературе (хотя и очень ограниченная и односторонняя) относится еще ко второй половине XVIII в., ко времени начавшегося процесса разложения феодально-крепостнической системы. Однако русские дворянские историки М. Щербатов (1733—1790)¹ — поборник социальных и политических привилегий дворянства и противник притязания купечества и крестьян на ограничение дворянских привилегий, М. Д. Чулков (1740—1793)², перу которого принадлежит ряд работ экономического характера, написанных с позиции защиты дворянских интересов, а также другие историки XVIII в. еще далеки были от изучения подлинной истории крестьян.

Свои трактаты эти историки посвящали, главным образом, изучению помещичьих хозяйств, возможности их приспособления к новым экономическим условиям. Они пытались выяснить причины упадка крепостного хозяйства и изыскать меры для усиления эксплуатации крестьян и для спасения помещиков от грозящего им разорения.

Вопрос о тяжелом положении крепостных крестьян в России и о необходимости отмены крепостного права, т. е. крестьянский вопрос в полном смысле слова впервые был поставлен в русской общественно-политической литературе в конце XVIII в. представителем революционно-демократического направления А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». В этой книге Радищев выразил свой гневный протест против крепостных порядков и царизма. Он отверг самодержавие, как форму правления, противоречащую «естественному праву» человека, и призывал крестьян к борьбе против крепостного строя.

Вопросы крестьянского законодательства, быта и бедственного положения русских крестьян в дореформенный период в той или иной мере освещены в ряде монографических исследований и журнальных статей историков и публицистов разных направлений. Что касается Бессарабии, то, за исключением небольшого количества работ общен исторического, этнографического и статистического характера, затрагивающих вскользь и положение бессарабской деревни, специальных исследований, освещающих положение крестьян в дореформенный период, не имеется.

Выражая интересы помещиков и царизма, русские дворянские историки стремились оправдать и «теоретически» обосновать

¹ М. М. Щербатов, История российская от древнейших времен, т. 1—7, СПб., 1770—1780.

² М. Д. Чулков — русский историк, этнограф и экономист. Его наиболее важная работа «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах...», т. 1—3, М., 1781—1788.

вать реакционную колониальную политику царизма в Бессарабии. В работах этих историков ясно проявляется стремление старой, отживавшей надстройки, сохранить старый базис, приспособлявая его к новым условиям. В их работах, где зачастую дается подробное географическое, статистическое и этнографическое описание края, содержится ряд советов и рекомендаций помещикам по «рациональному» ведению своих хозяйств с тем, чтобы обеспечить максимальную эксплуатацию крестьян и природных богатств края в целях личного обогащения.

Среди исследований, написанных с позиций защиты интересов господствующих классов и колониальной политики царизма в крае, следует назвать работы П. Куницкого¹, Ф. Вигеля², Я. Сабурова³, А. Скальковского⁴, С. Надеждина⁵, А. Накко⁶ и др.

После присоединения Бессарабии к России одним из первых авторов, занявшихся описанием этого края, был П. Куницкий. Небольшая по объему работа П. Куницкого состоит из следующих разделов: границы, климат, грунт земли и произведение оной, города и виды промышленности, жители, обычаи, прежние права и законы, разделение жителей на классы, правительство, науки и художества. Восторгаясь природными богатствами края, автор рекомендует «добрым хозяевам» не только расширять хлебопашество, распространяя его и на «пустопорожные степи юга», но и заводить стада цыгейских овец (которые дают мягкую шерсть, плодovиты и выдерживают стужу); открывать здесь шелковые фабрики, ввиду наличия большого количества тутовых деревьев и поселенцев болгар, имеющих «великую охоту и навык» к шелководству; выкуривать из виноградных выжимок, винных дрожжей, кизила и лесных ягод «довольное количество хорошего горячего вина»; изготовлять из буковых и других лесных орехов хорошее масло и т. д.

Таким образом, Куницкий советует помещикам не только осваивать земельные богатства присоединенного края, но и

¹ П. Куницкий, Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте в 1812 году, СПб, 1813.

² Ф. Ф. Вигель, Замечания на нынешнее состояние Бессарабии, СПб, 1823.

³ Я. Сабуров, Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 году, М., 1830.

⁴ А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I и II, Одесса, 1850—1853.

⁵ С. Надеждин, Права состояния разных классов народонаселения Бессарабской области, ч. I, Журнал министерства внутренних дел, СПб, 1843.

⁶ А. Накко, Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г., Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXII, Одесса, 1879.

развивать предпринимательство, приспособливать свое хозяйство к новым экономическим условиям. Он рекомендует использовать возможности торговли с Австрией скотом, шерстью и другими товарами.

Говоря об обычаях земли, правах и законах, Куницкий справедливо критикует прежний турецкий режим. В то же время он выступает в роли апологета царских порядков, устанавливавшихся в Бессарабии.

В своей работе П. Куницкий касается также вопроса о положении крестьян. Однако автор не разобрался в положении различных категорий крестьян Бессарабии. Без всякого основания он относит царан к «вольным поселянам», хотя и сам признает, что царане отбывали помещикам феодальные повинности за пользование землей.

Спустя несколько лет вышла книга П. Свинына¹. Работа носит, по существу, описательный характер. Некоторые попытки автора дать анализ состояния Бессарабии в начале XIX в. ему не удалось. Являясь царским чиновником, присланным со специальным поручением в Бессарабию, он объяснял тяжелое положение края исключительно злоупотреблениями местных чиновников и бояр, полностью отстаивая при этом интересы царизма и существовавшую систему эксплуатации крестьян. К изложению явлений жизни Бессарабии автор подходил тенденциозно, стремясь обелить и выгородить определенную группу крупного боярства. Тем не менее фактический материал, приводимый в работе П. Свинына, представляет некоторую ценность.

Одним из ярых защитников колониальной политики царизма в Бессарабии был Ф. Вигель, вице-губернатор края в 20-х годах XIX в. В опубликованной работе «Замечания на нынешнее состояние Бессарабии» Вигель настойчиво рекомендует царскому правительству твердо проводить свою великодержавную политику. Будучи сторонником введения общерусских форм правления в Бессарабии, он считает лишним предоставление каких-либо уступок даже молдавскому боярству. «Конечно, — пишет он, — бояре еще более нас не полюбят и постараются вредить нам, но что могут они сделать? В искусстве наших генералов, в храбрости наших солдат скорее найдем мы вернейший залог наших будущих завоеваний, чем в содействии малодушных и бессильных соседей наших»².

Проповедуя политику национального угнетения и руссификации насильственными мерами, Вигель пишет, что «ни один народ так скоро обрусеть не может как молдаване»³. Он защищает наиболее отвратительные стороны политики царизма в

¹ П. Свинын, Описание Бессарабии, Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, Одесса, 1816.

² Ф. Ф. Вигель, Указ. труд. стр. 36.

³ Там же, стр. 34—35.

Бессарабии: стремление к руссификации молдаван и беспрекословному подчинению народных масс самодержавно-крепостническим порядкам.

С позиции «либеральствующего» дворянина в 1830 г. написал работу «Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 году» Я. Сабуров. В интересах укрепления крепостнической системы и колониальных порядков царизма на окраинах автор считает необходимым несколько ограничить произвол помещиков, умерить эксплуатацию крестьян, не доводить их до полного разорения. Он упрекает помещиков в бесхозяйственности, в неумении и нежелании понять необходимость приспособления к новым экономическим условиям, что ускорило бы освоение богатств этого края. Автора волнует «беспечность бессарабских помещиков, не занимающихся своим хозяйством и не проявляющих заботы о своих поселянах». Он вынужден отметить, что многие помещики неразумно притесняют и разоряют соседних поселян судебными процессами, отчего особенно страдают резеш¹.

Сабуров рекомендует также царским властям проявлять больше гибкости в управлении окраинами, учитывая при этом их особенности².

Причину всех «зол» в Бессарабии он видит не в крепостнической системе и не в реакционных колониальных порядках царизма в целом, а в «арендаторах», особенно еврейх, которых он называет «пиявицами здешнего края»³.

Более объективным источником для изучения состояния Бессарабской области в первой половине XIX в. является Военно-статистическое обозрение Бессарабской области, составленное подполковником русской армии А. Дараганом для нужд генерального штаба русской армии⁴. Оно отличается сравнительно точными данными. На это обозрение впоследствии ссылались многие исследователи Бессарабского края. Но напрасно было бы искать в работе Дарагана классовый анализ бессарабского общества. Автор — представитель самодержавного строя — с пренебрежением относится к народу. Резко отрицательную позицию занимает он по отношению к крепостным, бежавшим из внутренних губерний России в Бессарабию, требуя их немедленного водворения на старые места.

С тех же позиций защиты интересов дворянства и необходимости приспособления помещичьих хозяйств к новым экономическим условиям выступал в середине XIX в. в исторической литературе известный статистик и экономист А. Скальковский. Он написал ряд работ по истории народного хозяйства юга

¹ Я. Сабуров, Указ. труд, стр. 12.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 16.

⁴ А. Дараган, Военно-статистическое обозрение Российской империи, Бессарабская область, т. XI, ч. III, СПб, 1848.

России и Бессарабии. Среди них трехтомная «История новой Сечи»¹, «Болгарские колонии в России»² и «Опыт статистического описания Новороссийского края»³. Последняя работа представляет интерес и для нашей темы, так как в ней собран большой фактический материал, характеризующий состояние народного хозяйства Новороссии и Бессарабии до середины XIX в.

Скальковский дает в основном эмпирическое описание состояния и развития всех отраслей сельского хозяйства, вместе с тем он старается показать их прогресс в зависимости от всемерного развития и укрепления торговых связей с внутренним общерусским и внешним рынком. В своей работе он уделяет особое внимание освещению состояния «образцовых помещичьих хозяйств» и развития хозяйств болгарских колонистов, производящих в большом количестве хлеб, виноград, овощи, не только для собственного потребления, но и для продажи. В этом он видел путь выхода для помещиков из нараставшего кризиса помещичьего землевладения.

Скальковский не мог, да и не пытался, установить причинную связь между новыми явлениями в экономике сельского хозяйства. Из груды собранного им фактического материала он не делает, да и не мог делать в середине XIX в., необходимого теоретического вывода о том, что развивающиеся в недрах феодального строя капиталистические элементы всемерно разлагают устой крепостной системы.

Будучи выразителем интересов дворянства, Скальковский одобрял так называемый «Нормальный контракт 1846 г.», введенный в Бессарабии по требованию помещиков и ставивший своей целью ограничение перехода царан на другие земли с тем, чтобы обеспечить помещиков (особенно в страдную пору) необходимым количеством рабочих рук.

Одобряя введение «Нормального контракта», Скальковский писал: «Для пользы владельцев и самих царан должно пожелать, чтобы они, подобно нашим государственным поселянам, оставались на постоянном жительстве»⁴.

В своих произведениях Скальковский, хотя порою и отмечает тяжелое положение крестьян, нигде не высказывается в пользу проведения крестьянской реформы.

Ярым защитником колониальной политики царизма в Бессарабии был молдавский боярин, историк-молдавовед А. Накко, профессор Новороссийского университета. В своих работах он обходит вопрос о тяжелом положении народных масс

¹ А. Скальковский, История новой Сечи, Одесса, 1864.

² А. Скальковский, Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, Одесса, 1848.

³ А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I и II, Одесса, 1850—1853.

⁴ А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I, Одесса, 1850, стр. 340.

края, стремясь доказать, что благосостояние господствующих классов Бессарабии, создававшееся на базе эксплуатации трудящихся, является общим для всего народа. Свои положения А. Накко пытается подтвердить фактами из области развития хозяйства и культуры края в целом, не останавливаясь на конкретном исследовании положения непосредственных производителей. «Пустынные степи, — пишет А. Накко, — обращены в плодородные нивы; наше юношество воспитывается в многочисленных школах края... Братство в религии, равенство перед законом...»¹ и т. д. и т. п. А. Накко, естественно, умалчивает, что всеми благами — богатством природы, образованием и наукой и полной защитой своих интересов царским законодательством — пользовались господствовавшие классы — молдавские помещики и купцы; положение же трудящихся, хотя несколько и улучшилось по сравнению с периодом кровавого турецкого владычества, тем не менее оставалось тяжелым.

Не приходится искать правдивого освещения положения этого края и в работе П. Н. Батюшкова². Его описание Бессарабии явно тенденциозно и проникнуто клерикальным духом. Излишне добавить, что он скрывает факты классовой борьбы в бессарабской деревне, а случаи бегства крестьян с помещичьих вотчин пытается объяснить отсутствием «правильного надзора за действием лиц, которым первоначально вверено было охранение народного благосостояния в области», недостатками «в системе законодательства»³, предоставлявшего возможность притеснять крестьян. Но, по Батюшкову, это происходило лишь в первые годы после присоединения Бессарабии к России, а впоследствии, после установления «правопорядка», наступило полное классовое «согласие».

Следует подчеркнуть, что главной целью его книги является идеологическое обоснование политики руссификации.

С точки зрения богатства собранного фактического материала по Бессарабии наибольший интерес представляет работа офицера генерального штаба А. И. Зашука — «Бессарабская область»⁴. В этой работе автор описывает историю, этнографию и народное хозяйство Бессарабии дореформенного периода. При этом надо подчеркнуть, что отдельные факты и данные, приводимые А. Зашуком, неточны, что отметил еще в свое время Н. К. Могилянский⁵. Поэтому приходилось факты,

¹ А. Накко, История Бессарабии с древнейших времен, т. I, Одесса, 1875—1876, стр. 5—6.

² П. Н. Батюшков, Бессарабия, Историческое описание, СПб, 1892.

³ Там же, стр. 150.

⁴ А. И. Зашук, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, ч. I и II, СПб, 1862.

⁵ Н. К. Могилянский, Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, Кишинев, 1916, стр. 10.

приведенные Защуком, сопоставлять (там, где это было возможно) с архивными материалами и другими источниками.

Выполняя задания военного министерства, А. Зашук исследовал край, главным образом, с целью возможно более точного выявления природно-географических условий, экономических возможностей, людских ресурсов и отношения населения Бессарабии к царским порядкам. Это было необходимо генеральному штабу, прежде всего, по военно-стратегическим соображениям, ибо во всех русско-турецких войнах XIX в. Бессарабия, как пограничная область, была прифронтовой полосой, ближайшим тылом и местом сосредоточения русской армии.

Автор, однако, не мог выполнить свою основную задачу, не затрагивая проблемы социально-экономического порядка: землевладение и землепользование помещиков и крестьян, налоговую систему, правовое и экономическое положение различных категорий крестьян и другие вопросы, характеризовавшие классовые взаимоотношения в крае накануне проведения крестьянской реформы. При освещении этих вопросов обнаруживаются либерально-буржуазные взгляды автора. Хотя Зашук не делает соответствующих выводов, но приведенный им специально подобранный большой фактический материал свидетельствует об обострении кризиса крепостной системы и усилении классовой борьбы в деревне.

При изложении вопроса о землевладении и землепользовании в Бессарабии накануне реформы Зашук показывает разительные контрасты в жизни бессарабского общества: помещики и духовенство, составлявшие не более 2,30% общей численности населения¹, имели в своем владении 82% всей земли², тогда как основная категория крестьян — царане (считавшиеся в соответствии с русским законодательством свободным сельским сословием), составлявшие более 60% общего количества населения области³, вообще были лишены земли и, будучи вынуждены жить и работать на помещичьих землях, обязаны были нести тяжелые феодальные повинности, что, по существу, сводило их так называемую «свободу» лишь к формальной букве закона.

Зашук, характеризуя тяжелое положение основной массы царан и резешей, их экономическую нужду, культурную отсталость, бесправие, объясняет все это существовавшей кабальной системой эксплуатации их помещиками и сельскими богачами. «Нельзя умолчать о том, — пишет Зашук, — что быт царанина весьма незавидный..., не имея ни собственной земли, ни собственной усадьбы, царанин никогда не выходит из-под влия-

¹ А. З а щ у к, Указ. труд, стр. 189.

² Там, же, стр. 30.

³ Там же, стр. 189.

ния помещика...»¹ Зашук указывает, что царанин юридически свободен, а фактически чрезвычайно закабален и зависим от помещика. «Свободный по закону крестьянин,— пишет он, — оказывается совсем не таким в действительности и часто совершенно подчинен владельцу»².

Это несоответствие положения царанина с предоставленными ему правами, как указывает Зашук, приводит его к полному разорению.

Характерным является описание Зашуком процесса закабаления и разорения помещиками крестьян-резешей. Помещики, указывал он, часто приобретают земли, лежащие между лугами, пастбищами и запашками резешей и обсевают их так, чтобы крестьянский скот не мог пройти мимо, не причинив вреда помещичьим посевам. Такое положение часто приводило к потере резешами не только скота, но и их земли.

Зашук видит выход из создавшегося тяжелого положения царан в проведении крестьянской реформы в Бессарабии: «Надел царан землею в их собственность составляет существенную важность улучшения их быта»³, — писал он.

Будучи выразителем интересов подымавшихся буржуазных элементов, Зашук видит причину кризисного положения и застоя в сельском хозяйстве Бессарабии в отсутствии «свободного труда» и частной инициативы: «Здесь нужен сильный рычаг личного интереса, чтобы подвинуть дремлющие силы деятельности»⁴, — отмечает автор.

Характерным для Зашука является в основном объективистский подход, стремление дать внешнее описание исторических фактов и явлений, без попытки их глубокого осмысливания, без должного теоретического вывода и обобщения. Тем не менее приведенный им большой фактический материал является яркой иллюстрацией усиления разложения феодально-крепостнических и складывания капиталистических отношений, что, как известно, привело к кризису крепостной системы и заставило царское правительство стать на путь крестьянской реформы. Следует, однако, указать, что, отмечая тяжелое положение крестьян, Зашук вместе с тем обходит вопрос обострения классовой борьбы в деревне, хотя 1858—1859 гг. были годами наиболее мощного крестьянского движения в Бессарабии в дореформенный период.

В последней четверти XIX в. и в начале XX в. положение крестьянства в Бессарабии нашло отражение и в литературе народнического направления. Из числа такого рода работ при-

¹ А. З а ш у к, Указ. труд, стр. 225.

² Там же, стр. 454.

³ Там же, стр. 225—226.

⁴ Там же.

влекают к себе внимание две статьи Д. Д. Суручана, напечатанные им в 1888 г. в «Новороссийском телеграфе»¹. В этих работах автор описывает бедственное положение бессарабских царан, их зависимость от помещиков, малоземелье и, как результат всего этого, стремление царан к переселению.

Рассматривая, так же как и другие историки этого направления, бессарабских царан как сплошную однородную массу, автор видит причину их бедственного положения, их обезземеливания и разорения в ошибках законодательства, в том, что «Нормальный контракт 1846 г.», и особенно «Положение 14 июля 1868 г.», введенные в Бессарабии, не предусматривали укрепления общинных форм владения землей; наоборот, «необдуманные статьи этих законов», как писал он, допускали возможность разрушения общины, предоставив царанам наделы земли в подворное владение с правом отчуждения их в пользу своих односельчан.

Наделение бессарабских царан землей, указывает Д. Суручан, и узаконение того, что крестьянский надел должен быть неприкосновенной общинной землей, остающейся в постоянном пользовании сельского общества, должны считаться самым главным основанием рассматриваемой реформы 1868 г. К сожалению, отмечает он далее, при рассмотрении условий владения и пользования наделными угодьями «Положением 1868 г.» допускаются серьезные ошибки, которые порождают массу несправедливостей в царанском быту. Одной из этих ошибок он считает тот факт, что все-таки была допущена возможность отчуждения наделных участков.

Будучи ярым защитником общинного землевладения, которое якобы единственно могло создать условия «вечного обеспечения крестьян землей»², Д. Д. Суручан считал необходимым пересмотр «Положения 14 июля 1868 г.» и изменение ст. 36, предусматривавшей наделение царан землей в подворное пользование. Он требует также пересмотра ст. 40 того же «Положения», допускавшей переход земельных участков из рук одних царан в руки других лишь в пределах одного сельского общества. Ограничение перехода земельных участков пределами одного общества, как справедливо указывает он, вовсе не спасает крестьян от обезземеливания. Как пример этого он указывает на резешей Бессарабии, у которых принцип, допускающий переход участков земли только совладельцам данного поселения, практиковался издревле. Однако это основное по-

¹ Д. Д. Суручан, По поводу двадцатилетия реформы 14 июля 1868 г. в Бессарабии, «Новороссийский телеграф», 1888, № 4130; К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии, «Новороссийский телеграф», 1888, № 4009.

² Д. Д. Суручан, К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии, «Новороссийский телеграф», 1888, № 4009.

ложение местных законов обычного резешского права, как пишет Суручан, «самым разрушительным образом влияло на поземельный быт этих хлебопашцев»¹. Отсутствие законодательной гарантии для общей родовой формы землевладения (т. е. общины), еще раз повторяет он, составляет одну из самых главных причин бедственного положения крестьян-резешей. Несмотря на отдельные правильные замечания по поводу бедственного положения крестьян, Суручан не видел и не понимал основной причины разрушения общины — развития капиталистических отношений в деревне.

Под влиянием народнических идей находился также Н. Быховский, напечатавший в 1896 г. работу «Экономический кризис в Бессарабии»². В этой работе автор подробно описывает плачевное состояние сельского хозяйства Бессарабии и бедственное положение бессарабских крестьян; он указывает, что, если еще в 50-х годах XIX в. Бессарабия считалась богатейшей и цветущей окраиной России, то ныне (через 40 лет) она находится в бедственном положении, переживает продолжительный экономический кризис. Главную причину экономического кризиса автор видит в остром малоземельи и безземельи крестьян. Однако причин экспроприации и разорения основной массы крестьян Бессарабии автор не сумел вскрыть. Освещая тяжелое положение крестьян, Быховский рассматривает крестьян как однородную массу, не замечая того, что деревня еще накануне реформы начала расслаиваться: одна часть крестьян разорялась, а другая обогащалась и впоследствии превращалась в сельскую буржуазию.

В работах упомянутых авторов отражено кризисное состояние сельского хозяйства Бессарабии в пореформенный период. Однако они не видели, что главные причины этого кризиса состояли в сосредоточении большей и лучшей части земли в руках помещиков и в хищническом ее использовании. В результате этого бывшая «пустынная страна», привлекавшая вплоть до 40-х гг. переселенцев не только из внутренних губерний России, но и из-за границы, стала «малоземельной», и из-за этого малоземелья и частых голодовок ее население стремилось к переселению на Кавказ, в Сибирь и в другие места.

На этих же позициях стояли также Б. Кричный³, В. Яновский⁴ и ряд других авторов.

При рассмотрении вопроса о правовом положении крестьян-резешей нельзя пройти мимо работ буржуазного исследо-

¹ Д. Д. Суручан, К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии, «Новороссийский телеграф», 1888, № 4009.

² Журнал «Русская мысль», М., 1897, № 11.

³ Б. Кричный, Бессарабская неурядица, «Новое слово», кн. 3, декабрь, 1896.

⁴ В. Яновский, Хозяйственно-экономические сведения о царнах Костештской, Меренской и Яловенской волостей, Кишиневского уезда, Кишинев, 1904.

вателя юриста М. Ф. Шимановского (1854—1903) — автора многочисленных трудов по русскому гражданскому праву (семейное право) и специалиста по местному бессарабскому праву¹.

Работы Шимановского носят узко юридический характер без привлечения фактического исторического материала.

Тяжелое положение, фактическое разорение значительной части резешей Шимановский объясняет ошибками более позднего законодательства, отходом от давно сложившегося резешского права. Процесс распада резешской общины и расслоения крестьян-резешей накануне и особенно после крестьянской реформы не рассматривается Шимановским как результат развития капиталистических отношений в резешской деревне.

Чтобы оправдать захват и сосредоточение земель в руках богатых элементов, он пытается обосновать исчезновение родовых наследственных прав резешей².

Рассматривая вопрос о резешах внеисторически, Шимановский утверждает, что владение резешей не общинное, так как каждый резеш является собственником своего участка. В действительности же в первой половине XIX в., по данным Д. П. Семенова, из 155 резешских селений — 67 селений владели землей на основе общинного права. Это были резеши — «пармаки», составлявшие 20 930 резешских душ, или около 31% общего количества резешей³. Остальные же владели землей на правах подворной собственности.

Работа Шимановского представляет некоторый интерес с точки зрения сбора и систематизации значительного архивного материала по вопросу о резешском праве.

В связи с тем, что специальных исследований по истории крестьян Бессарабии в дореволюционной литературе не имеется, для выяснения отдельных вопросов приходилось использовать также и работы общерусского характера, в которых в какой-то мере затрагиваются и проблемы, относящиеся к данному исследованию.

Из общерусских исторических работ, затрагивающих историю крестьян Молдавии, следует упомянуть, прежде всего, труды буржуазных экономистов и историков Ю. Янсона, А. П. Заблоцкого-Десятовского, И. И. Иванюкова, Г. А. Джан-

¹ М. Ф. Шимановский, О местных законах Бессарабии, вып. 2, Одесса, 1887—1888; Указатель судебных решений по вопросам местного бессарабского права, Одесса, 1887; О резешах и резешском владении, Одесса, 1898; О резешах (по документам архива б. Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора), Одесса, 1899.

² М. Ф. Шимановский, О резешах и резешском владении, Одесса, 1898, стр. 102.

³ Д. П. Семенов, Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России (в таблицах), СПб, 1904, стр. 12—13.

шиева, А. А. Корнилова и др., а также работы народнического направления — В. И. Семевского, В. В. Постникова и др.

Особое место в историографии аграрного вопроса в России занимает народническая литература. Эта литература представлена, главным образом, народниками 80—90-х гг., которые отошли от революционных традиций народничества 70-х гг. и выступали по существу как защитники классовых интересов кулачества. Не разбираясь в законах экономического и политического развития общества, они, вопреки исторической действительности, утверждали, что капитализм в России не развивается и не будет развиваться, и всячески превозносили крестьянскую общину, что соответствовало основным ошибочным принципам их теории. В. И. Ленин писал, что «...народники всех оттенков, начиная от г-на В. В. и кончая г-ном Михайловским, принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины»¹.

Историки, близко стоявшие к народническому лагерю и отражавшие народнические взгляды в исторической литературе — В. И. Семевский, В. В. Постников, И. И. Игнатович и другие, — большое внимание в своих работах уделяли рассмотрению вопросов о крестьянском законодательстве и о бедственном положении крестьян, но совершенно не ставили вопроса о разложении крепостнической системы, о развитии капиталистических отношений, о расслоении крепостной деревни.

В. И. Семевский в своих работах дает подробное описание жизни, быта, занятий и повинностей крестьян, а также царского законодательства по крестьянскому вопросу, однако он не был в состоянии объяснить те глубокие изменения, которые происходили в помещичьем и крестьянском хозяйстве в период разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений.

В отличие от либералов он, как и другие историки, близко стоявшие к народникам, придавал известное значение борьбе крестьян в ускорении проведения реформы. По его словам «если бы они (крестьяне — Я. Г.) не выражали протеста против крепостного права и пассивно, и активно..., то крепостное право могло бы, пожалуй, просуществовать и доле 1861 г.»².

Изучение народниками общинного характера землевладения дало обширный фактический материал, многочисленные статистические данные, которые, вопреки их теоретическим установкам, подтверждали развитие капиталистических отношений.

Интересные фактические данные, касающиеся, главным образом, экономики края, приводит буржуазный статистик и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 475.

² В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв., т. II, СПб, 1888, стр. 571.

экономист Ю. Янсон¹. В них он вскользь касается и положения крестьян Бессарабии накануне реформы и в пореформенный период. В последней работе он критикует крестьянскую реформу, доказывая, что в результате ее проведения положение крестьян не улучшилось, а ухудшилось. Причину этого он усматривает в половинчатом характере крестьянской реформы, препятствовавшем развитию капиталистических отношений.

В числе средств для улучшения быта крестьян он, в духе буржуазных экономистов, указывает на необходимость допущения «переоброчки», которая привела бы отработочные платежи в соответствие со средствами крестьян и с теми хозяйственными отношениями, которые сложились после реформы, свободы переселений и направления их «согласно с потребностями народа и видами государства», пересмотра выкупных платежей, преобразования податной системы и др.

Известный интерес представляет его исследование о хлебной торговле в Одесском районе. В названной работе Янсон рассматривает вопрос о производстве и продаже хлеба помещиками и крестьянами Бессарабии на внутреннем и внешнем рынках, об условиях закупки и доставки этого хлеба, о деятельности торговых кампаний и т. д. Однако автор (что свойственно многим буржуазным исследователям) не делает должных выводов и обобщений из этого материала, не устанавливает причинную связь между экономическими процессами, не вскрывает, например, причины расширения внутреннего рынка и роста вывоза хлеба, не желает видеть, что увеличение производства хлеба на продажу сопровождается усилением эксплуатации крестьян.

Исследование Янсона о хлебной торговле носит, таким образом, в основном описательный характер; рост хлебной торговли он рассматривает вне связи с развитием капиталистического производства.

Следует отметить, что он, хотя и кратко, освещает и положение крестьян Бессарабии накануне и в первые годы после реформы.

Характеризуя тяжелое положение царан и резешей Бессарабии, которые были доведены помещичьей эксплуатацией и кулацко-купеческой кабалой до крайнего разорения, Янсон пытается объяснить причины разорения, главным образом, системой сбыта их продуктов евреям.

Приводя ряд фактов, свидетельствующих о разорении бесарабских крестьян еврейскими арендаторами и скупщиками, Янсон делает антисемитский вывод, призывающий по сущест-

¹ Ю. Янсон, Исследование о хлебной торговле в Одесском районе, СПб, 1870; Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, СПб, 1877.

ву к организации погромов¹. Пытаясь несколько смягчить свои антисемитские выводы, он указывает, что «в таких фактах конечно виновата не одна алчность евреев, но неразвитость хозяйственная и умственная в самом населении и помещичий режим»².

Причины крестьянских волнений буржуазные историки пытались объяснить в духе официальных самодержавных указов: «подстрекательством неблагонамеренных лиц», «противозаконными внушениями», «ложными слухами», «буйством крестьян» и т. д. Борцов против социального и национального гнета, руководителей крестьянских выступлений, особенно народных мстителей — гайдуков, как и вообще всех крестьян, боровшихся против помещичьего и царского гнета, эти историки презрительно именовали «разбойниками»³.

А. И. Яцимирский⁴, собравший в своей работе обширный и интересный фактический материал о гайдуках, как и многие другие буржуазные авторы, изображает молдавский народ пассивным, чуждым всякой мысли об активном сопротивлении гнету и эксплуатации. Он, как и другие русские буржуазные молдавоеды, называет гайдуков — храбрых народных мстителей — разбойниками.

Вместе с тем следует отметить, что Яцимирский правдиво показывает любовь народа к гайдукам, нашедшую свое воплощение в многочисленных народных песнях, балладах, сказаниях. Тем самым он вступает в противоречие со своим утверждением, что гайдуки это разбойники.

Некоторые факты по истории крестьян Бессарабии приводятся в работах русских буржуазных историков и экономистов В. П. Семенова-Тяньшанского⁵, А. Э. Штанге⁶, Л. Кассо⁷ и др.

Характерным для буржуазных историков, писавших в период после революции 1905—1907 гг., более четко определившей размежевание классовых сил, является усилившееся стремление обходить и замалчивать, а иной раз и подтасовы-

¹ Ю. Я н с о н, Исследование о хлебной торговле в Одесском районе, СПб., 1870, стр. 216.

² Там же.

³ А. З а щ у к, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, Бессарабская область, СПб., 1862; К. Е р м о л и н с к и й, Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, М., 1886; Д. Д. Су р у ч а н, К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии, «Новороссийский телеграф», 1888, № 4009.

⁴ А. И. Я ц и м и р с к и й, Разбойники Бессарабии в рассказах о них, «Этнографическое обозрение», СПб., 1896, № 1.

⁵ В. П. Се м е н о в - Т я н ь ш а н с к и й, Россия, т. XVI, Новороссия и Крым, СПб., 1910.

⁶ А. Э. Ш т а н г е, Историческая записка о крестьянской реформе в Бессарабской губернии, Кишинев, 1911.

⁷ Л. К а с с о, Россия на Дунае и образование Бессарабской области, М., 1913.

вать исторические факты и события, свидетельствовавшие об обострении классовой борьбы в деревне.

Из русских буржуазных исследователей, вскользь затрагивающих вопрос о положении крестьян Бессарабии (особенно государственных крестьян), следует упомянуть работу А. П. Заблоцкого-Десятовского¹. Эта работа проникнута либеральной тенденцией. «Заблоцкий, — как справедливо отметил Н. М. Дружинин, — принадлежал к... умеренно-буржуазному течению: он чувствовал себя представителем той группы либеральных бюрократов николаевского царствования, которые не мечтали о перестройке общества на новых началах...»², но стояли за постепенное усовершенствование государственного аппарата. «Книга Заблоцкого занимает промежуточное положение между эмпирической сводкой отобранных исторических фактов и публицистическим восхвалением идеального государственно-го деятеля»³.

Заблоцкий-Десятовский смешивает государственных крестьян с бессарабскими царанами и считает последних освободившимися «из владельческой зависимости»⁴. В действительности царане — основная категория феодально-зависимых крестьян Бессарабии — не являлись государственными крестьянами. Государственные крестьяне получали земельный надел от государства и за это платили установленный оброк, т. е. являлись феодально-зависимыми от самого государства, а царане пользовались земельным наделом частных владельцев и находились в феодальной зависимости от них. Заблоцкий же смешивал их в одну массу, обнаружив незнание классового состава бессарабской деревни.

С. А. Князьков, в статье «Граф П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян»⁵, подробно останавливаясь на положении государственных крестьян накануне и после реформы Киселева, указал на ее связь с предшествующими мероприятиями и отчасти с последующей реформой 1861 г. Но положение государственных крестьян было описано им лишь в общих чертах, вместе с тем автор не сумел раскрыть классовую сущность реформы Киселева.

Князьков повторяет в своей статье неверное утверждение Заблоцкого-Десятовского о том, что бессарабские царане являлись государственными крестьянами⁶. Правильно указывая, что с вхождением в состав России в Бессарабии образовалась категория государственных крестьян, и часть царан, бе-

¹ А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, СПб., 1882.

² Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М.—Л., 1946, стр. 7.

³ Там же, стр. 8.

⁴ А. П. Заблоцкий-Десятовский, Указ. труд, т. II, стр. 27—28.

⁵ С. А. Князьков, кн. Великая реформа, т. II, М., 1911.

⁶ Там же, стр. 210.

жавшая от своих владельцев на казенные земли, составила одну из групп вновь образованной категории государственных крестьян, он, вместе с тем, относит к государственным крестьянам всех царан, составлявших основную массу сельского населения Бессарабии, фактически феодально-зависимого от частных землевладельцев — помещиков и бояр.

Также ошибочно мнение Князькова, что царане до реформы были свободным сельским сословием. Такая точка зрения не соответствует исторической действительности. Царане, хотя и считались формально свободными, но фактически были феодально зависимы от помещиков.

Неправильное мнение о царанах Бессарабии, выдвинутое Заблоцким-Десятовским и Князьковым, разделял и академик Ю. Готье в своей работе о государственных крестьянах России первой половины XIX в.¹

Вышеуказанные буржуазные историки подходили к изучению положения государственных крестьян с узко-классовых позиций. Они изображали государственных крестьян как сплошную зажиточную массу, как свободных крестьян.

Такой взгляд на состояние государственных крестьян в Бессарабии, как и России в целом, не соответствует действительности. Государственные крестьяне, хотя и находились в несколько лучшем положении по сравнению с другими категориями крестьян, также испытывали тяжелый феодальный гнет.

Единственное дореволюционное исследование, в котором рассматривается непосредственно крестьянский вопрос в Бессарабии, — это небольшая по объему (36 стр.) глава «Бессарабские поселяне», в работе академика П. И. Лященко², напечатанной им впервые в 1913 г., а затем переизданной без существенных изменений в 1923 г.

Работа написана, главным образом, на основе архивных документов, содержит богатый фактический материал и представляет большой научный интерес. Однако автор вслед за указанными буржуазными историками определяет царан как «свободное земледельческое местное сословие»³. П. И. Лященко отводит большое место в своей работе различным помещичьим проектам крестьянской реформы, борьбе помещичьих группировок вокруг реформы, но почти совсем не освещает классовую борьбу в деревне, борьбу крестьян против всего

¹ Ю. В. Готье, Государственные крестьяне при Николае I и реформа Киселева, «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, Сергеев Писад, 1914.

² П. И. Лященко, Очерки аграрной эволюции России, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, т. II, глава VI, Бессарабские поселяне, СПб, 1913.

³ Там же, стр. 262.

помещичьего класса в целом, за землю и волю. К работам академика П. И. Лященко мы еще возвратимся при рассмотрении литературы, вышедшей в советское время.

Таким образом, в русской дворянско-буржуазной исторической литературе по существу нет монографических исследований, посвященных изучению истории крестьян Бессарабии в период разложения феодально-крепостнических и формирования капиталистических отношений. Рассмотренные выше общие работы исторического, этнографического, статистико-экономического характера, хотя и содержат некоторый фактический материал по истории крестьян Бессарабии, порочны в своей методологической основе. Авторы этих работ, будучи выразителями интересов господствующих классов — дворян и буржуазии, — не хотели, да и не могли освещать объективно положение крестьян, их борьбу против феодально-крепостнического гнета. Они старались скрыть чудовищную эксплуатацию крестьян и затушевывать классовую борьбу в деревне.

Буржуазная историография не могла показать и объяснить те изменения, которые совершались в помещичьем и крестьянском хозяйстве, изменения, приведшие к разложению и кризису крепостнической системы и к неизбежности, буржуазной по своему содержанию, крестьянской реформы 1861 г. Буржуазные историки (И. И. Иванюков, Г. А. Джаншиев, А. А. Корнилов и др.), не уяснив себе хода экономического развития дореформенной феодально-крепостнической России, естественно, не могли понять и подлинных причин реформы 1861 г. В своих работах они изображают реформу как акт Александра II и «передовой» части общества, которые якобы из гуманистических побуждений освободили крестьян от крепостной зависимости.

Большую роль сыграло, по их мнению, влияние западно-европейских либеральных идей. «Исследование истории распространения в России западно-европейских идей, — писал И. Иванюков, — есть в то же время исследование причин падения крепостного права и способа отмены его»¹. Другой буржуазный историк Г. А. Джаншиев считает, что реформа была доведена до «благополучного конца», потому что «правительство шло рука об руку с меньшею, лучшею частью дворянства, а главное, было солидарно с либерально-настроенным общественным мнением и его выразительницею, прогрессивною печатью, горячо защищавшею интересы народа»².

Джаншиев пытался представить государство как некую надклассовую силу, отражавшую интересы народа. С эклектических позиций объяснял условия реформы А. Корнилов. К. при-

¹ И. И. Иванюков, Падение крепостного права в России, изд. 2, СПб, 1903, стр. 6.

² Г. А. Джаншиев, Эпоха великих реформ, изд. 8, М., 1900, стр. 21.

чинам реформы он относил ряд факторов: идейные аргументы «либералистов» конца XVIII и начала XIX в., невыгодность крепостного хозяйства для помещиков и рост крестьянских волнений¹.

Буржуазные историки игнорировали классовую борьбу в деревне, сосредоточивали все свое внимание на борьбе внутри помещичьего лагеря, между крепостниками и либералами, которую они всячески раздували. Рассматривая либералов как выразителей интересов крестьян, эти историки утверждали, что деревня в годы подготовки реформы якобы спокойно ждала решения своей участи сверху.

Находясь под влиянием либеральной концепции, М. Н. Покровский неправильно трактовал историческое и экономическое значение крестьянской реформы. В. И. Ленин отмечал, что реформа была шагом «по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию», добавляя при этом, что «это верю не только с экономической, но и с политической точки зрения»². Покровский же видел в реформе лишь «один из эпизодов...» буржуазной «политики русского самодержавия»³. В противоположность В. И. Ленину Покровский считал, что наделение крестьян землей ставило «преграды развитию денежного хозяйства в деревне». Он не видел основного — буржуазного содержания реформы, не замечал того, что реформа, создав условия быстрого развития рыночных отношений, чрезвычайно ускорила процесс разорения крестьянства.

Покровский неправильно оценивал также значение крестьянского движения накануне реформы. Он видел значение крестьянского движения лишь в том, что оно заставило правительство поторопиться с реформой, но не видел и не понимал объективного его содержания, что это была революционная борьба крестьян за так называемый «американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Характерной особенностью для всех работ буржуазных историков является детальное внешнее описание исторических явлений, нагромождение многочисленных фактов и отсутствие, вместе с тем, какого-либо глубокого теоретического анализа и обобщения исторического материала, раскрытия исторических закономерностей развития общества.

Такой метод изложения свойственен буржуазной историографии, которая в особенности в эпоху империализма стремится отвлечь внимание масс от внутренних закономерностей исторического процесса, скрыть обострение классовой борьбы и неизбежность крушения капитализма.

¹ А. Корнилов, Крестьянская реформа, СПб, 1906, стр. 10—12.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 88.

³ Долгов (псевдоним М. Н. Покровского — Я. Г.), Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., Париж, 1911, стр. 2.

В условиях обостряющейся классовой борьбы пролетариата, как указывает В. И. Ленин, «Буржуазия «хочет» обкарнать классовую борьбу, извратить и сузить ее понятие, *притупить* ее острие. Пролетариат «хочет», чтобы этот обман был разоблачен»¹.

* * *

Вопрос о положении крестьян в дореформенный период нашел некоторое отражение и в молдавской и румынской исторической литературе.

В молдавских летописях XVII в., а также в трудах Димитрия Кантемира (1673—1727), Михаила Кантакузино (1723—1787), Дмитрия Филиппиди (конец XVIII — начало XIX в.) и других историков того времени, почти не затрагивался вопрос о положении крестьян. Хотя указанные авторы XVIII и начала XIX в., в отличие от летописцев XVII в., не ограничивались простым изложением фактов, а проводили определенную идею — единства румынского народа (жившего тогда на территории трех государств), тем не менее и они представляли историю как историю господарей, а не как историю народных масс.

Буржуазно-националистические историографы так называемой «Латинской школы»² почти не затронули вопроса о положении крестьян и их борьбе против феодально-крепостнического гнета.

В румынской и молдавской исторической литературе этот вопрос по существу впервые был поставлен в работах революционера-демократа Николая Бэлческу (1819—1852) и буржуазного историка и политического деятеля М. Когыльничану (1817—1897).

Н. Бэлческу написал целый ряд работ по истории, среди которых следует упомянуть: «Историю Румынии при Михаиле Храбром»³ (опубликована посмертно), «Экономический вопрос Дунайских княжеств», 1850 г.⁴ «Ратная сила и военное искус-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 98.

² «Латинская школа» румынских историков возникла в конце XVIII в. в Трансильвании. Поэтому ее называют также и «Трансильванской школой». Представители этой школы (Самуил Мику-Клайн, Георгий Шинкай и др.) развивали мысль Димитрия Кантемира о латинском происхождении румын, обосновывая ее при помощи лингвистических и исторических исследований. Возникнув как ответная реакция трансильванских румын на социальный гнет Габсбургов, эта «теория» вскоре стала знаменем националистических и шовинистических элементов, отрицавших роль славянского элемента в развитии румынской и молдавской культуры.

³ N. Bălcescu, Istoria Romînilor sub Mihai-Vodă Viteazul, Buc., 1853.

⁴ N. Bălcescu, La question économique des principautés Danubiennes, Buc., 1850.

ство с основания Валашского княжества до наших дней»¹. Н. Бэлческу впервые в румынской исторической литературе выдвинул вопрос о роли народных масс в истории. Однако следует указать, что он все же основную роль в истории отводит отдельным выдающимся личностям.

В 1846 году Н. Бэлческу опубликовал в «Историческом вестнике для Дакии» статью «Социальное положение землевладельцев в Дунайских княжествах в разные времена»². Эта статья написана с позиций защиты интересов крепостных крестьян против боярства. В ней Бэлческу поднял свой голос протеста против крепостничества, требовал освобождения крестьян и наделения их землей. Описывая борьбу крестьян против феодально-крепостнического гнета, он считал, что конец страданиям крестьян может быть положен их освобождением при помощи крестьянской реформы. Хотя положения, выдвигаемые Н. Бэлческу, были прогрессивными для своего времени, в них нашла отражение ограниченность его взглядов по крестьянскому вопросу.

Цель Н. Бэлческу при написании этой работы заключалась, по его словам, в том, чтобы исторически оправдать борьбу крестьян против феодально-крепостнического гнета, за свободу и наделение их землей в собственность.

В этой работе Н. Бэлческу впервые в румынской исторической литературе употребил слово «феодализм». В отличие от всех буржуазных румынских историков Н. Бэлческу показал, что феодальная система сложилась исторически, на протяжении веков, и что крепостничество являлось следствием сложившейся барщинной системы. Однако и Н. Бэлческу не имел еще ясного представления о феодализме как о социально-экономической формации.

По Бэлческу, еще в начале XIV в., со времен княжения господаря Михаила I Бассараба, бояре, захватившие крестьянские земли, разделяли свои имения на три части: две они раздавали небольшими долями в пользование своим крестьянам, а третья обрабатывалась этими же крестьянами в пользу бояр посредством барщины (клаки, т. е. крестьяне отработывали в пользу бояр определенное количество дней). Бедные и безоружные земледельцы перед лицом воинственного землевладельца очень скоро оказались в положении полного подчинения. «Рано или поздно, — пишет Бэлческу, — но они (землевладельцы. — Я. Г.) отняли у них свободу сделали их рабами земли. Так случилось во всей Европе, так должно было случиться и у нас,

¹ N. Bălcescu, Puterea armată și arta militară dela întemeierea Principatului Valahiei pînă acum, Iași, 1844.

² N. Bălcescu, Despre starea socială a muncitorilor plugari în principatele Dunărene în deosebite timpuri, «Magazinul istoric pentru Dacia», v. 11, 1846; «Scrișul Romînesc», Craiova.

потому что крепостничество является непрямым следствием барщинной системы, оно всегда ее сопровождало, либо же следовало за ней»¹. В начале мало было этих угнетенных, большая часть крестьян были свободными собственниками земли, — резешами. Вскоре, однако, началось насильственное изгнание крестьян с их земель, число крестьян-собственников из дня в день уменьшалось, и земли их сосредоточивались в больших поместьях. В то же время создавалась земельная аристократия, которая строила свое благополучие на порабощении масс. Но это порабощение, указывает далее Бэлческу, не могло быть полным из-за частых волнений в стране, которые благоприятствовали крестьянам — позволяли им перемещаться из одной части страны в другую. Чтобы упредить порабощение крестьян боярами, господарь Михаил Храбрый «законодательным путем установил, что всякий крестьянин в любом имении, где он находится, там и должен оставаться «вечным румыном» (крепостным — Я. Г.)... С этого времени клакаши, превращенные в крепостных, не только попрежнему продавались вместе с землей, но и их имена и фамилии вносились в акт продажи, хотя и нельзя было продавать их отдельно от земли, как рабов-цыган»².

Далее Н. Бэлческу делает вывод: «Независимо от того, когда окончательно установилась феодальная система в Молдавии, мы знаем, что в то же время такие же обычаи сложились и там. Законы Василия Лупу в Молдавии и Матвея Бассараба в Валахии еще более закрепили этот обычай...»³.

В свете изложенного, нам представляется неверным утверждение Ф. А. Грекула о том, что Н. Бэлческу рассматривает феодализм как явление политическое, которое было введено двумя «принцами» — Михаилом Храбрым в Валахии и Василием Лупу в Молдавии»⁴. Наоборот, Н. Бэлческу, хотя не имел еще вполне ясного представления о феодализме как о социально-экономической формации, но правильно подчеркивал, что феодализм сложился на протяжении веков, задолго до законов Михаила Храброго и Василия Лупу, и указанные господа лишь юридически закрепили те обычаи (т. е. социально-экономические отношения), которые сложились в Молдавии и Валахии. Ф. А. Грекул неправильно толкует взгляды Н. Бэлческу по вопросу установления крепостничества в Валахии и Молдавии, приписывая ему мнение будто «крепостничество является результатом юридических актов двух господарей»⁵. На самом же деле Н. Бэлческу делает правильный вывод, что «кре-

¹ N. Bălcescu, *Op. cit.*, v. 11, «Scrișul Romînesc», Craiova, p. 121.

² *Idem.*, p. 124.

³ *Idem.*, p. 125.

⁴ Ф. А. Грекул, Указ. труд, стр. 24.

⁵ Там же.

постничество является неременным следствием барщинной системы». Барщина же сложилась в княжествах, как правильно подметил он, задолго до правления упомянутых господарей. Н. Бэлческу по данному вопросу вплотную подошел к утверждению К. Маркса о том, что «там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины. Так было в румынских провинциях»¹.

Однако эти правильные, прогрессивные суждения Н. Бэлческу не нашли дальнейшего развития в румынской буржуазной историографии, которая все более, особенно в эпоху империализма, принимала реакционный, националистический характер. В этот период социальные исследования отходят все больше на задний план. Даже немногие историки, занимавшиеся социально-экономическими вопросами (Р. Росетти, И. Филитти, Г. Ташка), отходят от правильных суждений Н. Бэлческу по вопросу об установлении феодально-крепостнических отношений в Молдавии и Валахии, сделав, таким образом, шаг назад по сравнению с ним. Эти историки рассматривали крепостничество как явление политическое, явившееся следствием законодательных актов господарей Михаила Храброго в Валахии и Василия Лупу в Молдавии. Причем Р. Росетти пишет: «Мы видим, что они (крестьяне. — Я. Г.) вначале были свободными... только во времена Михаила Храброго были опубликованы акты о закреплении, что и свидетельствует о том, что общество здесь ранее состояло только из людей свободных»².

Таким образом, Раду Росетти — один из румынских буржуазных исследователей крестьянского вопроса — также обращает внимание лишь на правовую сторону дела, на внешнюю сторону исторического явления, не принимая во внимание действительное исторически сложившееся положение вещей, возводя в абсолют «свободу» крестьян (имеется в виду свобода перемещения до ее официального упразднения).

Такого же мнения по этому вопросу придерживались и другие румынские буржуазные историки.

«До Михаила Храброго, — пишет Ташка, — крестьяне, сидящие на боярских землях, не отработывали барщину, а давали только десятину»³. Аналогичной точки зрения придерживаются Негулеску и Алексиану⁴.

Авторы — идеологи правящих кругов — изыскивали пути спасения боярского землевладения в условиях усиливавшейся

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1951, стр. 242.

² R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpînii în Moldova, v. 1., Buc., 1907, p. 257.

³ G. Tașca, Cum a evoluat olaca dela începutul înființării ei și pînă azi, Academia Română, mem., seria III, v. XIX, Buc., 1907, p. 2.

⁴ P. Negulescu, I. Alexianu, Regulamentele organice ale Valahiei și Moldovei, Buc., 1944, p. 264.

классовой борьбы крестьян. В этом отношении характерными являются труды Р. Росетти. Они основаны на изучении большого актового материала и сами могут служить систематизированным указателем к многочисленным румынским публикациям документов. На большом материале автор показывает бедственное положение крестьян и неизбежность крестьянских восстаний, если не будет изменено их положение. Самое страшное последствие восстаний, по его мнению, заключается в том, что крестьяне постепенно начинают сознавать свою силу, а осознав свою силу, они могут уничтожить полностью боярское землевладение. Будучи трезвым защитником интересов своего класса, он призывает бояр пойти на некоторые уступки, провести земельную реформу.

В своей книге «Почему восстали крестьяне» он, проанализировав причины восстания румынских крестьян в 1907 г., делает вывод: «Обязанностью класса господ является достижение того, чтобы путем своевременных уступок и, если возможно, уступок данных, а не вырванных, уничтожить причины, которые могут сделать опасным пробуждение крестьянства, зарождение у него уверенности в своих силах.

Одно несомненно: того, что было — больше быть не может, иначе рухнет государство»¹.

Этот призыв историка-боярина напоминает нам слова Александра II, сказанные им русским дворянам накануне реформы: «Лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они освободят себя снизу».

Наиболее крупными буржуазными историками Румынии, оказавшими большое влияние на развитие румынской буржуазной исторической науки, были А. Ксенопол и Н. Йорга. А. Ксенопол (1859—1917) является автором четырнадцатитомной «Истории Румынии от Траяновой Дакии»². В этой работе Ксенопол излагает главным образом политическую историю Румынии. Вместе с тем он уделяет известное внимание социально-экономическим вопросам, в том числе вопросу о положении крестьян и крестьянском движении. Рассматривая вопрос о развитии Румынии в эпоху феодализма, Ксенопол определял феодализм не как систему производственных отношений, сложившуюся на почве страны, а как политическую систему, привнесенную извне — из западноевропейских стран.

«Эта система, на основе которой господарь считался владельцем покоренной страны, — пишет Ксенопол, — и затем дарил часть территории своему окружению, была позаимствована венграми у западного феодализма и перешла затем к румынам, когда они отложились от венгерской монархии»³.

¹ R. Rosetti, Pentru ce s'au răsculat țărani, Buc. 1907, p. 626.

² A. Xenopol, Istoria Românilor din Dacia Traiană, Buc., 1896.

³ Idem, v XI, p. 148.

Появление первых элементов крепостнических отношений А. Ксенопол связывает с так называемой «descălecare» — основанием молдавского государства пришельцами из Мараму-реша, якобы поработившими свободное до того население Молдавии. «Он (институт вечинов. — Я. Г.), — пишет Ксенопол, — получил характер крепостничества..., когда пришедший из-за гор элемент установил угнетение государства на внешних склонах Карпат и на равнинах, простиравшихся у их подножья..., так что происхождение униженного положения части румынского крестьянства относится к дескэлекату»¹.

Более того, чувствуя, что вопрос о закреплении тесно связан с дифференциацией общества на богатых землевладельцев (феодалов) и зависимых крестьян, Ксенопол остается и здесь верным своей концепции. И в этом вопросе он стоит на позиции пришлости на Молдавскую землю феодальной знати, закрепостившей крестьян. «...В результате самого факта нисхождения румын из Трансильвании жители Мунтении и Молдавии попали в зависимое положение от элемента, в значительной мере знатного, пришедшего из-за гор»².

Из положений Ксенопола следует ошибочный вывод, что феодально-крепостнический строй вместе с крепостниками, импортирован в Молдавию с Запада.

Факт зарождения феодализма на собственной молдавской почве доказан классиками марксизма-ленинизма. Это подтверждено также специальными исследованиями советских молдавских историков (Н. А. Мохов, В. М. Сенкевич, Ф. А. Грекул).

Тяжелое положение крестьян Молдавии и Валахии в эпоху развитого феодализма Ксенопол объясняет установившимися в этих княжествах жестокими порядками турецко-фанариотского режима. На основе колоссального фактического материала он показывает в своем труде национальный гнет, эксплуатацию крестьян княжеств турками и их ставленниками — фанариотами, но затушевывает факт эксплуатации крестьян местными боярами, соучастниками фанариотов в чудовищном ограблении народных масс. Стремясь придать своим исследованиям видимость «объективности», А. Ксенопол вынужден иногда указать действительные причины крестьянских волнений.

У него проскальзывает мысль, что недовольство царан вызывалось чрезмерной обремененностью их работой и податями, а также беззакониями, чинимыми помещиками и властями. Но при объяснении этих явлений он стремится все свести к отсутствию хорошего законодательства, отрицая тем самым, по существу, что острая классовая борьба — явление, присущее всем антагонистическим обществам, что правление и законода-

¹ A. Xenopol, *Istoria Romînilor din Dacia Traiană*, v. III. Buc., 1896 p. 54.

² Idem, v. IV, p. 109.

тельство там не могут не быть эксплуататорскими, не могут не отражать интересы господствующего класса. Ксенопол считает, что при «хорошем» правлении «хорошего» господаря не может быть крестьянского недовольства и ему остается лишь выразить свое удивление по поводу восстания крестьян Молдавии в 1818 г. во время правления хорошего, по его мнению, господаря Калимаха.¹

А. Ксенопол иногда пускается в философские рассуждения, пытаясь теоретически обосновать взгляды историков-националистов. Он пространно излагает затруднения историка в тех случаях, когда исторические факты оказываются нежелательными с точки зрения национальных чувств. «Как быть в таких случаях? — спрашивает он. — Принимать или отвергать факты» — и отвечает, что «перевес должен быть за истиной ...но когда факт сомнителен, то, естественно, что мы поддерживаем мнение, выгодное румынским интересам...»².

Это рассуждение является в сущности не чем иным, как призывом к фальсификации истории. Разумеется, что при желании «сомнительным» можно объявить всякий факт.

Н. Йорга (1871—1941) оставил большое литературное наследство. Его перу принадлежат многочисленные исследования по экономике, дипломатии, искусствоведению и другим вопросам румынской и всеобщей истории. Однако его работы пропитаны национализмом и явной антирусской и антисоветской направленностью.

Волнения крестьян 1831 г. в Запрутской Молдавии против помещичьего гнета Н. Йорга пытался представить лишь как выступление против русских в период занятия Россией княжеств в 1828—1834 гг. Он, как и другие румынские историки-националисты, явные факты классовой борьбы пытается объяснить «пагубным внешним влиянием», влиянием русской революционной «заразы» и т. д.³

Несомненно, мощное крестьянское движение в центральных губерниях России, борьба русских крестьян против помещичьего и царского гнета оказывали большое влияние на обострение борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета в национальных окраинах и за их пределами. Но главные причины борьбы крестьян против помещичьего и царского гнета, конечно, заложены в местных условиях — в тех социально-экономических и политических отношениях, которые складывались в крае.

¹ А. Ксенопол, *Istoria Romînilor din Dacia Traiană*, v. IV, Buc., 1896, p. 18.

² Idem, p. 29.

³ Н. Йорга, *Istoria Romînilor*, v. VIII, Buc., 1938, p. 340, și următoarele.

Ксенопол и Иорга, как и все буржуазные историки, рассматривали историю, в первую очередь, как историю господрей и полководцев. Поэтому история крестьян, их борьба против феодально-крепостнического гнета в трудах этих историков нашли лишь незначительное отражение. Вплоть до установления в Румынии народно-демократической власти румынская буржуазная историография в лице Иорги и его школы, а также и других румынских буржуазных историков, неправильно трактовала феодализм как общественно-экономическую формацию. Ряд важных вопросов румынской истории, особенно вопросы крестьянского и городского движения в эпоху феодализма, рабочее движение в эпоху капитализма оставались почти неосвещенными. В тех же работах, где эти вопросы затрагивались, они получали неправильное толкование.

Стоя на идеалистических позициях, румынские, как и другие буржуазные историки, не были в состоянии подняться до понимания объективных законов общественного, исторического развития, до понимания того, что история развития общества прежде всего является историей развития производства, историей самих производителей материальных благ, трудящихся масс. Они сводили историю общественного развития к действиям королей и полководцев. Именно потому история основных производителей при феодализме, история наиболее многочисленного класса — крестьянства, его борьба против феодально-крепостнического гнета нашли лишь незначительное отражение в «исторических трактатах» румынских дворянско-буржуазных историков.

Одной из специфических особенностей румынской буржуазной историографии в целом является ее антиславянская и специфически антирусская струя. У румынских буржуазных исследователей, в частности, проявлялось стремление представлять в самом отрицательном свете славянское наследие. А. Ксенопол писал: «Славянский язык и связанные с ним культурные формы давили, как утес, на сознание румынского народа»¹. Ему вторил А. Денсушану: «...одной из самых несчастных случайностей для языка, культуры и даже целостности румынского элемента, — писал он, — было соприкосновение румын со славянами и введение славянского языка в церкви и администрации»² и т. д. и т. п. Но стремясь опорочить славянскую культуру, румынские историки-националисты тем самым, по сути дела, принижали и культуру своего народа, ибо и румынская культура испытала благотворное влияние культуры славянских народов.

¹ А. Ксенопол, *Op. cit.*, v. III, 1896, p. 187.

² Цит. по А. И. Яцимирскому, *Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии в XV—XVII вв.*, 1906, стр. 81. Там же, см. обзор историографии этого вопроса в румынской литературе.

Проповедуя зоологическую ненависть к русскому народу, они всячески стремились очернить его прогрессивную освободительную роль в истории балканских народов. Отрицая наличие вековой дружбы между молдавским, румынским и русским народами, которая сложилась и крепла в героической совместной борьбе против «своих» эксплуататоров и иноземных поработителей, буржуазные историки-националисты всячески пытались создать миф о какой-то «извечной» вражде между молдаванами и румынами, с одной стороны, и русскими — с другой.

Вопреки исторической правде националисты утверждали, что революционная борьба, способность к активному сопротивлению вообще не присущи молдавским крестьянам, что молдавские крестьяне по своей природе «мирные», «покорные» и всегда якобы рассматривали бояр как своих благодетелей. Они тщательно скрывали проявления классовой борьбы в деревне, а там, где размеры движения делали это невозможным, стремились всячески исказить его истинные причины. Своими работами они проповедывали «идею» классового мира в молдавской деревне. По мнению этих историков, молдаване, в том числе и молдавские крестьяне, проявляли активность в борьбе только против иностранных поработителей и «эксплуататоров евреев». Буржуазные националисты до невероятности раздували «национальный» элемент и всячески умаляли социальное содержание крестьянской борьбы. В этом направлении особенное усердие проявлял ярый националист З. Арбуре, который, подтасовывая факты, всячески старался доказать, что молдавские крестьяне боролись не против местных молдавских бояр, а якобы только против русских, которые «своими уставами и положениями вводили в Бессарабии крепостничество»¹.

Таким образом, и русские, и румынские дворянские и буржуазные историки искажали историю крестьянства и причины классовой борьбы в бессарабской деревне.

* * *

Руководствуясь революционным учением — марксизмом-ленинизмом, советские историки уже написали ряд важных работ по истории русского крестьянства. Особое значение имеет крупное монографическое исследование академика Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси», в котором подробно и глубоко изучена история русского крестьянства.

Крупным событием в советской исторической литературе явился выход в свет труда академика Н. М. Дружинина «Го-

¹ Z. Arbure, Basarabia în secolul XIX, Buc., 1902, p. 86.

сударственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», в котором автор подверг глубокому исследованию важный и мало разработанный в литературе вопрос о положении государственных крестьян в первой половине XIX в., дал всесторонний анализ социальной природы института государственных крестьян.

Истории русского крестьянства XVIII и первой половины XIX в. посвящены также монографии и статьи К. В. Сивкова, Л. В. Черепнина, Я. И. Линкова, И. Гуржий, А. Н. Насонова и других советских историков.

Ряд работ посвящен отдельным важным событиям, наиболее крупным этапам крестьянской борьбы¹. Имеются и некоторые общие работы, которые дают более или менее цельную картину борьбы русских крестьян за «землю и волю» на протяжении всей первой половины XIX в. до крестьянской реформы 1861 года². Однако положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии почти не нашли своего отражения в общих работах по крестьянскому движению в России.

Большой сводный материал о крестьянском движении в России в первой половине XIX в. имеется в работах И. И. Игнатович. Однако ни в ее дореволюционных работах («Волнения помещичьих крестьян от 1854 до 1863 г.» в журнале «Минувшие годы» за 1908 г.; «Крестьянские волнения» — статья в сборнике «Великая реформа», т. III, 1911), ни в работах, напечатанных в советский период («Помещичьи крестьяне накануне освобождения», изд. 3, дополненное, М., 1925; «Крестьянское движение первой четверти XIX века» — «Вопросы истории», 1950, № 9) крестьянское движение в Бессарабии не получило никакого освещения.

Почти совершенно не затронут вопрос о крестьянском движении в Бессарабии в общей работе «История крестьянских волнений в России» В. И. Пичеты. Во всей работе только дважды упоминается Бессарабия. В одном месте в связи с указанием на бегство крестьян из южных губерний России и Ук-

¹ К таким работам могут быть отнесены: Восстание в Бездне, Кр. Архив, 1929, т. 4(35) и т. 5(36); И. Игнатович, Крестьянское движение на Дону в 1820 г., Соцгиз, 1937; Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании, Архив истории труда в России, 1923, кн. 10; Я. И. Линков, Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853—1856 гг., М., 1940; П. Евстафьев, Восстание военных поселен Новгородской губернии 1831 г., М., 1934; С. Макаров, Крестьянские картофельные бунты, Киров, 1939 и др.

² К числу таких работ следует отнести исследования И. Игнатович — Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М., 1925, ее же статья — Крестьянские волнения в первой четверти XIX века, «Вопросы истории», 1950, № 9; В. И. Пичета — История крестьянских волнений в России, Минск, 1923; Е. Мороховец, Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, М., 1931.

раины в Новороссию и Бессарабию.¹ В другом месте автор указывает, что «волнения на Украине отозвались в других южных губерниях. Было брожение в Херсонской, Екатеринославской, Бессарабской губерниях, но оно пока не вылилось в активное движение»². Правда, указанная работа В. И. Пичеты ставит своей задачей лишь «выяснение тех социологических условий, которые в течение трех столетий поддерживали и развивали в крестьянской массе настроения, возбужденные интересами и идеалом командующего класса в России. Ввиду этих соображений вся внешняя история волнений почти оставлена без рассмотрения»³.

Как работы И. И. Игнатович (имеются в виду послереволюционные работы), так и указанная работа В. И. Пичеты, страдают рядом недостатков. Изучение крестьянского движения мало связывается с общим ходом истории России, с теми крупными социально-экономическими и политическими проблемами, которые могли бы объяснить причины, степень и остроту борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета в различные периоды его истории и в разных частях обширного русского государства. Поэтому причины растущей борьбы крестьянских масс против феодально-крепостнического строя не получают должного научного объяснения.

Несомненный интерес для исследователей крестьянского движения в России накануне реформы представляет работа Я. И. Линкова⁴, вышедшая в свет в 1940 г. Эта работа заслуживает внимания потому, что автор опирался, главным образом, на новые, до сих пор неопубликованные архивные материалы и вместе с тем на их основе исследовал и показал картину крестьянских волнений на юге России и на Украине. Интерес этой работы для настоящего исследования определяется и тем, что в ней рассматривается крестьянское движение на территориях, прилегающих непосредственно к Бессарабии — Подольской и Херсонской губерний.

О Бессарабии Я. И. Линков упоминает лишь вскользь в связи с самовольным переселением крестьян южных губерний Украины — Екатеринославской и Херсонской — в Таврию и Бессарабию⁵.

Совершенно не затрагивает вопроса о крестьянском движении в Бессарабии Е. А. Мороховец в своем научно-популярном очерке о реформе 1861 г.⁶ Впрочем он и не ставил перед собой

¹ В. И. П и ч е т а, История крестьянских волнений в России, Минск, 1923, стр. 85.

² Там же, стр. 143.

³ Там же, стр. 1.

⁴ Я. И. Л и н к о в, Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853—1856 гг., М., 1940.

⁵ Там же, стр. 85.

⁶ Е. А. М о р о х о в е ц, Крестьянская реформа 1861 г. (научно-популярный очерк), М., 1937.

задачу сколько-нибудь полного освещения крестьянского движения накануне реформы.

Крестьянское движение в Бессарабии получило лишь некоторое отражение в напечатанном в 1931 г. сборнике архивных материалов, подготовленном к печати Е. А. Мороховцом¹. Этот сборник, как указывается в предисловии, был составлен на основе материалов, извлеченных из отчетов III отделения е. и. в. канцелярии и корпуса жандармов за 1827—1869 гг. В этих отчетах нашли некоторое отражение и факты борьбы против феодально-крепостнического гнета в Бессарабии. В частности, отражено семь случаев крестьянских волнений, связанных со стремлением к переселению и отказом от выполнения феодальных повинностей.

Как уже отмечалось, положение крестьян и их борьба против феодально-крепостнического и царского гнета в бывших национальных окраинах царской России исследованы и освещены еще очень слабо. Хотя и были опубликованы сборники документов о положении крестьян и крестьянском движении в Грузии², Армении³, Татарии⁴, а также ряд сборников и работ, освещающих положение крестьян и крестьянское движение на Украине⁵, эти работы являются лишь первым шагом к изучению истории крестьянства национальных окраин.

В некоторых общих работах, типа учебников по истории СССР, изучаемый вопрос также затронут лишь вскользь. Во II томе истории СССР под редакцией чл. корр. АН СССР М. В. Нечкиной, в гл. VIII, на нескольких страницах излагается история Молдавии в первой половине XIX в. Автор этого текста проф. Л. В. Черепнин очень кратко, на двух страницах, рассматривает вопрос о бессарабских крестьянах, о юридическом и фактическом положении основной категории крестьян-царан⁶.

¹ Централхив, Крестьянское движение в России 1827—1869 гг., вып. I и II, М., 1931, 1938, под ред. Е. Мороховца.

² П. В. Гугошвили, Сельское хозяйство и аграрные отношения, тт. 1 и 2, Тбилиси, 1948, 1950.

³ Сб. Крестьянское движение в Армении в XIX в., Ереван, 1848.

⁴ Сб. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века, М.—Л., 1936.

⁵ А. З. Барабой, Правобережная Украина в 1848 г., «Исторические записки», 1950, т. 34; В. И. Довженюк, Крестьянское движение на Правобережной Украине в 40-х гг. XIX в., «Исторические записки», М., 1941, № 12; Л. И. Емельях, Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1920 г., «Исторические записки», М., 1951, № 38; А. К. Кошик, Инвентарная реформа 1847—1848 гг. и крестьянское движение на Правобережной Украине, «Исторический сборник», № 2, Киевский Госуниверситет; А. В. Флоровский, Воля панская и воля мужицкая (Страницы из истории аграрных волнений в Новороссии в 1861—1863 гг.) Всеукр. гос. изд-во, Одесса, 1921; Ю. Я. Белака, Крестьянское движение в Киевской губернии в 1863—1870 гг., «Исторический сборник», Киев, 1949. № 2, и др.

⁶ История СССР, т. II, стр. 193.

Этот вопрос затронут также в I томе капитального исследования академика П. И. Лященко, переизданного в 1952 г.¹ Для исторической и экономической науки эта работа представляет большой научный интерес.

Однако в разделе о Бессарабии (в главе «Хозяйственное развитие национальных окраин империи в XVIII и первой половине XIX вв.») допущены некоторые ошибочные утверждения относительно положения бессарабских крестьян и царского аграрного законодательства в Бессарабии в рассматриваемый период. В частности, отсутствует четкое определение юридического и фактического положения царан в свете методологических указаний классиков марксизма-ленинизма, без чего невозможно правильно решить этот вопрос.

Хотя в первой половине XIX в. молдавские царане юридически и считались свободными, фактически же, как уже указано выше, они были феодально-зависимыми крестьянами. Не обладая собственной землей, они находились в тяжелой зависимости от светских и церковных феодалов, захвативших крестьянские общинные земли. В I томе «Капитала» К. Маркс показал, как складывались крепостные отношения в Дунайских княжествах, как труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли, «...однако только фактически, а не юридически»².

Как правильно отмечает В. Ф. Малинский³, «внеэкономическое принуждение» на первый взгляд выступает менее явно в отношениях между царанами и землевладельцами. Но В. И. Ленин указывал, что «формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»⁴. Это ленинское положение дает нам ключ к пониманию характера феодальной зависимости молдавских царан.

П. И. Лященко ошибочно утверждал, что «...после занятия Бессарабии Россией царское правительство в 1831 году ввело так называемый «Органический регламент», которым было разрешено, с некоторыми ограничениями, право перехода крестьян»⁵. Он допускает здесь фактическую ошибку. Известно, что «Органический регламент», этот «кодекс барщинных работ»⁶, как назвал его К. Маркс, был введен царскими властями не в Бессарабии, а в Дунайских княжествах — Запрутской

¹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. 1, М., 1952, стр. 545.

² К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 242—243.

³ В. Ф. Малинский, Аграрная «реформа» 1918—1924 гг., в Бессарабии, Кишинев, 1949, стр. 17.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159.

⁵ П. И. Лященко, Указ труд., стр. 546—548.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, 1951, стр. 243.

Молдавии и Валахии — в 1831—1832 гг., т. е. в период оккупации княжеств русскими войсками. К тому же он не только не допускал свободного перехода крестьян от одного землевладельца к другому, хотя и с некоторыми ограничениями, как пишет автор, а наоборот, многочисленными ограничениями фактически лишал крестьян в Дунайских княжествах права перехода¹.

Из использованных исследований советских историков следует упомянуть работы, касающиеся непосредственно истории Молдавии (Н. А. Мохова², В. М. Сенкевича³, И. Г. Будака⁴, В. Ф. Малинского⁵, Ф. А. Грекула⁶, Н. В. Березнякова⁷), хотя они и не имеют прямого отношения к изучаемому вопросу.

В настоящем исследовании автор пересмотрел и некоторые положения, выдвинутые им в ранее изданных работах⁸.

* * *

Автор выражает свою искреннюю благодарность работникам Центрального Государственного Исторического Архива Ленинграда и Центрального Государственного Исторического архива МССР, оказавшим ему содействие при сборе материалов, а также профессорам, докторам исторических наук Константину Васильевичу Сивкову, Льву Владимировичу Черепнину, Андрею Александровичу Введенскому, Сергею Митрофановичу Дубровскому и кандидату исторических наук, доценту Николаю Андреевичу Мохову, которые помогли ему своими критическими замечаниями.

¹ Более подробно об ошибках академика П. И. Ляшенко см. Я. Гросул и Н. Ройтман, Правильно освещать вопросы экономики Молдавии, Известия Молдавского филиала АН СССР, 1953, № 11—12.

² Н. А. Мохов, Феодалные отношения в Молдавии в XIV—XV вв., сб. Феодалные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв., Кишинев, 1950.

³ В. М. Сенкевич, Исторические связи молдавского народа с великим русским народом, Кишинев, 1947.

⁴ И. Г. Будак, Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период, Кишинев, 1954.

⁵ В. Ф. Малинский, Указ. труд.

⁶ Ф. А. Грекул, Указ. труд.

⁷ Н. В. Березняков, Турецко-фанариотский гнет в Молдавии. Сб. Феодалные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв., Кишинев, 1950.

⁸ Я. С. Гросул, Крестьянское движение в Молдавии в пореформенный период, «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР», 1948, № 1; Крестьянская реформа 1868 г. в Бессарабии и ее особенности, «Ученые записки Института истории, языка и литературы М. Ф. АН СССР», т. II, 1949; Разложение феодально-крепостнических и формирование капиталистических отношений в Молдавии в первой половине XIX в., 1950; Роль России в освобождении Молдавии от турецкого феодального гнета, «Октябрь», 1948, № 6 и др.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕССАРАБИИ В СОСТАВЕ РОССИИ В 1812—1861 гг.

§ I. Заселение края (колонизация)

Во время присоединения к России и в первые годы после присоединения Бессарабия была сильно опустошенным и малонаселенным краем с весьма отсталой экономикой, с чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил. После изгнания татар и турок в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. особенно опустошенным, почти безлюдным оказался юг Бессарабии — так называемый Буджак. Главной причиной такого состояния края было длительное господство султанской Турции, находившейся «на самой низкой и варварской стадии феодализма»¹. Турецкая грабительская политика в Молдавии, как и в других покоренных ею странах, сковывала развитие производительных сил и препятствовала возникновению новых производственных отношений. К. Маркс писал, что «...присутствие турок в Европе представляет собою серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-илирийского полуострова»².

Турецко-фанариотский феодальный гнет и многочисленные войны XVIII и начала XIX вв., проходившие на территории Бессарабии, а также частые опустошительные эпидемии (чума и холера) тормозили рост населения.

Поэтому некоторые русские путешественники, посетившие этот край в конце XVIII и в начале XIX вв., называли его полупустынным. Русский писатель и историк Михайловский-Данилевский, побывавший в Бессарабии в 1818 г., сообщает, что, проехав более 150 верст по югу Бессарабии, он не встречал ни единого селения, «...потому, что сего названия нельзя даже дать нескольким беднейшим избам, которые кое-где стоят на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 374.

² Там же.

дороге»¹. Его особенно поражали изобильные луга, плодороднейшие почвы, а вместе с тем чрезвычайно малое количество населения². То же самое отмечали русский писатель П. Сумароков³, путешественник Демидов⁴ и другие.

В 1812 г. в Бессарабии, по данным П. Куницкого, насчитывалось всего 55 тысяч семейств⁵, или, считая в среднем по 5 душ на семью, 275 тысяч жителей. Эти данные несколько расходятся со сведениями А. Защука, согласно которым в Бессарабии в это время насчитывалось 240 тысяч жителей⁶.

С 1812 г. население края стало быстро увеличиваться как за счет естественного прироста, так и, главным образом, за счет прилива сюда населения из других губерний России и из-за границы, что объясняется более благоприятными условиями, сложившимися в Бессарабии после ее присоединения к России. Так, уже по данным переписи населения 1817 г., в Бессарабии насчитывалось около 93 тысяч семейств (см. табл. на стр. 47).

Со времени присоединения к России для Бессарабии наступил период относительно спокойного и мирного развития в составе русского государства — более сильного и более передового в экономическом и культурном отношении, чем отставшая Турецкая империя. Установившиеся тесные связи с общерусским рынком способствовали экономическому развитию и быстрому заселению края. Сюда начала возвращаться та часть местного населения, которая бежала за пределы Бессарабии из-за грабежей турок и татар во время опустошительных войн. Главным же образом население увеличивалось в результате притока беглых крепостных крестьян из других губерний России и Украины (в которых помещичий гнет был особенно невыносимым) и из Дунайских княжеств, которые стояли под властью Турции.

В Бессарабии крепостной гнет был несколько слабее, чем в центральных губерниях России и Украины. Юридически основная масса молдавских крестьян — царане считались лично свободными⁷, хотя по существу они находились в феодальной зависимости от помещиков и монастырей, на землях которых они были поселены. Кроме того, в целях быстрого освоения природных богатств края царское правительство предостави-

¹ Журнал «Русская старина», т. 91, СПб, 1897, стр. 76.

² Там же.

³ П. Сумароков, Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г., М., 1800, стр. 225.

⁴ А. Демидов, Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, М., 1853, стр. 184—251.

⁵ П. Куницкий, Краткое статистическое описание Заднепровской области..., СПб, 1813, стр. 13—14.

⁶ А. Защук, Статистика и этнография Бессарабской области. Записки Одесского общества истории и древности, т. V, Одесса, 1862, стр. 493.

⁷ ПСЗ, т. XXXV, № 27357.

Сводная таблица итогов переписи населения Бессарабской области в 1817 г.¹

Название уезда	Число селений	Б и р н и к и				Мазылы		Рупташи		Рупта де вистерие		Торговцы				Духовен-ство		В с е г о	
		Хозяева	Вдовы	Будраки	скутеры-и церковники и старосты	Хозяева	Вдовы	Хозяева	Вдовы	Хозяева	Вдовы	Хозяева	Вдовы	Хозяева	Вдовы	Хозяева	Вдовы	Мужских хозяйств	Женских хозяйств
Хотинский	174	15 655	1 763	2 878	612	76	6	10	1	—	—	1 014	1	11	598	55	20 854	1 825	
Сорокский	187	10 387	759	2 592	—	169	25	99	5	21	—	859	33	19	604	31	14 740	853	
Ясский	169	8 673	223	827	—	416	18	72	1	—	—	479	—	—	429	28	10 926	270	
Оргеевский	311	18 616	1 118	2 364	380	1 284	102	484	28	196	13	111	—	—	1 186	28	24 556	1 366	
Бендерский	54	3 423	130	1 059	—	120	1	6	—	—	—	—	—	—	144	6	4 907	137	
Кодрский	55	4 797	238	628	—	40	6	7	—	—	—	—	—	—	190	12	5 555	252	
Измаильский	50	3 302	181	810	—	73	1	—	—	—	—	—	—	—	80	3	4 268	213	
Гречанский	40	1 871	99	158	—	3	—	4	—	—	—	—	—	—	69	7	2 118	106	

Итого 1 040 | 66 724 | 4 511 | 11 316 | 992 | 2 211 | 159 | 682 | 35 | 217 | 13 | 2 463 | 34 | 30 | 3 300 | 170 | 87 924 | 5 022

¹ Бессарабская область в момент присоединения ее к России. Ростпись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 года (Труды Бессарабской губернской архивной комиссии, т. III, под ред. И. Н. Халипы, Кишинев, 1887, стр. 230). Эта перепись была составлена чиновниками и сельскими священниками, порой малограмотными, поэтому она не может претендовать на точность.

ло жителям Бессарабии, в первые годы после ее присоединения, некоторые льготы: они были, на три года освобождены от уплаты государственных податей¹ и на пятьдесят лет от рекрутской повинности². Прельщенные этими льготами и обилием свободных земель, сюда устремились потоки переселенцев из коренных губерний Украины и России, а также много заграничных переселенцев. Усиленно шел иммиграционный поток переселенцев из славянских стран Балканского полуострова, где попрежнему свирепствовал турецкий деспотизм. Переселялись главным образом болгары и гагаузы, а также греки и армяне. Последние оседали преимущественно в городах Бессарабии, особенно в Кишиневе. Быстрое освоение свободных земель, расширение посевных площадей для производства зерна на продажу, вызывали потребность в большом количестве рабочих рук. Все это создавало благоприятные условия для привлечения сюда новых поселенцев и, следовательно, для роста населения Бессарабии.

Еще в XVIII в. Молдавия заселялась беглыми русскими и украинскими крепостными и сектантами, спасавшимися от крепостного гнета, рекрутской повинности и религиозных преследований. Сюда бежали раскольники — «липованы», казаки-некрасовцы, основавшие на реке Дунавец селение Большие Дунавцы³. После ликвидации Екатериной II Запорожской Сечи часть запорожцев также переселилась в Бессарабию, подвластную в то время Турции. Они оседали в малозаселенных районах юга Бессарабии.

Но, убегая от крепостнического гнета русских помещиков и религиозных преследований царизма, крепостные, казаки и другие переселенцы попадали в тяжелую кабалу к местным молдавским и турецким феодалам; экономический и религиозный гнет здесь усиливался гнетом национальным.

В период русско-турецких войн русские и украинские беглецы принимали активное участие в военных действиях, оказывая всяческую помощь русским войскам. В войне 1806—1812 гг. два казачьих полка некрасовцев и запорожцев сражались на стороне русской армии. В освобожденной Бессарабии им была впоследствии предоставлена земля, где они основали села Акмангит и Староказачье.

Наплыв беглых крепостных из России особенно увеличился после присоединения Бессарабии. Хотя царские власти по требованию русских помещиков и принимали строжайшие меры к розыску бежавших (тем, кто укрывал крепостных, угрожала отдача в солдаты или перевод на положение крепостного, а

¹ ПСЗ, т. XXXII, № 25199.

² ПСЗ, т. XXXIII, № 25942.

³ А. Ш т а н г е, Историческая записка о крестьянской реформе в Бессарабии, Кишинев, 1911, стр. 5.

также крупный штраф)¹, побегі продолжались. Управляющий Бессарабской областью Гартинг в представлении полицейским властям от 9 апреля 1814 г. сообщал о многочисленных побегах крестьян из Подольской, Херсонской и др. губерний в Бессарабскую область. Некоторые представления о масштабах этих побегов дает тот факт, что только за один год, после принятия мер к пресечению побегов крепостных, из Бессарабии на Украину было выслано 3000 пойманных беглецов².

Несмотря на принятые царскими властями меры, русские и украинские крепостные продолжали совершать побегі в Бессарабию³. Чтобы замести свои следы, беглецы приписывались к молдавским крестьянским обществам под именем умерших родственников той или иной молдавской семьи. Эта взаимная поддержка и выручка, существовавшая между русскими крепостными и молдавскими царанами, является ярким свидетельством классовой солидарности угнетенных народов в борьбе против общего врага — русских помещиков и молдавских бояр.

Но политика царизма в вопросе о беглых крепостных была несколько непоследовательной и даже противоречивой. Царским властям приходилось удовлетворять требования помещиков о возврате беглых крестьян, однако, с другой стороны, царизм был заинтересован в быстрейшем заселении вновь присоединенной области. Ему выгодно было заселять этот край поселенцами, в том числе и беглыми крестьянами, переселение которых не требовало каких-либо государственных затрат. Этим отчасти объясняется тот факт, что царское правительство не высылало из области крепостных, бежавших в Бессарабию до 1812 г.⁴

Указом от 31 октября 1817 г. правительство запрещало помещикам отыскивать на территории Бессарабии беглых крепостных, бежавших сюда до присоединения ее к России⁵.

В 1821 г. царское правительство дало указание бессарабским властям поместить в ревизию всех русских крепостных людей, находившихся в Бессарабии⁶. Вместе с тем, несколько позже, в 1827 г., были изданы «Правила», согласно которым строжайше предписывалось местным властям вылавливать, наказывать и возвращать беглых крепостных, которые поселились позже⁷.

Хотя в политике царизма наблюдались некоторые колебания, в целом эта политика продолжала оставаться крепостнической и выражала интересы помещиков, в частности, это проявилось в запрещении царанам переселяться на казенные земли.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 63, лл. 6—11.

² Там же, лл. 12—15.

³ Там же, д. 41, лл. 212—213.

⁴ Там же, д. 63, лл. 12—15.

⁵ I ПСЗ, т. XXXIV, № 27122.

⁶ I ПСЗ, т. XXXVIII, № 29579.

⁷ II ПСЗ, т. II, № 1521.

Беглых крепостных на основании «Правил» 1827 г. власти продолжали водворять на прежнее место, хотя не всегда это удавалось. Так, за десятилетие (1840—1850) было поймано и отдано под суд:

Годы	Поймано бежавших	Количество скрывавших, отданных под суд
1841	4 489 ¹	Нет данных
1842	3 139	340 ²
1843	1 516 ³	Нет данных
1844	1 796 ⁴	"
1845	1 812	85 ⁵
1846	1 455	70 ⁶
1847	971	136 ⁷
1848	990	22 ⁸
1849	979	44 ⁹
1850	2 301	46 ¹⁰
Всего	19 448	

По собственному признанию губернатора Федорова, за 20 лет своего правления (1835—1854) он выслал из Бессарабии 48 тыс. «беспаспортных бродяг»¹¹. При всей строгости розыска, большинству беглых крепостных все же удавалось оседать в Бессарабии. Это объясняется, главным образом, поддержкой их местным населением.

К середине прошлого века в Бессарабии насчитывалось около 300 тыс. украинцев и русских¹². В абсолютном большинстве это были беглые крепостные, поселившиеся в Бессарабии.

Наряду с осуществлявшейся стихийной колонизацией, царское правительство проводило и официальную колонизацию переселенцами из центральных губерний России и Украины, а также путем предоставления земли и определенных льгот иностранным поселенцам.

Будучи заинтересованным в быстром заселении пустующих земель и в устройстве малоземельных государственных крестьян из центральных губерний России, царское правительство в 1823 г. разрешило им переселяться в многоземельные губернии, в частности и в Бессарабию¹³.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1843, оп. 6, д. 71, лл. 19—21.

² Там же.

³ Там же, 1845, оп. 4, д. 65, л. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. 1281, 1846, оп. 7, д. 72, лл. 13—14.

⁶ Там же, 1847, оп. 7, д. 60, л. 13.

⁷ Там же, 1848, оп. 7, д. 56, л. 11.

⁸ Там же, 1849, оп. 7, д. 56, л. 12.

⁹ Там же, 1851, оп. 7, д. 58, л. 12.

¹⁰ Там же, д. 54, лл. 13—14.

¹¹ История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 349.

¹² Там же.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 379, 1820—1832, оп. 1, д. 585, лл. 2—6

Вскоре после этого новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области сообщил правительству о возможности поселения на территории Бессарабии до 20 тыс. государственных крестьян из других губерний России¹.

Фактически переселение государственных крестьян из других губерний России в Бессарабию началось значительно раньше. В 1814 г. поверенные общества государственных крестьян с. Западные Кодры, Таврической губернии, получив от губернских властей разрешение на переселение в Бессарабию, обратились к гражданскому начальнику области с просьбой об отведении им земли в урочище Гура Рошу. Гражданский начальник области отдает бендерским уездным властям предписание выяснить возможность поселения на этом урочище государственных крестьян. Уже в январе 1815 г. Гартинг сообщает властям Таврической губернии о возможности переселения 159 душ государственных крестьян на урочище Гура Рошу и просит отдать со своей стороны распоряжение о скорейшем их переселении². В 1822 г. в Бессарабии поселилось 256 семейств малоземельных однодворцев Харьковской губернии³. В 1827 г. в Бессарабии было поселено 702 семейства военнослужащих на правах государственных крестьян⁴. С 1824 по 1830 г. в Бессарабии поселилось 3600 государственных крестьян из других губерний России⁵. В последующие годы переселение государственных крестьян из других губерний России в Бессарабию еще больше усилилось. Это было связано со стремлением царизма в некоторой мере ослабить борьбу государственных крестьян черноземной полосы России против малоземелья и их угнетения крепостническим государством.

В результате стихийного заселения края и переселенческой политики царизма количество государственных крестьян на территории Бессарабии непрерывно увеличивалось:

Годы	Государственных крестьян м. п.
1817	15 000 ⁶
1827	17 000 ⁷
1837	31 659 ⁸

¹ ЦГИАЛ, ф. 379, 1820—1832, оп. 1, д. 585, лл. 2—3.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 41, лл. 26, 32—33.

³ ЦГИАЛ, ф. 379, 1822—1828, оп. 1, д. 1914.

⁴ Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, Аккерман, 1899, стр. 63.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 379, 1820—1832, оп. 1, д. 585, лл. 158—159.

⁶ Подсчет сделан автором на основании данных книги Труды Бессарабской ученой архивной комиссии, т. III, Кишинев, 1907.

⁷ Подсчет сделан автором на основании труда Статистическое описание Бессарабии..., Аккерман, 1899.

⁸ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 3196, д. 37.

Но, как будет показано ниже, далеко не все переселившиеся государственные крестьяне нашли лучшую долю на новом месте. Из обозрения о казенных поселянах Бессарабии в 1837 г. видно, что многие из государственных крестьян и здесь разорялись и попадали в кабалу к помещикам, откупщикам и ростовщикам¹.

Как уже указывалось, правительственная колонизация Бессарабии, как и Новороссии, шла также по линии привлечения иностранных поселенцев и создания колоний. Здесь были поселены болгары, гагаузы² и поданные других соседних стран, бежавшие от турецкого гнета, а также немцы — выходцы из Пруссии и других стран.

Проводя политику заселения Бессарабии путем устройства в области (в южной ее части) колоний иностранных поселенцев, царское правительство преследовало определенные экономические и политические цели. Они официально изложены в инструкции, данной первому бессарабскому губернатору Скарлату Стурдзе: «Надобно дать восчувствовать жителям Бессарабии выгоды отеческого и щедрого правления и искусным образом обратить на область сию внимание пограничных народов. Последняя война занимала умы и надежды молдаван, валахов, греков, болгар, сербов и всех народов, связанных к России... Болгары и сербы, молдаване и валахи ищут отечества. Вы можете оное им предложить в сем крае»³.

За пышными фразами «заботы» о переселенцах скрывались определенные политические цели царизма, а именно, стремление скорее освоить присоединенный край и создать здесь более льготные условия для населения, что, по мнению правящих кругов страны, должно было способствовать завоеванию симпатий народов Балканского полуострова, боровшихся против турецкого гнета и возлагавших в этой борьбе свои надежды на помощь России и русского народа. Бессарабия должна была стать для этих народов примером края, освобожденного от турецкого ига.

Многие жители балканских стран, подчиненные Османской империи, оказывали русским войскам услуги во время русско-турецких войн или даже принимали личное участие в военных действиях (болгары, гагаузы, сербы, молдаване, валахи, греки и др.). Русское правительство не только предоставляло им убежище, но и устраивало их на новоприсоединенной земле.

Из колонистов разных национальностей, переселившихся в Бессарабию, наиболее многочисленными были болгары. На-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2393, лл. 55—100.

² Записки Бессарабского статистического комитета, под ред. А. Егунова. т. III, Кишинев, 1868, стр. 111.

³ Там же, стр. 111—112.

ходясь в непосредственной близости от бессарабской границы, они, спасаясь от турецкого гнета, преследований и террора, переходили Дунай и поселялись на территории Бессарабии.

Болгары и гагаузы начали обосновываться в Бессарабии еще в конце XVIII в., в период русско-турецких войн¹. Они поселялись в степях Буджака, близ городов Измаил, Килия, Рени, Аккерман, и занимались преимущественно скотоводством и огородничеством. Болгары и гагаузы, поселившиеся на территории Бессарабии до ее присоединения к России и названные здесь старыми болгарами, к 1819 г. составляли 2294 семейства².

Переселение болгар и гагаузов на территорию Бессарабии особенно усилилось в начале XIX века, в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и в особенности в первые годы после ее окончания. Болгары, поселившиеся на территории Бессарабии в указанное время и названные здесь новыми болгарами, к 1819 г. составляли 4238 семейств³.

Проявляя заботу об устройстве новых поселенцев, бывший тогда главнокомандующим русскими войсками на Дунае М. И. Кутузов распорядился отвести болгарам земли для поселения и обещал им от имени правительства предоставить ряд льгот: 1) наделить их землей по нормам надела как и болгар Новороссийского края, т. е. по 60 дес. на двор; 2) предоставить денежные пособия для обзаведения хозяйством; 3) на десять лет освободить их от всех государственных податей и повинностей; 4) навсегда освободить от рекрутской повинности; 5) освободить от воинского постоя⁴.

Но после окончания войны и смены командования новое военное и гражданское начальство в Бессарабии предало забвению обещания, данные болгарам М. И. Кутузовым, тем более, что они официально не были узаконены. Болгары оказались в тяжелом положении. Часть земли, на которой они были поселены, впоследствии была роздана помещикам. Молдавские помещики-крепостники Балш, Стурдза, Манук-Бей, Дическу и другие, захватив при содействии местных властей земли болгарских колонистов, начали предъявлять свои права и на их личность, т. е. стремились закрепить новых поселенцев. Об этом факте докладывал генерал Беннингсен (сменивший Кутузова на посту главнокомандующего Дунайской армией)⁵ Александру I в своем рапорте от 20 сентября 1815 г. Это вы-

¹ А. Клаус, Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России, вып. 1, СПб, 1869, приложение VII.

² ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 3, д. 2468, лл. 133—135.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 35—41.

⁵ Там же, лл. 27—28.

нужден был признать и министр внутренних дел царского правительства Козодавлев¹.

Обращаясь в 1816 г. к правительственным властям с прошением об улучшении их положения, переселенцы жаловались, что молдавские бояре объявили своим владением земли в Гречанском и Кодрском цынутах, на которых поселились колонисты, и не позволяют им переселиться на казенную землю, требуя от них повиновения и отбывания повинностей².

Произвол помещиков и откупщиков доходил до того, что они начали попросту присваивать имущество болгарских переселенцев. Откупщик Брашеван отобрал у болгар волов, коров, лошадей, овец, хлеб и др.; помещики братья Балш присвоили себе ветряную мельницу и свыше сотни пчелиных ульев, сады, виноградники и др. имущество, принадлежавшее болгарам³.

В ответ на притеснения со стороны помещиков болгарские и гагаузские колонисты начинают борьбу за свои права путем подачи прошений и отказа отбывать повинности помещикам. По поручению царского правительства попечительство над колонистами осуществляли офицеры русской армии А. Юшневский и штаб-ротмистр Ватикиоти. Будучи обязанными по своему положению проводить политику правительства, стремившегося создать из колонистов зажиточных земледельцев, но отнюдь не желавшего изменения крепостнических порядков в этой части России, Ватикиоти, и в особенности Юшневский, своими действиями выступали по существу против крепостнических порядков, защищая болгарских и гагаузских переселенцев от посягательств помещиков. Об этом свидетельствуют большое количество отношений, представлений и рапортов за их подписью, а также вся их деятельность в качестве членов комиссии по устройству переселенцев.

Следует подчеркнуть, что деятельность будущего декабриста А. Юшневского в 1816—1817 гг. в качестве члена комиссии по устройству болгарских переселенцев способствовала в определенной мере формированию воззрений декабристов Южного общества по аграрному вопросу. Его борьба против крепостничества, за освобождение крестьян и наделение их государственной землей была единственной попыткой практического осуществления этих воззрений по аграрному вопросу.

В 1816—1817 гг. Юшневский и Ватикиоти обращаются к высшим властям области с целой серией рапортов, в которых выражается протест против попыток молдавских бояр закрепить задунайских переселенцев⁴, против многочисленных

¹ ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 3, д. 2468, лл. 35—41.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 66, лл. 10—12.

³ Там же, д. 372, лл. 59—60.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 365, лл. 17—20; там же, д. 372, лл. 43, 72—73.

беззаконий, творимых местными властями в отношении болгарских колонистов. Они просят принять меры к пресечению этих злоупотреблений¹.

Значительная часть переселенцев Бессарабии осела на помещичьих землях и по договоренности с владельцами платила им десятую часть урожая и продуктов животноводства, а также отработывала в пользу помещика 12 урочных дней в году. Не довольствуясь этим, помещики увеличили поборы с переселенцев и стремились закрепить их на своих землях². В ответ на эти поползновения молдавских бояр болгары и гагаузы начинают переходить на казенные земли.

В Гречанском цынуте из 298 семейств болгар, поселенных на помещичьи земли, в 1817 г. 172 семейства без разрешения властей перешли на казенные земли в Бендерский и Измаильский цынуты³. В Кодрском цынуте из двух селений болгарские поселенцы полностью перешли на казенные земли, а из четырех селений перешло абсолютное большинство поселенцев, а именно:

№ п.п.	Название селений	Колич. переселившихся	Колич. оставшихся	Какого водворения переселенцы	Кому принадлежали
1	Хаджикой . . .	32	5	Старого водв.	помещику Балшу
2	Акбота	5	32	"	" "
3	Тартуль	31	17	Нового водв.	" "
4	Борчаг	37	—	Старого водв.	" Стурдзе
5	Джукмой . . .	все	—	Нового водв.	" "
6	Эксикой	все	—	"	" Манук-Бею

Считая их уже обязанными поселянами, помещики и откупщики оказывали нажим на местные власти, пытаясь силой вернуть переселенцев обратно⁵. Зачастую они это делают по собственному произволу.

Так, в одном из документов, датированных 1815 г., рассказывается о жестоком произволе откупщика Брашевана, силой принудившего болгарских переселенцев перейти на землю вотчины боярина Гики⁶.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 355, лл. 11—20; д. 66, лл. 4—7, 120.

² Там же, д. 365, лл. 17—20.

³ Там же, д. 66, л. 121.

⁴ Там же, лл. 107, 155.

⁵ Там же, д. 372, лл. 31—32.

⁶ Там же, д. 355, лл. 21—22.

А. Юшневский и Ватикиоти настойчиво добивались перед главнокомандующим 2-й армией Бенингсеном¹, а через него и перед министром внутренних дел царского правительства², принятия мер по пресечению попыток молдавских бояр закрепить задунайских переселенцев. Они добивались запрещения помещикам переселять обратно на свои земли переселенцев, ушедших на казенные земли. Отстаивая интересы задунайских переселенцев от посягательств помещиков и откупщиков, А. Юшневский, рискуя своим положением, неоднократно входил в конфликт с наместником Бессарабской области генералом Гартингом — ярым защитником интересов помещиков³.

Развернувшаяся борьба болгарских и гагаузских поселенцев за свои права, при соответствующей поддержке со стороны А. Юшневого, заставила царское правительство принять меры по устройству задунайских переселенцев.

По предложению «попечителя» колонистов юга России и Бессарабии генерала Инзова, в 1819 г. царское правительство издает указ об устройстве колонистов⁴. Каждая семья переселенцев получила участок земли в 60 десятин. Колонисты освобождались от воинской повинности на 50 лет и от ряда налогов на 10 лет; за ними оставалось право свободного перехода в другие сословия и свобода вероисповедания.

В связи с указанными мерами заметно усилился приток новых задунайских поселенцев. Если в 1816 г. насчитывалось около 11 000 болгарских и гагаузских поселенцев, то уже к 1821 г. их численность достигает 20 000⁵.

Еще более интенсивное переселение болгар и гагаузов началось после заключения в 1829 г. Адрианопольского мира. Приток переселенцев был столь велик, что царские власти вынуждены были временно прекратить переселение государственных крестьян из других губерний и предоставить земли колонистам⁶.

Рост количества болгарских колонистов показывает следующая таблица:

1821 г.	20 000 ⁷
1829 г.	30 000 ⁸
1837 г.	57 000 ⁹
1841 г.	64 500 ¹⁰
1861 г.	87 829 ¹¹

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 365, лл. 17—20.

² Там же, д. 372, лл. 52—53, 70—71.

³ Там же, лл. 31—32, 43.

⁴ I ПСЗ, т. XXXVI, № 28054.

⁵ ЦГИА МССР, ф. 2 оп. 1, д. 355, лл. 163—167.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 379, 1820—1832, оп. 1, д. 585, л. 159.

⁷ Н. С. Державин, Болгарские колонии в России, София, 1914.

⁸ Там же.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 3, д. 2652, л. 30.

¹⁰ А. Клаус, Указ. труд, (приложение VII).

¹¹ А. Защук, Указ. труд, стр. 189.

Еще большее внимание было уделено правительством заселению пустующих земель немецкими колонистами, которым предоставлялись особо льготные условия. Они получили лучшие участки земли — по 60 десятин на семью — и значительные денежные ссуды на обзаведение, освобождались на 50 лет от уплаты податей и налогов, полностью освобождались от рекрутской повинности и др.¹.

Таким образом, с самого начала колонизации земель Бессарабии немецким колонистам были предоставлены преимущественные права по сравнению с другими колонистами. Зачастую эти права и привилегии наносили ущерб местному населению — молдаванам и др., которых власти принуждали, например, доставлять из северных и центральных районов Бессарабии лес для постройки домов немецких колонистов и выполнять для них другие работы. Таким образом, почти сразу после своего водворения в Бессарабии немецкие колонисты в лице своей социальной верхушки выступали как притеснители и эксплуататоры местного населения. Зажиточная часть немецких колонистов постоянно эксплуатировала на своих землях и наемную рабочую силу.

Начавшаяся в 1814 г. немецкая колонизация продолжалась вплоть до 1842 г. К 60-м годам число немцев-колонистов достигало 25 646 человек². В дальнейшем в их лице царизм получил надежную опору в борьбе против крестьянского движения.

Кроме болгар и немцев, составлявших большую часть колонистов, к середине XIX в. в Бессарабии поселились сербы, поляки, французы и др. и число колонистов достигло 87 829 человек³.

По числу колонистов и по количеству земли у них Бессарабия занимала первое место среди губерний Новороссии. По данным 10-й ревизии 1856 г. в Бессарабии числилось колонистов 38,8 тыс. душ мужского пола, в то время как в других губерниях их было: в Таврической — 32 тыс., в Херсонской — 30 тыс., в Екатеринославской — 12 тыс. душ. Земли у колонистов Бессарабии было 430,6 тыс. десятин, а во всех трех упомянутых губерниях, вместе взятых — 739,6 тыс.⁴.

Несмотря на столь значительный приток колонистов, заселение, проводившееся правительством, несомненно значительно уступало стихийному заселению пустующих земель. При среднем естественном годовом приросте, не превышавшем 11 000 человек, население области должно было бы составлять

¹ I СПЗ, т. XXXII, № 25522.

² А. Штанге, Указ. труд, стр. 7.

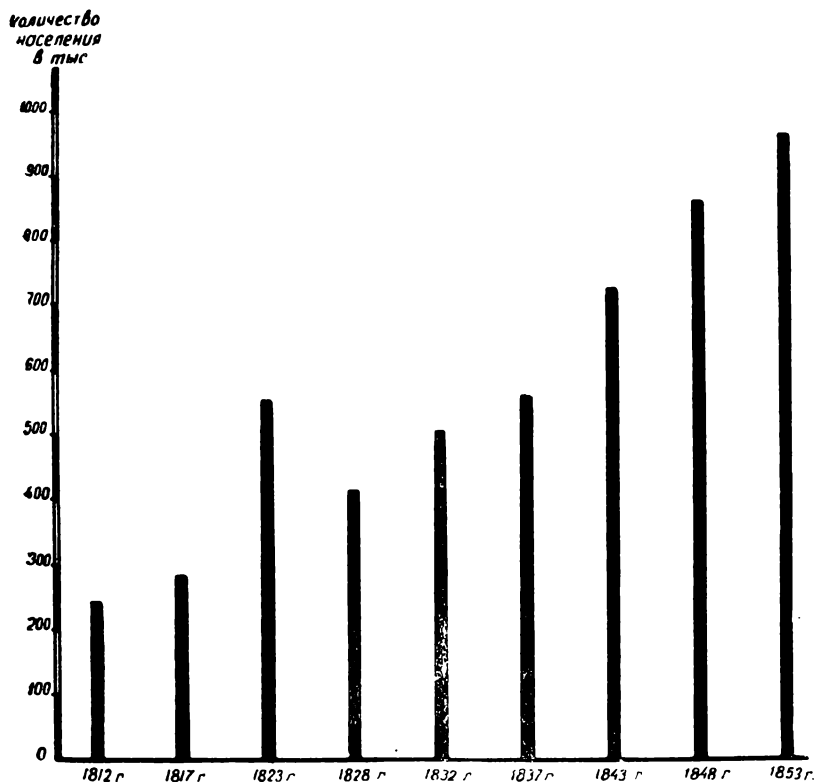
³ А. Накко, Бессарабская область, рукопись, л. 217 об.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 132, оп. 1, д. 367, лл. 430—436.

на 1861 г. всего около 700 000, а в действительности составило около 1 млн. человек¹.

Если сравнить прирост населения в Бессарабии с приростом за то же время в целом по России, то темпы увеличения населения в Бессарабии оказываются значительно выше. За 60 лет XIX в. население России в целом возросло в два раза², а Бессарабии только за 50 лет, с 1812 по 1861 г., увеличилось в четыре раза.

*Движение населения бессарабии в первой
половине XIX века*

Такой быстрый рост населения Бессарабии в первой половине XIX века, в период разложения феодально-крепостнической системы и складывания в ее недрах капиталистических отношений, происходил, как указано выше, за счет прилива сюда переселенцев, а также за счет естественного прироста.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1865, оп. 6, д. 76, л. 102.

² Статистический ежегодник России 1916 г., вып. 1, Птр., 1918, стр. 85.

С 1844 по 1854 г. естественный прирост населения на 100 жителей увеличился с 1,1¹, до 1,9².

Естественный прирост населения Бессарабии за указанный период сильно колебался, но в целом повышался. В России же коэффициент естественного прироста населения в целом в первой половине XIX в. понижался: с 1821 по 1830 г. составлял 1,52, с 1831 по 1840 — 1,2, а с 1850 — 1,03³. Крепостничество, господствовавшее в России, тормозило развитие производительных сил, а вместе с тем задерживало и рост населения.

Успешное заселение края и быстрый рост его населения явились результатом наличия свободных земель и более благоприятных условий, которые сложились здесь после присоединения Бессарабии к России.

§ 2. Состояние и развитие сельского хозяйства Бессарабии в 1812—1861 гг.

Ко времени присоединения Бессарабии к России сельское хозяйство края находилось на низкой ступени развития. Развитие производительных сил Молдавского княжества тормозилось турецким владычеством. Ее экономические связи с окружающими странами были слабыми. Вся экономика страны, в первую очередь сельское хозяйство, основная отрасль княжества, находилась в состоянии упадка.

Длительное господство турецко-фанариотского режима, жестокое феодальное угнетение крестьянства со стороны турецких завоевателей и местного боярства, а также разорительные войны, происходившие на этой территории, являлись главным препятствием, стоявшим на пути экономического развития края. Владычество турок и фанариотов, опустошительные войны привели к тому, что прежде обрабатываемые земли забрасывались. К началу XIX в., по данным П. Свиньина, которые вряд ли можно считать вполне достоверными, в Бессарабии обрабатывалось всего лишь 85 000 десятин общей удобной для обработки площади земли⁴. В Буджаке, например, земледелие находилось в совершенно запущенном состоянии. На обширных степных просторах, которые некогда засевались пшеницей и ячменем, паслись многочисленные стада скота, принадлежавшие ногайским татарам.

Важные отрасли сельского хозяйства Бессарабии — пло-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1846, оп. 3, д. 72, л. 100.

² Там же, 1855, оп. 6, д. 76, л. 102.

³ П. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX вв., Госполитиздат, 1950, стр. 81.

⁴ П. Свиньин, Описание Бессарабской области, ЗООИД, т. VI, Одесса, 1867, стр. 184.

доводство и виноградарство, получившие здесь развитие с незапамятных времен, находились также в состоянии упадка, Чрезвычайно отсталой была техника земледелия.

В начале XIX в. Бессарабия отчетливо делилась на два специализированных сельскохозяйственных района¹. На севере и в центре основным занятием сельского населения было полеводство, животноводство же стояло на втором месте. На юге значительно преобладало скотоводство, а полеводство не было развито. Помимо этих отраслей сельского хозяйства, значительное место занимали садоводство (особенно в поймах Днестра и Прута), виноградарство, пчеловодство, огородничество и др. Кроме того, имелись крупные массивы леса, расположенные, в основном, в центральной и северной частях края².

Слабо было развито ремесленное производство. В области имелось незначительное число городов, что свидетельствовало о сравнительной узости внутреннего рынка. Ко времени присоединения к России в Бессарабии было незначительное число мелких предприятий для крашения сукон и холста, для производства сальных и восковых свечей. Даже производство вина — важная отрасль хозяйства Бессарабии — велось самым примитивным способом.

Почти весь государственный доход тратился непроизводительно. В конце XVIII в. из 2400 тысяч лей ежегодного дохода Молдавии 600 тыс. шло на покрытие дани турецкому султану, 930 тыс. — в пользу господаря-фанариота, 550 тыс. — в пользу бояр³ и только 320 тыс. лей предназначались для покрытия государственных расходов, но и эта сумма в значительной мере шла на покрытие различных расходов господарского двора⁴.

Хищническое использование доходов и богатств страны в целом пагубно отражалось на экономическом положении трудящегося населения.

С присоединением к России в Бессарабии сложились более благоприятные условия для экономического развития края вообще и его сельского хозяйства в частности. Но это сказалось не сразу. В первые 10—15 лет после присоединения Бессарабии к России в экономике края наметились лишь некоторые сдвиги. Господствовавшая феодально-крепостная система со всеми присущими ей чертами, определявшими низкий уровень развития производительных сил, попрежнему яв-

¹ Я. Сабуров, Указ. труд, стр. 1—3.

² П. Свиньин, Указ. труд, стр. 167.

³ В отличие от других стран в Молдавии бояре за свой боярский титул получали крупные денежные суммы из государственной казны.

⁴ А. Хенорол, *Istoria Romînilor din Dacia Traiană*, v. X, Бус., прр. 139—140.

лялась главным тормозом на пути экономического развития края вообще и сельского хозяйства в частности. Производство носило в основном натуральный характер. Главной и основной задачей помещичьего и крестьянского хозяйства было производство продуктов для удовлетворения собственных нужд. У помещиков Бессарабии еще не наблюдалось заметного стремления к увеличению барской запашки. Посевные площади в области вплоть до 1825 г. расширялись лишь в незначительной мере.

Господствовала крайне экстенсивная, переложная система земледелия и лишь в северной части области, где население было более плотным, применялось трехполье. «Земледелие в Бессарабии в младенчестве, — писал Сабуров, — орудия самые простые, машин никаких. Землю пахут плугом в 6, иногда в 10 волов, сох не употребляют... по несколько раз перепашивают; заборанивают железными боровами. Лучшую и новую землю отводят под бахчу; остальную — под прочими хлебами. Через два года земля отдыхает под паром; по обширности степей не дорожат еще новью»¹.

Во второй половине 20-х и особенно с начала 30-х гг. XIX в. в экономике сельского хозяйства края намечаются существенные сдвиги. Помещики Бессарабии стремятся производить больше сельскохозяйственных продуктов для продажи и приспособить свои хозяйства к условиям товарного производства, что нашло свое выражение, прежде всего, в расширении барской запашки и посевов пшеницы.

Эти сдвиги в экономике сельского хозяйства объясняются рядом внутренних и внешних факторов.

Быстрое развитие промышленного и городского населения в странах Западной Европы повышало с каждым годом спрос на хлеб, вывозимый из Восточной Европы, главным образом, из России, обладавшей наиболее обширными пространствами плодородных степных земель, удобных для развития торгового зернового хозяйства. Особенно быстро возрастал спрос на русский хлеб в Англии, где капитализм развивался наиболее быстро. В связи с этим расширились возможности сбыта с.-х. продуктов, создалась благоприятная конъюнктура для помещиков, производивших хлеб для продажи.

В самой Бессарабии значительному повышению цен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты содействовали, кроме спроса на русский хлеб для экспорта, быстрый рост населения в результате успешного заселения южной ее части, увеличение торгово-ремесленного населения городов и значительное увеличение числа войск, расположенных на ее территории.

Само расположение Бессарабии — близость западных гра-

¹ Я. Сабуров, Указ. труд, стр. 2.

ниц, наличие по соседству такого крупного и быстрого развивавшегося порта юга России, как Одесса, и собственных портов — Аккермана, Измаила, Килии, Рени, а также портов придунайских княжеств — Галаца и Браилы, через которые в это время усилился вывоз хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, — способствовали быстрому развитию товарного сельского хозяйства края.

Перед помещиками Бессарабии стала задача производить больше хлеба и других сельскохозяйственных продуктов не только для удовлетворения потребностей своих вотчин, но, главным образом, для продажи. Именно этим и объясняется их стремление к расширению барской запашки, с одной стороны, и к повышению производительности своих хозяйств, с другой.

Помещики Бессарабии, как и всей России, в условиях разложения феодально-крепостнических отношений пытались найти более эффективные способы поднятия производительности крепостного барщинного труда и, таким образом, производить больше хлеба для продажи, поднять доходность своих хозяйств. «Для помещика, — пишет академик П. И. Ляшенко, — этот рост производительных сил олицетворялся в повышении доходности от его сельского хозяйства. Понятно, что этот рост производительных сил должен был выразиться в повышении производительности крестьянского хозяйства. Без этого невозможен был и подъем помещичьего хозяйства. Но основным тормозом к тому явилась сама крепостная система»¹.

Некоторые помещики искали пути повышения производительности и доходности своих хозяйств в их «рационализации», в замене господствовавшего до тех пор экстенсивного зернового хозяйства плодосменной системой. Созданные в России общества по изучению сельского хозяйства (Московское общество сельского хозяйства, Вольно-экономическое общество в Петербурге, Общество сельского хозяйства Южной России, созданное Воронцовым в 1828 г. в Одессе) проповедывали необходимость рационализации помещичьих хозяйств и повышения, тем самым, производительности крепостного труда на базе сохранения крепостного строя.

В нечерноземных губерниях эта рационализация сводилась, главным образом, к применению более усовершенствованных севооборотов и в переходе к более развитому животноводству, а в юго-западных губерниях — к свеклосеянию и созданию свеклосахарных заводов². В Бессарабии же она заключалась в увеличении винокурения, в развитии виноде-

¹ П. И. Ляшенко, История народного хозяйства СССР, т. 1, М. 1952, стр. 507.

² Там же.

лия и создании коневодческих ферм по выращиванию породистых лошадей для продажи как внутри страны, так и за границей, в развитии тонкорунного (мериносового) овцеводства, в производстве шерсти и создании на базе этого шерстяных мануфактур. Но основным источником повышения доходов помещиков Бессарабии являлось расширение производства хлеба для продажи.

Сложившиеся благоприятные условия, в связи с повышением цен на хлеб на внутреннем и зарубежных рынках, способствовали довольно быстрому развитию земледелия в Бессарабии. Земледелие сделалось ведущей отраслью сельского хозяйства. Расширялась посевная площадь главным образом за счет увеличения барской запашки и освоения целинных земель, увеличивалось сельскохозяйственное производство.

Переходя к анализу конкретных данных о росте сельскохозяйственного производства, необходимо заметить, что вследствие плохого состояния статистики в первой половине XIX в. вплоть до 60-х гг., приводимые нами данные не отличаются достаточной полнотой и иногда отрывочны, но все же они дают более или менее отчетливую картину развития сельского хозяйства Бессарабии в указанный период, раскрывают процесс разложения феодально-крепостнической системы и формирования в ее недрах новых, капиталистических форм производства.

Вместе с тем приходится отметить, что из-за состояния источников нам не представляется пока возможным полно осветить такие важные вопросы, как социальное расслоение крестьянства в первой половине XIX века, отходничество крестьян, применение наемных рабочих на мануфактурах и др. Имеющиеся в нашем распоряжении некоторые отрывочные данные все же свидетельствуют о значительном развитии указанных процессов в Бессарабии уже в 40—50-х гг. XIX века.

Важнейшими показателями развития сельского хозяйства являются рост земледельческого производства, т. е. динамика расширения посевных площадей, и увеличение урожайности основных сельскохозяйственных культур. Некоторые данные по этому вопросу, относящиеся к 1812—1861 гг., содержатся в работах П. Свиньина¹, Я. Сабурова², А. Скальковского³, А. Зашука⁴, А. Егунова⁵ и других. К сожалению, в этих работах почти нет данных по первой четверти XIX века. Они заимствованы, главным образом, из архивных документов —

¹ П. Свиньин, Указ. труд.

² Я. Сабуров, Указ. труд.

³ А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1853.

⁴ А. Зашук, Указ. труд.

⁵ А. Егунов, Указ. труд

годовых отчетов бессарабского губернатора и приложений к ним. Эти данные собирались и представлялись царскими чиновниками, и потому не могут претендовать на точность; тем не менее на их основе можно нарисовать хотя бы примерную картину по интересующему нас вопросу.

По этим материалам расширение посевных площадей и рост урожайности всех сельскохозяйственных культур в Бессарабии представляются следующими сводными данными¹.

**Посевы и сбор зерновых культур и картофеля
за 1814—1869 гг.**

Годы	Ч е т в е р т е й			
	з е р н о в ы е		к а р т о ф е л ь	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
1814	97 178	682 018	—	—
1815	84 892	821 576	—	—
1819	103 674	861 066	—	—
1820	118 710	924 980	—	—
1821	135 021	809 952	—	—
1824	136 193	867 098	—	—
1825	137 159	867 098	—	—
1826	139 000	827 000	—	—
1827	141 366	914 676	—	—
1828	152 139	701 917	—	—
1829	139 141	651 320	—	—
1830	135 124	823 307	—	—
1835	170 698	1 394 874	—	—
1836	179 683	1 218 488	—	—
1837	231 088	1 100 233	—	—
1838	204 617	1 066 164	—	—
1839	211 314	1 371 807	—	—
1840	196 564	1 066 452	—	—
1841	216 351	1 316 684	—	—
1842	291 078	1 238 253	14 419	49 041
1843	312 682	1 486 174	16 170	108 264
1844	415 853	2 470 049	26 352	127 860
1845	434 265	1 470 289	24 603	127 289
1846	462 060	1 741 402	23 154	74 366
1847	469 097	1 378 779	14 388	49 844
1848	557 626	2 424 595	13 608	16 390
1849	632 797	4 349 801	11 112	32 845
1850	475 199	2 501 091	5 833	20 085
1851	581 633	2 779 497	14 622	65 900
1852	576 607	4 435 464	13 609	69 866
1853	650 223	2 535 305	12 868	59 470
1854	611 717	3 268 709	12 714	42 246
1855	370 009	1 563 600	11 593	45 590
1856	471 780	2 492 545	13 316	53 914

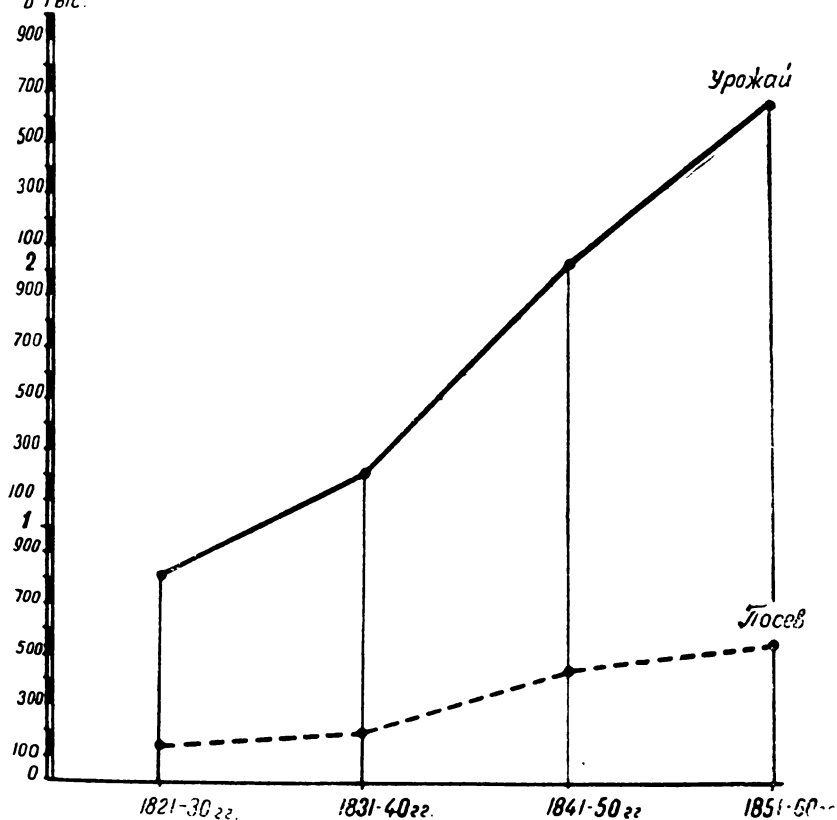
¹ Таблица составлена на основании данных, извлеченных из приложений к отчетам бессарабского губернатора. Данные за 1815, 1829, 1830 гг. взяты из работы А. Защюка, Бессарабская область, СПб, 1862, стр. 228. Данные за 1860 г. извлечены из работы Н. К. Могилянского, Производство хлебов..., Кишинев, 1916.

(Продолжение)

Годы	Ч е т в е р т е й			
	з е р н о в ы е		к а р т о ф е л ь	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
1857	445 119	3 081 806	15 485	95 069
1858	564 428	2 472 958	26 517	84 285
1859	445 545	1 702 312	16 804	43 350
1860	535 258	2 157 782	17 360	109 965
1861	516 814	2 038 913	18 450	118 869
1862	548 723	2 590 984	20 333	92 271
1863	633 742	3 323 815	28 321	123 099
1864	649 732	4 019 911	24 095	102 413
1865	668 859	1 493 835	23 827	49 153
1866	754 903	3 685 314	23 691	76 018
1867	836 819	2 284 380	29 959	85 321
1868	782 265	2 659 308	30 680	104 020
1869	827 415	2 668 711	37 270	136 690

*Посев и урожай зерновых культур
в Бессарабии в первой половине XIX века*

Колич. четвертей (в средних величинах за 10-летие)
в тыс.

Из приведенных данных видно, что после присоединения Бессарабии к России на протяжении всего дореформенного периода наблюдается значительный рост производства хлебов, но увеличение валового сбора зерна идет, главным образом, за счет расширения посевных площадей, а не за счет повышения урожайности. Это является характерным для периода господства барщинной системы хозяйства с его рутинным состоянием техники и низкой производительностью труда.

При неуклонном росте посевных площадей (исключая 1829—1830 гг., когда, в результате русско-турецкой войны, вследствие резкого увеличения подводной повинности крестьян Бессарабии, последние были отвлечены от сельскохозяйственной работы, и посевы несколько уменьшились) урожайность их резко колебалась, что не позволяет нам оперировать данными за отдельные годы или даже за несколько лет.

Рост посевов и сборов хлебов по годам еще не дает нам правильного представления о росте сельскохозяйственного производства вообще и его товарности в частности. Это могут дать нам лишь средние данные о посевах и сборах на душу населения за «различные периоды и данные за целый ряд лет»¹.

Выведенные нами по методике В. И. Ленина средние данные по различным периодам дают по Бессарабии следующую картину².

Периоды	Численность сельского населения	Зерновые (в четвертях)					Картофель (в четвертях)			Сбор зерновых и картофеля на душу без семян
		средне-годовой посев	средне-годовой сбор	средне-годовая норма потребления ³	сбор на душу без семян	сбор на душу товарного зерна	средне-годовой посев	средне-годовой сбор	сбор на душу без семян	
1835—1845	533 860	260 380	1 274 500	1 174 492	1,8	Нехватка	—	—	—	—
1845—1855	701 770	529 200	2 582 960	1 543 894	2,9	0,7	14 370	54 900	0,05	2,95
1860—1869	838 360	675 450	2 872 300	1 844 392	3,4	1,2	25 400	99 700	0,12	3,52

Из этих цифр видно, во-первых, что рост посевных площадей идет быстрее роста урожайности с десятины, что свидетельствует о низком уровне агротехники, являющемся харак-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 213.

² Таблица составлена на основании данных, извлеченных из приложений к отчетам бессарабского губернатора за соответствующие годы (ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 2—7, дд. 14, 136, 162, 65, 90, 72, 56, 54 и др.; ф. 1263, оп. алф., дд. 29 081, 72, 101, 184, 93 и др.).

³ Среднегодовая норма потребления на душу населения взята из расчета 2,2 четверти или 22 пуда, по В. И. Ленину (Соч., т. 5, стр. 215).

терным для периода господства феодально-крепостнических отношений; во-вторых, что наблюдается несомненное увеличение сельскохозяйственного производства вообще и товарной продукции в частности, причем увеличение посевных площадей опережает рост населения; в-третьих, что увеличивается количество собираемого (за вычетом семян) хлеба по расчету на 1 душу населения, т. е. растет именно торговое земледелие.

Ниже приводятся данные о динамике роста посевных площадей у помещиков и крестьян Бессарабии в средних абсолютных и процентных отношениях за различные периоды¹:

(в средних годовых)

	1 8 4 5 — 1 8 4 9			
	посевная площадь		сбор четвертей	
	десятин	%	четвертей	%
Общая посевная площадь и сбор	498 374	100	2 347 137	100
в том числе:				
1. У помещиков	105 000	21,1	498 720	21,2
2. У царан и резешей	237 074	47,5	1 111 760	47,4
3. У гос. крестьян	49 800	10,0	256 267	10,9
4. У колонистов	102 660	20,6	452 630	19,3
5. У новороссийских казаков	3 840	0,8	27 760	1,2

	1 8 5 5 — 1 8 5 9			
	посевная площадь		сбор четвертей	
	десятин	%	четвертей	%
Общая посевная площадь и сбор	409 210	100	2 481 370	100
в том числе:				
1. У помещиков	135 320	27,6	685 820	27,6
2. У царан и резешей	227 250	46,6	1 141 250	46,0
3. У гос. крестьян	39 820	8,1	203 230	8,2
4. У колонистов	82 880	16,9	420 670	17,0
5. У новороссийских казаков	3 940	0,8	30 400	1,2

¹ Таблица составлена на основании приложений к отчетам бессарабского губернатора за соответствующие годы (ЦГИАЛ, фф. 1263, 1281).

² Некоторое сокращение посевной площади у колонистов и государственных крестьян объясняется отторжением по Парижскому трактату южной части Бессарабии, заселенной государственными крестьянами и колонистами. В действительности посевная площадь у них значительно увеличилась.

Из приведенных данных можно заключить, во-первых, что посевная площадь крестьян и их доля в сборе хлебов абсолютно преобладали; во-вторых, что посевная площадь царан постепенно сокращалась, в 1855—1859 гг. по сравнению с 1845—1849 гг. она сократилась на 10 тыс. десятин, или на 4,1%, а у помещиков за это же время посевная площадь увеличилась на 30 тыс. дес., или на 28,9% (это объясняется расширением барской запашки за счет сокращения наделов царан, захвата резешских земель и, главным образом, за счет распашки своих целинных и залежных земель); в-третьих, что резкое сокращение посевной площади у государственных крестьян и колонистов было результатом отторжения южной части Бессарабии в соответствии с Парижским трактатом 1856 г. Эта часть Бессарабии, как известно, была заселена колонистами и государственными крестьянами.

Что касается общего количества сбора, то он за соответствующий период возрастает у помещиков значительно быстрее, чем у крестьян, вследствие расширения барской запашки и более высокой урожайности помещичьих полей.

Урожайность в Бессарабии на протяжении всей первой половины XIX века вообще была низкой. В среднем по десятилетиям она составляла сам-5, но в сравнении с данными по Европейской России урожайность в Бессарабии была несколько выше:

Годы	По 50 губ. Европейской России урожай в самах ¹	По Бессарабии, урожай в самах ²
1821—1830	3,4	5
1831—1840	3,4	4,7
1841—1850	3,6	6
1851—1860	3,6	5

Земледелие, основанное на крепостном труде, на протяжении всей первой половины XIX века давало как в Европейской России в целом, так и в Бессарабии, стационарно-низкую урожайность. Некоторое снижение урожайности в Бессарабии в 1831—1840 гг. объясняется сильной неурожайностью трех лет (1831, 1832, 1838).

Необходимо еще остановиться на вопросе, какая категория владельцев больше всего производила товарного хлеба? Ответ на это дает нам следующая таблица (см. стр. 69—70).

¹ П. И. Лященко, Указ. труд, стр. 517.

² Расчет сделан на основании приложений к отчетам бессарабского губернатора за соответствующие годы (ЦГИАЛ, фф. 1281, 1263).

Таблица роста товарного производства у помещиков и отдельных категорий крестьян
(1845—1849)¹

Величины даны в среднем за пятилетие в четвертях												
Категории владельцев	Число владельцев по категориям в душах	З е р н о в ы е						Картофель		Сбор зерновых на душу без семян	Товарный остаток на душу без годовых норм потребления	Сбор картофеля на душу, без семян
		сбор годовой	посев буду- щего года	годовая нор- ма потребе- ния	годовой то- варный оста- ток	доля во всей товарной массе (в %)	сбор годовой	посев буду- щего года				
1. Помещики	6 732	498 725	150 000	38 621	355 104	62,0	16 388	3 014	58,4	56,2	1,0	1,0
2. Царане и резеши . .	465 896	1 111 760	237 074	1 024 971	Нехватка	-	42 575	8 466	1,8	Нехватка	0,07	0,07
3. Гос. крестьяне . .	67 408	256 270	49 800	148 297	28 183	10,2	1 037	620	3,0	0,8	0,005	0,005
4. Колонисты	86 700	452 630	102 660	190 740	159 240	27,8	1 339	1 475	4,0	1,8	-	-
5. Новороссийские казаки	11 150	27 760	3 840	24 453	Нехватка	-	66	42	2,1	Нехватка	0,002	0,002
	637 886	2 347 145	498 374	-	542 527	100,0	61 405	13 617	2,8	0,6	-	-

¹ Таблица составлена на основании приложений к отчетам Бессарабского губернатора за соответствующие годы (ЦГИАЛ, ф. 1281, лл. 76, 60, 59, 56).

² Годовая норма потребления взята из расчета 2,2 четверти на душу.

(1855—1859)¹⁾

Продолжение

Категории владельцев	Число владельцев по категориям в душах	З е р н о в ы е					Картофель		Сбор зерновых на душу без семян	Товарный остаток на душу без годовых норм потребления	Сбор картофеля на душу без семян
		годовой сбор	посев будущего года	годовая норма потребления	годовой товарный остаток	доля во всей товарной массе (в %)	годовой сбор	посев будущего года			
1. Помещики . . .	6 655	685 820	135 320	32 970	517 530	71,7	5 165	1 138	82,7	80,5	0,6
2. Царане и ре- зеши ²⁾	478 450	1 141 250	227 250	1 052 590	Нехватка	—	12 608	12 182	1,8	Нехватка	0,0009
3. Гос. крестьяне	61 550	203 230	39 820	135 410	28 000	3,9	2 837	569	2,6	0,4	0,03
4. Колонисты . . .	73 510	420 670	82 880	161 722	176 068	24,4	10 206	4 067	4,5	2,3	0,08
5. Новороссийские казаки	12 270	30 400	3 940	26 994	Нехватка	—	145	70	2,1	Нехватка	0,06
	632 435	2 301 370	489 210	—	721 598	100,0	30 961	18 026	3,0	0,8	

¹⁾ Таблица составлена на основании приложений к отчетам бессарабского губернатора за соответствующие годы (ШГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, дд. 91, 72, 107, 78, 46).

²⁾ У царан и резешей, как показано, среднегодовой сбор, за вычетом семян, не покрывал годовой нормы потребления (если рассчитать по принятым нормам), поэтому годового товарного остатка у них, естественно, нет. Более того, известно, что значительная масса крестьян зачастую жила впроголодь, но часть белого хлеба продавала, ибо ей необходимо было заплатить государственные подати и покрыть другие неотложные расходы.

Из приведенных данных видно, что:

во-первых, в 40—50-х гг. производство хлебов помещиками на продажу (товарность их хозяйства) непрерывно и прогрессивно возрастало. Если в 1845—1849 гг. среднегодовой товарный остаток помещичьего хлеба составлял 355 104 четверти, или 62% всего товарного зерна, то в 1855—1859 гг. он составлял 517 530 четвертей, или 71,7% всего товарного зерна;

во-вторых, начиная примерно с 40-х гг. поступает в продажу также крестьянское зерно. В 1845—1849 гг. оно составляло 187 423 четверти, или 38%, а в 1855—1859 гг. — 204 068 четвертей, или 28,3% всего товарного зерна. Некоторое уменьшение сбора урожаев у крестьян объясняется отторжением от России в 1856 г. южной части Бессарабии, заселенной, главным образом, колонистами и государственными крестьянами, которые являлись главными поставщиками товарного хлеба;

в-третьих, среди всех категорий крестьян наибольшее количество товарного зерна производили колонисты, которые сравнительно с другими категориями крестьян были лучше обеспечены землей. Что касается царан, то их средняя обеспеченность хлебом была ниже годовой нормы.

Вместе с тем следует отметить, что и среди царан и резешей уже выделялась более богатая прослойка, которая отчуждала определенную часть хлебной продукции;

в-четвертых, посевная площадь царан значительно преобладала над посевной площадью помещиков, но в 40—50-х гг. она несколько сокращается (за указанное десятилетие она у царан сократилась на 4,1%, у помещиков же увеличилась на 28,9%). Это объясняется тем, что помещики, стремясь увеличить производство хлеба на продажу, увеличивали свою барскую запашку за счет распахки пастбищ и сокращения царанского надела;

в-пятых, урожайность помещичьих посевов была несколько выше урожайности крестьянских посевов. В 1845—1849 гг. у помещиков она составляла сам-5, а в 1855—1859 гг. — сам-5,6. У крестьян соответственно сам-4,5 и сам-5. Основная масса крестьян не могла повышать производительность своего труда, так как не имела возможности применять более усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь, улучшать систему земледелия. Все это было доступно только для помещиков и зажиточной крестьянской верхушки, особенно колонистов и резешей-однодворцев.

Таким образом, анализ экономических показателей о росте посевных площадей и сборов урожая в Бессарабии в первой половине XIX века свидетельствует не только о росте сельскохозяйственного производства вообще, но и о росте товарного производства.

Это положение подтверждается также и конкретными данными о продаже хлеба. В 30-х гг. из Бессарабии ежегодно в среднем вывозилось около 300 тыс. четвертей¹, в конце 50-х и начале 60-х гг. (1858—1863) — 970 тыс. четвертей², в том числе:

пшеницы — 800 тыс. четв., или 82 %
кукурузы — 150 тыс. четв., или 16 %
другого хлеба — 20 тыс. четв., или 2% всего хлебного экспорта.

Абсолютно преобладающее большинство хлеба, поступавшего в продажу, производилось в хозяйствах помещиков. Значительную долю поставляли колонисты. Крестьянский хлеб, по свидетельству Янсона, поступал в продажу в очень малом количестве, он шел, главным образом, на внутреннее потребление и на винокурение³. Это вытекает также из всех приведенных выше расчетов.

Развитие товарного зернового хозяйства подрывало устойчивость феодально-крепостнической системы, вносило коренные изменения в систему ведения как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Все большая связь и зависимость помещиков от растущего рынка подрывали основы замкнутого натурального помещичьего хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу, — писал В. И. Ленин, — особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»⁴.

В связи с увеличением спроса на хлеб на зарубежных рынках, а также на внутреннем, зерновые становятся главным предметом экспорта. Ежегодный вывоз хлеба из Бессарабии в 60-х годах XIX века по сравнению с 30-ми годами увеличился более чем в 3 раза в связи с увеличением спроса на него главным образом в Одесском порту, о чем, в частности, свидетельствует и движение цен.

В отдельные годы цены на хлеб в Бессарабии, а также экспортные цены в Одесском порту, сильно колебались (под влиянием неурожая, войн, изменений таможенной политики и т. д.), но в целом они непрерывно повышались, особенно после 1853 г. Это видно из нижеприводимой таблицы, показывающей цену четверти зерновых хлебов за двадцатилетие с 1847 г. по 1867 г. в Одесском порту.⁵

¹ Труды херсонского губернского статистического комитета 1866 г., том II, книга I, Херсон, 1866, стр. 5.

² Ю. Я н с о н, Исследование о хлебной торговле в Одесском районе, СПб., 1869, стр. 242.

³ Там же, стр. 221—222.

⁴ В. И. Л е н и н, Соч., т. 3, стр. 158.

⁵ А. З а ш у к, Указ. труд., стр. 235—236; П. Я н с о н, Указ. труд, стр. 429—430.

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Кукуруза
	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.
1847	4—90	3—57	2—80	2—39	1—65
1848	4—68	3—88	2—80	2—67	1—65
1850	4—10	3—98	2—80	2—55	1—65
1851	4—09	2—71	2—81	2—53	1—65
1852	3—97	2—35	2—80	2—21	1—65
1853	3—71	2—36	2—80	2—57	1—65
1854	2—80	1—90	2—10	2—03	1—22
1855	4—00	2—35	3—40	3—82	2—32
1856	6—15	5—65	4—15	4—00	3—90
1857	6—25	4—95	2—65	2—90	3—25
1858	7—64	4—12	3—75	3—25	3—37
1859	7—64	4—17	3—50	3—10	4—95
1860	8—75	4—62	4—12	8—22	6—00
1861	8—50	4—55	4—12	3—71	5—50
1862	7—45	4—60	3—55	4—02	4—82
1863	7—25	4—87	3—57	3—62	—
1864	7—10	4—42	3—10	3—30	—
1865	7—68	4—16	3—28	3—20	5—00
1866	10—50	5—22	4—62	4—43	5—70
1867	11—75	7—75	5—65	—	6—95

Между ценами пшеницы в Одессе и Бессарабии была довольно значительная разница, которая объясняется не только стоимостью доставки хлеба из Бессарабии в Одессу, но, главным образом, высокими прибылями спекулянтов, которые наживали на торговле хлебом огромные барыши.

Средняя цена в Бессарабии за 7 лет с 1847 г. по 1853 г.: пшеницы — 4 руб. 74 коп., ржи — 3 руб. 37 коп., овса — 2 руб. 82 коп., гречневой крупы — 6 руб. 85 коп.¹

¹ А. Защук, Указ. труд. стр. 236—237.

Увеличение экспорта хлеба и рост цен на внутреннем рынке послужили важным стимулом дальнейшего расширения запасов как в помещичьих имениях, так и в хозяйствах колонистов и других зажиточных крестьян.

В 1829 г. было собрано 651 тыс. четвертей, в 1854 году — 1 470 280 четвертей¹. За пятилетие (1852—1856 гг.) средний годовой сбор хлеба достиг уже 2489 тыс. четвертей. По данным А. Скальковского, в 1845 г. Бессарабия занимала второе место по величине посевной площади и первое место по валовому сбору зерна среди губерний Новороссии, в 1847 г. — третье место по посевным площадям и четвертое место по сбору урожая. По подсчетам А. Зашука, валовой сбор в Бессарабии определялся в 1860 году в 4,5 млн. четвертей².

Приведенные данные свидетельствуют о неуклонном и сравнительно быстром росте производства зерна в Бессарабии в рассматриваемый период.

С ростом цен на хлеб и расширением запасов росла и цена на землю. С 1842 по 1875 гг. цена фальчи земли (фальча — 1,3 га) в Хотинском уезде выросла с 8 до 16 руб., в Кишиневском — с 12 до 28 руб., в Аккерманском — с 2 до 12 рублей³.

Рост посевных площадей на севере Бессарабии, как и в России, происходил, главным образом, за счет увеличения барской запашки. Барская запашка в Бессарабии увеличивалась за счет сокращения царанских наделов, за счет дальнейшего захвата резешских земель, и, главным образом, за счет распашки пастбищ.

Таким образом, данные о посевах и сборах хлебов показывают относительно быстрое развитие сельскохозяйственного производства и его товарности в помещичьем и зажиточных крестьянских хозяйствах Бессарабии задолго до крестьянской реформы. Из сказанного явствуют также главные причины роста торгового земледелия, стимулировавшие производство хлеба помещиками на продажу. А рост торгового земледелия, как известно, является одним из показателей разложения феодально-крепостнического строя, «предвестником распада старого режима».

С развитием товарного производства помещики приспособляли свои хозяйства к этим новым условиям. Но чтобы перевести свои хозяйства на новые рельсы, помещики нуждались в денежных средствах для приобретения усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин. Нужда в деньгах заставляла бессарабских помещиков постепенно переводить часть своих крестьян с издельной повинности на денежную. Если в первые годы после присоединения Бессарабии к России почти

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1846, оп. 7, д. 72, л. 91.

² А. Зашук, Указ. труд, стр. 228—229.

³ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 2648, л. 18.

все крестьяне здесь находились на барщине¹, то накануне крестьянской реформы значительная часть крестьян уже была переведена на денежную повинность. Данные о формах отбываемой царанами повинности помещикам до реформы содержатся в уставных грамотах, которых по Бессарабии сохранилось меньше половины — 318. Судя по ним, царане Бессарабии накануне реформы отбывали помещикам повинности издельные, денежные и смешанные в следующей пропорции:

Издельная повинность		Денежная повинность		Смешанная повинность	
Количество хозяйств	% к общему числу хозяйств	Количество хозяйств	% к общему числу хозяйств	Количество хозяйств	% к общему числу хозяйств
219	68,8	45	14	54	17,2 ²

Из приведенных данных видно, что до крестьянской реформы в 68,8% помещичьих хозяйств царане отбывали издельную повинность, в 17,2% — смешанную и в 14% — денежную повинность.

Следовательно, производство помещиками хлеба на продажу и постепенный перевод крестьян с издельной на денежную повинность свидетельствуют о том, что капиталистические отношения в сельском хозяйстве Бессарабии развивались еще до крестьянской реформы, ибо, как указывает В. И. Ленин, крепостное хозяйство является натуральным, а капиталистическое — денежным, товарным³.

В связи с этим следует подчеркнуть, что развитие товарного производства разлагало натуральное хозяйство и приводило к дифференциации внутри крестьян и ремесленников.

В период разложения феодализма товарное производство послужило основой для возникновения капиталистического производства.

* * *

Для показа разложения феодальных отношений в первой половине XIX в. необходимо рассмотреть, в какой степени рост товарного производства сказался на состоянии и развитии

¹ Об этом свидетельствуют не только законодательные памятники (Акт господаря А. Мурузи 1805 г. — R. Rosetti, Pămîntul, sătenii și stăpînii), но и источники, рисующие их конкретное применение (контракты между помещиками и царанами о пользовании последними помещичьей землей и об отбывании ими феодальных повинностей). Эти документы хранятся в архивных фондах ЦГИА МССР.

² Таблица составлена на основании данных, извлеченных из уставных грамот ЦГИА МССР, ф. 8, оп. 2, д. 1—318.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 66.

основных отраслей сельского хозяйства — полеводства и скотоводства, а также на выращивании специальных культур — плодоводство, виноградарство и др.

Переходя к характеристике основных отраслей сельского хозяйства, необходимо указать, что исследование развития экономики сельского хозяйства Бессарабии в дореформенный период конечно не может ограничиться изучением только развития двух отраслей — полеводства и животноводства в отрыве от развития специальных культур, а также экономических отношений в целом. Поэтому охарактеризовать состояние хозяйства можно лишь рассмотрев его по различным зонам, с учетом не только различий почвенно-климатических условий, но и сложившихся социально-экономических отношений.

В северной части Бессарабии (Хотинский, Ясский, Сорокский и прилегающая к нему часть Оргеевского уезда) абсолютно преобладало крупное помещичье землевладение. Во владении помещиков накануне крестьянской реформы здесь находилось около 94% всей земли¹. Остальная земля — 6% — была во владении мелких собственников-резешей и государства.

Превосходная глинисто-черноземная почва и наличие достаточного количества рабочих рук в лице владельческих крестьян — царан (эта часть Бессарабии в первой половине XIX века была наиболее плотно населенной) позволяли помещикам развивать здесь производство хлебов для продажи в широких размерах задолго до крестьянской реформы. Уже в первое десятилетие после присоединения Бессарабии к России здесь в больших масштабах культивировались озимая пшеница, лен и кукуруза. Кроме того, в северной части этого района сеяли рожь и гречиху. В долине Днестра, в Оргеевском уезде, развивалось виноградарство, а в западной части Хотинского уезда — садоводство. Солонцеватые Бельцкие степи, протянувшиеся вдоль границ Сорокского и Ясского уездов — по рекам Реут и Куболта — создавали благоприятные условия для развития скотоводства.

Средняя часть Бессарабии, охватывающая лесную часть Оргеевского и Ясского уездов, Кишиневский уезд и приднестровскую часть Бендерского, резко отличалась от северной и южной части своими природными и хозяйственными условиями. Местность здесь гористая, лесистая; хрящеватые склоны гор способствовали развитию виноградарства, а долины рек и речушек — садоводства. Наличие в этой части крупных для того времени городов — Кишинева (40 тыс. жителей в 1840 г.) и Бендер (20 тыс. жителей в 1840 г.), представлявших собой местные потребляющие центры, способствовало

¹ Ю. Я н с о н, Указ. труд, стр. 211.

развитию овощеводства, плодоводства и виноградарства, лесных и других промыслов.

В руках помещиков здесь в середине XIX в. сосредоточивалось 77% поземельной собственности, 23% всей земли этой части Бессарабии (82 тыс. десятин в Кишиневском и 61 тыс. дес. в Оргеевском уездах) принадлежали мелким собственникам — резешам¹. Размеры помещичьих имений здесь были значительно меньше, чем в северной части области — абсолютно преобладали мелкопоместные имения. Ввиду отсутствия обширных полевых пространств главными доходными отраслями помещичьих хозяйств были виноградарство, плодоводство и лесоводство. Из полевых культур главным место в структуре посевов здесь занимала кукуруза. Кроме того, сеяли также озимую и яровую пшеницу и в незначительном количестве рожь.

Наконец, в состав южной малонаселенной части Бессарабии (которая колонизировалась на протяжении почти всей первой половины XIX века) входили Аккерманский, Измаильский уезды и юго-западная часть Бендерского. Местность здесь представляла обширную степь. Редкое население и большие пространства залежных земель способствовали развитию товарного зернового хозяйства и скотоводства, особенно овцеводства.

В середине XIX века помещичье и монастырское землевладение занимало здесь не более 30% всей площади земли. Основную часть населения этой зоны Бессарабии составляли государственные крестьяне, колонисты и новороссийские казаки. В их пользовании находилось к тому времени 55% всей земли².

Сложившиеся здесь поземельные и хозяйственные отношения наложили свой отпечаток и на развитие земледелия. На протяжении почти всей первой половины XIX века в хозяйствах помещиков хлебопашество развивалось незначительно. Ведущей отраслью помещичьего хозяйства было скотоводство, главным образом овцеводство. Земледелие получило развитие здесь в 1840—1850-х гг. главным образом в хозяйствах государственных крестьян и колонистов. Ведущее место среди посевов занимали: пшеница — арнаутка и гирка, а также льняное семя, предназначенное в основном для продажи. Здесь сеяли, правда в меньших размерах, кукурузу, просо и ячмень.

Из нижеприводимых данных видно (см. табл. на стр. 78)³, что в Бессарабии в первой половине XIX века основными по-

¹ Ю. Я н с о н, Указ. труд., стр. 211, 226.

² Там же, стр. 226—227.

³ Из-за отсутствия полных данных по целым периодам мы вынуждены ограничиться данными лишь за отдельные годы. Учитывая неуклонное возрастание посевной площади в указанный период, эти данные дают достаточное достоверную картину структуры посевов.

севными культурами являлись пшеница и кукуруза. При этом следует отметить, что на протяжении всей первой половины XIX века посевы пшеницы значительно расширились; если в 1819 г. они занимали 25,45% в структуре посевов, то в 1859 г. возросли до 36,4%. Значительно расширяются также посевы кукурузы, но их удельный вес непрерывно уменьшается. Если в 1819 г. кукуруза занимала 56,55% в общей площади посевов, то в 1859 г. — уже только 35%, уступив первое место пшенице.

Пшеница производилась главным образом в помещичьих хозяйствах и предназначалась в основном для экспорта. Больше всего культивировалось пшеницы в Сорокском и Ясском (Бельцком) уездах, где в середине XIX века она занимала до 50% всех посевов¹. В несколько меньших размерах пшеница культивировалась в Оргеевском и Кишиневском уездах, где большая площадь была занята под посевами кукурузы, в Хотинском же уезде расширялись и посевы ржи. В 40—50-х гг. XIX века большое распространение пшеница получила в Буджаке в хозяйствах колонистов и государственных крестьян, поставлявших ее в Одесский порт.

Из сортов пшеницы наибольшее распространение на севере имели голоколосая и остистая (сандомирка и красно-желтая), на юге же преимущественно культивировались арнаутка и гирка.

Необходимо подчеркнуть, что лучшие для того времени сорта озимой пшеницы, ставшие главной статьей хлебного экспорта Бессарабии, начали внедряться здесь под влиянием России. Вообще до присоединения к России озимую пшеницу в Бессарабии почти не сеяли. Впервые ее начали сеять русские и украинцы, поселившиеся в Бессарабии; они же начали внедрять такие культуры как рожь, овес и гречиха,² что значительно обогатило структуру посевов этого края.

№ п. п.	Годы	Посев в десятинах	В Т О М Ч И С Л Е									
			пшеница		рожь		ячмень		овес		кукуруза	
			в десятинах	% к общей площади	в десятинах	% к общей площади	в десятинах	% к общей площади	в десятинах	% к общей площади	в десятинах	% к общей площади
1	1819 ³	103 674	26 382	25,45	13 312	12,84	3 869	3,73	1 485	1,43	58 626	56,55
2	1837 ⁴	231 088	64 782	28,0	25 432	11,0	22 539	9,8	15 988	6,9	102 347	44,3
3	1859 ⁵	445 545	162 384	36,4	58 665	13,2	39 686	8,9	28 927	6,5	155 883	35,0

¹ Ю. Янсон, Указ. труд, стр. 221.

² Я. Сабуров, Указ. труд, стр. 3—6.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5064, л. 451.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 5, оп. 2, д. 72, св. 5, лл. 151, 189; ф. 2, оп. 2, д. 181, л. 878.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1860, оп. 6, д. 46, л. 117.

Кроме названных хлебов, в небольшом количестве здесь сеяли лен. По сравнению с другими сортами льна, сбываемыми на Одесском рынке, бессарабский лен был более чистым, хорошего цвета и пользовался большим спросом.

Кукуруза — основной продукт личного потребления в хозяйстве молдавского крестьянина — культивировалась в Бессарабии издавна. В середине XIX века в Сорокском и Ясском уездах кукуруза занимала 23%, а в Оргеевском и Кишиневском уездах более 50% всех посевов¹.

Широкое распространение кукурузы в Молдавии, как и в Валахии, объясняется не только тем, что она является наиболее урожайной и засухоустойчивой культурой, имеющей разностороннее применение в крестьянском хозяйстве (зерно служит пищей для людей, стебли используются как грубый корм для скота, а кочаны как топливо, особенно в степных районах, где нет леса), но и социально-экономическими причинами. В связи с крайним разорением молдавского и валахского крестьянства в XVIII в. турками-фанариотами, сельское хозяйство этих княжеств пришло в упадок. Сократилось не только земледелие, но и скотоводство. Многие крестьяне оказались без рабочего скота. Это привело к тому, что значительная часть крестьян, не имея рабочего скота, была вынуждена переходить от пашенно-плужного к примитивному мотыжному земледелию. А при последнем удобнее было культивировать кукурузу, чем пшеницу.

Бессарабская кукуруза мелкозернистая, желтого цвета с высоким абсолютным весом зерна была лучшей на юге России и потому пользовалась наибольшим спросом на одесском рынке². Экспортировалась главным образом кукуруза помещичьих имений, а крестьянская потреблялась крестьянами на месте. «Белого хлеба» бессарабские крестьяне сеяли мало, и к тому же большую его часть они вынуждены были продавать для уплаты налогов. Для удовлетворения собственных нужд оставалась кукуруза, причем и последней не всегда хватало.

Кукуруза в питании бессарабского крестьянина играла такую же роль, как и картофель в питании русского крестьянина.

Значительное место среди посевов занимали также просо, горох и бахчевые культуры. Последние, по замечанию Я. Сабурова, вместе с мамалыгой составляли почти единственную летнюю пищу крестьян.

В 40—50-х гг. XIX века начинает приобретать определенное значение возделывание технических культур: конопли, табака и др.

¹ Ю. Я н с о н, Указ. труд., стр. 222.

² Там же.

Таким образом, после присоединения Бессарабии к России (в результате сложившихся более благоприятных условий для края с включением его в состав общерусского рынка) расширяются посевные площади в особенности в южной части края; обогащается структура посевов лучшими сортами злаковых и технических культур; пшеница становится главным предметом экспортной торговли.

Вместе с тем, в первые десятилетия после присоединения Бессарабии к России развивалось и скотоводство, составлявшее с незапамятных времен одно из основных занятий местных жителей, особенно в уездах с обширными свободными степными землями — Аккерманском, Измаильском, Бендерском и Ясском (Бельцком).

Обе эти отрасли сельского хозяйства велись экстенсивно, что определялось общим состоянием производительных сил феодально-крепостнической системы. Только наиболее крупные помещики заготавливали запасы кормов и устраивали хорошие загоны. Вообще скот находился на подножном корму круглый год и часто бывали падежи из-за отсутствия кормов, особенно в зимнее время, а также от эпидемии оспы и чумы, что отчасти вызывалось недостатком водопоев, особенно в Буджаке. Несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, поголовье скота росло, что иллюстрируется следующими данными:

В и д ы с к о т а	1815 ¹	1835 ²	1849 ³
1. Лошадей	29 708	35 780	84 996
2. Рогатого скота	126 828	340 114	447 405
3. Овец простых	461 775	485 962	738 440
, тонкорунных	—	70 447	705 220
4. Свиной	—	44 917	68 352

В первой половине XIX в. скотоводство занимало ведущее место в экономике края, особенно на юге. Однако с каждым десятилетием, по мере роста народонаселения, развития торгового зернового хозяйства, связанного с экспортом зерна за

¹ П. Свиньин, Указ. труд, стр. 265—270, 290, 309, 319.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2720, лл. 8—17.

³ А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1, Одесса, 1850, стр. 346—347, 360.

границу и распашкой степных пространств, зерновое хозяйство все больше брало верх над скотоводством. Можно сказать, что к концу 50-х годов, т. е. накануне крестьянской реформы, земледелие заняло уже первое место в сельском хозяйстве Бессарабии. Однако оставалось еще много свободных земель, и скотоводство продолжало играть крупную роль в экономике края.

Наиболее прибыльным в период экстенсивного степного скотоводства являлось овцеводство. Шерсть, преимущественно цыгайская и мериносовая, являлась одним из основных предметов бессарабского вывоза на украинские и русские ярмарки и за границу, главным образом в Австрию.

Мериносовое овцеводство, начавшее распространяться в крае в 20-х гг., очень быстро превратилось в Бессарабии, как и в остальных губерниях Новороссийского края, в крупную товарную отрасль помещичьего скотоводства. Помещики заводили овцеводческие фермы, насчитывавшие тысячи голов овец. В 40-х гг. XIX в. наиболее крупные стада мериносовых овец были в имениях графа Эдлинга в Бендерском уезде (30 890 голов), графа Бенкендорфа в Аккерманском уезде (20 700 голов), помещиков Александрова, Хитрова, Стурдзы и др., которые сбывали огромное количество шерсти не только на внутреннем, но и на заграничном рынках¹. К началу 50-х гг. скотоводство достигло своего наибольшего развития, после чего начало постепенно падать в связи с усиленной распашкой степей под посевы пшеницы, ставшей уже в 40—50-х гг. XIX века основной культурой товарного сельского хозяйства Бессарабии.

Помещики Бессарабии выращивали также породистых лошадей главным образом для продажи в Австрию и другие страны. В 30—40-х гг. в Бессарабии насчитывалось 70 конных заводов, в которых было от 15 до 20 тыс. лошадей². Наиболее крупные конные заводы находились в имениях помещиков Балша в Бендерском уезде, Катаржи и Бузеску в Ясском уезде³.

Большое количество скота было у колонистов. По данным А. Скальковского, в 1849 г. на 10 000 хозяйств колонистов приходилось⁴:

		На 1 хоз.
лошадей	— 33 776 голов	3,3 головы
рогатого скота	— 74 666 "	7,1 "
овец	— 643 200 "	64,3 "
свиней	— 15 000 "	1,5 "

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4403, лл. 55, 60.

² Там же, д. 874, л. 313.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1845, оп. 7, д. 65, л. 19.

⁴ А. Скальковский, Указ. труд, стр. 392.

В среднем за десятилетие (1848—1856) в Бессарабии насчитывалось:

лошадей	90 539	голов
крупного рогатого скота	536 215	"
овец простых	808 522	"
тонкорунных	794 015	"
свиней	141 167	"
коз	18 031	"
ослов	1 633	"
буйволов	430	"
Всего	2 390 552	головы ¹

Мы взяли средние цифры за девятилетний период, так как в эти годы скотоводство в Бессарабии уже не развивалось такими быстрыми темпами как в предыдущие десятилетия, а находилось приблизительно на одном уровне, несмотря на то, что в Бессарабии к середине XIX в. оставалось еще большое количество нераспаханной земли, особенно в трех южных уездах. Приводимая ниже таблица об изменении поголовья скота (лошадей, крупного рогатого скота, овец и свиней) наглядно иллюстрирует этот факт:

1816 — 608 311 ²	1852 — 2 425 753 ⁸
1842 — 1 401 450 ³	1854 — 2 391 870 ⁹
1844 — 1 846 918 ⁴	1856 — 2 273 845 ¹⁰
1846 — 2 241 336 ⁵	1858 — 1 960 712 ¹¹
1848 — 2 132 712 ⁶	1859 — 1 771 535 ¹²
1850 — 2 233 145 ⁷	1862 — 1 999 066 ¹³

Таким образом, к середине XIX в. в Бессарабии было сравнительно много скота. Однако скот был сосредоточен, главным образом, в руках помещиков, а основная масса крестьян не была обеспечена скотом, особенно рабочим; например, в 1861 г. 25% царанских хозяйств вообще не имело рабочего скота¹⁴.

¹ А. З а щ у к, Указ. труд, стр. 296.

² П. С в и н ь и н, Указ. труд, стр. 265—270, 290, 309, 319. .

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1843, оп. 5, д. 71, л. 118.

⁴ Там же, 1845, оп. 5, д. 65, л. 91.

⁵ Там же, 1847, оп. 5, д. 60, л. 89.

⁶ Там же, 1849, оп. 5, д. 56, л. 79.

⁷ Там же, 1851, оп. 6, д. 54, л. 92.

⁸ Там же, ф. 1281, 1853, оп. 5, д. 86, л. 84.

⁹ Там же, 1855, оп. 6, д. 76, л. 87.

¹⁰ Там же, 1857, оп. 6, д. 72, л. 81.

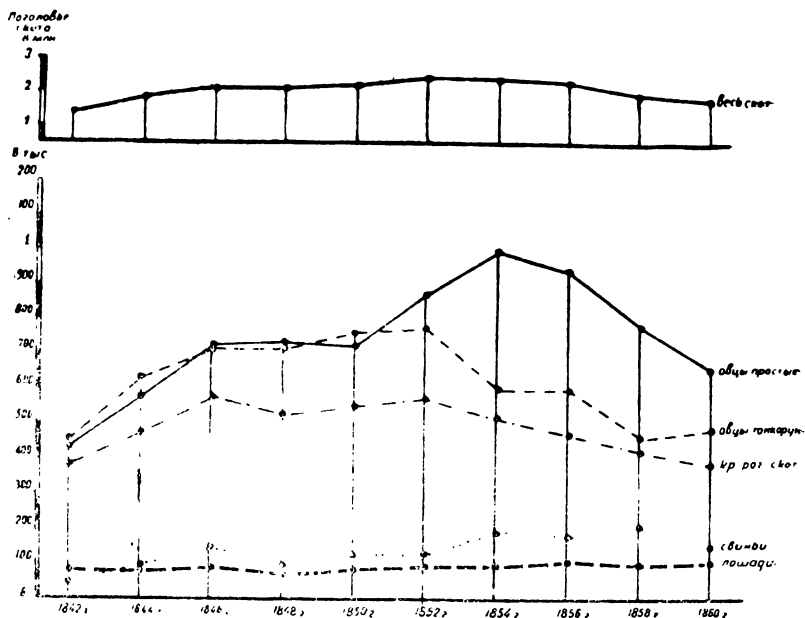
¹¹ Там же, 1859, оп. 6, д. 78, л. 112.

¹² Там же, 1860, оп. 6, д. 46, л. 119.

¹³ Там же, 1862, оп. 6, д. 38, л. 94.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1866, д. 93, ч. II, л. 332.

Движение поголовья скота в 1842-1859 гг.

Скотоводство уже в первые десятилетия после присоединения Бессарабии к России носило торговый характер. Бессарабия поставляла для продажи на внутренний и особенно на внешние рынки большое количество скота и продуктов скотоводства. За четырёхлетний период, с 1813 по 1816 гг., по данным П. Свинына, из Бессарабии через Скулянскую, Васлуйскую и Новоселицкую заставы было пропущено 47 986 волов, 15 982 овцы и 8472 лошади¹.

В течение десятилетия, с 1844 по 1854 гг., из Бессарабии в среднем ежегодно вывозилось 26,5 тыс. голов рогатого скота и лошадей, около 48 тыс. пудов овечьей шерсти, 13,5 тыс. пудов кожи, 8 тыс. пудов сыра и коровьего масла².

В начале 60-х гг. XIX века из Бессарабии отправлялось за границу товаров на сумму 6,5 млн. руб., в том числе продуктов земледелия на сумму 3685 тыс., или 55—60% общего вывоза, и продуктов животноводства на сумму 2 346 750 руб., что составляло 40—45% общего экспорта³.

¹ П. Свинын, Указ. труд, стр. 260—263.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7465, лл. 132—133.

³ А. Защук, Указ. труд, стр. 325—326.

Наряду с развитием в Бессарабии зернового хозяйства, после ее присоединения к России и установления тесных экономических связей с центральными русскими губерниями, получили большее развитие такие интенсивные отрасли сельского хозяйства как садоводство и особенно виноградарство, для которых здесь имелись исключительно благоприятные природные и климатические условия. Эти культуры были издавна известны в Молдавии и процветали в средние века, однако к концу XVIII и началу XIX вв. они пришли в упадок. Их новый подъем связан с присоединением Бессарабии к России.

О расширении площадей, занятых под виноградниками, о росте производства и сбыта вина свидетельствуют следующие данные¹:

Годы	Площадь виноградников (в д. с.)	Производство вина (в млн. ведер)	Продано вина (млн. ведер)
1819	10 500	1,1	Сведений нет
1827	11 000	1	.
1837	13 000	1	0,2
1847	19 000	2	0,5
1858	24 800	3	1

Из этой таблицы видно, что производство и сбыт вина расширились в 40—50-х гг. в связи с увеличением спроса на него в быстро развивавшихся городах России: Одессе, Петербурге, Варшаве, Харькове, Киеве, Риге, Москве и др. В эти города поставлялся также и свежий виноград.

Особенно успешно виноградарство и виноделие развивались на юге Бессарабии — в Аккерманском и Бендерском уездах, а также в районе Кодр, где природные условия вполне отвечали требованиям этой культуры.

В агротехническом отношении обработка винограда находилась на низком уровне. Главная масса крестьян-виноградарей придерживалась примитивных приемов ухода за виноградниками, не имела возможности улучшать сорта лоз и совершенствовать технику выделки вина. Открытое в 1842 г. старейшее в крае Бессарабское училище садоводства², правда, способствова-

¹ Таблица составлена на основании данных, извлеченных из архивных документов ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 878, лл. 148—182; А. Скальковский, Указ. труд, стр. 289; М. Балас, Виноделие России, ч. V, Южная Россия (Бессарабская, Херсонская, Подольская и Екатеринославская губернии), СПб, 1899, стр. 22—23.

² ЦГИА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 2618, л. 66.

ло в определенной мере развитию культуры винограда, но услугами агрономов-виноградарей могли пользоваться лишь помещики.

Быстро развивалось также садоводство. Лучшие сады находились в районе Кодр (центральная часть Бессарабии), в долине Днестра, в пределах Бендерского уезда, а также в районе Сорок, в Хотинском уезде и в долине Прута.

О расширении площадей, занятых под садами, и о сбыте фруктов говорят нижеприводимые данные¹:

Годы	Количество плодовых деревьев	Площадь (в дес.)	Продано фруктов	
			(в пудах)	(в рублях серебром)
1819	1 667 092	5 500	—	—
1847	2 400 000	8 000	20 000	18 000
1851	2 591 843	8 649	26 000	22 000

Расширение производства и сбыта фруктов в 40—50-х гг. связаны с началом их промышленной переработки (организация сушки).

Наиболее распространенными видами плодовых деревьев были слива, яблоня, груша, вишня, абрикос и пр. В середине XIX века, в связи с увеличением вывоза фруктов и ростом промышленного значения плодоводства, в Бессарабии начали выращивать новые, более высокие сорта фруктовых деревьев, несколько улучшается уход за садами. Однако это имело место лишь в помещичьих и зажиточных крестьянских хозяйствах. Основная масса крестьян не в состоянии была улучшать свои сады.

Сушеные и свежие молдавские фрукты больше всего реализовались на местных рынках, но значительная их часть вывозилась в Одессу, Петербург, Москву, Варшаву и другие города. В 40—50-х гг. XIX в. из Бессарабии ежегодно вывозилось около 20 тыс. пудов фруктов.

Таким образом, плодоводство и виноградарство постепенно приобретали торгово-промышленное значение и являлись значительным подспорьем в хозяйстве многих крестьян, особенно резешей, государственных крестьян и колонистов. Царане почти не имели садов и виноградников. Не владея собственной землей, они не решались разводить эти трудоемкие культуры на помещичьей земле, ибо им нередко приходилось переходить от одного помещика к другому. В таком случае вложенный

¹ Таблица составлена на основании: ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 878, лл. 138—142; А. Скальковский, Указ. труд, стр. 222—223; А. Зашук, Указ. труд, стр. 265.

труд по выращиванию этих культур доставался помещику бесплатно.

Помещикам принадлежали наиболее крупные промышленные сады и виноградники. Царское правительство содействовало стремлениям помещиков наиболее полно и широко использовать природные богатства края и поощряло развитие плодоводства, виноградарства и виноделия, табаководства и других ценных сельскохозяйственных культур. Так, например, в записке министра государственных имуществ от 27 ноября 1840 г. обращено особое внимание на улучшение и специализацию сельского хозяйства. По этому поводу он писал: «Я нахожу, что одна из главнейших обязанностей министерства государственных имуществ по сей части должна состоять в том, чтобы соответственно с состоянием климата и почвы каждой части государства направить там с. х. к занятиям, сколько сообразно с местностями каждого края, и выгоднейшими по ценности земледельческими произведениями...»¹. Большие средства, указывает он далее, затрачиваются на приобретение таких иностранных товаров, которые с успехом могут возделываться в России. Среди них обращают внимание прежде всего табак, красильные растения, фрукты, выделка шелка и вина².

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор Воронцов в своей записке от 21 октября 1841 г. о мерах по развитию садоводства и виноделия в Южной России³ отмечает, что в Новороссийском крае и в Бессарабии с успехом производятся все указанные «произведения», особенно вино, фрукты и табак. Для поощрения развития виноградарства, виноделия и садоводства он предлагал распространить льготы, ранее предоставленные жителям Крыма, и на Бессарабию.

Относительно развития виноделия в Бессарабии Воронцов писал, что за последние 15 лет оно здесь по крайней мере удесятерилось. В интересах развития бессарабского виноделия Воронцов настаивал на повышении пошлин на привоз греческих вин и вин Молдавского и Валашского княжеств.

Большим подспорьем в крестьянском хозяйстве Бессарабии было овощеводство. Наибольшее развитие оно получило на юге в хозяйствах государственных крестьян и особенно у болгар-колонистов, а также вокруг Кишинева, Бендер, Аккермана и других городов, являвшихся сравнительно крупными потребляющими центрами овощей. Однако в основном оно велось в потребительских целях, т. е. для обеспечения собственных нужд в овощах, которые имели особенно важное значение в питании

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, 1840, оп. 4, д. 572, лл. 1—2.

² Там же.

³ Там же, лл. 67—68.

крестьян, лишенных возможности употреблять в пищу мясные и молочные продукты.

Точных данных о площадях, занятых под овощами в Бессарабии в первой половине XIX века, не имеется. Как указывает А. Скальковский, в 40-х гг. здесь было до 60 000 огородов, но какова была их площадь неизвестно.

Промысловый характер овощеводство приобрело уже в 40—50-х гг. в хозяйствах болгар-колонистов, производивших значительное количество овощей и отправлявших их для продажи в Одессу.

Важное народнохозяйственное значение получило быстрое распространение культуры картофеля по всей Бессарабии. Об этом можно судить по ведомости о посеве и сборе урожая картофеля в губернии (в четвертях)¹.

Годы	Посев	Урожай
1841	589	2 430
1844	20 904	110 418
1854 ²	21 352	127 860

Посадки картофеля крестьянами поощрялись правительством. Например, в 1842 г. государственные крестьяне Григорица и Хандза из Хотинского уезда были представлены к денежным премиям за достигнутые ими успехи в этой области³.

Расширение посадок картофеля объясняется в большой мере тем, что, благодаря его дешевизне, он стал одним из наиболее важных продуктов питания крестьян и тружеников городов.

Определенное развитие получают в это время и некоторые технические культуры.

Из технических культур табаководство было известно в Бессарабии еще в середине века. Однако вплоть до 40-х гг. оно не имело промышленного значения. Табак разводили только для личного потребления. По свидетельству Я. Сабурова, в 20-х гг. в Бессарабии посевы табака встречались в малом количестве лишь в некоторых местах⁴. В 40-х гг. посевы табака занимали не более 500—600 дес., а в 60-х гг. более 10 тыс. дес.⁵. Сборы табака в 40-х гг. в среднем составляли 20 тыс., в 50-х гг. — 100 тыс. пудов⁶, а в 60-х — возросли до 500 тыс.

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, 1844, оп. 4, д. 2231, л. 6.

² ЦГИАЛ, ф. 1263, 1845, д. 1708, л. 1114.

³ ЦГИАЛ, ф. 398, 1842, д. 1289, л. 4.

⁴ Я. Сабуров, Указ. труд, стр. 15.

⁵ «Сельское хозяйство и лесоводство», СПб, 1888, стр. 139.

⁶ А. Зашук, Указ, труд, стр. 258—260.

пудов¹. Половина этого количества вывозилась в центральные губернии России.

Наибольшее распространение табаководство получило в Сорокском, Оргеевском и Кишиневском уездах.

Более широкое развитие оно получило после крестьянской реформы — в 70-х гг., когда царане, получив наделы, имели возможность беспрепятственно развивать эту культуру.

Таким образом, в Бессарабии в дореформенный период, наряду с развитием товарного зернового хозяйства и животноводства, развивались также специальные отрасли: садоводство, виноградарство и виноделие, приобретавшие торгово-промышленное значение. В 40—60-х гг. промыслово-торговый характер приобрели овощеводство и табаководство.

С развитием товарно-денежных отношений сельское хозяйство Бессарабии постепенно становилось более интенсивным.

* *

Важным показателем развития сельского хозяйства является состояние агротехники.

Агротехника в Бессарабии в первой половине XIX века была крайне низка. Земледелие велось экстенсивно. Зерновые культуры занимали более 90% всей обрабатываемой земельной площади². Как уже отмечалось, основными зерновыми культурами были пшеница и кукуруза. Ячмень, рожь, овес, гречиха и просо занимали значительно меньшие площади.

Увеличение производства хлеба помещиками Бессарабии на продажу производилось не за счет улучшения системы земледелия, применения удобрений и более усовершенствованной техники, а путем хищнической эксплуатации новых плодородных земель на юге Бессарабии, а также путем сокращения царанских наделов.

Система полеводства значительно отставала от русских губерний нечерноземного центра. Если там уже господствовала трехпольная система, то в Бессарабии, как уже указывалось, в связи с наличием свободных земель еще преобладала переложная система, особенно на юге. Земли после снятия нескольких урожаев оставлялись под перелогом в течение нескольких лет (на юге — 10—15). Однако с каждым десятилетием, по мере роста населения и развития товарного зернового хозяйства, площадь, оставляемая под перелогом, уменьшалась. Местами, преимущественно в Хотинском уезде, получила развитие трехпольная система, а в некоторых помещичьих хозяйствах вводилась даже многопольная система.

¹ А. Ег у н о в, Указ. труд, т. I, 1864, стр. 247.

² А. З а щ у к, Указ. труд, стр. 248.

Важным шагом в развитии земледелия являлся постепенный переход от переложной к трехпольной системе полеводства, но и она не могла удовлетворить растущие потребности товарного хозяйства, обусловленные ростом спроса на сельскохозяйственные продукты со стороны внутреннего и внешних рынков.

Вначале в земледелии применялись примитивные орудия, сохранявшиеся веками в неизменном виде. Среди них наибольшее распространение имели малороссийский двухколесный плуг, в который впрягали 3—5 пар волов¹, однозубое рало и деревянные бороны.

Позже, особенно на юге, в хозяйствах немецких и болгарских колонистов, а также в помещичьих имениях в Хотинском и Сорокском уездах, постепенно начали распространяться и более усовершенствованные орудия. В 40-х гг. начали применять саксонский плуг, особенно в хозяйствах немецких колонистов. В 60-х гг. некоторые помещики, как отмечает А. Егунов, обзавелись даже паровыми плугами².

Сеялки начали вводиться лишь в 50—60-х гг. в хозяйствах некоторых помещиков и колонистов. Уборка хлеба производилась серпом и косой. Последняя больше применялась на юге. Обмолот производился в основном цепами и катками.

Уборка хлебов являлась самой страдной порой всего сельскохозяйственного года, и помещичьи хозяйства (особенно юга) и колонисты испытывали острую нехватку в рабочих руках. В связи с этим в некоторых помещичьих и колонистских хозяйствах начали применять более усовершенствованные орудия и даже машины — косилки, жатки, а также молотилки и веялки.

Чтобы увеличить производительность своих хозяйств, некоторые помещики начали применять и наемный труд, более продуктивный, чем даровой труд царан. Это говорит о зарождении элементов капиталистической организации сельского хозяйства Бессарабии еще до крестьянской реформы.

Примитивные сельскохозяйственные орудия могли удовлетворить сельскохозяйственное производство пока оно носило натуральный характер. Но с развитием товарно-денежных отношений, с увеличением спроса на хлеб как на внутреннем, так и, особенно, на внешних рынках, для удовлетворения растущих потребностей товарного производства возникла необходимость в применении более усовершенствованной с. х. техники и введении машин. Надо отметить, однако, что крепостнические производственные отношения, основанные на даровом

¹ Я. Сабуров, Указ. труд., стр. 3—4.

² А. Егунов, Указ. труд, т. I, стр. 294.

труде, являлись серьезным препятствием на пути усовершенствования и внедрения новой техники и машин.

Из-за примитивной техники и отсталой системы земледелия, несмотря на чрезвычайно высокое плодородие почв Бессарабии, урожаи в среднем были низкими, с большими колебаниями от года к году.

Вообще низкая урожайность была характерной для эпохи господства феодально-крепостнической системы. Неурожайные годы и голодовки были очень частыми. Например, в период 1848—1866 гг. было 6 неурожайных, 7 малоурожайных и лишь 6 урожайных лет¹. Об этом же свидетельствует приведенная на стр. 64—65 таблица посевов и сборов хлебов за 1814—1869 гг.

Отсталость системы земледелия, примитивность техники, стихийные бедствия (неурожай, саранча) губительно отражались прежде всего на состоянии крестьянского хозяйства, вследствие малоземелья и отсутствия рабочего скота у основной массы крестьян.

Таким образом, в сельском хозяйстве Бессарабии на протяжении всего периода с 1812 по 1861 гг. господствовала феодально-крепостническая барщинная система со всеми присущими ей характерными чертами. В то же время в недрах этой системы развивались новые капиталистические формы производства, подрывавшие ее основы. В сельском хозяйстве Бессарабии происходили глубокие изменения.

Помещичье хозяйство в Бессарбии, как и в других губерниях России, приобретало все более и более товарный характер, что подрывало феодально-крепостнические устои.

Академик П. И. Ляшенко, говоря об изменениях в помещичьем хозяйстве юга России (Новороссии и Бессарабии), справедливо отмечает, что «элементы капиталистической техники и организации сельского хозяйства впервые и в наибольшей мере начинают зарождаться на юге, где крепостные отношения вообще были распространены в слабой степени и где близость международного рынка и широко поставленное товарное экспортное производство наиболее рано стали требовать применения вольнонаемного труда и капиталистической техники»². Развивая это положение, он пишет: «...вообще южно-русское колониственное «фермерское» хозяйство являлось одной из наиболее развитых форм капиталистического хозяйства, преимущественно зернового и животноводческого направления,

¹ Денкинг, Обзор деятельности Бессарабского училища садоводства, Кишинев, 1867.

² П. И. Ляшенко, Указ труд. стр. 508.

высокотоварного характера, работавшего с применением наемного труда и машинной техники. Рядом с этим фермерско-крестьянским хозяйством здесь, уже с 1820—1830 гг., создаются крупнейшие капиталистические хозяйства, сначала экстенсивно-животноводческих направлений (мериносовое овцеводство), а затем все более переходящее к исключительно зерновым направлениям и к производству на экспорт»¹.

Немецкие и болгарские колонисты Бессарабии по сравнению с государственными крестьянами и резешами (не говоря уже о царанах) значительно лучше были обеспечены землей. При переселении они получили по 50—60 десятин земли на семью. Однако, по сообщению А. Скальковского, к 40-м гг. XIX в. в результате расслоения некоторые колонисты оказались безземельными и малоземельными, другие же, помимо наделенной земли, владели значительной площадью земли, приобретенной путем покупки. Кроме того, они арендовали землю. В 1846 г. болгарские колонисты приобрели при помощи покупки в собственность 12 592 десятины и арендовали 12 217 десятин². Эти земли несомненно сосредоточивались в руках зажиточных крестьян, сбывавших на рынок большую часть сельскохозяйственных продуктов.

Хозяйство колонистов, особенно болгарских, становилось многоотраслевым. Они занимались хлебопашеством, садоводством, виноградарством и овощеводством, а некоторые из них — табаководством, шелководством и промысловым рыболовством на Пруте, Днестре и в лимане.

В отличие от хозяйства царан, резешей и отчасти государственных крестьян, где главное место в структуре посевов (иногда до 70%) занимала кукуруза, которая шла на внутрихозяйственное потребление, в структуре посевов немецких и болгарских колонистов главное и преобладающее место занимала яровая и озимая пшеница, предназначенная в значительной мере на продажу.

В хозяйстве колонистов применялась уже более усовершенствованная техника. Наряду с малороссийским плугом, применялись более усовершенствованный «саксонский» плуг, двухрядные или 36-зубные бороны, культиваторы, катки, молотильные машины и др.³. Вообще хозяйство колонистов было наиболее обеспеченным рабочим скотом и сельскохозяйственной техникой.

Говоря о развитии торговых отношений у колонистов,

¹ П. И. Лященко, Указ. труд, стр. 509.

² А. Скальковский, Болгарские колонии в Бессарабии и в Новороссийском крае, журн. МВД, книга 3, март 1848, стр. 323.

³ А. Скальковский, Опыт статистического описания..., т. II стр. 68.

А. Скальковский отмечает, что «в сущности каждый колонист есть торговец, ибо он не довольствуется упрочением своего только продовольствия, а старается производить иногда в десять и даже в сто раз больше хлеба, овощей, вина, сена, нежели ему нужно, и разводить и кормить скот для продажи на базарах, ярмарках и в больших торговых городах, каковы: Одесса, Измаил или Бельцы»¹. Для расширения производства некоторые колонисты, кроме своих казенных участков, брали землю в аренду у помещиков и крестьян, а также покупали участки земли и, таким образом, расширяли свою запашку в целях производства для продажи хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Многие колонисты занимались постоянной торговлей. Среди болгарских колонистов в 1847 г. насчитывалось 13 гильдийских купцов и 435 купцов, постоянно торговавших без записи в гильдию². Болгарские купцы-колонисты торговали, главным образом, рогатым скотом, который большими гуртами отправлялся для продажи на бельцкой ярмарке, а также зерном, отправлявшимся за границу через одесских или измаильских купцов. Богатые болгарские купцы имели торговые связи с Константинополем и другими заграничными рынками.

По данным А. Скальковского, среднегодовой торговый оборот болгарских колонистов в 40-х гг. XIX века составлял около 2 млн. руб. асс.

В то время как фермерское хозяйство колонистов юга Бессарабии успешно развивалось по капиталистическому пути, помещичье хозяйство центральной и северной части Бессарабии, хотя и приобретало все более товарный характер, перестраивалось на новый лад медленно. Большинство помещиков цепко держалось за отсталые формы ведения хозяйства и чуждалось применения новых технических приемов и усовершенствованных машин. Царане Бессарабии не были заинтересованы в увеличении производительности труда на помещичьих полях.

Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Введение же новой сельскохозяйственной техники, улучшенных методов обработки земли и машин в условиях подневольного положения царан не оправдывало себя. Все же, в связи с расширением запашки, помещичьи хозяйства, особенно на юге Бессарабии, начали все чаще прибегать к сезонному найму рабочей силы и применять машины. Это вызвало значительный приток рабочей силы из центральных губерний России, который особенно усилился, как

¹ А. Скальковский, Болгарские колонии в Бессарабии и в Новороссийском крае, журнал МВД, книга 3, март 1848, стр. 353—354.

² Там же, стр. 354.

указывает В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», во второй половине XIX века.

Сельское хозяйство Бессарабии неуклонно развивалось по линии экономической специализации отдельных районов, по линии развития торгового зернового хозяйства и скотоводства как в помещичьем, так и в крестьянском (колонистов, государственных крестьян) хозяйстве. Это явилось также результатом установившихся тесных связей экономики Бессарабии с общерусским и международными рынками.

§ 3. Развитие ремесла и кустарной промышленности

На протяжении всей первой половины XIX века ремесленно-мануфактурное производство в Бессарабии находилось на низкой ступени развития. Немногочисленные ремесленные предприятия и мануфактуры занимались, главным образом, переработкой сельскохозяйственного сырья — основного богатства края.

В условиях господства феодально-крепостнической системы наибольшее развитие получил домашний промысел, продукция которого была рассчитана на удовлетворение собственных нужд. «Домашние промыслы, — как указывает В. И. Ленин, — составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства...»¹.

Из-за неразвитости ремесленного и мануфактурного производства местное сырье перерабатывалось в небольшом количестве. Так, например, в Австрию из Бессарабии в 20-х гг. XIX в. вывозилось ежегодно в среднем до 10 тыс. невыделанных кож и обратно ввозилось почти столько же выделанных². Даже производство вина, — важная отрасль хозяйства Бессарабии — велось самым примитивным способом.

После присоединения к России хозяйство Бессарабии стало развиваться быстрее, но все же значительно отставало от общего уровня экономического развития России, особенно в промышленном отношении. Это объяснялось как тяжелым наследием прошлого турецко-фанариотского режима, так и особой политикой царского самодержавия, проводившейся им на окраинах, в частности в Бессарабии, политикой, которая была направлена прежде всего на расширение базы феодальной эксплуатации крестьян и на превращение окраин государства в колонии.

Это объясняется также и тем, что в начале XIX века бессарабский рынок и ремесленное производство края почти не бы-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 285.

² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. II, ед. хр. 268, лл. 1—7; и у Свиньина, Указ. труд., стр. 262—263.

ли ограждены от иностранной, особенно австрийской, торгово-промышленной конкуренции, которая отрицательно отражалась на развитии местного мануфактурного производства. Об этом свидетельствуют жалобы, адресованные бессарабской администрации со стороны местных купцов. Особенно характерной в этом отношении является записка от 6 июня 1823 г., адресованная областным гофмаклером Моргенштерном бессарабскому губернатору¹.

В своей записке Моргенштерн указывает, что иностранные купцы, особенно австрийцы, приобретают за бесценок на бессарабском рынке сырье, а промышленные изделия, изготовленные из бессарабского сырья, продают по весьма высоким ценам². Выражая интересы местного купечества, гофмаклер требует ограждения бессарабского рынка от австрийской конкуренции. Он обоснованно доказывает необходимость и возможность создания на месте шерстяных и суконных фабрик, кожевенных, маслобойных, стекольных, шляпочных и других предприятий, для которых в Бессарабии имеется достаточное количество сырья и большой спрос населения³.

И действительно, после присоединения Бессарабии к России в этом крае быстро увеличивается население, в том числе и городское, растут города и местечки, развивается вместе с тем, спрос на внутреннем рынке, являющийся главным стимулом развития как сельскохозяйственного, так и промышленного производства.

Картину роста городского населения дают следующие данные⁴:

№ п. п.	Наименование городов	Население в них		
		1819 г.	1836 г.	1861 г.
1	Кишинев	10 967	23 600	87 000
2	Аккерман	5 472	13 587	41 500
3	Бендеры	5 064	5 478	23 000
4	Бельцы	1 569	2 098	8 900
5	Сороки	1 782	2 170	5 300
6	Хотин	3 462	8 995	18 000
7	Кагул	1 530	2 380	4 300
8	Оргеев	2 080	2 582	4 600
9	Измаил	6 570	14 418	29 300
10	Килия	3 620	4 149	6 500
11	Рени	1 547	—	7 200

¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 11, д. 268, лл. 1—7.

² Там же, л. 7.

³ Там же, д. 168, л. 4.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, дд. 2718, 2723; А. Скальковский, Указ. труд, стр. 355; ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2729, лл. 2—5, 9, 16, 19—20, 30—31, 37, 389; д. 517, лл. 257, 97; д. 2723, лл. 16—17.

Из приведенных данных видно, что быстрее других развивался город Кишинев, ставший административным центром области, а также торговые города Аккерман, Измаил и Бендеры.

В 1812 г. в Кишиневе насчитывалось всего 7 тыс. жителей, в 1836 — 23,6 тыс. человек, а в 1860 г. уже было 87 тыс. За 50 лет население города увеличилось более чем в 12 раз.

В начале XIX в. около старинной крепости Бендеры был заложен город — Бендеры. В 1815 г. в Бендерах насчитывалось 1,7 тыс. жителей, в 1836—5,5¹, а в 1860—23 тыс. жителей. Расположенный на скрещивании сухопутных и речных путей, город быстро приобрел важное экономическое значение.

Ко времени присоединения Бессарабии к России Бельцы были незначительным местечком, принадлежавшим помещику. В 1818 г. Бельцы были преобразованы в город. В 1836 г. в нем насчитывалось свыше 2 тыс., а в 1850 г. свыше 8 тыс. жителей. В городе собирались 4 ежегодные ярмарки, на которые пригонялись и продавались большие гурты скота. На бельцкие ярмарки съезжались иностранные купцы, которые покупали и отправляли за границу много скота.

На крайнем севере Бессарабии значительно вырос старинный город Хотин, расположенный около одноименной крепости. При уходе турки почти совершенно разорили город, и ко времени присоединения Бессарабии к России он был опустошен. Однако затем город стал быстро расти.

На юге Бессарабии в XIX в. быстро развивается древний город Белгород-Днестровский (Аккерман). Удобное его расположение у впадения Днестра в Черное море явилось предпосылкой быстрого роста города. Его жители занимались рыболовством, добычей соли, торговлей, виноделием. Особенно славились аккерманские вина, в большом количестве отправлявшиеся за пределы Бессарабии. Однако города Бессарабии росли как торговые и административные, но не как промышленные центры.

Установившиеся тесные экономические связи с Россией, рост населения и увеличение спроса на внутреннем рынке ускоряли развитие ремесленно-мануфактурного производства и торговли Бессарабии, а вместе с тем увеличивалось количество рабочих, занятых в них. Крепостническое мануфактурное производство постепенно вытеснялось мануфактурами, основанными на вольнонаемном труде, что свидетельствовало о зарождении капиталистического производства.

По официальным данным в 1828 г. в Бессарабии насчитывалось 78 промышленных предприятий ремесленно-мануфактурного типа, в том числе 10 пивоваренных, 1 макаронное, 4 салотопенных, 37 свечных, 20 мыловаренных, и 1 воскобойное, 5 бумажных и шелковых².

¹ ЦГИА МССР. ф. 2. оп. 1, д. 2718, л. 104.

² Там же, д. 879, л. 327.

Дальнейший количественный рост промышленных предприятий в первой половине XIX в. характеризуется следующими данными¹.

Годы	Число предприятий	Стоимость вырабатываемой продукции	Число рабочих
1830	144	78 600 руб.	1 500
1848	297	99 184 .	1 300
1850	295	508 366 .	2 600
1856	519	1 128 521 .	9 500
1858	435	918 000 .	2 182

Сокращение числа предприятий в Бессарабии после 1856 г. объясняется тем, что в 1856 г. по Парижскому договору от России была отторгнута южная часть Бессарабии, где находились дунайские рыбные предприятия, соляные промыслы и ряд предприятий южных городов Бессарабии и болгарских колоний.

В конце 50-х и начале 60-х гг. в Бессарабии насчитывалось 28 паровых мельниц², большая часть которых сосредоточивалась в имениях помещиков. Самые крупные из них — Фунге и К^о, общей мощностью перемола до 300 четвертей в сутки (в Кишиневе), и Горелова (в Аккермане), мощностью перемола 120 четв. в сутки.

Появление в Бессарабии паровых мельниц является свидетельством начала развития капиталистической промышленности, ибо, как указывает В. И. Ленин, «паровые мельницы — характерный спутник эпохи крупной машинной индустрии»³.

Кроме того, в Бессарабии насчитывалось более 6 тыс. конных, водяных и ветряных мельниц⁴.

Место нахождения	Конных	Водяных	Ветряных	Всего
В городах	63	24	240	327
В уездах:				
Кишиневском	289	53	702	1 044
Оргеевском	440	126	517	1 083
Ясском	87	108	278	473
Сорокском	69	136	216	421
Хотинском	35	383	32	450
Бендерском	289	—	744	1 033
Аккерманском	236	1	1 002	1 239
Итого . . .	1 508	831	3 731	6 070

¹ А. З а щ у к, Указ. труд, стр. 327—330; ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3938, лл. 126—128.

² Ю. Я н с о н, Указ. труд., стр. 227—228.

³ В. И. Л е н и н, Соч., т. 3, стр. 420.

⁴ Ю. Я н с о н, Указ. труд, стр. 228.

Наиболее крупным промышленным центром был город Кишинев. Здесь сосредоточивалось около половины ремесленных и мануфактурных предприятий и абсолютное большинство рабочих. В 1840 г. ремесленно-кустарное и мануфактурное производство Кишинева представляло следующую картину:

Наименование кустарно-ремесленных предприятий	Количество предприятий	Количество рабочих
1. Суконные и шерстяные	1	49
2. Полушелковые и бумажные	7	46
3. Ткацко-бумажные	1	31
4. Набивные	5	42
5. Красильные	7	27
6. Медноплавильные	4	26
7. Чугунолитейные	1	9
8. Салотопенные	9	170
9. Мыловаренные	17	44
10. Свечные	16	46
11. Овчинные	27	116
12. Кожевенные	48	137
13. Кирпичные и черепичные	6	69
14. Пивоваренные	2	17
15. Макароны	1	4
16. Шерстомойные	4	442
17. Винодельческие	1	5
Итого . . .	157	1 280

В первой четверти XIX в. большая часть мануфактурных предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов (винокуренные, пивоваренные, салотопенные и др.) была сосредоточена в руках помещиков и основана, главным образом, на принудительном труде молдавских царан.

К такому типу мануфактур принадлежало винокуренное предприятие помещика Катаржи в с. Вертюжаны, Сорокского уезда. В 1858 г. на этой мануфактуре работало 36 зависимых от владельца царан. Здесь производилось 37 тыс. ведер водки в год на сумму около 50 тыс. рублей. Такого же типа были винокуренные мануфактурные предприятия князя Стурдзы в с. Тарасовцы, Хотинского уезда, где работал 21 человек; поме-

щика Макареску в с. Васкоуцы, Сорокского уезда, где работало 14 человек; помещика Добровольского в м. Ганчешты, Кишиневского уезда, где работало 25 рабочих, и другие¹. В 1858 году в Бессарабии выкуривали 654 тыс. ведер водки, что в три раза превышало производство водки в 1838 году.

Наряду с помещичьими мануфактурами, основанными на даровом труде царан, уже в первой четверти XIX в. возникают предпринимательские мастерские. Основателями мелких капиталистических предприятий были купцы-скупщики, цеховые мастера и зажиточные крестьяне, особенно из однодворцев мазыл, резешей и колонистов.

Купцы-скупщики, выступая в роли посредников, закабалили крестьян-ремесленников и постепенно вытесняли их с рынка. Разоренные и закабаленные крестьяне-ремесленники вынуждены были выполнять на дому заказы скупщика из его материала, получая за это определенную плату. Скупщик становился предпринимателем, а бывшие ремесленники — наемными рабочими. Так, например, в 1858 г. в м. Атаки, Сорокского уезда, 18 закабаленных крестьян-ремесленников, занимавшихся сапожничеством, выполняли на дому заказы скупщика, хозяина кожевенного предприятия².

Купеческие мануфактурные предприятия пользовались только вольнонаемным трудом. На кишиневском восковом предприятии купца Иноземцева, вырабатывавшем продукцию на 17 тыс. руб. в год, работало 11 наемных рабочих. На мыловаренном заводе купца Зельмана в г. Бельцы работало 22 наемных рабочих³. В 1834 г. на купеческой фабрике в с. Вистеричены, которая выделявала в год 22 580 набивных кисейных платков и много других товаров, работало 35 вольнонаемных рабочих⁴. В 1845 г. на аккерманском салотопенном заводе, вырабатывавшем продукцию на 25 тыс. руб. в год, работало 60 наемных рабочих⁵. На двух купеческих салотопенных предприятиях м. Каушаны работало 66 наемных рабочих. На предприятиях этого местечка производилась продукция на 19 тыс. руб. в год. Наемный труд применялся в купеческой сукновальной мануфактуре в г. Аккермане, на табачном предприятии купца Сербул в Бельцах, в шляпной мануфактуре купца Рабиновича и во многих других.

Основателями многих мелких капиталистических мануфактур были цеховые мастера, разбогатевшие путем жестокой эксплуатации учеников-подмастерьев. В первой четверти XIX в.

¹ А. З а щ у к, Указ. труд, стр. 331—338.

² Там же, стр. 337.

³ Там же.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2470, л. 7.

⁵ Там же, д. 5063, л. 58.

в Бессарабии существовала довольно широкая цеховая организация. В 1817 году в одном городе Кишиневе были созданы цехи: портняжный, суконно-шапочный, кузнечный, шорный, серебряных, золотых и медных дел мастеров, плотничий, стекольный и каменщиков¹. Вскоре после этого был организован и хлебопекарный цех.

Цехи объединяли значительное количество ремесленников. В некоторых цехах насчитывалось по 80—100 человек. Количество ремесленников, объединенных в цехи, быстро возрастало. Если в 1835 г. в городах Бессарабии насчитывалось 2600 цеховых ремесленников², то в 1858 г. их было уже около 7 тыс.³

Цеховые организации представляли далеко не однородную массу ремесленников. На протяжении всей первой половины XIX в. в цехах происходили глубокие социальные изменения. Значительная часть ремесленников попадала в кабалу к богатым хозяевам, разорялась и постепенно превращалась в наемных рабочих. Вместе с тем, из числа ремесленников выделялись предприниматели, у которых работало по несколько подмастерьев и учеников. Так, у владельца шляпной мастерской Зельмановича в г. Бельцы работало 5 подмастерьев-учеников на положении наемных рабочих. В кожевенной мастерской Ципурлина в Оргееве работало 8 учеников-подмастерьев. В кирпичной мастерской Волкова в Кишиневе работало 6 учеников-рабочих и т. д.⁴

Внутри цехов шла ожесточенная борьба. Ремесленники, подмастерья, ученики вели борьбу против владельцев крупных мастерских, требовали уравнивания в правах и улучшения условий труда. В недрах цехового строя разгорается классовая борьба.

Собственниками мануфактурных предприятий становились и некоторые зажиточные крестьяне. Накопив значительные капиталы путем эксплуатации в своем хозяйстве бедных крестьян, они помещали накопленные суммы в промышленное производство — создавали или приобретали промышленные предприятия и сами, таким образом, становились предпринимателями. Особенно выделялись в этом отношении в Бессарабии богатые колонисты и зажиточные резеши. Ремесленно-мануфактурное производство в болгарских и немецких колониях развивалось довольно быстро. В 1837 г. у колонистов насчитывалось 16 красильных и сукновальных предприятий, 1679 чесально-ткацких станков для выделки грубых сукон, на кото-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5063, л. 59.

² Там же, дд. 2724, 2729, 2897, 3003, 3615.

³ А. З а ш у к, Указ. труд, стр. 189.

⁴ Там же, стр. 337.

рых производилось до 70 тыс. аршин сукна в год, 1680 ткацких станков для тканья полотен. Всего ремесленников, которые вместе с тем занимались и сельским хозяйством, насчитывалось около 4 тыс.¹.

В 1846 г. количество ремесленно-мануфактурных предприятий у колонистов значительно увеличилось. У них насчитывалось 55 разных предприятий и 423 шерстяные самопрялки, свыше 11 тыс. ткацких станков, на которых производили 185 800 аршин сукна и 408 тыс. аршин полотна. Всего ремесленников среди колонистов насчитывалось около 8 тыс. Однако большинство из них одновременно занималось и сельским хозяйством, и только около 900 — одним ремеслом². В с. Шостац, Сорокского уезда, богатый резеш владел винокуренным заводом, где работало 9 наемных рабочих и вырабатывалось около 25 тыс. ведер водки в год на сумму 36 тыс. рублей³. Промышленное производство в Бессарабии вплоть до середины XIX века оставалось на мануфактурной стадии развития с преобладанием кустарной и домашней промышленности. Мануфактурное и ремесленное производство Бессарабии в 1857 г. составляло лишь немногим более 1% общего числа предприятий России, а стоимость производства бессарабских предприятий — лишь около 0,4% стоимости производства всех русских предприятий.

Таким образом, несмотря на сравнительный рост ремесленно-мануфактурного производства Бессарабии, в общерусской экономической системе оно занимало еще ничтожное место.

Только во второй половине XIX века, после крестьянской реформы, в Бессарабии начинает развиваться высшая форма капиталистической промышленности — фабрика с вольнонаемным трудом и применением сложных машин и паровых двигателей.

Вместе с развитием капиталистических мастерских и превращением их в мануфактуры зарождалась и буржуазия. Аграрное направление в экономике Молдавии определяло медленный рост промышленного производства и пролетариата. Поэтому промышленный пролетариат Бессарабии был слаб и малочислен. В конце 50-х гг. XIX в. общее количество рабочих, с учетом и работавших на мельницах, едва составляло 8,5 тыс. человек⁴.

Количество сезонных рабочих было довольно велико. Так, например, только для обслуживания судоходства по Днестру в

¹ ЦГИАЛ, ф. 379, 1873, д. 2652, л. 36.

² А. Скальковский, Указ. труд, стр. 357—359.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3066, л. 22.

⁴ Там же, д. 3546, лл. 34—35.

течение десятилетия, с 1849 по 1858 гг., работало следующее число рабочих по годам:

Г о д ы	Число судорабочих на судах ¹			
	галерах	плотах	плошкаутах	всего
1849	2 416	1 048	64	3 528
1850	3 860	672	8	4 540
1851	1 732	732	—	2 464
1852	6 081	444	184	6 709
1853	6 704	820	90	7 614
1854	220	512	—	732
1855	980	494	224	1 698
1856	2 008	820	138	2 966
1857	2 608	860	128	3 596
1858	4 830	1 040	13	5 883
Итого . . .	31 439	7 442	849	39 730

Наемные рабочие выходили из рядов разорившихся крестьян-ремесленников, из цеховых подмастерьев и учеников, большинство которых постепенно переходило на положение наемных рабочих.

В Бессарабии, как и в других губерниях России, рабочие жили и работали в чрезвычайно тяжелых условиях. Рабочий день продолжался 12—14 и даже 16 часов в сутки, причем рабочие получали ничтожную плату, которой едва хватало на полугодовое существование. Широко применялся женский и детский труд, особенно на табачных, кожевенных и красильных предприятиях. Но наиболее трудным было положение крестьян-рабочих, работавших на помещичьих предприятиях. Они были совершенно бесправными, за малейшие проступки подвергались телесным наказаниям и другим оскорблениям и издевательствам.

* * *

Таким образом, промышленность Бессарабии в первой половине XIX в. была развита слабо. Она основывалась, главным образом, на переработке сельскохозяйственных продуктов. Винокуренные и небольшое число других предприятий

¹ Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., Кишинев, 1862, стр. 191.

принадлежали помещикам и в первой четверти XIX в. основывались преимущественно на даровом труде царан. Но в условиях зарождавшегося капитализма, из-за нерентабельности принудительного труда царан, помещики постепенно стали применять труд наемных рабочих. Наряду с помещичьими предприятиями создавались и более быстро развивались купеческие и крестьянские мануфактурные капиталистические предприятия, основанные на наемном труде. Это свидетельствует о том, что в Бессарабии, как и в других губерниях России, в первой половине XIX в. в недрах феодально-крепостнического строя развивался новый капиталистический уклад.

§ 4. Состояние и развитие торговли в Бессарабии в 1812—1861 гг.

Характер развития торговли Бессарабии, как и всей России того времени, определялся особенностями экономики феодально-крепостного хозяйства. Главной формой внутренней торговли была ярмарочная, которая, в условиях отсутствия железных и хороших шоссейных дорог, отличалась медленностью своих оборотов; торговые перевозки в Бессарабии осуществлялись гужевым транспортом во внутренней части Бессарабии и водным путем по Днестру, Пруту и Дунаю, а затем Черным морем.

Бессарабия вывозила, главным образом, продукты сельского хозяйства. В рассматриваемый период внутренняя торговля Бессарабии была незначительной, но установившаяся экономическая общность с Россией и выгодное расположение по отношению к внешнему рынку (близость западных границ и черноморских портов), позволявшие быстро сбывать продукты земледелия и скотоводства, а также поощрительная политика русского правительства способствовали быстрому развитию торговли с другими областями России и с заграницей.

Сразу же после присоединения Бессарабии к России русское правительство провело ряд мероприятий, направленных на расширение внутренней и внешней торговли края. Уже в 1812 г. был поставлен вопрос о налаживании торгового пути между Одессой и Кишиневом через Дубоссары. С этого года началась постепенная ликвидация таможенной линии между Бессарабией и Россией. В 1815 г. департаментом внешней торговли было дано указание о том, «...чтобы вывозимые из Бессарабии в Россию товары... должны пропускаемы быть беспрепятственно и без задержки через таможи»¹. В 1818 г. первый департамент Бессарабского областного правительства дал указание о беспрепятственном пропуске бессарабской пше-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 302, л. 1.

ницы через Овидиопольский пункт в Одессу¹. В 1826 г. постановлением русского правительства было разрешено вести торговлю между Бессарабией и Россией всем жителям и купцам без различия гильдии², а в 1830 г. был издан указ о переводе таможенной линии в Бессарабии на реку Прут³, после чего все таможи на Днестре были ликвидированы. Бессарабия в экономическом отношении окончательно слилась в единое целое со всей остальной Россией.

Указом от 1830 г., бессарабскому купечеству были предоставлены большие льготы⁴. Начиная с 1831 г. и впредь на 10 лет, бессарабские купцы освобождались от гильдийской платы. Эти льготы распространялись также на русских купцов, живших в Бессарабии и причисленных к бессарабскому купечеству, на купцов-иностранцев, желавших перейти в русское подданство и поселиться в Бессарабии, на крестьян Бессарабской области, имевших торговые свидетельства. Поэтому сюда стекалось много русских и иностранных купцов, что способствовало росту торговли. Русское правительство, таким образом, всячески поощряло развитие торговли в Бессарабии. С бесконтрольной торговлей австрийских купцов на территории Бессарабии было покончено. Общерусская пошлинная политика была полностью распространена и на территорию Бессарабии, что благоприятно сказалось на развитии торговли и ремесла края.

Большую роль в развитии внутренней торговли Бессарабии, так же как и в других губерниях России, играли ярмарки, торги, базары. В середине XIX в. в Бессарабии собиралось ежегодно до 32 ярмарок⁵. Наиболее значительными из них были Покровская — в Измаиле, Килии и Тирасполе, Дмитриевская — в Кишиневе, Благовещенская — в Бельцах. Бессарабские помещики и купцы были заинтересованы в укреплении торговых связей с другими районами России, с общерусским рынком, чтобы выгодно сбывать свои товары. Поэтому они неоднократно ходатайствовали перед правительством об открытии в Бессарабии ярмарок, куда съезжались бы русские и украинские купцы для закупки бессарабских товаров. Так, открытие Дмитриевской ярмарки в Кишиневе предшествовала большая переписка. Бессарабские помещики и купцы, ходатайствуя об открытии ярмарок, говорили, что, убедившись в достоинстве русских изделий, они хотят завести торговлю с русскими купцами, но этому препятствует отдаленность от русских рынков⁶.

¹ ЦГИА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 302, л. 10.

² Там же, д. 883, л. 13.

³ I ПСЗ, т. V, 1830, № 3968.

⁴ Там же.

⁵ А. Защук, Указ. труд., стр. 362.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 2724, л. 39.

Кишинев и Измаил были мануфактурными рынками Бессарабии, а Бельцы — рынком скота. Город Сороки являлся центром торговли табаком, а Аккерман — местным вином. Сельскохозяйственные товары, производившиеся в Бессарабии, расходились далеко за ее пределами — в русские и украинские губернии, а также за границей.

Поощрительная политика русского правительства благоприятно сказалась на увеличении товарооборота Бессарабии с остальными губерниями России. С 1825 по 1830 гг. товарооборот вырос с 4 млн. до 10,5 млн. руб. ассигнациями¹.

Объем и характер ввозимых товаров из России в Бессарабию виден из следующих данных²:

(в тыс. рублей ассигнациями)

	1825	1826	1827	1828	1829	1830	Итого
Ввезено товаров в Бессарабию:							
1. Сахар	208	137	212	379	306	402	1 644
2. Спирт и хлебное вино	1 003	817	1 249	1 930	2 191	1 788	8 978
3. Хлопчатобумажное сырье	14	33	30	31	34	39	181
4. Хлопчатобумажная пряжа	31	46	35	53	132	149	446
5. Металл и металлические изделия	201	466	417	352	453	619	2 508
6. Бумажные ткани . . .	800	1 101	894	958	1 555	2 548	7 856
7. Шерстяные ткани . . .	246	1 132	591	203	590	694	3 456
8. Шелковые ткани . . .	87	83	100	85	100	462	917
9. Хлеб	286	312	167	243	397	452	1 857
Всего . . .	2 876	4 127	3 695	4 234	5 758	7 153	27 843

Из Бессарабии в Россию вывозилось большое количество виноградного вина, свежего винограда, свежих и сушеных фруктов, особенно сушеный чернослив, табак и другие продукты сельского хозяйства.

Благодаря развитию торгово-экономических связей создавалась экономическая общность Бессарабии, Украины и

¹ Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России под ред. В. И. Петровского, т. I, стр. 166—167.

² Там же.

всей остальной России, развивался и укреплялся единый общерусский рынок, имевший огромное значение и для экономики Бессарабии.

В 50-х гг. XIX в. ежегодные обороты всей ярмарочной торговли в Бессарабии составляли немногим более одного миллиона рублей серебром, в то время как только объявленные (зарегистрированные) купеческие капиталы составляли около 3 млн. рублей¹. Это говорит о том, что к половине XIX в. на ярмарках в Бессарабии сосредоточивалась уже меньшая часть местных торговых оборотов.

Главным поставщиком местных сельскохозяйственных товаров и сырья на ярмарки, торги и базары были зажиточные крестьяне государственных и резешских селений, немецкие и болгарские колонисты. На ярмарки и базары частично поступала и продукция помещичьих имений. Однако продукты, производившиеся в помещичьих имениях (хлеб, скот, сало, шерсть, виноградное вино и проч.), продавались, главным образом, по контрактам. Основная масса товарной продукции помещичьих хозяйств сосредоточилась в руках крупных купцов, которые получали от их продажи большие ба-рыши.

Во второй четверти XIX в. особенно возросла в хозяйственной жизни Бессарабии роль внешней торговли (с Австрией, Турцией, Молдавским княжеством, Валахией, Грецией, Италией, Францией). Внешняя торговля Бессарабии с другими странами производилась через Одесский порт и через семь таможенных застав: Измаильскую, Ренийскую, Скулянскую, Васлуйскую, Новоселицкую, Леовскую и Липканскую.

Через перечисленные пункты перевозилось с каждым годом все большее количество товаров.

Развивавшаяся внешняя торговля велась, главным образом, продуктами земледелия и скотоводства. Состояние статистического дела того времени не позволяет дать точную картину размеров торговли (как внутренней, так и внешней).

П. Свиньин приводит некоторые данные о размерах внешней торговли Бессарабии (преимущественно для Измаильского порта), о вывозе и ввозе товаров. Только через Измаильский порт было вывезено в 1814 г. хлеба: кукурузы — 18 938 четвертей, арнаutki — 27 398 четвертей, всего 46 336 четвертей, т. е. примерно 4,5 млн. пудов на сумму 427 711 левов. В 1815 г. кукурузы было вывезено 2630 четвертей, арнаutki 68 940 четвертей, всего 71 570 четвертей (около 7 млн. пудов) на сумму в 1 061 589 левов. С 1812 по 1816 гг. через Из-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 318, л. 7.

маильский порт было вывезено пшеницы, ячменя, кукурузы, проса, фасоли, сала, кож, шерсти, свечей, масла коровьего, воску и меду на общую сумму в 5 409 092 лева. За этот же период было ввезено через Измаильский порт вина, растительного масла, маслин, орехов, винных ягод, турецкого мыла, пряных корней и других товаров на сумму 350 915 левов. Таким образом, вывоз из Бессарабии через Измаильский порт за период с 1812 по 1816 гг. превысил ввоз более чем в 15 раз. Из Бессарабии в это время вывозилось ежегодно до 10 тысяч воловьих кож в Австрию и почти столько же ввозилось их обратно из Австрии в выделанном виде¹. О перспективах торговли Бессарабии в первые годы после присоединения П. Куницкий говорит следующее: «В городах Бельцах и Фалештах бывают большие ярмарки, где гуртовщики покупают великие стада лошадей и быков и множество кож отправляют в австрийские и другие немецкие владения с великой выгодой. В Турцию можно отправлять из Бессарабии: пшеницу, масло, свечное сало, соль и рыбу, а оттуда получать хлопчатую бумагу и другие тамошние произведения. В Молдавию и Болгарию по смежности необходимо требуются бараны, масло, пшеница и всякого рода съестные припасы, получают из Молдавии вино и шелк для отправления во внутренность России»².

Общие высказывания о характере внешней торговли в Бессарабии в 20-х годах имеются и у Я. Сабурова, который писал: «Порты Ренийский и Измаильский всегда наполнены чужеземными кораблями, приходящими за хлебом, шерстью и салом; в 1825 году число их возросло до 300». И дальше: «В Россию Бессарабия отпускает множество вина, соли..., в Австрию гонит скот и лошадей; турки закупают значительное количество хлеба, масла, сала и кож. Все стальные и железные вещи, нужные для земледелия и домашней жизни, Бессарабия получает из Австрии; все потребности роскоши из Австрии и России. Турция и Греция снабжают только бакалейными вещами и курительным табаком. Всю водку, здесь употребляемую, везут из Подолии»³. По Сабурову вывоз из Бессарабии превышал ввоз в нее в 3 раза.

В 1835 г. ввоз в Бессарабию составлял 229 866 руб. серебром⁴. За десятилетие, с 1836 по 1846 гг., через эти пункты было ввезено в Бессарабию товаров на сумму свыше 4 млн. рублей, а вывезено товаров и сырья на сумму 28 300 тыс. рублей⁵. Внешняя торговля Бессарабии через Одесский порт в

¹ П. Свиньин, Указ. труд, стр. 260—263.

² П. Куницкий, Указ. труд, стр. 11.

³ Я. Сабуров, Указ. труд, стр. 21—22.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2724, л. 33.

⁵ А. Дараган, Указ. труд, стр. 28.

два раза превышала указанные суммы¹. Вывоз превышает ввоз за это десятилетие примерно в семь раз, что свидетельствует об активном балансе внешней торговли Бессарабии. Это, вместе с тем, отражает колонизаторскую политику царизма, в результате которой выкачивались огромные материальные богатства края и не поставлялось взамен оборудование, необходимое для развития его промышленности.

С усилением в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. спроса на привозной хлеб в странах Западной Европы и Средиземноморского бассейна экспорт хлеба из Бессарабии приобрел важную роль во всероссийской внешней торговле. Установление в 1817 г. порто-франко (свободной, беспошлинной торговли) в Одесском порту явилось важным условием для развития заграничной хлебной торговли. Вывоз хлеба из Бессарабии быстро возрастает. Если в 30-х гг. XIX в. из Бессарабии через Одессу ежегодно вывозилось около 300 тыс. четвертей² (около трех млн. пудов) хлеба, то в 1861 г. хлеба было вывезено более миллиона четвертей³ (т. е. около 10 млн. пудов).

По данным Ю. Янсона в 1861—1867 гг. из Бессарабии в среднем ежегодно вывозилось за границу 970 тыс. четвертей, или 9530 тыс. пудов хлеба⁴. Из этого количества 148 300 четвертей отправлялось прямо через сухопутную границу в Австрию и другие страны:

(в четвертях)

	Через Новосе- лицу	Через Липканы	Через Скуляны	Через Кубей
Пшеницы	12 931	27	118	96 169
Кукурузы	16 030	6	895	3 528
Ржи	5 056	3 158	360	—
Овса и ячменя	6 485	335	2 019	45
Итого	40 502	3 521	3 392	99 742

Морем в Одессу отправлялось ежегодно 100 тыс. четвертей; на фурах и по Днестру, а затем морем в Одессу отправлялось 870 тыс. четвертей хлеба, в том числе:

пшеницы	— 800 тыс. четвертей	(8 000 000 пудов)
кукурузы	— 150 " "	(1 350 000 ")
другого хлеба	— 20 " "	(180 000 ")

Итого . . . 970 тыс. четвертей (9 530 000 пудов)

¹ А. Д а р а г а н, Указ. труд, стр. 28.

² Труды Херсонского губ. статистического комитета, 1866 г., т. II, вып. I, Херсон, 1866, стр. 136.

³ А. Е г у н о в, Указ. труд, т. I, стр. 294.

⁴ Ю. Я н с о н, Указ. труд, стр. 242.

Из этого количества около 100 тыс. четвертей поставляли для экспорта колонисты¹, остальной хлеб поступал на продажу из помещичьих имений.

Бессарабский хлеб (пшеница и кукуруза) вывозился в Англию, Австрию, Турцию, Италию и Францию. Кроме хлеба Бессарабия поставляла для экспорта продукты животноводства и некоторые другие.

В течение десятилетия, 1844—1854 гг., из Бессарабии в среднем ежегодно вывозилось 26,5 тыс. голов рогатого скота и лошадей, около 48 тыс. пудов овечьей шерсти, свыше 30 тыс. пудов соленой рыбы и икры, 13,5 тыс. пудов сырой кожи, 8 тыс. пудов свежего сыра, 500 пудов воска и меду и др.²

В условиях отсутствия железных и хороших шоссейных дорог важное значение в развитии внутренней и внешней торговли имело судоходство по Днестру и Дунаю. В 1825 г. по Днестру прошло 9 судов и 65 барок, а в 1849 г. — 449 судов и 246 барок³. За 9 лет, с 1849 по 1857 гг., по Днестру прошло свыше 10 тыс. судов, перевезших товаров на сумму свыше 10 700 тыс. рублей⁴. Соответственно росло и количество судов, посетивших дунайские порты Измаил, Рени, Килию.

Расширение торговых связей с Россией и другими странами, развитие внутренней торговли края диктовали необходимость улучшения и развития транспорта. Главная тяжесть по проведению всех этих работ ложилась на крестьян, которые осуществляли их в порядке выполнения дорожной повинности. Уже в первые годы после присоединения Бессарабии к России сооружаются новые паромы у Бендерской переправы, строятся мосты через реку Ботна, реку Прут и в районе г. Галац.

На исправлении дорог в Бельцком уезде в 1827 г. работало около трех тысяч человек⁵. Строятся большие тракты. В 1837 г. силами крестьян окрестных сел была построена дорога Кишинев—Оргеев—Сороки, связавшая центральную часть области с одной из важнейших пристаней в северной ее части. Проведенная вдоль правого берега Днестра, эта дорога значительно облегчила движение грузов с севера на юг, так как днестровский речной путь, требовавший периодической расчистки, не мог обеспечить бесперебойного движения непрерывно возрастающего потока грузов⁶. К 1848 г. только благоустроенных трактов в области насчитывалось 1213 верст⁷. В 40—

¹ Ю. Янсон, Указ. труд., стр. 225.

² В. Малинский, Аграрная «реформа» 1918—1924 гг. в Бессарабии, Кишинев, 1949, стр. 19.

³ А. Скальковский, Торговля и промышленность в Новороссийском крае, Одесса, 1851, стр. 66.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2718, л. 135.

⁵ Там же, д. 80, лл. 96—102.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1281, 1837, оп. 2, д. 136, л. 27.

⁷ Там же, 1849, оп. 7, д. 56, лл. 20—21.

50-х гг. XIX в. были значительно расширены пристани в Измаиле, Рени и Килии. С улучшением путей сообщения (грунтовых и водных) укреплялась экономическая общность Бессарабии с Россией в целом, что оказало огромное благотворное влияние на развитие сельского хозяйства и торговли края.

Таким образом, после присоединения Бессарабии к России и включения ее в состав общерусского рынка на протяжении всей первой половины XIX в. непрерывно росла и развивалась внутренняя и внешняя торговля края. Этому способствовало выгодное расположение края по отношению к внешним рынкам — близость западных границ и черноморских портов, прежде всего Одессы, через которые вывозились за границу продукты земледелия и скотоводства Бессарабской области. Этому благоприятствовала также поощрительная политика русского правительства, ограждавшая в интересах местного купечества бессарабский рынок от внешней конкуренции.

Быстрое развитие внутренней и внешней торговли, основными предметами которой являлись хлеб и скот, подрывало натурально-замкнутый характер хозяйства, веками сковывавший экономику края, способствовало развитию товарно-зернового хозяйства и скотоводства, складыванию в недрах феодально-крепостнической системы новых, капиталистических форм производства.

§ 5. Краткие выводы

Из анализа исследованного нами выше фактического материала об экономическом развитии Бессарабии в составе России в 1812—1861 гг. можно сделать следующие основные выводы:

1. В результате присоединения Бессарабии к России и включения ее в состав общерусского рынка сложилась экономическая общность, оказавшая огромное благотворное влияние на экономическое развитие края.

В Бессарабии создались более благоприятные условия для развития, что и определило в значительной мере быстрое заселение края, значительное увеличение сельскохозяйственного товарного производства, рост городов и местечек, развитие ремесла и мануфактурной промышленности, внутренней и особенно внешней торговли. Таким образом, экономическое развитие Бессарабии в первой половине XIX в. было неразрывно связано с экономическим прогрессом России в целом, с развитием общерусского рынка.

Вместе с тем следует указать, что царское правительство проводило в Бессарабии, как и на других окраинах России, свою крепостническую политику защиты интересов молдавских бояр и русских помещиков, политику национального угнетения местного населения и не проявляло заботы о развитии промышленности края.

2. На протяжении всей первой половины XIX в. в сельском хозяйстве Бессарабии господствовала феодально-крепостническая, барщинная система, основанная на труде зависимых от помещиков царан. В то же время в недрах этой системы зарождались и развивались новые капиталистические формы производства, которые разлагали старые устои и привели в конечном итоге к кризису феодально-крепостнического строя.

3. Процесс разложения феодально-крепостнической системы и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Бессарабии, как и в других губерниях Новороссии, происходил сравнительно быстро, задолго до крестьянской реформы.

4. Юг Бессарабии (Бендерский, Аккерманский и Измаильский уезды, составлявшие около 45% пространства области и более 30% ее населения), заселенный колонистами и государственными крестьянами, после присоединения Бессарабии к России развивался по капиталистическому пути задолго до крестьянской реформы. Помещики и прослойка богатых колонистов, занимаясь промышленным овцеводством и производством пшеницы для продажи, начали применять в своих хозяйствах наемный труд и более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины. Все это определило капиталистическое направление развития экономики в этой части области.

ГЛАВА II

ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИЙ ГНЕТ В БЕССАРАБИИ в 1812—1861 гг.

§ I. Помещичье землевладение — основа феодальной эксплуатации крестьян

В рассматриваемый нами период истории в сельском хозяйстве Бессарабии, как и в сельском хозяйстве России в целом, господствовала феодально-крепостническая система хозяйства, основанная на даровом труде царан. Как указывает В. И. Ленин в своем гениальном труде «Развитие капитализма в России», преобладание этой системы хозяйства предполагало: наличие господства натурального хозяйства; наделение непосредственного производителя средствами производства, в частности земель, и прикрепление его к земле; личную зависимость крестьянина от помещика, и крайне низкое и рутинное состояние техники¹.

Вместе с тем, в первой половине XIX в. феодально-крепостническая система хозяйства в Бессарабии, как и во всей России, переживала период разложения и кризиса, что обуславливалось развитием в ее недрах капиталистических форм производства.

«Основой производственных отношений феодального общества являлась собственность феодала на землю и неполная собственность на крепостного крестьянина»². В эпоху феодализма,— пишет К. Маркс,— «земледельческое население составляет еще решительно преобладающую часть нации... земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает избыточный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как главное условие производства»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 158.

² Политическая экономия, Госполитиздат, М., 1955, стр. 45.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 797.

Уже в первые годы после присоединения Бессарабии к России, в соответствии с Уставом по управлению Бессарабской областью 1818 г., молдавские бояре были уравнены в правах с русским дворянством, за ними были закреплены ранее данные им права владеть землей и даровым трудом царан.¹ Полученные равные с русским дворянством политические права обеспечивали молдавским боярам возможность дальнейшего осуществления внеэкономического принуждения крестьян. Хотя размеры барщинных и оброчных повинностей были определены законодательством молдавских господарей второй половины XVIII в. и русского царизма первой половины XIX в., но практически их величина во многом зависела от своеволия бояр и монастырей.

До реформы 1861 г. земля в Бессарабии (особенно в центральной и северной частях края) была сосредоточена, главным образом, в руках помещиков и монастырей. На протяжении всей первой половины XIX в. помещичье землевладение увеличивалось. По данным экстрактов 1817 г., помещикам и монастырям принадлежало 68% всей удобной земли уездов, где была проведена перепись².

Помещичье землевладение в Бессарабской области
(по экстрактам 1817 г.)³

Категория поместий по количеству земли (в фалчах)	Колич. владель- цев	%	Общее колич. земли в поме- стьях данной категории (в фалчах)	%
До 200	63	47,4	10 540	1,7
От 200 до 300	26	19,6	12 344	1,9
От 500 до 1 000	14	10,5	9 409	1,5
От 1 000 до 5 000	10	7,5	30 280	4,8
От 5 000 до 10 000	8	6,0	64 482	10,1
Свыше 10 000	12	9,0	508 082	80,0
Итого	133	100,0	635 137	100,0

В 1861 г. дворянство и духовенство, составлявшие 3,3% общего количества сельского населения области, имели в своем владении около 72% всей удобной земли области, а глав-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. XV, 1810—1829, д. 3, лл. 194—195.

² Бессарабия в момент присоединения к России. Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 г. Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III, Кишинев, 1907, (подсчет сделан нами — Я. Г.).

³ Для Ясского, Изманьского и 8 оков Оргеевского уездов данных нет.

ная масса основных производителей края — царане, составлявшие вместе с крепостными более 60% населения, — были совершенно лишены земельной собственности.

**Общее распределение земельной площади Бессарабии к 1861 г.
по категориям владельцев¹**

№ п. п.	Категория владельцев	Количество душ	% к общему числу населения	Количество земель у них (в десятинах)	% к общей земельной площади
1	Царане	405 446	58,6	—	—
2	Резеши	85 081	12,3	220 191	6,3
3	Государственные крестьяне	67 484	9,7	284 126	8,1
4	Колонисты	87 829	12,7	415 998	11,8
5	Новороссийские казаки	12 352	1,8	56 085	1,6
6	Крепостные цыгане	10 844	1,6	—	—
7	Дворяне	8 649	1,2	2 271 360	64,7
8	Духовенство	14 675	2,1	241 970	6,9
9	Прочие землевладельцы	—	—	21 300	0,6
Итого . . .		692 360	100,0	3 511 030	100,0

По отдельным уездам картина еще более разительна. В северных уездах (Хотинском, Сорокском и прилегающей к нему части Оргеевского уезда), где превосходная черноземная почва позволяла получать высокие урожаи озимой пшеницы (имевшей большой спрос на внутреннем и внешних рынках), 94% всей земли уездов принадлежало помещикам². В Ясском уезде помещикам и монастырям принадлежало 99,7%, в Сорокском — 99,5%, в Хотинском — 97% земли уезда³. В центральных уездах Бессарабии (лесная часть Оргеевского уезда, Кишиневский уезд и приднестровская часть Бендерского уезда, где преобладают гористая местность и леса, в силу чего здесь были более развиты плодоводство, виноградарство и лесные промыслы) помещикам и монастырям принадлежало 77% всей земли уездов⁴. На юге Бессарабии (Аккерманский и юго-западная часть Бендерского уезда), где заселение произ-

¹ Таблица составлена на основании данных, представленных в комиссию о царанах в 1861 г. — ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, ч. 8, д. 7485, л. 182; А. Зашук, Указ. труд, стр. 216—217.

² Ю. Янсон, Указ. труд, стр. 211.

³ А. Зашук, Указ. труд, стр. 30.

⁴ Ю. Янсон, Указ. труд, стр. 211—212.

ходило позже, главным образом колонистами и государственными крестьянами, помещикам принадлежало 30 % всей земли¹.

Из указанного общего количества всей земли 1 117 800 десятин принадлежало 146 крупным помещикам, которые составляли не более $\frac{1}{12}$ части всех помещиков области. Средний размер их земельных владений составлял более 7600 десятин. Но в Бессарабии были и более крупные помещичьи имения, имевшие десятки и даже сотни тысяч десятин земли. Так, например, боярин И. Балш владел в разных частях Бессарабии 160 тыс. десятин земли. Владения Балша простирались на многие десятки километров и охватывали целые районы. Его имение Хотарничены, имевшее 120 тыс. десятин земли, простиралось на 85 км в ширину — с запада (от р. Прут) на восток до Каушан².

Землевладения многих бессарабских помещиков значительно расширились в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и в период до генерального размежевания земель Бессарабии, произведенного с 1822 по 1828 гг. Пользуясь условиями войны и отсутствием государственного контроля, крупные бояре незаконно присваивали не только обширные пустопорожные участки государственной земли, но зачастую бесцеремонным образом, путем подделки и фабрикация ложных документов, захватывали земли крестьян-резешей. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные тяжбы резешских селений с помещиками³. Согласно данным комиссии по генеральному размежеванию земель в Бессарабской области, во время русско-турецкой войны и в первые годы после присоединения Бессарабии к России, местные помещики захватили разными путями свыше 120 тыс. дес. земли⁴. Кроме того, царское правительство само раздавало местным боярам и русским помещикам крупные участки земли на юге Бессарабии⁵. Наиболее крупные земельные владения получили здесь граф Бенкендорф (28 тыс. дес.), граф Канкрин (25 тыс. дес.), генерал Сабанеев (10 тыс. дес.), Нессельроде (10 тыс. дес.), князь Мурузи (6 тыс. дес.), статский советник Стурдза (6 тыс. дес.), Кантакузино (6 тыс. дес.), полковник Корнилович (6 тыс. дес.), Маврогени (5 тыс. дес.), Добринца (5 тыс. дес.), Суцо (4 тыс. дес.) и т. д.

¹ Ю. Янсон, Указ. труд, стр. 212.

² Бессарабия в момент присоединения к России. Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 г. Труды Бессарабской губ. ученой архивной комиссии, т. III, 1907, (подсчет сделан нами. — Я. Г.).

³ ЦГИА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 408, лл. 17—18.

⁴ Бессарабия в момент присоединения к России, Роспись землевладения..., т. III (подсчет сделан нами — Я. Г.).

⁵ Статистическое описание Бессарабии..., Аккерман, 1899.

Только в первые два десятилетия после присоединения Бессарабии к России царское правительство роздало помещикам в Аккерманском, Бендерском и Измаильском уездах 300 тыс. десятин земли¹. Таким образом, дворянское землевладение в Бессарабии расширялось очень быстро. Именно поэтому, после присоединения Бессарабии к России местные бояре поддерживали политику царизма, стали верной опорой самодержавия.

Духовные феодалы — монастыри занимали значительное место в системе феодального землевладения. Многие монастырские поместья не уступали по размерам крупнейшим владениям светских феодалов. В первой половине XIX в. в Бессарабии было 19 монастырей (среди них 8 скитов). Их владения продолжали расти и «округляться». Этот рост в указанный период шел, главным образом, за счет незаконного захвата резешских земель. Так, например, Фрумушицкий монастырь в 1807 г. получил в дар «на помин души» от резешей села Бравича 211 дес. земли. Приобретая, таким образом, права резешей, монастырь самовольно захватил от крестьян-резешей на протяжении первой четверти XIX в. еще 800 десятин. В 1835 г. начался судебный процесс между ограбленными резешами и монастырем, который длился безуспешно для резешей свыше 20 лет².

Один из древнейших молдавских монастырей — Куприяновский (Оргеевский уезд) — в первой четверти XIX в. имел в своем владении около 40 тыс. десятин земли. В границах монастырской вотчины находилось 16 сел, царане которых за полученный в пользование надел отбывали монастырю барщину и оброк. Накануне крестьянской реформы монастырское землевладение в Бессарабии составляло 271 508 дес. земли, или около 25% общей площади монастырских земель всей Европейской части России; причем, 66,5 тыс. дес. принадлежало собственно бессарабским монастырям, а большая часть земельной площади (свыше 210 тыс. дес.) была «преклоненной», т. е. пожертвованной и завещанной бессарабскими помещиками заграничным монастырям (Афонским) и управлялась в рассматриваемый период назначенными монастырями уполномоченными, хищнически грабившими население. На монастырских землях жили и отбывали феодальные повинности за пользование земельными наделами 64 600 царан³. Таким образом, заграничные монастыри представляли собой ничто иное, как «административные организации для эксплуатации бесчисленных имений...»⁴, не дававшие никому отчета о своих расходах. Вследствие этого 21 ноября 1873 г. правительством было учреждено

¹ Статистическое описание Бессарабии..., Аккерман, 1899.

² А. Защук, Указ. труд, ч. II, стр. 217.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, ч. 8, д. 7485, л. 182.

⁴ Юбилейный Бессарабский с. х. календарь за 1914 г., Кишинев, 1914, стр. 119.

особое казенное управление этими имениями, а в 1876 г. установлен порядок распределения доходов, согласно которому $\frac{2}{5}$ дохода передавалось «заграничным духовным установлениям», а остальные расходовались на благоустройство имений¹.

Таким образом, накануне крестьянской реформы в руках помещиков и духовенства в Бессарабии было сосредоточено свыше $\frac{3}{4}$ всей земли области. Хотя в первой половине XIX в. царское правительство специальным указом разрешило купцам, мещанам и царанам приобретать и владеть ненаселенными землями в Бессарабии (в результате чего купцы и мещане к 1861 г. уже имели в своем владении около 400 тыс. дес. земли)², но это по существу не изменило сословного характера землевладения.

Во владении помещиков и монастырей находилось также абсолютное большинство лесов области. В 1861 г. из общего количества 288 тыс. дес. леса помещикам и монастырям принадлежало свыше 268 тыс. десятин³, или свыше 90% всей лесной площади Бессарабии. Как основные пахотные и сенокосные земли, так и основные лесные массивы находились во владении крупных помещиков. Лучшие, т. е. самые долголетние, леса твердой породы принадлежали преимущественно монастырям.

Следует отметить, что характерной особенностью помещичьего землевладения в Бессарабии, как и в Подольской губернии и вообще в Правобережной Украине, было то, что здесь значительное количество помещичьих имений сдавалось в аренду посессорам. В 1857 г. из 900 имений — 176, или около 20%, были отданы в аренду⁴.

Сдача помещичьих имений в аренду посессорам было особенно широко распространено в Ясском, Сорокском, а также и в Кишиневском и Бендерском уездах.

Система отдачи имений в аренду исключительно пагубно отражалась на положении царан. Царанские хозяйства доводились до полного разорения. Афанасьев-Чужбинский, побывавший в Бессарабии и лично ознакомившийся с положением бессарабской деревни, указывал, что здесь в редких имениях живет помещик, а если и живет, то не вмешивается в управление, потому что имения отдаются в аренду посессорам грекам, армянам, полякам, евреям и др. Заплатив помещику определенную сумму, «посессор заботится только о наживе,

¹ Н. К. Могиланский, Материалы для географии и статистики Бессарабии, Кишинев, 1913, стр. 102.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7485, л. 124.

³ А. Защук, Указ. труд., стр. 285.

⁴ Там же, стр. 219; ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7586, л. 18.

и от подобного господина трудно ожидать гуманных стремлений, да и мечтать о гуманизме было бы как-то дико...»¹.

Аналогичное положение было и в монастырском землевладении. Как уже было указано выше, значительная часть имений принадлежала заграничным монастырям, которые держали в Бессарабии только своих уполномоченных. Последние управляли монастырскими имениями сами или в свою очередь отдавали их в аренду. Как указывает вышеупомянутый нами автор, «управление монахов не отличается гуманностью, а где имения отданы в аренду, там еще хуже, потому что монастыри требуют огромные суммы от своих посессоров»². Последние же в свою очередь неизменно грабили крестьян.

Даже новороссийский и бессарабский генерал-губернатор вынужден был признать очень тяжелое положение царан в имениях, отданных в аренду. «Это условие (имеется в виду условие аренды. — Я. Г.), — писал он бессарабскому предводителю дворянства, — приводит, во-первых, к тому, что посессор, естественно, желающий приобрести как можно больше выгод от посессии, предлагает поселянам довольно стеснительные условия; поселяне часто отказываются от них... Во-вторых, что при окончании срока посессии поселяне, оставаясь в неизвестности, какие условия им будут предложены новым посессором, не решаются делать посевов для последующей жатвы и вообще предпринимать какие-либо распоряжения по хозяйству, так что год, когда происходит перемена посессоров, составляет для них время тяжелой неизвестности, приводящей их к разорению»³.

Крупнейшие помещичьи имения в Бессарабии были сосредоточены главным образом на севере, в Ясском, Сорокском и Хотинском уездах, где превосходная черноземная почва позволяла выращивать высокие урожаи озимой пшеницы, и в Бендерском и Аккерманском уездах, на юге, где помещики в первой половине XIX в. больше всего занимались скотоводством и прежде всего овцеводством, что позволяло им увеличивать свои доходы путем сбыта шерсти на внутреннем и особенно на внешних рынках.

В средней части Бессарабии (обнимающей лесную часть Оргеевского и Ясского уездов, Кишиневский и Приднестровскую часть Бендерского уезда), где местность гористая, лесистая и нет обширных полей, абсолютно преобладали мелкие и мельчайшие помещичьи имения.

Хотя приведенный нами фактический материал о распределении помещичьего землевладения и является неполным, тем не

¹ А. Афанасьев-Чужбинский, Поездка в южную Россию, ч. II, СПб, 1863, стр. 21.

² Там же.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7226, лл. 1—2.

менее он свидетельствует о том, что, во-первых, в дореформенный период в руках помещиков и монастырей были сосредоточены основные пахотные, сенокосные земли и леса, и, во-вторых, что в Бессарабии существовала большая неравномерность в распределении помещичьего землевладения. Наряду с крупнейшими имениями, насчитывавшими десятки и сотни тысяч десятин земли (как, например, имения Б. Балша, Стурдзы, Родоконаки и др.), существовали и мелкопоместные имения, средний размер которых не превышал 200 дес. земли.

Бессарабские помещики, владевшие около 72% всей земли области, пользуясь своей феодальной собственностью на землю, безжалостно эксплуатировали труд крестьян.

Юридически на крепостном положении в Бессарабии находились собственно только цыгане и небольшое количество русских и украинских крепостных крестьян, переведенных сюда из других губерний России русскими помещиками, которые приобрели имения в Бессарабии. В 1856 г. по 10-й народной переписи в Бессарабии было всего лишь 10 844 крепостных крестьянина, или 1,17% общего количества населения¹. Царане же составляли абсолютное большинство сельского трудового населения — около 58,6%; по отношению же к общему числу населения области они составляли 42,8%.

Распределение крепостных крестьян и царан между различными категориями помещиков соответствовало в основном распределению земли между ними. Исключение в этом отношении составлял юг Бессарабии — Бендерский и Аккерманский уезды, — заселенный, как уже указывалось, главным образом колонистами и государственными крестьянами; в результате здесь почти отсутствовали крепостные крестьяне и очень мало было царан. Владея огромными участками земли, помещики располагали здесь весьма незначительным количеством дарового труда. Поэтому уже в первой половине XIX в. они вынуждены были прибегать к наемному труду или отдавать свои земли в аренду крестьянам-десятищикам.

Крепостные крестьяне, как и земля, распределялись между различными категориями помещиков неравномерно. Крупные и средние помещики, составлявшие менее 25% общего количества помещиков, владели более 75% крепостных крестьян, а мелкие помещики, составлявшие более 75% общего количества, имели в своем владении менее 25% крепостных².

Распределение крепостных крестьян мужского пола по помещичьим имениям Бессарабии показано в таблице (см. таблицу на стр. 119).

¹ А. Тройницкий, Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование, СПб, 1861, стр. 49.

² Там же, стр. 45.

Распределение крепостных крестьян мужского пола по помещичьим имениям¹

	Бессарабская обл. . .		Бессарабские дворяне, владеющие крепостными людьми		Помещики, владеющие землей, населенной крепостными людьми										Всего		
					до 21 души		от 21 до 100 душ		от 101 до 500 душ		от 501 до 1000 душ		более 1000 душ				
			число дворян	число крепостных людей	число помещиков	число крепостных людей	число помещиков	число крепостных людей	число помещиков	число крепостных людей	число помещиков	число крепостных людей	число помещиков	число крепостных людей	общее число владельцев	общее число крепостных людей	на одного владельца приходится крепостных людей
	27	277	176	1 481	59	2 245	9	1 483	—	—	—	—	271	5 486	20,24		

В среднем по всей Европейской России на каждого помещика приходилось по 100 с лишним душ крепостных крестьян мужского пола, в Бессарабии — по 20 душ². Однако приведенные данные не дают нам полной картины эксплуатации помещиками Бессарабии дарового труда. Кроме крепостных крестьян, помещики Бессарабии пользовались и даровым трудом зависимых поселян-царан. Накануне крестьянской реформы 1861 г. в Бессарабии на каждое помещичье и монастырское населенное имение приходилось в среднем по 257 царан мужского пола, что в два с половиной раза больше, чем среднее число крепостных душ на каждое помещичье имение в среднем по Европейской России. Это видно из данных ведомости о количестве земли, царан и имений у помещиков и монастырей Бессарабии накануне 1861 г. (см. стр. 120).

Приведенные данные подтверждают, что наибольшее сосредоточение земли во владении помещиков было в северных уездах Бессарабии — Хотинском, Сорокском и Ясском.

То же самое следует сказать и относительно распределения царан. Одни помещики пользовались даровым трудом нескольких семейств царан, другие — тысяч и десятков тысяч. Некоторые помещики владели десятками сел, местечками и даже целыми городами. Так, например, боярин Балш имел в своем владении 72 села, Россет — 33 села, Катаржи — 22 и т. д. Еще в первой четверти XIX в. город Сороки принадлежал боярину Россету-Розновану, м. Атаки — кн. Кантакузино, город

¹ А. Т р о й н и ц к и й, Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование. СПб., 1861, стр. 45.

² Там же, стр. 70 (В Бессарабии только часть помещиков владела крепостными крестьянами. — Я. Г.).

Бельцы — А. Панаиту, м. Рашково — Ясскому монастырю Голия¹. Город Кишинев принадлежал четырем помещикам².

ВЕДОМОСТЬ

о количестве земли, царан и имений, у помещиков и монастырей по уездам Бессарабии накануне крестьянской реформы (1861 г.)³

№ п. п.	Наименование уездов	У помещиков				У монастырей			
		имений		десятин земли	царан мужского пола	имений		десятин земли	царан муж- ского пола
		населен- ных	не насе- ленных			населен- ных	не насе- ленных		
1	Хотинский . . .	148	10	313 591	58 042	10	4	23 659	4 903
2	Сорокский . . .	134	28	316 500	31 771	35	11	62 129	9 722
3	Ясский . . .	152	26	387 017	35 461	29	5	37 697	2 690
4	Оргеевский . . .	117	32	460 500	27 322	22	11	41 314	5 013
5	Кишиневский . .	101	53	258 671	17 886	24	26	55 453	8 312
6	Бендерский . . .	39	19	257 596	10 116	3	4	24 778	251
7	Аккерманский	16	39	277 485	686	2	—	3 300	393
	Всего . . .	707	207	2 271 360	181 284	125	61	248 330	31 284

Накануне крестьянской реформы 1861 г., как уже указывалось, в Бессарабии в руках помещиков и монастырей было сосредоточено до 72% всей земли и более 62 % поселенных на этой земле крестьян, что значительно превышает соответствующий процент земли и крестьян, находившихся во владении помещиков в целом по Европейской части России, а также выше соответствующего процента земли и крестьян во владении помещиков на Украине, где, соответственно, в руках помещиков было сосредоточено 70% всей земли и 60% общего количества крестьян⁴.

Неравномерное распределение земли, крепостных крестьян и дарового труда царан между различными категориями помещиков определяло и характер развития их хозяйства, в частности, определяло степень проникновения в их хозяйства товарно-денежных отношений. Крупные и значительная часть средних помещичьих хозяйств производили уже, главным образом, продукты для рынка; хозяйства же мелких помещиков в основной своей массе носили натуральный характер, произ-

¹ А. Накко, Указ. труд, стр. 41.

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. XV, 1886, д. 93, ч. II, л. 199.

⁴ I. Гуржий, Указ. труд, стр. 23.

водили для собственного потребления и имели еще слабую связь с рынком.

Наличие в руках помещиков северной части Бессарабии значительной части плодородной земли, при действии других благоприятных факторов (близость австрийской границы, куда экспортировалось значительное количество товаров помещичьих имений — хлеб, скот, шерсть, сырые кожи, близость Днестра — удобной водной магистрали для транспортировки хлеба) создавало там условия для более быстрого роста товарности помещичьих хозяйств, чем в центральной Бессарабии, в Кишиневском и Оргеевском уездах, где преобладали мелкие и мельчайшие имения. На юге Бессарабии рост товарности помещичьих хозяйств также шел довольно быстро. Наличие в руках помещиков большого количества земли (средние размеры помещичьего имения здесь составляли свыше 9,7 тыс. дес., тогда как на севере и в центре — немногим более 2 тыс. дес.) и отсутствие дарового труда царан вынуждало помещиков задолго до крестьянской реформы применять в своих хозяйствах наемный труд и более усовершенствованную с.-х. технику. К тому же близость таких важных портов как Аккерман, Измаил, Рени, Галац и особенно Одесса являлась благоприятным условием для экспорта хлеба и других с.-х. товаров.

* * *

Бессарабское крестьянство, как и крестьянство России в целом, в дореформенный период было раздроблено на многочисленные группы и разряды, которые различались между собой по юридическому положению, размерам надела, находившегося в их пользовании, характеру и обременительности помещичьих и государственных повинностей и платежей. В частности, среди крестьян Бессарабии в дореформенный период существовали такие группы: крепостные цыгане, царане, резеши, государственные крестьяне, колонисты и военные поселения — новороссийские казаки. В свою очередь некоторые из перечисленных групп также подразделялись на разряды. Так, в первой четверти XIX в. среди царан еще числились и так называемые «скутельники» — царане, которые были освобождены от государственных податей (в соответствии с законодательством молдавских господарей), но полностью были зависимы от помещиков. Среди резешей выделялись резеши-пармаки, у которых сохранялось общинное землевладение. К государственным крестьянам были причислены также однодворцы «мазылы» и «рупташи».

Количественное соотношение между различными группами крестьян было следующее¹:

Группы крестьян	1837 г.		1861 г.	
	количество крестьян	% к общему числу	количество крестьян	% к общему числу
1. Царане	350 234	63,33	405 446	60,60
2. Резеши	58 328	10,54	85 081	12,83
3. Крепостные цыгане	9 103	1,64	10 844	1,60
4. Государственные крестьяне .	58 649	10,60	67 484	10,05
5. Колонисты	70 452	12,73	87 829	13,10
6. Новороссийские казаки . .	6 455	1,16	12 352	1,82
Всего . . .	553 221	100,0	669 036	100,0

Из таблицы видно, что на протяжении всей первой половины XIX в. в Бессарабии абсолютно преобладала категория крестьян-царан, которая и в 1837 и в 1861 гг. составляла свыше 60% общего количества крестьянского населения. Царане, резеши и крепостные вместе составляли около 75%, а государственные крестьяне, колонисты, и новороссийские казаки — свыше 25% сельского населения края.

В географическом отношении указанные категории крестьян распределялись следующим образом: северная часть Бессарабии (Хотинский, Сорокский и Ясский уезды) почти стопроцентно была заселена царанами. Центральная часть области (Оргеевский и Кишиневский уезды) была заселена царанами и резешиами, последние составляли здесь около 80% сельского населения. На юге же Бессарабии государственные крестьяне, колонисты и новороссийские казаки составляли свыше 90% сельского населения. Царане насчитывали здесь не более 14 тыс. душ мужского пола².

Анализируя вышеприведенную таблицу роста крестьянского населения по отдельным категориям крестьян, следует учесть следующий существенный факт: в 1856 г. по Парижскому трактату была отторгнута от России и передана молдавскому княжеству южная часть Бессарабии с населением в 127 912 человек. Отошедшую часть жителей составляли, главным образом, государственные крестьяне и колонисты. Вот по-

¹ Таблица составлена по следующим источникам: ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1866, дд. 196, 199; ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7485, л. 182; Корсаков, Законы народонаселения России, Материалы для статистики Российской империи, СПб, 1841.

² Ю. Янсон, Указ. труд, стр. 212.

чему из приведенных данных за указанный период процент государственных крестьян по отношению к общей массе крестьян кажется сниженным, а у колонистов наблюдается лишь незначительный рост. (Что касается новороссийских казаков, то рост их численности объясняется, во-первых, тем, что их число пополнялось за счет большого количества отставного состава, а, во-вторых, тем, что после отхода южной части Бессарабии к Молдавскому княжеству они были в полном составе переселены в русскую часть Бессарабии).

В действительности относительный количественный рост в процентном отношении этих категорий крестьян за указанный период, в сравнении с царями, резешами и особенно с крепостными крестьянами, был значительно выше — 37,09%. Наиболее низкий процент роста был у царан и еще ниже у крепостных крестьян, что видно из следующих данных:

Группы крестьян	1837 г.		Отошло в 1856 г.	1861 г.	
	количество крестьян	% к общему числу		количество крестьян	% к общему числу
1. Царане	250 234	63,33	—	405 446	50,87
2. Резеша	58 328	10,54	—	85 081	10,68
3. Крепостные крестьяне	9 103	1,64	—	10 844	1,36
4. Гос. крестьяне . . .	58 649	24,49	127 912	67 484	37,09
5. Колонисты	70 452			87 829	
6. Новороссийские казаки	6 455			12 352	

Из приведенных в таблице данных видно, что, несмотря на более медленный рост численности помещичьих крестьян (царан, крепостных крестьян), они и накануне реформы все же составляли основную часть населения края.

Главные причины медленного роста количества крепостных крестьян и царан — это жестокая эксплуатация их помещиками, бегство с помещичьих земель, частичный переход царан на собственные земли и перевод их на государственные земли.

Подвергая критике мальтузианский взгляд Струве по вопросу о росте населения, В. И. Ленин вскрыл причины медленного прироста крепостного населения. Он писал: «При чем же тут «закон» Мальтуса о соответствии размножения со средствами существования, когда крепостнические общественные порядки направляли эти средства существования в руки кучки крупных землевладельцев?.. Медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплуатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товар-

ного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба *для продажи*, а не на свои только потребности»¹. В. И. Ленин указал на невозможность построить абстрактный закон народонаселения по формуле соответствия размножения средствам существования, игнорируя исторически сложившиеся особые системы общественных отношений и стадии их развития.

По данным, представленным в комиссию о царанах, помещичьи крестьяне (царане и крепостные крестьяне) к 1861 г. по уездам Бессарабии составляли (см. стр. 125).

В отличие от других губерний России, где крепостные крестьяне находились и на барщинном и на денежном оброке, в Бессарабии большинство царан находилось на барщине. За пользование наделом по договорам с помещиками они отбывали определенное количество урочных дней (от 12 до 28), отдавали помещикам десятую часть урожая от всех произведений земли, выполняли также и другие натуральные повинности.

Как уже указывалось выше, царане Бессарабии отбывали помещикам барщинную, денежную и смешанную повинности, причем барщинная повинность являлась абсолютно преобладающей.

Что касается собственно крепостных, то большая часть их находилась на положении дворовых людей. Поселенные же крепостные находились также на барщине.

Состав государственных крестьян Бессарабии был пестрым. Среди них выделялся ряд групп, различавшихся между собой, главным образом, по уплате государственных налогов. Это различие объясняется тем, что при формировании категории государственных крестьян в их состав были включены разные группы крестьян, различавшиеся в прошлом своим юридическим и экономическим положением. С включением их в состав государственных крестьян в юридическом отношении они были уравнены, но в уплате налогов сохранялось еще некоторое различие.

Среди государственных крестьян Бессарабии выделялись:

а) Собственно государственные крестьяне, переведенные сюда из других губерний России. К ним были причислены и царане, поселившиеся на казенных землях Бессарабии.

После колонистов эта группа государственных крестьян Бессарабии была самой многочисленной. По уплате налогов они были уравнены с соответствующей группой государственных крестьян других губерний России.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 438—439.

б) Однодворцы — «мазылы» и «рупташи»¹. Происходя из отставных служилых людей (первые — светского происхождения, вторые — из духовенства); мелкие собственники «мазылы» и «рупташи» издавна составляли собою категорию землевладельцев, пользовавшихся известными привилегиями (они освобождались от некоторых видов налогов). Но ко времени присоединения Бессарабии к России они уже не составляли однородной массы. Определенная часть водворилась в резешских селах, приобрела земли и права резешей, составив часть богатой прослойки резешей. Большая же часть «мазылов» и «рупташей» разорилась и вынуждена была поселиться на казенных землях или уйти в города. Некоторые из них поселились даже на владельческих землях.

По переписи 1817 г. «мазылов» и «рупташей» насчитывалось 2370 семейств², а в 1836 г. — 3694 семейства³.

в) Коренные цыгане. Цыгане Бессарабии ко времени ее присоединения к России делились на две группы. Большая группа составляла категорию крепостных крестьян, о чем было сказано выше. Меньшая же часть, принадлежавшая ранее молдавским господарям и занимавшаяся, главным образом, ремеслом, была причислена к государственным крестьянам.

В 1812 г. государственные цыгане насчитывали 340 семейств, а в 1836 г. — 640 семейств⁴.

г) Еврей-земледельцы составляли, по данным 1836 г., менее 100 семейств и платили в казну посемейный налог и оброк в размере 33 руб. 50 коп.⁵

д) Самую многочисленную группу крестьян, жившую на государственной земле, составляли колонисты. Среди иностранных поселенцев-колонистов в Бессарабии были: болгары и гагаузы, немцы, сербы, поляки, французы. Но основную массу составляли болгары и гагаузы, — так называемые задунайские поселенцы. В 1837 г. колонистов числилось 70 452 человека, а в 1861 г. — 87 829 человек, или свыше 13% всего сельского населения области⁶.

Колонисты составляли особую категорию обеспеченных земель земледельцев, не подвергавшихся экономическому феодальному гнету. Поэтому они не входят в предмет нашего изучения.

Из приведенных данных видно, что помещичьи и государственные крестьяне Бессарабии, как и России в целом, были

¹ ПСЗ, т. XXV, № 20987.

² Труды Бессарабской ученой архивной комиссии, т. III, Кишинев, 1907, стр. 160.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2039, лл. 27—28.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ А. Защук, Указ. труд, стр. 189.

чрезвычайно неоднородны. Будучи разделены на многочисленные мелкие группы и разряды, они подвергались жестокой эксплуатации со стороны помещиков и помещичьего государства.

§ 2. Феодалная эксплуатация царан в условиях разложения и кризиса феодално-крепостнической системы

а) Вопрос о царанах в исторической литературе

Царане накануне крестьянской реформы составляли основную массу сельского трудового населения — свыше 60%. Будучи юридически лично свободными, но лишенными собственной земли, они пользовались помещичьей и монастырской землей, за что обязаны были отбывать барщину и платить оброк. Благодаря этому, их личная свобода оставалась формальной буквой закона. По существу же царане были феодално зависимой категорией крестьян.

Вопрос о происхождении царан, об их правовом и фактическом положении не получил правильного освещения ни в русской дворянско-буржуазной, ни в румынской буржуазной историографии.

Большинство русских дворянско-буржуазных и румынских буржуазных историков затушевывало классовое содержание законов о молдавских царанах, изданных как молдавскими господарями, так и русским правительством, и причисляло царан к свободным сельским сословиям. Говоря о так называемой свободе царан, эти историки обычно ссылаются на акт о «раскрепощении» крестьян («вечинов») в Молдавии, изданный молдавским господарем Константином Маврокордато в 1749 г. из чисто фискальных соображений — увеличить налоговые поступления в государственную казну — главный источник обогащения фанариотских правителей¹. При этом они не пытались раскрыть подлинную сущность этой «свободы».

Румынский буржуазный историк Н. Иорга, принимая указ К. Маврокордато за факт освобождения крестьян, писал: «Величайшим актом княжения (К. Маврокордато. — Я. Г.) было провозглашение освобождения крестьян»². Описывая историю княжеств после 1749 г., Н. Иорга рассматривает молдавских царан как свободных крестьян. «В начале XVIII века, — пишет он, — «вечинов» рассматривали как крепостных. Бояре продавали, дарили их отдельно от земли. В 1749 году боярство и духовенство принимают торжественное решение об отмене кре-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. XV, д. 11, 1832, лл. 31—33.

² N. Iorga, *Istoria Romînilor*, vol. VII, Buc., 1938, p. 149.

постничества. Исчезает название «вечин», все земледельцы составляли одну группу царан...»¹.

В таком же духе рассматривают «освобождение» крестьян румынские буржуазные историки Негулеску и Алексану. «Константин Маврокордато своими реформами, — пишут эти историки, — проведенными в Молдавии и в Валахии в XVIII веке, упразднил крепостничество»², т. е. освободил крестьян.

Буржуазный националист К. Журеску считает, что «...упразднение крепостничества было составной частью комплекса реформ К. Маврокордато, имеющих своей целью дать обществу и государству лучшую организацию...»³.

Большинство румынских буржуазных историков XIX и XX вв. по вопросу о так называемой свободе царан стоят на позициях А. Ксенопола⁴, который считал, что К. Маврокордато своими реформами освободил вечинов. Все они считали царан свободными, исходя только из юридических норм, совершенно не пытаясь проанализировать их фактическое положение.

Дальше других пошел в искажении исторической действительности румынский буржуазный историк-националист З. Арбуре. Выражая захватнические интересы националистической буржуазии, искажая исторические факты и события, Арбуре всячески пытается доказать, что царане Молдавии были освобождены от крепостной зависимости К. Маврокордато, а после присоединения Бессарабии к России русское правительство рядом своих постановлений якобы снова закрепощало бессарабских царан. «Право перехода и право распоряжаться своим собственным имуществом отличало молдавских царан, — пишет Арбуре, — от русских крепостных крестьян, которые не владели этим правом»⁵. Однако, после столь категорического утверждения, Арбуре и не пытался показать, как практически осуществлялось это право царан.

По букве закона молдавские царане действительно имели право перехода, однако, как будет показано дальше, в силу ряда «оговорок» и «исключений», содержащихся в тех же законах, царане фактически этим правом пользовались очень ограниченно.

Румынским буржуазным историкам-националистам понадобилось утверждать в самой категорической форме, что после 1749 г. царане Молдавии стали свободными для того, чтобы обосновать, вопреки исторической правде, свои высказывания о том, что их закрепощали после присоединения Бессарабии к России.

¹ N. Iorga, *Constatări istorice, privitoare la viața agrară a Românilor*, Buc., p. 34.

² P. Negulescu, I. Alexianu, *Regulamentele organice ale Valahiei și Moldovei*, Buc., 1944, p. 264.

³ C. Giurescu, *Istoria Românilor*, vol., III, Buc., 1944, p. 264.

⁴ A. Xenopol, *Istoria Românilor din Dacia Traiană* vol., IX, p. 86.

⁵ Z. Arbure, *Basarabia în secolul XIX*, Buc., 1898, p. 130.

Исключением в этом отношении является прогрессивно-демократический историк и общественный деятель Н. Бэлческу, который рассматривал реформу К. Маврокордато, как мнимое освобождение, а так называемых освобожденных крестьян-царан, как полукрепостных.

«Мероприятия, которые были проведены тогда (акт К. Маврокордато. — Я. Г.), — пишет Бэлческу, — ...аннулировали совершенно ту пользу, которую они должны принести. Вместо того, чтобы обеспечить материальное состояние и будущее царан, сделав их собственниками земли..., царан обязали отрабатывать 24-дневную барщину, платить дижму (десятину) от посевов, сена и особые взносы за скот. Их лишали права уходить из села без разрешения властей... Судьба царан не улучшилась их «освобождением». Барщина сохранилась, а крепостничество является непрямым следствием барщины, оно заключается в абсолютной зависимости бедного крестьянина от своего землевладельца, единственно могущего предоставить крестьянину орудия труда. Закон, который объявил его (крестьянина. — Я. Г.) свободным, ничего не изменил в положении вещей»¹.

Далее Бэлческу указывал, что свобода крестьян была признана только на бумаге. Вся разница в отношениях между крестьянами и помещиками сводилась к тому, что землевладелец нашел теперь возможность избавиться от обязанности давать крестьянину орудия возделывания земли и кормить его во время болезни и голода.

Утверждая, что после так называемого освобождения царан сохранились прежняя барщина и все феодальные повинности, а налоговой гнет в пользу господаря еще больше увеличился, Н. Бэлческу писал: «...независимость была признана только на словах, а фактически отношения царанина к помещику остались те же...»². Далее он продолжает: «...С сохранением барщины свобода царан сделалась мнимой, крепостничество сохранилось и их (царан. — Я. Г.) состояние все более ухудшалось»³.

Таким образом, Н. Бэлческу, стоя на позициях революционного демократизма, подошел вплотную к правильной, марксистской оценке характера акта К. Маврокордато 1749 г. Он сумел, за внешней, юридической оболочкой закона усмотреть его истинную, крепостническую сущность.

Русские дворянские и буржуазные историки также неправильно трактовали вопрос о происхождении царан, об их пра-

¹ N. Bălcescu, Despre starea socială a muncitorilor plugari în Principatele Dunărene în deosebite timpuri, Scrieri istorice, Ed. Scrisul Românesc, Craiova, pp. 126—127.

² Idem, p. 129.

³ Idem.

вовом и фактическом положении. Исходя из законодательных актов молдавских господарей второй половины XIX в. о царанах, а также из актов о царанах, изданных русским правительством в XIX в., большинство этих историков считало царан свободными поселянами.

П. Куницкий, опубликовавший первое краткое описание Бессарабии после ее присоединения к России, касаясь различных сословий бессарабского общества, писал, что «царане суть земские вольные крестьяне»¹. Получив положенную повинность с царан, помещик, по словам Куницкого, «не имел уже более никакого права на распоряжение семейством или собственностью поселянина... Современными же крепостными почитались только одни цыгане»².

Такую же оценку дает положению царан исследователь Новороссийского края и Бессарабии А. Скальковский. Он пишет, что в отличие от цыган, которые «приписаны к земле» и составляют класс крепостных людей, принадлежавших, как собственность, господам и помещикам... «все тамошние поселяне (царане) пользуются лично свободой...»³.

В. И. Семевский, один из наиболее видных и серьезных, дореволюционных знатоков крестьянского вопроса в России, также ошибочно считал, что «царане, или поселяне, живущие в Бессарабии на землях владельческих, были и прежде людьми лично свободными; а в царствование Николая I было постановлено, что в Бессарабии вообще невозможно владение населенными имениями на крепостном праве»⁴.

Ю. Готье считал царан свободными хлебопашцами и причислял их к государственным крестьянам⁵.

С. Петренко считает царан свободными поселянами, владеющими правом перехода⁶.

В своей работе «Военно-статистическое обозрение Бессарабской области» А. Дараган также характеризует царан как свободных хлебопашцев, владеющих правом перехода. Он пишет: «...имея право перехода от одного владельца к другому, он (царанин. — Я. Г.) пользовался этим правом до сего времени, часто не рассудительно, бросал лучшие места, все свое хозяйство, и не находил у нового владельца даже прежних выгод»⁷.

¹ П. Куницкий, Указ. труд, стр. 24.

² Там же.

³ А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, часть I, Одесса, 1850, стр. 318.

⁴ В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX в., т. II, СПб, 1888, стр. 544.

⁵ Ю. Готье, Очерк истории землевладения в России, Сергеев Посад, 1915, стр. 126.

⁶ С. Петренко, О причинах обилия тяжб в Бессарабии, Журнал Министерства юстиции, 2-я часть, неофициальная, СПб, 1859, стр. 9—10.

⁷ А. Дараган, Указ. труд, стр. 103.

Не вникая в фактическое положение царан, а ориентируясь только на статьи законов, исследователи Бессарабии Егунов¹, А. Накко², П. Батюшков³, Л. Кассо⁴, Н. Лашков⁵, также относили молдавских царан к свободным сельским сословиям.

Несколько ближе подошли к правильной оценке юридического и фактического положения молдавских царан русские дореволюционные историки и статистики Ю. Янсон, А. Защук и С. Палаузов.

Ю. Янсон, отличая молдавских крестьян от русских крепостных крестьян, считает их полукрепостными, весьма закабаленными. «Полукрепостной царанин, — говорит Янсон, — вечно в долгу»⁶.

А. Защук, говоря о царанах как об основной категории крестьян, рассматривал не только правовое, но и фактическое положение царан. Он отмечает, что крестьянин-царанин по закону лично свободен. Он поселен на помещичьей и монастырской земле и за пользование частью этой земли, в соответствии с прежними постановлениями, отбывает помещику ряд повинностей, главным образом барщину. По закону, кроме барщины, никакая другая обязанность не связывает крестьянина с помещиком, по существу же крестьянин очень закабален. «Свободный по закону крестьянин оказывается совсем не таким в действительности и часто совершенно подчинен владельцу»⁷.

То же самое подтверждает и известный этнограф и писатель А. Афанасьев-Чужбинский, посетивший Бессарабию в конце 50-х гг. XIX в., живший в деревнях и изучавший жизнь и быт народов этого края.

О так называемой свободе царан А. Афанасьев-Чужбинский пишет: «Известно, что крепостное право в Бессарабии тяготеет над одними цыганами..., но собственно крестьяне свободны... На деле выходит совершенно другое..., я убедился, что бессарабский крестьянин работает больше других, и что личность его не избавлена ни от побоев, ни даже от истязаний...»⁸.

На этой же позиции в оценке положения царан и «реформы» К. Маврокордато стоит и С. Палаузов. «К. Маврокорда-

¹ Егунов, Указ. труд.

² А. Накко, Очерк гражданского устройства Бессарабии после ее присоединения к России, Записки Одесского об-ва ист. и древн., т. 22, Одесса, 1879.

³ П. Батюшков, Бессарабия, СПб, 1892.

⁴ Л. Кассо, Россия на Дунае и образование Бессарабской области, М., 1913.

⁵ Н. Лашков, Бессарабия, Кишинев, 1913.

⁶ Ю. Янсон, Указ. труд., стр. 216.

⁷ А. Защук, Указ. труд., стр. 454.

⁸ А. Афанасьев-Чужбинский, Указ. труд., стр. 20—21.

то, — пишет он, — отнюдь не имел в виду даровать крестьянскому населению личную свободу..., он обратил их в чисто-оборочное сословие»¹. Этот правильный вывод Палаузова относительно целей «реформы» является результатом его добросовестного отношения к историческим фактам. Но Палаузов не вскрывает причин, повлекших за собой акт Маврокордато, кроющихся именно в социально-экономических отношениях этой эпохи.

Аналогичную оценку акта К. Маврокордато дает также французский историк Реньо. «Актом от 5 августа 1746 г., — пишет он, — провозглашено уничтожение крепостничества. 6 апреля 1749 г. генеральная ассамблея Молдавии приняла такое же постановление. Но этот декрет освобождения был лжив»². Фальсифицируя факты, Реньо представлял «реформы» господаря Г. Гики как значительное облегчение по сравнению с установлениями Маврокордато и пытался доказать, что положение царан в Молдавии к концу XVIII в. улучшилось. Это делалось с целью обвинить Россию во «введении» законодательных актов, главным образом «Органического регламента 1831 г.», якобы вновь вводивших крепостничество, резко ухудшивших положение молдавских царан.

Подходя к вопросу об оценке положения царан в первой половине XIX в., следует исходить не только из законодательных актов, определявших их юридическое положение, но и из тех источников, которые характеризуют фактическое положение крестьян.

б) Юридическое и фактическое положение крестьян в первой половине XIX в.

После присоединения Бессарабии к России общее положение жителей края, в том числе и царан, вначале несколько улучшилось. Население было избавлено от неограниченного никакими законами турецко-фанариотского произвола и частых набегов татарских орд. Край перестал быть театром частых опустошительных войн. Многочисленные налоги были несколько сокращены и поставлены в определенные законные рамки. На три года после присоединения Бессарабии к России ее жители были освобождены от всех государственных налогов и на 50 лет от рекрутской повинности³.

Вместе с тем надо отметить, что царане (основная категория крестьян Бессарабии) продолжали испытывать тяжелый гнет молдавских и русских помещиков. Во взаимоотношениях между помещиками и царанами сохранились так называемые

¹ С. Палаузов, Указ. труд., стр. 142.

² E. Regnaud, Histoire politique et sociale des principautés Danubiennes, Paris. 1885, p. 298.

³ I. ПСЗ, т. XXXIII, № 25942.

обычаи земли¹ — неписанные законы, которые были весьма выгодны местным боярам и по существу ставили царан в положение, мало чем отличавшееся от положения крепостных других губерний России.

Определяя положение русского крепостного крестьянина в сравнении с его положением при капитализме, В. И. Ленин подчеркивает, что «при крепостном праве крестьянин не смел жениться без разрешения помещика. Теперь крестьянин свободен жениться без всяких разрешений. При крепостном праве крестьянин должен был работать непременно на своего барина в такие дни, когда бурмистр укажет. Теперь крестьянин свободен выбирать, на какого хозяина и в какие дни, за какую плату ему работать. При крепостном праве крестьянин не смел никуда отлучиться из деревни без разрешения барина... При крепостном праве крестьянин не смел приобретать имущество без разрешения барина, не смел покупать земли. Теперь крестьянин свободен приобретать всякое имущество (полной свободы уйти из мира, полной свободы распорядиться как угодно своей землей крестьянин и теперь не имеет). При крепостном праве крестьянин мог быть телесно наказан помещиком. Теперь крестьянин не может быть наказываем своим помещиком, хотя крестьянин до сих пор не освобожден от телесного наказания»².

Касаясь сущности экономических отношений помещиков и крестьян в условиях крепостного права, В. И. Ленин указывал, что они сводились к наделению помещиками крестьян землей, а иногда и другими средствами производства и что это было тогда *«формой заработной платы, если говорить применительно к современным отношениям»*³.

В. И. Ленин не раз указывал, что положение русского крепостного крестьянина мало чем отличалось от положения раба. «На практике...», — писал В. И. Ленин, — крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства»⁴.

В отличие от крепостных крестьян молдавские царане, в соответствии с молдавским законодательством конца XVIII в. и законодательством русского правительства первой половины XIX в., номинально считались лично свободными, т. е. имели право перехода, хотя, как будет показано ниже, это право перехода было настолько ограничено, что реально становилось малоосуществимым.

Право царан на переход от одного помещика к другому подтверждается уже первыми законодательными актами рус-

¹ ПСЗ, т. XXXIII, № 25942.

² В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 331.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 65.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 439.

ского правительства — Уставом образования Бессарабской области 1816 г. и Уставом по управлению Бессарабской областью 1818 г. В Уставе 1818 г. в частности говорится: «Царане или поселяне сохраняют права личной независимости от владельцев земель на прежнем основании. Имущество их должно быть защищено от всяких притязаний наблюдением областного правительства»¹. И далее: «Царане сохраняют право перехода с земель одного владельца на земли другого, но на казенные земли не принимаются»². В проекте «Положения о царанах 1819 г.», которое легло в основу последующих постановлений об этой категории крестьян, также подтверждается личная «свобода» царан. «Личная свобода царан в этом именно и состоит, — пишется в этом документе, — что они и собственность их не зависят от помещиков»³. Далее, по вопросу о праве перехода царан от одного владельца к другому в положении сказано: «...ежели поселяне с владельцем не согласятся довольствоваться такою пропорцией земли, какая на вотчине их жительства находится, тогда с позволением областного начальства и владельца перейдет из них число, смотря по надобности, и поселится на других землях, где поселяне сыщут сами таковое...»⁴.

В учреждении для управления Бессарабской областью 1828 г. сказано, что «крестьяне (царане. — Я. Г.), в Бессарабии поселенные и впредь поселяемые, исключая цыган, не могут быть в крепостном владении ни у бессарабских помещиков, ни у дворян российских. И вследствие сего российские дворяне, жительствующие в Бессарабии, могут, кроме цыган, иметь там крепостных людей только дворовых и то для личной и дворовой услуги, а не для поселения их на земле»⁵.

В законоположении царского правительства 1834 г., названном «Положение о царанах или свободных земледельцах Бессарабской области» также подтверждается «свобода» царан. Более того, подтверждается и их право перехода. Одиннадцатый параграф этого положения гласит: «Царане, живущие на землях частных владельцев и землях духовного ведомства, могут свободно, по прошествии срока заключенных ими условий, или же и прежде, если владелец на сие согласен, переходить на земли других владельцев, равномерно заключая с ними условия на основании установленных в сем положении правил, они могут переходить и на свои собственные, если таковые имеют или приобретут, но на земли казенные ни в коем

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. XV, 1810—1829, д. 3, л. 265.

² Там же.

³ Постановление пунктов об обязанностях к владельцам вотчин царан или земледельцев Бессарабской области, Кишинев, 1819, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ II ПСЗ, т. III, 1834, § 4.

случае не принимаются»¹. И далее: «Переходя с земель одного владельца на другие, царане могут взять с собой свой скот, собственные земледельческие орудия и все движимое имущество, но дома, на земле владельца построенные, если не было о сем постановлено особого условия, остаются за владельцами, а виноградные и фруктовые сады, до ныне самими царанами разведенные буде так же не было о них особых условий, предоставляются им продать, однако же без права на землю, буде токмо помещик не пожелает оставить их за собой по оценке, при посредстве земского суда произведенной»².

Царане имели право переходить на жительство в города и записываться в городские сословия. Это право официально было подтверждено решением Государственного совета от 14 октября 1835 г. В этом решении сказано, что «царане, живущие на землях частных владельцев и на землях духовного ведомства, по прошествии срока заключенных ими условий, или же и прежде, если владелец на сие согласен, а цараны, живущие на собственных землях во всякое время, могут переходить на жительство в города, в Бессарабской области находящиеся, и записываться в городское состояние»³.

Относительно перехода царан на собственные земли в этом решении Государственного совета было сказано, что «царане, живущие на землях частных владельцев и землях духовного ведомства, могут свободно, по прошествии срока заключенных ими условий, или же и прежде, если владелец или духовное ведомство на сие согласится, переходить на собственные свои земли, какого бы пространства земли сии не были»⁴. Однако в решении это право оговаривалось одним весьма важным пунктом, который гласил, что «на сей переход испрашивается предварительно дозволения казенной палаты, с приложением документов на владение землей, если таковые владелец имеет. Палата, по рассмотрению сих документов, немедленно разрешает переселение»⁵.

Право перехода царан от одного владельца к другому подтверждалось также и «Нормальным контрактом 1846 года»⁶. В соответствии с «Нормальным контрактом» царане, желавшие перейти к другому помещику, обязаны были предупредить об этом своего владельца за шесть месяцев, а сам переход разрешался только в определенный срок (с 1 октября до 1 апреля), причем недвижимое имущество ушедших крестьян поступало в собственность прежнего помещика. «Нормальный контракт», таким образом, еще больше ограничивал право перехода царан.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. XV, д. 11, 1832, л. 175.

² Там же, лл. 175—176.

³ Там же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. 1, д. 79, 1835, л. 16.

⁵ Там же, л. 17 об.

⁶ ПСЗ, т. XXI, № 19881.

Во всех законоположениях о царанах, изданных царским правительством в первой половине XIX в., подтверждается, как показано выше, так называемое право личной «свободы» царан от владельцев своих, их право перехода от одного владельца к другому, право перехода на собственные земли и в города.

Прежде чем показать, как осуществлялось это право по существу, в практической жизни, необходимо рассмотреть, имеется ли какая-либо разница в правовом положении молдавских царан и русских крепостных крестьян, можем ли мы отождествить молдавских царан с русскими крепостными?

В правовом отношении (по закону) молдавских царан нельзя отождествлять с русскими крепостными крестьянами. Как уже указано выше, русские крепостные по закону находились в крепостной зависимости от помещиков, а молдавские царане юридически считались свободными. Русские крепостные крестьяне лишены были права самовольно переходить от одного владельца к другому, переселяться на другие земли, поступать в другое состояние, молдавские же царане, при исполнении определенных условий, правда очень тяжелых для них, все же формально сохраняли право перехода от одного владельца к другому, на собственные земли и в города. Русским крепостным не дозволялось вступать в брак без разрешения владельца, молдавские царане имели право заключать браки без ведома владельцев. Русские помещики могли требовать от своих крепостных выполнения любых работ — барщину и оброк почти в неограниченных размерах, повинности же молдавских царан перед владельцами земли по закону были ограничены нормами (определенным количеством барщинных дней, десятиной от продуктов и другими регламентированными повинностями). Русские помещики имели право переселять своих крестьян, продавать их с землей и без земли, целыми деревнями и в одиночку, помещики в Бессарабии не имели права по закону переселять царан без их согласия.

Взаимные споры и иски крепостных людей между собой в России разбирались и судились самим владельцем безапелляционно, подобные споры и иски между царанами Бессарабии разбирались в сельском суде, а более важные — в так называемом земском суде. Это предусмотрено, например, в «Положении о царанах 1834 года». Русские крепостные не имели права приобретать в собственность недвижимое имущество, а движимое имущество не охранялось законом. Молдавские царане имели право приобретать земли и иметь движимое имущество. Русские помещики имели право отдавать своих крепостных по своему усмотрению в рекруты, ссылатъ на поселение в Сибирь и на каторжные работы. Помещики Бессарабии по закону не имели такого права над царанами, которые считались «лично свободными».

Необходимо отметить, что в подобном же правовом положении находились не только молдавские царане, но и некоторые категории крестьян в других странах Европы, как, например, основная масса французских крестьян-чиншевиков, накануне буржуазной революции 1789 г. М. Ковалевский о французском крестьянине пишет: «Как общее правило, — это чиншевик или вечно-наследственный арендатор, платящий дворянину, церкви и государству так много, что оброк, десятина и налог отнимают у них три четверти дохода»¹.

Чтобы судить о том, что представляла собой так называемая личная свобода царан, отличавшая их от крепостных, необходимо проследить на конкретных фактах, как практически осуществлялись их права и, в первую очередь, право перехода от одного помещика к другому.

В нашем распоряжении имеются сведения о переходах царан с помещичьих земель за 1812—1868 гг. Это документальные данные, извлеченные из дел Центрального Государственного исторического архива МССР и представляющие собой прошения крестьян о разрешении перехода, рапорты сельских старост и исправников, а также так называемые «представления» бессарабской казенной палаты.

Указанные данные не могут претендовать на полноту. Следует учесть отсутствие значительного числа документов. Но все же полученный материал дает возможность нарисовать в общем верную картину.

На основании документальных данных можно проследить, как молдавские царане пытались осуществить свое право на переход от одного помещика к другому, с помещичьих земель на казенные и на собственные земли. Начиналось дело обычно с подачи прошений о разрешении перехода и, не добившись разрешения от властей, всячески препятствовавших этому, царане пытались осуществлять свое право перехода самовольно. Это зафиксировано рядом актов. Но в значительной части самовольные уходы кончались вмешательством полиции и водворением бежавших на прежнее место. Только в некоторых случаях переход царан происходил с разрешения местных властей в соответствии с законом и объяснялся определенными соображениями царских властей, о чем будет идти речь ниже.

Движением за переселение на другие земли с 1812 по 1861 гг. по приблизительным подсчетам было охвачено в Бессарабии 77 из общего количества 776 царанских сел², 26 сел было охвачено целиком, а остальные частично. За этот период добывалось переселения свыше 10 тыс. семейств, или, считая в среднем по 5 душ на семью, около 50 тыс. царан.

¹ М. Ковалевский, Происхождение современной демократии, т. I, ч. I, М., 1819. Общественный строй Франции во второй половине XVIII века, стр. 56.

² ЦГИА МССР, фф. 2, 22, 38, 39, 40, 89, 122 и др.

За двадцатитрехлетний период после присоединения Бессарабии к России (1812—1835), до введения «Положения о царанах 1834 г.», выявлено 29 подобных случаев. В 1835—1861 гг. их число увеличилось до 48¹, хотя число семейств, совершивших самовольный уход, несколько уменьшилось. Переселение на другие земли и самовольный уход составляет органическую часть царанского и общекрестьянского движения за улучшение своего положения. Значительный рост движения царан после 1835 г. свидетельствует об обострении классовой борьбы в бессарабской деревне и является реакцией на усиление эксплуатации царан в связи с введением «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.».

Царане в своих ходатайствах просят разрешить им переход как в пределах одного уезда, так и в другие уезды, главным образом из северных в южные. Причины стремления крестьян переселиться в южные уезды будут подробно освещены в следующей, III главе. Здесь же ограничимся лишь напоминанием, что в северных и центральных давно заселенных уездах крепостническая эксплуатация была сильнее, чем на юге Бессарабии, где имелись обширные просторы неосвоенных государственных земель, привлекавшие царан.

В прошении о переходе царан с. Гиндешты, Сорокского уезда, поданном в бессарабскую казенную палату, датированном июнем 1837 г., сообщается, что помещик этого села под разными предлогами непрерывно усиливал эксплуатацию крестьян. В силу этого они, на основании «Положения о царанах 1834 года», вступили в договорные условия с помещиком с. Чутулешты, того же уезда, о переселении в его владения. Однако царские власти запретили царанам переселиться в село Чутулешты. А помещик с. Гиндешты, пользуясь безвыходным положением царан, выбросил их из домов и отобрал их имущество. Тогда царане подали второе прошение, но и оно стало без последствий². Выгнанные из своих домов и лишённые средств к существованию, они вынуждены были в конечном счете согласиться на все требования помещика.

Этот факт дает представление о формах и методах пресечения попыток царан перейти на другие земли.

Царане села Бешены, Ясского уезда, Лука и Танас Зелецкие подали 18 июля 1840 г. в бессарабскую казенную палату прошение о разрешении им переселиться на вотчину Мындрешты. Палата под разными предлогами не выносила решения³.

Для того чтобы воспрепятствовать переходу царан с земель одного помещика на землю других, местные власти затягивали

¹ Подсчет сделан нами на основании материалов архивных фондов ЦГИА МССР, 1, 2, 8, 38, содержащих дела о переходах царан.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2230, лл. 105, 108.

³ Там же, д. 2619, лл. 513, 518.

иногда на долгие годы рассмотрение прошений царан, а то и попросту отказывали им в этом, особенно когда речь шла о переходе на собственные или казенные земли.

Так, представлением казенной палаты от 25 октября 1840 г. было отказано 2 семействам царан с Будешты в переселении на собственные участки земли якобы из-за «непредставления законных документов о принадлежности им той земли»¹.

Из 37 зарегистрированных документов подобного рода лишь на 1 получен удовлетворительный ответ, по 8 прошением и рапортам отказано, а остальные вообще остались без ответа.

Подъем классовой борьбы в бессарабской деревне в 30-е годы XIX столетия все же вынуждал царские власти в некоторых случаях удовлетворять настоятельные требования царан и разрешать им переход на земли другого помещика или на казенные и собственные земли.

Следует отметить, что разрешения на переход на помещичьи земли значительно преобладают над разрешениями перейти на казенные или собственные земли.

Переходы царан с земель одного помещика на земли другого, большей частью с севера Бессарабии в южные уезды, совершались при поддержке со стороны владельцев крупных южных поместий, нуждавшихся в рабочей силе и использовавших свое влияние на местные власти для разрешения переселения царан из средних и мелких поместий северной Бессарабии на юг. Так, например, 12 июля 1838 г. помещик с. Сарата, Кагульского уезда. П. Мурузи подал на имя губернатора прошение о закреплении за его вотчиной 12 семейств из Хотинского и Ясского уездов².

Из 13 случаев «законного» ухода царан с земли прежнего помещика, в соответствии с «Положением о царанах 1834 г.» и «Нормальным контрактом 1846 г.» 9 относятся к переходам из одного поместья в другое и только 4 — к переходам на казенные и собственные земли. Интересно отметить, что и эти случаи не обычные. Во всех 4 случаях переход был разрешен состоятельным царанам.

Так, царане села Сиротены, Оргеевского уезда, Афтений Кантаре и Андроник Мыцу подали прошение о переселении их на собственные участки в с. Милешты, Кишиневского уезда. Удовлетворив их прошение, бессарабская казенная палата в своем представлении от 8 июня 1840 г. отмечает, что «просители суть люди почетные и состоятельные»³. Примерно также мотивируется разрешение и в других случаях.

В этом нашел свое отражение процесс дифференциации среди бессарабского крестьянства, сопровождавшийся выделе-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2619, л. 447.

² Там же, д. 2453, л. 9.

³ Там же, д. 2619, лл. 362—363.

нием из его среды зажиточной части царан. Большинство же прошений царан, как уже указывалось, властями не удовлетворялось.

Поэтому значительная часть крестьян, не добившись «законной» возможности осуществить свое право перехода, бежала в поисках лучшей доли к другим помещикам, в основном на юг Бессарабии, или на казенные земли. Так, например, в 1815 г. из с. Хаджимус, Бендерского уезда, из-за недостатка земли бежало 19 семей¹. В 1836 г. из с. Бахмут, Ясского уезда; в с. Мн-хайловку, Бендерского уезда, «самовольно» переселилось 72 семейства². В 1837 г. 90 семей царан села Боцены, Оргеевского уезда, «по случаю недостатка земли и терпимых ими от владельца Ботезата притеснений и побоев... без дозволения начальства водворились и частью обзавелись в казенных двух селениях Вознесенском и Веденском», Аккерманского уезда³. В 1838 г. из села Мендикауцы, Хотинского уезда, 39 царанских семей бежало в село Сарата, Кагульского уезда⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении неполные данные позволяют сделать вывод, что бегство крестьян происходило неравномерно по годам.

Более массовое бегство царан имело место в первое десятилетие после присоединения Бессарабии к России (1812—1822), до начала размежевания казенных земель на юге Бессарабии и до официального запрещения царанам поселяться на казенных землях. Усилилось бегство царан также в конце 30-х и в 40-х гг., когда помещики, стремясь увеличить производство хлеба на продажу, стали еще больше эксплуатировать крестьян, сократили их наделы и расширили феодальные повинности. Так, за первое десятилетие, с 1812 по 1822 гг., на юг Бессарабии ушло 1500 семейств. С 1823 по 1835 гг. совершили побег всего 67 семейств. За десятилетие, с 1836 по 1845 гг., бежало на юг 500 семейств царан.

«Самовольство» царан вызвало соответствующую реакцию со стороны царских властей. Все материалы, имеющиеся в нашем распоряжении о случаях бегства царан, свидетельствуют о том, что судебные и полицейские власти проявляли решительность и оперативность, немедленно принимая все меры к розыску и водворению бежавших на прежнее место, ограждая, тем самым, интересы помещиков.

В 1817 г. крупный помещик Балш обратился с жалобой к бессарабскому вице-губернатору о возвращении царан, бежавших из его поместья на казенные земли. Вице-губернатор предписывает расследовать дело и немедленно донести ему. В октябре того же года вице-губернатор отдает полицейским распоря-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 79, лл. 67—68.

² Там же, д. 1961, лл. 5—8.

³ Там же, д. 2230, лл. 33—35.

⁴ Там же, д. 2453, лл. 1—4.

жение «...сделать строгое предписание... относительно молдаван, вышедших... из земель г. Балша, чтобы они по состоящемуся уже распоряжению областного начальства, обращены были на прежнее жительство, без малейшего отлагательства, под ответственность местной полицейской власти»¹.

Не довольствуясь поддержкой властей, помещики по собственному произволу принимали меры для немедленного возвращения бежавших царан. Этим они фактически распространяли свою власть и на личность царанина. Произвол помещика порой принимал столь отвратительные формы, как зверское избивание помещичьими прислужниками бежавших царан и даже убийство их.

В 1815 г. из села Карбуна, расположенного на земле того же Балша, бежали два царанина с семьями. Помещик послал в догонку своих слуг «...для удержания на мощнях его живущих от побегов и для отыскания уже бежавших...» Они догнали беглецов, Аксентия и Антохия Тинко, и хотели препроводить к помещику. Но Аксентий Тинко отказался идти к помещику и оказал сопротивление. В схватке с помещичьими арнаутами он был убит².

Приведенные факты дают убедительную картину того, как в действительности обстояло дело с осуществлением права царан на уход с помещичьих земель. Из общего количества обнаруженных в архивных делах за первую половину XIX в. 132 случаев, указывающих на попытки царан в той или иной форме осуществить свое право на переход, только в 13 случаях, касающихся 68 семейств, было получено официальное разрешение на переселение. Да и эти случаи, как уже указывалось, имели специфический характер. 36 групповых прошений царан остались без ответа. Во многих случаях царане, не добившись ничего «законным путем», осуществляли свое право побегом с помещичьих земель. Но эти побегι чаще всего заканчивались водворением бежавших на прежнее место жительства при помощи полицейских властей. Имели место также отдельные случаи, когда помещик возвращал бежавших собственными средствами, не прибегая к помощи властей.

На протяжении всего указанного периода, из 30 тыс. семейств, пытавшихся, так или иначе, совершить переход на другие помещичьи и казенные земли, осуществили свое право перехода самовольно — бегством — без последующего возврата только 6322 семейства³. Остальные, не получив официального разрешения, или остались на прежнем месте, или делали по-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 66, лл. 166, 256.

² Там же, д. 308, лл. 12—17.

³ ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, дд. 2672, 740; ф. 2, оп. 1, лл. 158, 79, 374; 308, 1985, 2453, 5072, 5864, 5965, 6880, 6171; ф. 38, дд. 272, 282; П. Свиньин, Указ. труд, стр. 357; К. Ермолинский, Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, стр. 23.

пытку переселиться самовольно, но были возвращены на прежние местожительства царскими властями.

Таким образом, царане, «лично свободные» и имевшие формально право на переход, редко могли воспользоваться этим правом. «Самовольное» переселение царан увенчивалось успехом чаще всего тогда, когда новые их владельцы были заинтересованы в этом и отстаивали свои интересы перед царскими властями.

А. Афанасьев-Чужбинский хорошо описывает трудности, которыми сопровождалось осуществление на практике «права перехода» царан. Он говорит, что закон, определяющий отношение владельцев к крестьянам, предоставляет последним право перехода, если пребывание у помещика они считают для себя невыгодным. «Но легко сказать это, а на деле бедняку чрезвычайно трудно отойти от владельца, потому что для этого нужно исполнить многие формальности, почти всегда недоступные или чрезмерно трудные для крестьянина. По понятиям некоторых, если царанин недоволен помещиком и желает перейти к другому, то значит он действует против владельца — следовательно, ему необходимо внушить уважение. Известно, что значит этот глагол в иных случаях. Одним словом, пока царанин добьется перехода, не раз ему придет на мысль пословица: «пока солнце взойдет — роса глаза выест». Но я не говорю, чтобы крестьяне совсем не переходили; бывают, хоть и редко, эти случаи. И уж конечно бедняку должно быть очень худо, если он решается оставить, не говоря родину..., но и свою хату со всеми постройками... Есть, однако же, примеры, что переходили целые деревни»¹.

Все же, несмотря на препятствия, в 40—50-х гг. XIX в. значительно участились переходы царан на другие земли. Это создало для помещиков, особенно северной и центральной части Бессарабии, угрозу лишиться рабочих рук. Поэтому помещики все чаще стали выступать с требованием запретить или максимально ограничить право перехода царан.

Бессарабский предводитель дворянства Балш, выразитель интересов этой группы помещиков, в своем представлении правительству от 13 декабря 1856 г. относительно ограничения перехода царан, предлагал «...совершенное прекращение, или, по крайней мере, ограничение свободного переселения десятою частью наличного числа поселян по каждому селению, притом, не во всякое время..., а один только раз в каждые три года, и чтобы помещикам предоставлено было право удалять из своих имений тех поселян, которые окажутся ослушными при отбывании ими повинностей и при исполнении обязанностей по отношению к ним»².

Приведенный документ свидетельствует о стремлении бессарабских помещиков по существу закрепостить царан, на что, од-

¹ А. Афанасьев-Чужбинский, Указ. труд, стр. 26.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6696, лл. 4—5.

нако, царское правительство, учитывая сложившуюся обстановку, не решалось пойти.

Тем не менее произвол помещика над личностью царанина существовал и здесь, хотя закон и отличал молдавских царан от крепостных. В отличие от цыган и русских крепостных, как уже показано выше, молдавских царан по закону нельзя было продавать. Они также формально имели право, по выполнению всех своих обязательств перед помещиком, перейти на другие земли. Однако, как показывает анализ конкретных фактов, царане весьма редко могли осуществить это свое право. «Не имея ни собственной земли, ни собственной усадьбы, — говорит дореволюционный исследователь А. Зашук, — царанин никогда не выходил из-под влияния помещика»¹.

Раз вся земля и даже усадьба царанина являлись собственностью помещика, то крестьянское хозяйство в действительности было ни чем иным, как «...условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»². Как указывает В. И. Ленин, именно так складывались взаимоотношения между помещиками и крестьянами в системе барщинного хозяйства. Следовательно, царане, свободные по закону, находились в феодально-зависимом положении по существу.

Молдавские царане, как и русские крепостные, отбывали барщину, т. е. собственными средствами производства обрабатывали определенное количество урочных дней на помещичьем поле. Кроме того, помещики получали дижму (т. е. десятую часть) от всех произведенных царанином (на «собственном» участке) продуктов. Следовательно, характеристика, данная К. Марксом эксплуатации крестьян в Дунайских княжествах, а именно, что барщина соединялась с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния³, вполне применима к Бессарабии в первой половине XIX века.

Хотя обязанности царан в пользу помещика определялись неоднократно законом, однако помещикам была предоставлена широкая возможность распоряжаться трудом и порой даже личностью крестьянина.

Вместе с тем следует указать, что норма ренты, уплачиваемой молдавским царанином помещику, была значительно ниже, чем норма ренты, вносимой помещику крепостным.

Отмена крепостнической правовой нормы при сохранении и фактическом усилении прежних форм феодальной эксплуатации естественно носила формальный, декларативный характер. И действительно, если формально была устранена крепостная зависимость крестьян от помещика, то в результате сословной

¹ А. З а ш у к, Указ. труд., стр. 223.

² В. И. Л е н и н, Соч., т. 3, стр. 158.

³ К. М а р к с, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 242.

неполноправности и отсутствия земли у царан, она фактически осталась в силе. В. И. Ленин отмечал, что формы и степени принуждения при феодализме могут быть самые различные, «начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹.

Отсутствие собственной земли и сословная неполноправность молдавских царан определили их положение после так называемого «освобождения» в 1749 г.

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что после присоединения Бессарабии к России, на протяжении всей первой половины XIX в., царане юридически считались лично свободными. Причем следует подчеркнуть, что это их право впервые по-существу было закреплено в русском законодательстве. Их право перехода неоднократно было подтверждено законодательными актами русского правительства в первой половине XIX в. Однако многочисленные ограничения в осуществлении этого права позволяли царанам осуществлять его лишь в редких случаях. Существовавшая земельная зависимость от собственника земли определяла феодальную зависимость царан вообще. Не имея собственной земли и будучи вынужденными пользоваться помещичьей, царане обязаны были отбывать барщину и нести в пользу помещиков другие феодальные повинности, правда в несколько меньшем размере, чем крепостные.

в) Усиление феодальной эксплуатации царан в условиях развивавшегося товарного производства в первой половине XIX века

В своем гениальном труде «Развитие капитализма в России» и в других работах В. И. Ленин дал классическое определение феодально-крепостнического барщинного хозяйства. Сущность крепостного, барщинного хозяйства состояла в том, что «крестьяне, — как указывает В. И. Ленин, — получали от помещика надел для прокормления своей семьи, а за это должны были работать три дня (а иногда и больше) на помещичьей земле. Вместо того, чтобы платить рабочему деньгами, как платят теперь повсюду в городах, платили землей. С надела, получаемого от помещика, крестьянин мог едва-едва прокормиться. И за этот корм крестьянин и вся его семья должны были обрабатывать помещичью землю крестьянскими же лошадьми, крестьянскими орудиями или «инвентарем». Такова сущность крепостнического хозяйства: нищенский надел вместо платы за труд; обработка помещичьей земли крестьян-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159.

ским трудом и крестьянским инвентарем; принуждение крестьянина работать из-под палки помещика. При таком хозяйстве крестьянин и сам должен был становиться *крепостным*, потому что без *принуждения силой* ни один человек, сидящий на наделе, не стал бы работать на помещика»¹.

Вся помещичья земля разделялась на барскую запашку и крестьянские наделы. В зависимости от способа ведения хозяйства помещик по-своему определял соотношение величины барской запашки и крестьянских наделов. Помещик произвольно располагал крестьянские наделы. В любое время он мог переселить крестьян на другие, худшие земли.

В первой половине XIX в., особенно с 30-х годов, помещики Бессарабии стали приспособлять свои имения к условиям растущего товарного хозяйства: увеличивали производство хлеба на продажу, создавали в своих имениях предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, конские заводы, усиленно развивали меринское овцеводство и т. д. Чем больше втягивались помещичьи хозяйства в товарно-денежные отношения, а следовательно, производили большее количество продуктов для рынка, тем больше усиливалась эксплуатация крестьян. Это приводило, прежде всего, к обезземеливанию крестьян, к значительному увеличению барщины и других повинностей.

Чтобы увеличить производство хлеба на продажу при сохранении прежней техники обработки земли, помещики Бессарабии стремились расширить свою барскую запашку за счет сокращения крестьянских наделов, за счет захвата резешских и казенных земель.

На протяжении всей первой половины XIX в. и особенно накануне крестьянской реформы в Бессарабии значительно сокращалось количество земли, находившейся в пользовании крестьян, и соответственно увеличивалась барская запашка.

В 1817 г., по данным росписи землевладения и сословного строя населения Бессарабии, в пользовании бессарабских царан было около 80% всей помещичьей земли, а в 1861 г., по данным, представленным в редакционные комиссии, в их пользовании было несколько более 65%². В некоторых уездах Бессарабии царанская запашка накануне реформы была еще меньшей. Например, в Бельцком уезде менее 50%, а в Хотинском — только 42%³.

Таким образом, расширение барской запашки шло в значительной мере за счет сокращения царанских наделов. Последнее же приводило к разорению большого числа крестьянских хозяйств. На протяжении первой половины XIX в. царанский надел сократился на $\frac{1}{3}$, а в Хотинском, Бельцком и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 235—236.

² ЦГИАЛ, ф. 1231, оп. 6, д. 38, л. 97.

³ Там же.

Сорокском уездах почти на $\frac{1}{2}$. Так, например, в соответствии с грамотой А. Мурузи за 1805 г. помещики выделяли царанам в надел: пешему — 8 дес., царанину, имевшему одну пару волов — 12 дес., 2—3 пары волов — 21 дес., 4 пары волов и больше — 25 дес. земли¹. К середине XIX в. царанский надел в Бессарабии значительно сократился. Так, по «Нормальному контракту 1846 г.» помещики выделяли в надел царанам: пешему — 4 дес., на одну пару волов — 5,5 дес., на 2—3 пары волов — 8 дес., на 4 пары волов и больше — 13,5 дес.²

Накануне крестьянской реформы земля распределялась между помещиками и царанами Бессарабии по уездам в следующем процентном соотношении³:

У е з д ы	У помещиков	У царан
1. Хотинский	58	42
2. Сорокский	34	66
3. Ясский (Бельцкий)	50,5	49,5
4. Оргеевский	35	65
5. Кишиневский	32	68
6. Бендерский	83	17,2
7. Аккерманский	89,5	10,5

По данным А. Зашука, которые следует считать преувеличенными, накануне крестьянской реформы в среднем на царанский двор в Бессарабии размер надела составлял 6 десятин⁵. Средние размеры наделов на двор колебались от трех в Хотинском уезде, где земля лучшего качества и была сосредоточена, главным образом, в руках помещиков, и до 10 дес. земли на двор в Аккерманском и Бендерском уездах. На ревизскую душу в 1858 г. приходилось в среднем менее трех десятин.

Хотя в Бессарабии средний душевой надел и был несколько больше, чем в ряде губерний России, особенно Украины (в Киевской губернии средний надел на ревизскую душу составлял 1,94 дес., в Подольской — 1,23, в Полтавской — 1,7),

¹ Uricarul, sub redacția lui Todor Codrescu, partea II, Iași, 1852, p. 136—137.

² ПСЗ, т. XXI, № 19881.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. т. XV, д. 93, ч. 1, лл. 483—485.

⁴ Такое соотношение барской запашки и крестьянского землепользования в Бендерском и Аккерманском уездах объясняется тем, что здесь было мало царанских селений.

⁵ А. З а ш у к, Указ. труд, стр. 227.

он далеко не мог удовлетворить нужды основной массы непосредственных производителей. При низком уровне сельскохозяйственной техники, трехпольной и переложной системах земледелия указанный надел не мог обеспечить прожиточный минимум крестьян, если учесть к тому же необходимость уплаты государственных податей. По расчетам Ю. Янсона, только для удовлетворения собственных продовольственных нужд населения черноземной полосы при урожае сам-4 крестьянский надел должен составлять по 5 дес. на ревизскую душу¹. В Бессарабии же, как указано, крестьянский надел на ревизскую душу был значительно меньше.

При этом следует подчеркнуть, что надел служил, главным образом, не для удовлетворения нужд непосредственного производителя, а для обеспечения помещика рабочей силой.

Критикуя мальгузианские взгляды г. Струве, который считал, что размножение людей стоит в прямой зависимости от земельного надела, В. И. Ленин указывал, что это было бы так, если бы надел служил прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд производителя. «Наделы служат «прежде всего», — пишет В. И. Ленин, — для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти «нужды» не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность»².

Для того, чтобы обеспечить уплату государственных налогов, крестьяне Бессарабии массами уходили на юг на сезонные побочные заработки. Зачастую и побочные заработки не могли обеспечить уплату государственных податей, и крестьянские хозяйства разорялись, крестьяне были обречены на голодное существование.

В Бессарабии, так же как в основном и на Украине, надел земли предоставлялся крестьянам в зависимости от количества рабочего скота. Порядок наделения крестьян землей по количеству скота установился давно и был узаконен молдавскими господарями второй половины XVIII в. и подтвержден русским царизмом в первой половине XIX в. В собственности русских губерниях, как известно, земля, которую помещик отводил крестьянам в надел, находилась не в подворном, а в общинном пользовании и подлежала периодическим общинным переделам. Надел там находился не в зависимости от количества рабочего скота, а от тягла (тягло составляло два взрослых работника — муж и жена).

В Бессарабии, как и на Украине, более богатые царане, имевшие большее количество рабочего скота, получали и больше земли в надел. Так, например, царанин, имевший две

¹ Ю. Я н с о н, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, изд. 2, СПб, 1881, стр. 70—71.

² В. И. Л е н и н, Соч., т. 1, стр. 489.

пары волов, получал в два раза, а имевший четыре пары волов — в три раза больше земли в надел, чем пеший царанин¹.

Таким образом, земля, которая находилась в пользовании крестьян, была распределена между ними чрезвычайно неравномерно. Основная ее часть находилась в пользовании царан, владевших большим количеством рабочего скота.

Значительная часть царан пользовалась одними усадьбами, некоторые были совершенно безземельными. Накануне крестьянской реформы 1861 г. в Хотинском уезде из 26 тыс. царанских хозяйств — 8 тыс. имели в своем пользовании менее 1 га земли, из них 3 тыс. семейств пользовались одними усадьбами².

Одной из причин создавшегося малоземелья крестьян был, как мы уже указали, тот факт, что помещики Бессарабии расширяли свою барскую запашку за счет сокращения царанского надела, и это вызывало большое недовольство и жалобы со стороны крестьян. В 40—50-х гг. на имя бессарабского губернатора и центральных органов власти были поданы многочисленные жалобы царан на то, что помещики отбирают у них земли и увеличивают барщину. Таков, например, смысл жалобы царан с. Цибирики, Оргеевского уезда, от 8 сентября 1850 г. Царане жаловались, что помещик отобрал у них большую и лучшую часть пахотных земель, виноградников и фруктовых садов. Вместе с тем помещик требовал выполнения всех прежних повинностей. В обращении к губернатору царане писали в своей жалобе, что «после таких притеснений нам не остается ничего другого, как взять семейства свои и явиться к вам для дачи дневного пропитания»³.

Особенно усилился процесс обезземеливания царан накануне крестьянской реформы. Учитывая предстоящую крестьянскую реформу в Бессарабии, местные помещики принимали все меры к тому, чтобы сохранить большую часть земли в своих руках, для чего «заботились» о сокращении числа «наделяемых», заранее сокращали наделы царан или совершенно сгоняли их с земли.

24 декабря 1866 г. царане с. Пенилово, Сорокского уезда, жаловались бессарабскому губернатору на то, что помещик Кереновский лишил их большей части пахотной, сенокосной и выгонной земли, которой они пользовались с давних времен. Вместе с тем помещик требует с них значительно больше повинностей, чем раньше⁴. Аналогичного содержания является также жалоба царан с. Строинец, Хотинского уезда. Царане этого села писали губернатору, что помещик Малев-

¹ ПСЗ, т. XXI, № 19881.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 97, ч. II, л. 197.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5758, л. 3.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 6, оп. 1, д. 922, л. 281.

ский лишил их надельной земли и принуждает к переселению в другие места¹.

Царане с. Петрешты, Ясского уезда, жаловались губернатору, что помещик Усат отобрал у них землю и вынуждает к переселению «дабы в случае распоряжения правительства о снабжении царан наделом земли оставить таковую в его пользу»².

Факт обострения отношений между помещиками и царанами вынужден был признать даже новороссийский и бессарабский генерал-губернатор Коцебу. В своей записке от 22 декабря 1867 г. он писал министру внутренних дел, что «...в ожидании поземельных наделов отношения между помещиками и царанами сделались очень натянутыми: помещики стараются воспользоваться всякими предложениями, чтобы сбыть со своей земли побольше царан и тем избавиться от надела их земель»³.

Обезземеливание и разорение крестьян Бессарабии накануне реформы 1861 г. являлось одним из проявлений процесса, характерного для всей России. Это нашло свое отражение и в донесениях III отделения е. и. в. канцелярии. В донесении от 1859 г. сказано: «Одни помещики переносили крестьянские усадьбы на новые места или заменяли их земельные участки, другие переселяли крестьян в другие свои имения, уступали их степным помещикам не только за бесценок, но и даром, третьи отпускали крестьян на волю без земли и вопреки их желанию, отдавали их в рекруты, в зачет будущих наборов, отправляли в Сибирь на поселение, одним словом, вообще употребляли разные средства, чтобы избавиться от излишнего числа людей и чтобы сколь возможно их не наделять землей»⁴.

В отчете III отделения за 1865 г. о положении в Бессарабии прямо указывается, что бессарабские помещики всячески стремятся переселять часть царан на другие земли, а на остальных повысить повинности⁵.

Таким образом, в связи с развитием товарного хозяйства в первой половине XIX в., увеличением барской запашки всемерно сокращались царанские наделы. Накануне крестьянской реформы доходы преобладающей массы царанских хозяйств с мизерными наделами не могли покрыть даже прожиточный минимум крестьянской семьи, не говоря уже об уплате государственных податей. В условиях отсутствия достаточного количества земли и побочных заработков значительная масса царанских хозяйств разорялась.

¹ ЦГИА МССР, ф. 6, оп. 1, д. 923, л. 1737.

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. III, лл. 119—120.

⁴ Централхив, Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I, М., 1931, стр. 123—124.

⁵ Там же, стр. 101.

г) Феодалные повинности царан

Не владея собственной землей и вынужденные поэтому пользоваться землей помещика, царане обязаны были нести **тяжелые феодалные повинности** в их пользу.

Согласно «Уставу образования Бессарабской области 1818 года» царане, жившие на землях помещиков, за пользование земельными угодьями обязаны были отбывать помещикам феодалные повинности «сходственно молдавским учреждениям»¹.

До введения «Нормального контракта 1846 г.» царане выполняли без существенных изменений те феодалные повинности, которые сложились в Молдавии издавна и юридически **были оформлены законодательными актами молдавских господарей второй половины XVIII и начала XIX вв.**

Основными феодалными повинностями молдавских царан, как и крепостных крестьян других губерний России, были отработка барщины и несение оброка (натурального и денежного).

В соответствии с царским манифестом от 5 апреля 1797 г. русские крепостные крестьяне, как известно, должны были отрабатывать барщину по 3 дня в неделю. Помещики же заставляли крепостных крестьян работать 5—6 дней в неделю. Об этом свидетельствует и Н. А. Радищев, сообщая в «Путешествии из Петербурга в Москву», что русские крепостные зачастую работали на помещика целую неделю, а на своем наделе только в воскресный день.

Молдавские царане юридически за пользование наделом земли обязаны были отбывать помещикам меньшее количество дней — всего от 12 до 28 дней в году², в зависимости от количества рабочего скота и размеров надела. Но в Бессарабии, в отличие от других губерний России, была установлена урочная барщина, введенная в Молдавии в 1766 г. господарем Григорием Гика. Чтобы прекратить бегство царан из помещичьих имений, несколько ослабить борьбу против помещиков, вместе с тем ублажить последних Григорий Гика издал так называемые «Вистерийские пункты». Согласно «Пунктам» прежняя 24-дневная барщина, юридически закреплённая актом Константина Маврокордато в 1749 г., была сокращена до 12 дней³, но на каждый день был установлен «урок» — определенный объем работы. Объем работы был настолько велик, что, по меткому выражению К. Маркса, «...ни один циклоп не справился бы с ним в сутки»⁴.

¹ ПСЗ, т. XXXV, № 27357.

² II ПСЗ, т. XXI, № 19881.

³ Там же, лл. 35—49.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 243.

Согласно «Вистерийским пунктам», на один урочный день по различным видам работ были установлены следующие нормы:

1. Пахать по ниве — 0,75 га, по целине — 0,5 га
2. Прашевать кукурузу — 0,5 га
3. Жатва серпом — 3 кланы (копны) — 120 снопов
4. Сенокошение, сушка и складывание — 0,75 га.

Учитывая уровень техники того времени, для выполнения указанных норм по все видам работ необходимо было работать от двух до трех обыкновенных рабочих дней, или в общей сложности от 24 до 30 дней¹.

Говоря об объеме работы, установленном «Вистерийскими пунктами» по урочным дням, даже румынский буржуазный историк Ксенопол вынужден был признать, что работа, установленная «пунктами» Гики, превосходила ту, которая могла быть выполнена человеком за день, и представляла в действительности двойную норму, поэтому бояре на первых порах не оказывали особого сопротивления номинальному уменьшению числа урочных дней².

Кроме 12 урочных дней барщинных работ, царанин должен был давать помещику дижму от всех продуктов своего хозяйства, причем привезти ее помещику во двор. По существовавшему издавна в Молдавии обычаю, помещик давал в пользование царанину, лишенному скота («пешему»), от 3 до 4 фалч земли, из которых приблизительно 2—2,5 фалчи использовались под пашню. На обработку пашни и снятие урожая, в среднем, уходило 100 рабочих дней³. Таким образом, отдавая дижму, царанин работал в пользу помещика еще минимум 10 дней. А дижма от фруктов и пчел составляла также не менее 5 дней. Эту дижму царанин должен был выплачивать помещику из первых снятых продуктов.

Далее. Царане обязаны были охранять помещичьи леса в тех местах, где им было разрешено пользоваться хворостом, валежником и делать порубки для своего домашнего обихода, должны были починять плотины и оказывать личные услуги владельцу. Кроме того, помещику предоставлена была монополия продажи вина и других спиртных напитков.

Таким образом, «Вистерийские пункты» Григория Гики, установившие урочную барщину, в действительности представляют собой новый этап в усилении эксплуатации царан. Только те барщинные работы, которые представляется возможность учесть, составляли минимум 44 рабочих дня.

¹ А. Хелопол, *Op. cit.*, p. 179.

² *Idem*, p. 111.

³ Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду Бессарабской губернии, М., 1886.

Но бояре и духовенство этим не были удовлетворены. После представления митрополита и бояр, требовавших уже 36 дней в году барщины¹, тот же Григорий Гика 30 сентября 1777 г. издает дополнение к «Вистерийским пунктам». Господарь, опасаясь крестьянских волнений, не решился полностью удовлетворить требования феодалов. Признавая «...справедливым умножить пользу помещиков»², он увеличивает повинности царан, обязывая их, кроме перечисленного в «пунктах» 1766 г., выполнять следующие работы в пользу помещика: 1) вырабатывать в год по две клаки (общие даровые работы в течение одного дня), 2) строить и исправлять пруды, гребли, мельницы и вотчинные строения; 3) давать вотчиннику подводы для привоза «припасов» (продуктов) с доставкой последних в усадьбу помещика, и 4) привозить в дом помещика по два воза дров. Вновь подтверждается исключительное право помещика производить и продавать вино и другие напитки. Крестьяне же должны их покупать только в вотчинной корчме. Эти дополнения еще больше увеличили барщину и другие повинности и ухудшили положение царан.

В начале XIX в., в условиях растущего товарного хозяйства, барщина и другие феодальные повинности царан были увеличены.

В 1805 г. бояре и духовенство в своем послании к господарю жалуются на увеличивающееся сопротивление царан, на то, что царане не хотят выполнять урочных дней и других повинностей. Они просят господаря силой государственной власти заставить царан нести угодные помещику повинности. Прикрываясь интересами родины и другими демагогическими фразами, боярство просит законодательно закрепить дальнейшее увеличение повинностей царан. Господарь Александр Мурузи своим актом от 1805 г.³ идет навстречу боярам и на прежнее количество урочных дней (12) значительно увеличивает нормы урочных работ.

В отличие от «Вистерийских пунктов» Мурузи устанавливает следующие нормы барщинных работ в один урочный день⁴.

1. Пахать на ниве 80 пражин — 1,2 га, на целине 70 пражин — около 1,1 га (5 рабочих дней);

2. Переполка кукурузы, сбор и перевозка ее в помещичий двор — 35 пражин — около 0,5 га (5 рабочих дней).

3. Жатва серпом и перевозка снопов на гумно — 30 пражин — около 0,5 га (5 рабочих дней).

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. XV, д. 11, 1832, л. 31.

² Там же, лл. 34—36.

³ Uricarul, sub redacția lui Todor Codrescu, partea II, Iași, 1852, p. 172.

⁴ А. Хенорол, Оп., cit., p. 179.

4. Скосить, собрать и сложить в стог сено — 1 фалчу — около 1,5 га (6 рабочих дней).

5. Две клаки в пользу помещика (4 дня).

6. Две повозки дров для помещичьего двора (2 рабочих дня).

7. Починка хозяйственных построек (по расчетам Ксенопола — 9 рабочих дней).

8. Десятина от посева царан (не менее 10 дней).

9. Десятина от сена (1 рабочий день).

10. Десятина от фруктов и пчел (5 дней).

11. Две подводы для различных перевозок на расстояние до 80 км (4 рабочих дня).

Таким образом, количество барщинных дней, отбываемых царанами в пользу помещиков, в соответствии с указом А. Мурузи возросло до 56.

В своем указе Мурузи вновь подтвердил помещичью монополию на продажу вина и других спиртных напитков.

Документ, подписанный А. Мурузи, в котором было законодательно закреплено значительное увеличение феодальных повинностей царан, был продиктован боярами и духовенством. Он полностью отражает основное содержание представления, поданного господарю молдавскими боярами и духовенством 2 января 1805 г.¹

Так сложились и «законно» оформились феодальные повинности царан к началу XIX в. Как уже было указано выше, после присоединения Бессарабии к России царское правительство в интересах местных бояр решило не вторгаться во взаимоотношения помещиков и царан, сохранив в этом вопросе прежние законы и обычаи земли. Устав образования Бессарабской области 1818 г. подтвердил прежние феодальные повинности царан.

До введения «Нормального контракта 1846 г.» царане Бессарабии отбывали барщину и другие феодальные повинности в соответствии с вышеизложенным указом А. Мурузи от 1805 г.

В 40-х гг. XIX в. в условиях растущего товарного хозяйства, в связи с увеличением барской запашки, царанский надел значительно сократился. «Нормальный контракт 1846 г.» установил надел царан на $\frac{1}{3}$ меньше по сравнению с указом А. Мурузи 1805 г., феодальные же повинности царан, принимая во внимание сокращение надела, значительно увеличились.

В соответствии с «Нормальным контрактом» царане отбывали барщину в размере от 12 до 28 урочных дней в году в зависимости от количества рабочего скота и величины полученного надела. Царане, не имевшие рабочего скота, отрабатывали 12 урочных дней своим личным трудом. Царане, имевшие рабочий скот, отрабатывали урочные дни частично со скотом, частично без рабочего скота.

¹ Uricarul, partea II, pp. 126—139.

Расчет выполнения работ царанами со скотом и без рабочего скота (для царан, имевших рабочий скот) был установлен в следующих размерах¹:

	1 пара волов	2 пары волов	3 пары волов	4 пары волов
Работа со скотом . .	4 ур. дня	4 ур. дня	4 ур. дня	4 ур. дня
Работа без скота . .	6 . .	16 . .	16 . .	24 . .

Из таблицы видно, что при определении количества дней барщинных работ создавались более льготные условия для зажиточных крестьян с большим количеством рабочего скота. Со скотом отбывали 4 дня одинаково и те, которые имели одну пару волов, и те, которые имели четыре пары волов.

На один урочный день нормальный контракт установил следующие нормы работ:

1. Вспахать по ниве — 1 га, по целине — 0,7 га.
2. Косить, связать, доставить на место молотбы и сложить в скирду разного хлеба — 0,4 га.
3. Скосить, высушить, сгрести и сложить в стог — 0,4 га.
4. Прашевать кукурузу — 0,5 га.

Закон устанавливал, что царане должны отбывать урочные дни весной, летом и осенью равными частями. Но помещики по своему распоряжались трудом царан. Они требовали от царан отработать барщинные дни в самую страдную пору, нанося тем самым огромный ущерб крестьянскому хозяйству.

Помимо урочных дней царане несли и другие повинности: а) каждый царанин обязан был перевезти во двор помещику два воза дров на расстояние 4 часов (20 верст). Если у помещика нет леса, то привезти ему одну кубическую сажень бурьяна или камыша взамен дров²; б) давать помещику подводу на расстояние 80 верст и перевезти 30-пудовую тяжесть. Царанин, не имевший рабочего скота, взамен этой повинности должен был дополнительно отработать еще один урочный день³. Каждый царанин должен был отработать помещику 4 дня на починке владельческих хозяйственных строений. Кроме того, царане обязаны были исправлять плотины, гати и другие сооружения.

Помимо барщины царане обязаны были нести помещику оброк натурой — «дижму», причем царанин обязан был доставлять продукты на склад помещику. За исправное отбывание повинностей каждым царанином отвечало все общество⁴.

¹ ЦГИА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 71, лл. 33—44.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Дижма», как и барщина, ложилась тяжелым грузом на плечи царанина. «Самое получение владельцами десятины, — признает министр внутренних дел царского правительства, — может привести к многим злоупотреблениям, что и оправдалось на деле. Из сделанного расчета повинностей поселян оказывается ясным отяготительный размер их»¹.

Если сложить все повинности по «Нормальному контракту», которые нес царанин, имевший одну пару волов, наделенный 4 фалчами, 41 праж. земли (5 дес. и 1944 саж.), то их итог будет следующим²:

1. 12 урочных дней (для выполнения объема их работы требуется около 40 дней).

2. Работа по ремонту и строительству — 4 дня.

3. Подводу на расстояние 80 верст (оба конца 160 верст) — 4 дня.

4. На починку плотин и гатей — 2 дня.

5. Возка дров — 2 дня.

Итого — 52 дня.

Надо полагать, что этот подсчет, сделанный министерством внутренних дел, значительно преуменьшен. Царане, по существу, отбывали гораздо больше дней помещикам за пользование небольшими участками земли. По данным Дарагана, некоторые царане отработывали помещикам до 60 дней.

По данным бессарабского областного предводителя дворянства, которые надо считать преуменьшенными, царанская семья, владевшая 3 фалчами земли, затрачивала в пользу помещика следующее количество труда, выраженного в руб-лях³:

1. Десятинный сбор с семьи, оцененный в	3	руб.	серебром
2. Винно-кабачная монополия помещика	3	"	"
3. 5 урочных дней жатвы и извоза ..	5	"	"
4. 5 урочных дней перевозки (60 праж. кукурузы)	6	"	"
5. 2 урочных дня уборки сенокоса . . .	2	"	"
6. 4 простых дня на другие работы по 25 коп. сер.	1	"	"

Итого 12 урочных и 4 простых дня = 20 руб. серебром.

Если перевести 20 руб. серебром в натуральный труд, то они составят 80 простых рабочих дней.

Несмотря на всю тяжесть этих повинностей, они все же были менее обременительны, чем повинности крепостных

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. I, 310.

² Там же.

³ Там же, ч. II, л. 329 об.

крестьян других губерний России, где они достигали порой 170 дней.

Следовательно, подсчеты показывают, что степень эксплуатации молдавских царан — норма феодальной ренты, вносимой ими помещикам, была ниже, чем та, которая вносилась крепостными крестьянами.

Правда, бессарабские помещики зачастую произвольно увеличивали феодальные повинности царан. Об этом говорят и некоторые очевидцы. Так, например, уже цитированный нами путешественник А. Афанасьев-Чужбинский по поводу барщины царан писал: «Двенадцать рабочих дней в год, казалось бы, какое слабое вознаграждение за землю; но эта самая незначительность количества и должна была породить подозрение в существовании какой-нибудь недобросовестной лазейки..., везде, говоря о рабочих днях, помещик прибавит прилагательное пунктовый, а пунктовый день к обыкновенному рабочему дню относится как 1:8 или по крайней мере 1:7. Уроки работы так рассчитаны, особенно во время жатвы, что крестьянин с семьей едва отбудет один день в течение целой недели»¹.

Как справедливо отмечает П. И. Лященко, нормы надела по «Нормальному контракту» были ниже, а повинности выше, чем те, которые существовали до введения этого закона². Поэтому, как вынужден был признать министр внутренних дел, «положение царан в материальном отношении несколько не улучшилось и после издания «Нормального контракта 1846 года»³.

По «Органическому регламенту», изданному в 1831 г. русскими властями, барщина крестьян в Запрутской Молдавии и Валахии устанавливалась примерно в таком же размере, как и в Бессарабии. Как указывает К. Маркс, фактически она составляла гораздо большее количество дней: «Двенадцать барщинных дней по «Reglement organique», — восклицает один упоенный победой боярин, — составляют 365 дней в году»⁴.

Это положение К. Маркса подтверждается и конкретными данными по Бессарабии. И здесь в отдельных случаях помещики заставляли «свободных» царан работать у себя в имениях круглый год. Так, например, следственная комиссия по делу помещицы Деляновой (с. Драганешты, Сорокского уезда), собственноручно истязавшей своих царан, в своем секретном рапорте бессарабскому губернатору от 27 сентября 1858 г. писала: «По требованию помещицы вместо 12 урочных

¹ Афанасьев-Чужбинский, Указ. труд, стр. 20.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 393, ч. I, л. 310.

³ Там же, д. 93, ч. I, л. 308.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 261—262.

дней (по «Нормальному контракту 1846 г.». — Я. Г.) поселяне работают на нее круглый год»¹. Она заставляла царан вспахивать в ее пользу по 6 фалч земли за ничтожную плату, а если кто на это не соглашался, то запрещала ему пахать для себя и тем самым лишала его средств к пропитанию. Если скот царан переходил на помещичье поле, то его задерживали и за выкуп его помещица брала с царан непомерный штраф. Помещица требовала от царан подвод до Кишинева, а кто не мог удовлетворить ее требования, тот обязан был платить взамен того два рубля серебром под угрозой телесного наказания.

Повинности, предусмотренные «Нормальным контрактом», были столь обременительны для царан, что многие из них брали в пользование более мелкие участки, чтобы тем самым сократить и повинности. Многие крестьяне вовсе отказывались заключать договоры. «Договоры попрежнему не заключались, — пишет министр внутренних дел, — а закон 1846 года, который должен был войти в действие везде, где не составлялись договоры, приведен в самом деле в исполнение только в немногих имениях и притом почти исключительно в северной части Бессарабии; в Хотинском и частью в Сорокском и Ясском уездах»².

«Нормальный контракт» ставил своей задачей обеспечить помещика максимумом рабочей силы, необходимой ему для повышения товарности своего хозяйства.

Помещики не довольствовались выгодными для них условиями «Нормального контракта» и требовали от крестьян гораздо большего количества труда. С этой целью они все больше увеличивали объем работы, полагавшийся на каждый урочный день. Кроме того, с царан требовали выполнения повинностей, существовавших ранее (сдачи пряжи, кур, яиц и т.д.) и отмененных «Нормальным контрактом»³. Требовали с них и дополнительной платы трудом и деньгами за предоставленные им пастбища и выгоны для скота, хотя по «Нормальному контракту» пастбища и выгонные земли следовало отводить крестьянам без всякой дополнительной оплаты⁴.

Из приводимых на стр. 158 данных видно, что крестьянский надел в Бессарабии в середине XIX в., по сравнению с 1805 г., сократился наполовину, в Запутской Молдавии — более чем в два раза. Повинности в Бессарабии на одну десятину наделной земли увеличились более чем на $\frac{1}{3}$, в Запутской Молдавии — более чем в два раза.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, лл. 63—64.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 3, ч. I, л. 331.

³ К. Ермолинский, Указ. труд, введение.

⁴ Там же, стр. 17.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА
Наделов и повинностей царан в Бессарабии и Запрутской Молдавии¹

	Норма наделов (в га)	Урочных дней	Сумма всех повинно- стей (в рабочих днях)
1. По указу Мурузи 1805 г., сохранявшему силу и в Бессарабии	8—27	12	56
2. По „Нормальному контракту 1846 г.“ в Бессарабии	4—13,5	12—28	52
3. По „Органическому регламенту 1831 г.“ в Запрутской Молдавии	3,5—6,5	12	96

Таким образом, степень эксплуатации царан к середине XIX в. усиливалась. Однако еще больше усиливалась эксплуатация в Запрутской Молдавии, что и явилось одной из главных причин перехода значительной массы царан этой части Молдавии на территорию Бессарабии.

Итак, из приведенных данных явствует, что «свободные» молдавские царане находились в тяжелой феодальной зависимости, обязаны были выполнять в пользу землевладельцев многочисленные повинности и все же следует отметить, что норма феодальной ренты, выплачивавшаяся царанами, являлась более низкой, чем в других губерниях России.

Государственные повинности царан

Как уже было указано выше, при турецко-фанариотском режиме царане вносили в пользу государства до 16 видов различных налогов. Кроме того, население облагалось многочисленными чрезвычайными поборами.

После присоединения Бессарабии к России царское правительство, проводя политику заигрывания с народными массами края, освободило население Бессарабии от уплаты всяких налогов вначале на 3 года², а затем еще на два³. Но это установление осталось лишь на бумаге. Цынутные исправники и другие чиновники собирали все налоги с населения в течение всех этих пяти лет... в свою пользу⁴.

Только с 1817 г. было официально введено налоговое обложение. Хотя число налогов, а также их размеры сокра-

¹ Таблица составлена автором на основании следующих источников: ПСЗ, т. XXI (1846), № 19881; Uricarul, partea a II, p. 126—139. Xenopol, vol., IX, p. 179.

² ПСЗ, т. XXXIII (1815—1816), № 25942.

³ ПСЗ, там же.

⁴ А. Накко, Очерк гражданского устройства Бессарабии, ЗООИД, т. 22, 1876, стр. 155.

тились, все же сохранился в основном прежний порядок в налоговой системе. Дворяне были освобождены от уплаты налогов. Мазылы и рупташи также получили ряд привилегий¹. Вся тяжесть налогов падала на плечи так называемых «бирников», плативших посемейную подать «бир» (царане, обедневшие резеши, государственные крестьяне и часть жителей городов и местечек).

Из 16 налогов сохранилось пять²:

1. «Бир» — государственная посемейная подать, взимаемая с каждого хозяйства «бирников» в размере 15 левов.

«Даждия» — подать с мазылов и рупташей в размере 15 левов.

2. «Гоштина» (налог с овец и коз) — по 4½ пара с штуки.

3. «Дижма» (налог со свиней и пчел) — от улья пчел и с каждой штуки свиней по 8 пара.

4. «Вадрарит» (налог на вино) — по 4 пара с ведра.

5. «Погонарит» (налог с посева табака) — по 1½ асса с погона³.

Кроме этого, хозяйства бирников облагались земским сбором на год в размере почти 9 левов.

Общая сумма налогов с жителей края в 1819 г. составила ассигнациями 121 814 руб. и турецкой монетой 4 010 752 лева⁴. Каждая царанская семья вносила ежегодно в переводе на русские деньги 3 руб. 80 коп. К 1846 г. государственные налоги составляли 165 168 руб.⁵

Хотя число налогов и уменьшилось (при турках царане платили до 16 различных налогов), а их размер был сокращен, все же они ложились тяжелым бременем на молдавское крестьянство и особенно на царан. Еще более ухудшала положение практика отдачи всех налогов (кроме бира) на откуп. Этот откуп, происходивший ежегодно, проводился по аукционной системе, так что право на сбор налога получал тот откупщик, который вносил наибольшую откупную сумму денег. Получив право сбора налогов на один год, откупщик всеми мерами старался выколотить из крестьян не только уплаченную им сумму откупа, но и извлечь изрядный доход. Некоторые из откупщиков путем безжалостного ограбления крестьян наживали порой в 5 раз больше откупной суммы; «...главный откупщик, приняв откуп, отдавал после от себя многим контрагентам на год по частям с величайшим барышом, кои, дабы выручить откупные деньги и барыш, употребляли всевозмож-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. XV, д. 3, л. 264.

² А. З а щ у к, Указ. труд. ч. II, стр. 56.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 56—57.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 60, лл. 21—22.

ные средства в свою пользу с чувствительным притеснением... поселян и немалым для них разорением»¹.

Во взимании «бира» местной администрацией, система которой в общем оставалась прежней, также наблюдались злоупотребления и произвол.

Но царское правительство не ограничилось простым введением этой обременительной для крестьян налоговой системы. В 1823 г. налоговые штрафы были пересмотрены в сторону их увеличения, причем земская повинность уже налагается на бирников не в определенном размере, а растет или сокращается в зависимости от земских расходов.

Бир был увеличен до 10 руб. асс. (свыше 20 левов) в год. Вместо дижмы (десятины), гоштины, погонарита и вадрарита бирники должны были платить по 2 руб. 10 коп. (приблизительно 4 лева 10 пара) в год с семейства², что также является чувствительным увеличением, особенно для самых бедных царан («пеших»). Земские повинности, по годовой раскладке на 1827 г., составляли 4 руб. 40 коп. асс. (около 9 левов)³.

Помимо денежных налогов бирники (особенно царане) Бессарабии обязаны были нести ряд государственных и земских натуральных повинностей (строительство и починка дорог⁴, конюшен для государственных почтовых лошадей, поставка фуража для них и др.). За счет царан и других бирников содержались сельские охранники — калараши, которые рекрутировались большей частью из среды мазыл и рупташей. Они следили за исправным выполнением земских и государственных повинностей, сборов и т. п. Они же использовались царскими властями для принуждения к исправному исполнению царанами многочисленных повинностей в пользу помещиков и государства. Каждый калараш имел верховую лошадь и находился в распоряжении исправников или околашей. Их годовое жалование составляло от 250 до 300 левов.

По сведениям Свинына⁵, в 1816—1817 гг. по всей Бессарабии насчитывалось 2902 калараша, на содержание которых крестьяне обязаны были дополнительно вносить от 725 500 до 870 000 левов в год, что составляет приблизительно 1 лев 10 пара на податную единицу. Но если учесть неизбежные злоупотребления должностных лиц, то сумма получается значительно больше, причем основная тяжесть этого обязательства, конечно, ложилась на царан. Только значительно позднее калараши были переведены на содержание государства.

¹ Статистическое описание Бессарабии..., стр. 66.

² Там же.

³ ЦГИА МССР, ф. 22, оп. 1, д. 997, лл. 90—102.

⁴ Например, в 1827 г. в Ясском уезде на исправлении почтовой дороги работало 2635 человек.

⁵ П. Свинын, Описание Бессарабской обл..., ЗООИД, т. VI., Одесса, 1867.

Кроме того, по сведениям Свиньина, с бирников ежегодно взималось 115 920 левов на жалованье 322 почтовым ямщикам («суруджиям»)¹.

Многочисленные и тяжелые государственные повинности в сочетании с лихоимством и произволом чиновников, вся система взимания налогов подрывали крестьянское хозяйство, которое не было в состоянии выплачивать такие суммы. Особенно страдали царане, обремененные, помимо всего, многочисленными барщинными повинностями. Все это неизбежно приводило к накоплению недоимок. По данным казенно-экономической экспедиции бессарабского областного правительства, сумма накопившихся недоимок по данным податям и земским сборам к 1827 г. составила 873 577 руб. асс.² (около 1 750 000 левов), что составляет $\frac{1}{2}$ годового сбора повинностей. В 1859 г. государственный налог составлял 1 036 242 руб., а недоимки за прошлый и текущий годы — 538 000 руб.³.

Тяжелые государственные подати и повинности в сочетании с барщиной и многочисленными другими феодальными повинностями низводили экономическое положение царан (при условии отсутствия у них собственной земли и наделения их помещичьей землей) по существу до положения феодально-зависимой категории крестьян, а их так называемую личную свободу зачастую к формальной букве закона.

е) Положение царан в 50-х г. XIX в.

В 50-х гг. накануне крестьянской реформы положение царан еще больше ухудшилось.

Находясь в кабале у помещиков в отношении пользования землей, они были в той или иной мере зависимы от них и лично. Об этом говорят многочисленные исторические документы, исходящие не только от самих царан (прошения, жалобы и проч.), но и от официальных представителей царского правительства (секретные донесения, рапорты и проч.). Так, в официальных следственных данных от 27 сентября 1858 г. об отношении помещицы Деляновой к своим царанам села Драганешты, Сорокского уезда, указывается, что помещица приказывала запрягать поселян в ярмо и перевозить тяжести. Многих из поселян она подвергала телесным наказаниям. По приказанию Деляновой малолетних детей поселян принуждали выполнять всякого рода непосильную для них тяжелую работу, а если они убежали, то их возвращали опять в поле, а на ночь в наказание заковывали в кандалы⁴.

¹ П. Свиньин, Описание Бессарабской области..., ЗООИД, т. VI, Одесса, 1867.

² Статистическое описание Бессарабии..., стр. 71.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 46, л. 13.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7048, лл. 63—64.

О подобном же помещищем произволе свидетельствует прошение, поданное в 1858 г. царанами с. Лалова, Оргеевского уезда, на имя бессарабского губернатора. Царане в своем прошении указывают, что помещик Куш отводит им по 3 фалчи негодной, солончаковой и глинистой земли, совершенно недостаточной для обеспечения прожиточного минимума их семейства. Из года в год насильственными мерами, угрозами и даже побоями заставляет их пахать, прашевать кукурузу, собирать с поля хлеб, складывать в коши и выполнять прочие повинности сверх всяких норм, предусмотренных «Нормальным контрактом»¹.

Несмотря на то, что условия «Нормального контракта» были выгодны помещикам, последние зачастую нарушали его и силой навязывали царанам еще более тяжелые условия пользования помещицкой землей. Например, помещик вотчины Ганчешты, Кишиневского уезда, Манук-Бей вынуждал своих царан принять составленный им контракт. Когда царане отказались, помещик, с помощью царских властей, побоями, угрозами полного лишения земли и другими притеснениями все же заставил их подписать этот контракт и отрабатывать ему барщину². Хотя закон 1846 г. гласил, что если помещик и царане не приходят к соглашению об условиях пользования землей и отбывания повинностей, то вступает в силу «Нормальный контракт», который становится обязательным для обеих сторон, в действительности он становился обязательным только для царан. Помещик же любыми мерами экономического и внеэкономического воздействия мог заставить царан принять и более кабальные условия. Следовательно, о «равноправии» по закону, а тем более о «свободе» царан, «предусмотренной законом», не приходится и говорить.

С увеличением товарного производства многие бессарабские помещики, как и помещики России в целом, расширяли свою запашку за счет сокращения крестьянского надела, увеличивали барщину и другие повинности. Так, в 1850 г. помещик отобрал от царан села Цибирки, Оргеевского уезда, большую часть лучших пахотных земель, виноградники и фруктовые сады и запретил им пасти скот на ранее отведенных пастбищах. Вместе с тем он требовал от царан выполнения всех прежних повинностей³.

Помещик Макаров отобрал у царан деревни Карабатовки, Бендерского уезда, большую часть пахотной земли и одновременно увеличил барщину. Вместо обработки одной фалчи земли, предусмотренной договором, он требовал, чтобы царане обрабатывали ему 1,5—2 фалчи земли. Помещик чинил царанам

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7037, лл. 1—4.

² Там же, д. 7385, лл. 51—52.

³ Там же, д. 5758, л. 3.

и многие другие притеснения. Когда крестьянский скот или птица проникали на землю помещика, последний забирал их себе или даже убивал. В то же время скот помещика ходил свободно по крестьянским участкам и истреблял хлеб и сено, принадлежавшие крестьянам¹.

В очень трудных условиях находились царане, поселенные в вотчинах, отданных в аренду. Посессоры зачастую расторгали договоры, ранее заключенные царанами с помещиками, и навязывали царанам новые, еще более обременительные условия пользования землей. Так, например, посессор вотчины Малешты, Бендерского уезда, Романенко, получив в аренду эту вотчину, предъявил царанам новые условия, согласно которым они должны были отбывать господские повинности в двойном размере по сравнению с прежним контрактом. Когда царане отказались принять новые условия, посессор лишил их земли².

В своей жалобе бессарабскому губернатору царане сел Мындык и Лермонтовка, Сорокского уезда, писали, что посессор Оганович произвольно повысил их повинности, отнял у них поля, которыми они издавна пользовались, предоставив им взамен плохие, непригодные для обработки, безводные места³.

Даже новороссийский и бессарабский генерал-губернатор вынужден был признать весьма тяжелое положение царан в вотчинах, отданных в посессию⁴.

Тяжелое положение заставляло царан искать выход в переселении на другие земли. Но на страже интересов помещиков, которые не хотели лишиться дешевой рабочей силы, стояли царские власти, принимавшие строгие меры против «самовольного» переселения крестьян. Так, например, когда царане села Цаул, Сорокского уезда, переселились на вотчину Скаяны, того же уезда, то по требованию помещика, тырновское волостное управление при содействии полицейских вернуло царан на прежнее место жительства. В сентябре 1851 г. в своем прошении на имя бессарабского губернатора эти царане жаловались, что во время пахоты на поле приехал помещик со своими слугами и выгнал их с поля, при этом подвергнув многих из них избие-нию⁵.

Царане фактически были бесправными. «...Для мужика нигде нет помилования... все без изъятия царане никакой защиты не имеют от притеснения помещиков...»⁶, писали царане села Маркауцы, Хотинского уезда, в своей жалобе бессарабскому губернатору. О бесправном положении царан писали и официальные представители царских властей. Надворный советник Даби-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5755, лл. 15—16.

² Там же, д. 7177, лл. 3—5.

³ Там же, д. 8183, л. 1.

⁴ Там же, д. 7226, лл. 1—2.

⁵ Там же, д. 5965, лл. 267—268.

⁶ Там же, д. 6579, л. 4.

жа в секретной записке от 28 сентября 1858 г. писал: «...не было еще примера в Бессарабии, чтобы царанин выиграл дело с владельцем или посессором...»¹.

Помещики стремились совершенно ликвидировать и то чрезвычайно ограниченное право перехода, которое было зафиксировано в «Нормальном контракте».

Тяжелым бременем ложились на плечи царан налоги и государственные повинности. В 1860 г. было 10 видов натуральных повинностей: обеспечение постоя и переброски войск, исправление дорог, мостов; предоставление подвод для чиновников земской полиции, для работ в казенных лесах и т. д. В 1858 г. для выполнения натуральных повинностей было привлечено около 300 000 человек².

Царане, нуждавшиеся в деньгах для уплаты податей, обращались к помещикам и ростовщикам. Не имея возможности оплатить высокие проценты, они попадали в тяжелую кабалу. «Чтобы удешевить труд, заставить царан обрабатывать землю столь возможно выгоднее для землевладельцев, последние стараются, при нужде, во время взноса зимою податей, дать царанину взаймы денег, обязав его условием уплатить летом натурою — трудом, т. е. обработать фалчу земли, за каждые данные ему полтора или даже один рубль серебром, и вот в течение полугода царанин уплачивает заимодавцу не капитал с процентами, а капитал на капитал, в 5 и 7 раз взятый», — пишет А. Зашук³.

Таким образом, в 50—60-х гг. XIX в. в царанской деревне еще господствовали феодальные отношения — экономическая и личная зависимость царан от помещиков.

Вместе с тем, в царской деревне в недрах феодальной системы постепенно складывались новые, капиталистические отношения. В 50—60-х гг. XIX в. учащаются случаи перевода помещиками царан с оплаты за землю трудом к оплате деньгами, т. е. переход на денежный оброк, что является одним из показателей развития капиталистических отношений в деревне. В Хотинском уезде царане арендовали землю на срок от 1 до 7 лет. Арендная плата в среднем доходила до 3 руб. 70 коп. за десятину. Часто государственные крестьяне, имея большие участки земли, сдавали часть своей земли в аренду соседним царанам, жившим на владельческих землях⁴. В ряде случаев царане брали в посессию целые помещичьи имения. Так, царане села Миток, Оргеевского уезда, взяли в посессию в 1857 г. у Нямцкого монастыря вотчину с уплатой 1575 руб. в год⁵. Царане

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, лл. 73—74.

² Там же, д. 6696, лл. 73—74.

³ А. Зашук, Указ. труд., ч. I, стр. 245.

⁴ Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, стр. 19—21. М., 1886.

⁵ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6885, л. 1.

сел Кричкоуцы и Высокое, Сорокского уезда, взяли в посессию на 6 лет земли помещичьих вотчин этих сел¹.

По данным бессарабского областного предводителя дворянства, представленным в редакционные комиссии², некоторые богатые царане арендовали целые помещичьи имения, а затем в свою очередь излишек земли отдавали мелкими участками в аренду другим царанам, а десятинный и кабачный сбор отдавали в аренду спекулянтам. По тем же данным, богатая часть царан заключала денежные сделки с помещиками и, помимо норм, предусмотренных «Нормальным контрактом», арендовала дополнительно по 10—20 и 30 фалч земли³.

Увеличение запашки помещиками требовало много рабочих рук. В наемных рабочих особенно нуждались помещики и колонисты юга Бессарабии, в хозяйствах которых производились продукты, главным образом для рынка. Царане, нуждаясь в деньгах, нанимались на работу или к соседним помещикам, или уходили на юг. «...Хотинские поселяне ежегодно целыми толпами нанимаются в Аккерманский уезд как для обработки, так, в особенности, для уборки полей»⁴.

Другим проявлением развития капиталистических отношений в царанской деревне является расслоение царан.

Обобщенных официальных данных о расслоении крестьян в середине XIX в. по Бессарабии не имеется. Но косвенные данные об имущественном положении царан все же дают возможность проследить начавшийся процесс расслоения крестьянства.

Бессарабский областной предводитель дворянства князь Мурузи в своей секретной записке⁵ пытался доказать, что бессарабские царане настолько обеспечены, что нет необходимости в увеличении норм их наделов. Он делит бессарабских царан по имущественному положению на 4 группы по наличию у них скота (рабочего, крупного и мелкого), мельниц и сельскохозяйственных орудий, выраженных в денежных суммах⁶:

Группа крестьян	% к общему числу дворов	Наличие у них движимого имущества (скота рабочего, крупного и мелкого, мельниц, сельскохозяйственных орудий), выраженного в деньгах
I	10	До 2000 руб. и больше
II	25	• 1000 •
III	40	• 100 •
IV	25	Имели в собственности только дом, без скота и без всякого движимого имущества.

¹ ЦГИА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 276, л. 3.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1866, д. 93, ч. II, л. 329.

³ Там же.

⁴ Записки Бессарабского областного комитета, т. I, Кишинев, 1864, стр. 293.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, 1866, д. 93, ч. II, лл. 327—339 об.

⁶ Там же.

Приведенные данные свидетельствуют об имущественном неравенстве между отдельными группами бессарабских царан. Если учесть, что по данным той же записки пара рабочих волов оценивалась в 120—150 руб., то оказывается, что 40% крестьянских дворов, владевших имуществом стоимостью до 100 руб., следует отнести к бедняцкой группе, так как в лучшем случае они могли иметь в своем хозяйстве одну корову или одного вола, 25% крестьянских дворов, не имевших никакого движимого имущества, по существу были обречены на полуголодное существование, и в дальнейшем большинство их превратилось в сельскохозяйственных рабочих или мелких кабалных арендаторов — десятинщиков.

Наряду с беднейшей частью крестьян уже выделяется группа довольно зажиточных царан, которые владели большим количеством земли, скота и инвентаря, производили продукты на рынок, эксплуатировали своих односельчан, закабалили их займами и другими обязательствами, захватывали лучшие земли, занимали места сельских старост. «Зажиточные царане... почти во всех селениях, даром почти... «пользуются»... большим количеством фалч земли...», — писал в секретной записке бессарабскому губернатору надворный советник Дабижа¹.

Например, в селе Ходороуцы, Хотинского уезда, в 1866 г. при разделе земли богатые царане захватили большие и хорошие участки, а бедняки получили незначительные наделы². В селе Фундуры, Ясского (Бельцкого) уезда, зажиточным царанам при разделе земли было отведено по 20—30 и более фалч, остальным царанам только по 4 фалчи. При взносе же владельцу денег за землю «...обложили всех равною платою»³.

Из-за тяжелого положения, из-за безземелья царане покидали свои места и уходили на заработки в южные уезды. За 10 лет, с 1858 по 1868 гг., из Хотинского уезда уходили в среднем ежегодно на сезонные заработки более 3500 семейств, т. е. 15% общего числа ревизских семейств уезда⁴.

Таким образом, еще в недрах феодальной системы в царанской деревне намечилось социальное расслоение крестьян.

Анализ конкретного исторического материала о фактическом положении царан (которое сложилось издавна и закреплено актами молдавских господарей второй половины XVIII в. и законодательными положениями русского царизма первой половины

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, лл. 73—74.

² Там же, д. 8010, л. 3.

³ Там же, д. 7043, лл. 73—74.

⁴ Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, М., 1886, стр. 28.

XIX в.) свидетельствует о том, что, хотя царане юридически, по закону, считались лично свободными и имели право перехода, но фактически они были феодально-зависимой категорией крестьян. Царане, как правило, не имели собственной земли, а пользовались помещичьей и монастырской землей, за что обязаны были отрабатывать барщину и нести многочисленные другие феодальные повинности. Феодальная собственность на землю и внеэкономическое принуждение определяли собой все формы крепостнической эксплуатации царан.

Итак, в первой половине XIX в., особенно в 40—50-х гг., бессарабские помещики перестраивали свои хозяйства и расширяли посевы хлебов, увеличивали барскую запашку за счет сокращения крестьянского надела, усиливали эксплуатацию царан. В начале XIX в. в пользовании царан было около 80% всей помещичьей земли, а в 1861 г. — не более 65%, причем в наиболее густозаселенных северных уездах Бессарабии царанский надел сократился почти наполовину. Например, в Хотинском уезде царанская запашка не превышала 42%, феодальные же повинности на десятину наделной земли увеличились более чем на $\frac{1}{3}$.

Принуждение царан к выполнению непосильной урочной барщины, всемерное и произвольное увеличение «уроков», перенесение дней барщины в наиболее страдную пору, запрещение царанам работать на себя до окончания работы на помещика, введение добавочной барщины в виде всевозможных «клак», увеличение натуральных и денежных поборов, открытый помещичий произвол — вот методы, при помощи которых помещики Бессарабии осуществляли эксплуатацию основных производителей края — «свободных» царан.

§ 3. Экспроприация мелких собственников крестьян-резешей и распад резешской общины в условиях развития товарного производства (1812 — 1861 гг.)

а) Вопрос о резешах в исторической литературе

Резеши (после царан — вторая по численности категория крестьян Бессарабии) давно привлекали внимание исследователей. Русские и румынские дворянско-буржуазные историки, писавшие историю Бессарабии, в той или иной мере касались и вопроса о резешах и резешском землевладении. Однако им не удавалось, в силу классовой ограниченности, подняться до правильного понимания того, какое место занимали резеши в системе производственных и общественных отношений края. Отдельные высказывания и часть специальных исследований о резешах путанны, противоречивы и тенденциозно освещают во-

прос о происхождении, о правовом и экономическом положении этой категории крестьян.

Не разработана история резешей, особенно в эпоху капитализма, и в советской исторической литературе. Ф. А. Грекул¹, анализируя состояние сельского населения Молдавии второй половины XV в., разбирает вопрос о положении резешей. Однако он ограничил свое исследование только XV веком и не затрагивает последующие исторические судьбы сельского населения Молдавии, хотя для подтверждения своих выводов и обобщений и привлекает зачастую литературные работы, касающиеся истории Молдавии более поздних времен (XVI—XVIII вв.). Что же касается положения резешей в XIX в., то оно, естественно, им не освещено, поскольку это не входило в круг его задач.

Настоящее исследование не ставит перед собой задачу обстоятельного и всестороннего рассмотрения вопроса происхождения и формирования категории крестьян-резешей в период до XIX в., а ограничивается теми процессами, какие происходили в экономическом положении крестьян-резешей Бессарабии в первой половине XIX в.

На основании теоретических положений марксизма-ленинизма необходимо проследить, как, вследствие разложения феодально-крепостнической системы и зарождения капиталистических отношений, в молдавской деревне усиливается процесс экспроприации резешей и распада резешеской общины. Однако нельзя пройти мимо ненаучных толкований происхождения и формирования «резешей», как одной из главных категорий крестьян Молдавии.

Прежде всего, в исторической литературе по-разному толкуется происхождение термина «резеш». Большинство румынских историков и филологов — Раду Росетти², Ж. Филитти³, Кандря⁴ и другие — считают, что слово «резеш» — венгерского происхождения, венгерское «*resz*» — «часть» или «*reszes*» — «участник».

Г. Нандриш объясняет происхождение слова «*rezes*» от польского слова «*gusarz*» («нем. «*ritter*»»), что означает конный воин дворянского происхождения. Этот автор утверждает, что по существу резеши издавна несли военную службу господарю, обязаны были иметь собственного боевого коня и свое оружие. «Первоначально резеши, — говорит Нандриш, — были конными военными. Их название польского происхождения. Объяснение такого происхождения является наиболее вероятным потому,

¹ Ф. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии во второй половине XV в., Госиздат Молдавии, Кишинев, 1950.

² Radu Rădetti, Pămîntul, sătenii și stăpîinii lor în Moldova, Buc., 1907, p. 168.

³ I. Filitti, Proprietarii solului în trecutul principatelor, ser. III, vol. XXI, Buc., 1934—1935, p. 22.

⁴ Căndrea, Dicționarul român.

что это название не встречается ни в валашских, ни в древне-молдавских, ни в марамурештских документах, следовательно этот термин вошел в язык и в общественную организацию Молдавии извне, пришел оттуда, откуда вообще шло культурное влияние»¹. Приведенные рассуждения раскрывают нам полностью смысл «научных» изысканий автора, ищущего происхождение слова «резеш» во вне, а не в местных условиях, где действительно образовалась эта категория крестьян.

По мнению русского буржуазного исследователя бессарабского права М. Шимановского, слово «резеш» происходит от латинского корня «hederez» (сокращенно «redes») — наследник. Он считает, что резеши были первоначально родственники — соучастники общих вотчин, которые дробились путем передачи по наследству². Р. Орбинский выводит слово «резеш» от латинского «gesecli» — мелкий земледелец³. Другие, более компетентные исследователи — известный румынский филолог Хаждэу и многие русские историки-молдавоведы — считают, что слово «резеш» — славяно-русского происхождения, прочно вошедшее в молдавский язык и ставшее собственно молдавским. Слово «резеш» (по-молдавски «рэзэш») — от слова «резец»⁴, обозначало нарезанный участок или удел.

С течением времени крестьянская община стала распадаться, и пахотные земли переходили в частное владение отдельных общинников. Земли общины нарезались на отдельные участки, которые и переходили в частное владение. Возможно, что именно с разделом земли, с появлением нарезанных участков — «резцов» — появилось и название «резеши».

Не ставя перед собой задачу выяснения происхождения слова «резеш» (так как это не входит в задачу настоящего исследования), полагаем все же, что оно местного происхождения.

Переходя к выяснению происхождения категории резешей, следует отметить, что и по этому вопросу в исторической литературе существуют самые разнообразные мнения.

М. Шимановский совершенно справедливо отметил, что «ни один вопрос бессарабского местного права не возбуждал, кажется, столько разноречивых и одно другому противоречащих мнений, как вопрос о резешах вообще и резешском владении в частности»⁵.

Большинство буржуазных историков, занимавшихся этим вопросом, категорически отвергает общинное происхождение

¹ Q. Nandriș, Revista filologică, Octombrie, 1927, № 3, p. 328.

² М. В. Шимановский, О резешах и резешском владении, Одесса, 1898, стр. 30.

³ Р. Орбинский, Очерк развития производительных сил Бессарабии, СПб., 1885, стр. 3.

⁴ Л. С. Берг, Бессарабия, страна, люди, хозяйство, Птгр., 1918, стр. 104.

⁵ М. В. Шимановский, О резешах и резешском владении, стр. 5.

резешского землевладения, всячески фальсифицирует издавна сложившееся резешское право, ограждавшее резешское общинное землевладение от захватов со стороны помещиков, монастырей, а позже и буржуазных элементов.

Вопреки исторической правде эти историки пытаются доказать, что резешские владения — вотчинно-помещичьего происхождения, что некогда резешская вотчина принадлежала одному лицу, и лишь впоследствии она раздробилась между его потомками и отчасти между теми лицами, которые приобрели себе в данной вотчине землю посредством дарения, женитьбы или покупки от потомков первоначального владельца. Поэтому указанные историки зачастую называют резешей — соучастниками во владении — «сопомещиками». Так, известный исследователь бессарабского права А. Донич, говоря о правах предпочтения при продаже участков в общем резешском владении, пишет: «...Предпочитаются, во-первых, родственники, во-вторых, сопомещики (резешы), в третьих, соседи и ближайшие...»¹.

Ясно, что Донич придает здесь резешам свое толкование «сопомещики». Объясняя происхождение резешей от одного «родоначальника», А. Егунов также называет их «сопомещиками»².

Преследуя свои классовые интересы, румынские буржуазные историки стремились обосновать «теорию» происхождения резешей от одного предка («батырну»). Раду Росетти пишет, что «они, без всякого исключения, получили право собственности на землю от одного общего предка, который владел когда-то всем уделом, где живет сегодня общество резешей»³. Ту же мысль проводят и другие румынские буржуазные историки: И. Филитти⁴, Н. Йорга⁵, А. Ксенопол⁶.

В русском законодательстве XIX в., которое по крестьянскому вопросу в Бессарабии обычно основывалось на законоположениях молдавских господарей, происхождение и правовое положение резешей также не получило ясного толкования. В некоторых законодательных актах также проводится мысль о происхождении резешей от одного предка. Так, в решении Государственного совета от 30 ноября 1849 г. сказано: «К числу особенностей края принадлежат резешы: так называются люди разного звания, владеющие нераздельной общей дачей или имением. Резешы возникли вследствие перехода имения от одного владельца ко многим наследникам; так что с размножением по-

¹ А. Донич, Краткое содержание законов, извлеченных из царских книг, Яссы, 1814, Кишинев, 1831, стр. 25.

² А. Егунов, Местные гражданские законы Бессарабии. СПб, 1881, стр. 106.

³ Radu Rosetti, Op. cit., p. 169.

⁴ I. Filitti, Op., cit., p. 182—189.

⁵ N. Iorga, Op., cit., vol. VII.

⁶ А. Xenopol, Op. cit., vol. VII.

томства уменьшились и участки земли до того, что по учиненным родословным некоторые из потомков остались в один пармак (менее вершка)»¹, т. е. им достались участки шириной в один пармак.

Это ошибочное суждение о происхождении резешей можно встретить и в работах русских авторов. Для обоснования своей аргументации они обычно ссылаются на грамоты молдавского господаря А. Маврокордато от 28 декабря 1785 г. в переводе молдавского архимандрита Иеремия, назвавшего резешей «единопоместными мелкими владельцами», или на сборник законодательных актов А. Доница, которые были положены в основу русского законодательства по вопросам о резешском праве.

Трактовка вопроса о происхождении резешей и резешского права в работах Надеждина², А. Зашука³, А. Егунова⁴, М. Шимановского⁵, Ермолинского⁶, Семенова-Тяньшанского⁷, Л. Кассо⁸, А. Накко⁹ и многих других неоригинальна. Все они, как правило, повторяют вышеизложенную формулировку происхождения резешей от одного предка. А. Зашук, например, пишет, что «вначале это были землевладельцы, обладавшие порядочными участками, приобретенными покупкой или пожалованными от господарей Молдавии за службу. С умножением рода первых владельцев участки их дробились между наследниками по силе действующего и до настоящего времени в Бессарабии закона о равномерном разделе имущества между наследниками...»¹⁰.

Это неправильное толкование встречается и в некоторых работах академика П. И. Лященко.

«Образование так называемых резешских вотчин в Бессарабской губернии, — пишет П. И. Лященко, — относится к очень древнему времени. Резешские владения образовались из вотчин, права на которые укреплялись за несколькими лицами и которые с переходом по наследству дробились. При этом, однако, само имение не разделялось, а каждый владелец и его

¹ ПСЗ, т. XXXIV, № 26719.

² Надеждин, Права состояния разных классов населения Бессарабской обл., Журн. министерства внутренних дел, 1843, ч. 3, стр. 61.

³ А. Зашук, Материалы для географии и статистики России, Бессарабская обл., СПб., 1862, стр. 221.

⁴ А. Егунов, Местные законы Бессарабии, СПб., 1881, стр. 109.

⁵ М. Шимановский, Резешы и резешские владения в Бессарабии.

⁶ Ермолинский, Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, М., 1886, стр. 397—406.

⁷ Семенов-Тяньшанский, Новороссия и Крым, т. XIV, СПб., 1910, стр. 249.

⁸ Л. Кассо, Византийское право в Бессарабии, М., 1907.

⁹ А. Накко, История Бессарабии с древних времен, тт. 1 и 2, Одесса, 1876.

¹⁰ А. Зашук, Указ. труд, стр. 221.

потомки имели в общей вотчине, в уделе общего родоначальника свой участок»¹. П. И. Лященко неправильно называет резешскую общину — вотчиной. То же самое повторяет и академик Л. С. Берг: «Некогда резешская вотчина принадлежала одному лицу, и лишь впоследствии она разделялась между его потомками...»²

Правильное разрешение вопроса о происхождении резешей и о их месте в системе производственных и общественных отношений возможно только с позиций марксизма-ленинизма, вооружившего нас мощным методологическим оружием для правильного понимания исследуемого вопроса. Следует также отметить, что в произведениях классиков марксизма имеется и конкретный исторический материал по данному вопросу. Так, в «Капитале» Маркс охарактеризовал крестьянскую общину в Дунайских княжествах — Молдавии и Валахии — и вместе с тем показал подлинные причины ее распада³.

Он отметил, что первоначальный способ производства на территории Молдавии основывался на общинной собственности. Но с течением времени военная и духовная знать, составившая господствовавший феодальный класс, захватила общинные земли, узурпировала вместе с тем и труд общинников на общинной земле.

При редком населении у общины оставалось достаточно свободных пустошей, и всякие споры из-за земли были излишними. Но впоследствии, когда число членов в общине увеличилось в такой степени, «что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, они распались; находившиеся до того в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими»⁴. Со времени начала распада общины феодальная знать еще больше подрывает общину изнутри, экспроприируя общинников и превращая их в крепостных.

Следовательно, вопреки утверждениям дворянско-буржуазных историков, не крестьяне-общинники (в том числе и резеши) вышли из феодальной вотчины путем ее наследственного дробления, а наоборот, военно-духовная феодальная знать выросла на базе распада общины, на базе узурпации и экспроприации общинников.

Тот факт, что резеши, в отличие от основной массы крестьян Молдавии, несмотря на открытый произвол бояр и монастырей,

¹ П. И. Лященко, Очерк аграрной эволюции России, т. II, СПб, 1913, стр. 291.

² Л. С. Берг, Указ. труд, стр. 104.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1951, стр. 242—243.

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1945, стр. 160.

наступавших на резешскую общину, все же сумели отчасти сохранить свои земли и отстоять свою личную свободу, объясняется определенными социально-экономическими и политическими причинами. В сохранении известной части свободных крестьян и как воинов для армии, и как налогоплательщиков, была заинтересована государственная власть. Армия Стефана Великого, например, в значительной части состояла из свободных крестьян. По К. Марксу, в 1475 г. 40-тысячное молдавское войско состояло из «чуть ли не от сохи взятых молдавских крестьян»¹. Это были свободные крестьяне — общинники-резеши, ибо несвободные крестьяне обычно в армию не призывались².

Свободные крестьяне-резеши необходимы были господарской власти и для осуществления охраны границ и основных торговых путей с Запада на Восток. Так, известный румынский исследователь вопроса о резешах П. Пони обращает внимание, что основные резешские села были расположены вдоль торгового пути, идущего с запада через Трансильванию в Молдавию³. На территории Бессарабии резешские села в основном расположены в северной и центральной частях, где также проходили торговые пути Молдавии с западными странами. Здесь резеши осуществляли охрану северных границ и торговых путей Молдавии с Венгрией. Резеши жили большей частью в районе кодр, в степном юге Молдавии они почти отсутствуют⁴. Территория северной и средней части Бессарабии была по сути пограничной территорией.

Надо полагать, что свободные крестьяне-резеши находились под некоторой опекой государственной власти, поскольку они осуществляли охрану границ и основных торговых путей и составляли основной костяк господарской армии. Господарская власть феодального государства вынуждена была в то же время отстаивать земли и свободу резешей от притязаний бояр и монастырей. Зачастую господа давали резешским общинам охранные грамоты и не столь щедро раздавали боярам и монастырям земли тех общин, которые осуществляли охрану границ и торговых путей.

В законодательных актах молдавских господарей XVIII в. и русского правительства в XIX в. мелкие собственники земли — резеши считались свободными крестьянами. Права резешей, как свободных мелких собственников, были подтверждены соборной грамотой молдавского господаря А. Маврокорда-

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 203.

² Ф. Грекул, Указ. труд, стр. 85.

³ P. Poni, *Statistica rezeșilor*, Buc. 1921, pp. 10—12.

⁴ Idem, p. 12.

то 1785 г.¹, Уставом образования Бессарабской области 1818 г.² и решением государственного совета 1849 г.³.

Итак, в отличие от крепостных крестьян (цыган) и царан основная масса резешей владела землей на правах собственности. Они по-своему распоряжались своими участками земли: могли их продавать, дарить, обменивать и т. д. При приобретении участка земли в другом селении они могли свободно переходить. Резеши пользовались также правом переходить и записываться в городские общества. Но фактически, как увидим ниже, положение основной массы резешей, особенно резешей-пармаков, мало чем отличалось от положения владельческих крестьян-царан.

б) Землевладение и землепользование крестьян-резешей в 1812—1861 гг.

Резеши населяли, главным образом, центральные уезды Бессарабии — Оргеевский, Кишиневский, Сорокский, Бельцкий и отчасти Хотинский и Бендерский⁴.

В отчетах бессарабского губернатора и в других официальных статистических данных, а также в исторической литературе, резешей обычно причисляют к общей массе основной категории крестьян Бессарабии — царан, с оговоркой, что царане, собственники земли, называются здесь резешами⁵. Поэтому трудно выделить их из общей массы царан и представить точную и полную картину эволюции численного состава резешей и их удельный вес в общей хозяйственной жизни крестьян Бессарабии.

По данным переписи 1803 г., проведенной в Молдавском княжестве, между Прутом и Днестром, т. е. на территории Бессарабии, указано 112 резешских сел, в которых проживало около 6 тыс. семейств резешей⁶ при общей численности царан около 34 тыс. семейств⁷. Надо полагать, что эти данные неточны и значительно преуменьшены, ибо по данным переписи 1817 г., в Бессарабии показано уже 148 резешских сел, в которых проживало около 10 тыс. семейств, или, считая в среднем по 5 душ на семью, — 50 тыс. душ, владевших 152 000 дес. земли⁸. Но и эти данные, по всей вероятности, не соответствуют действительности, поскольку за 1861 г. приводятся значительно более высокие цифры.

¹ К. Армепуло, Шестикнижие. Соборная грамота А. Маврокордато 28.XII-1785 г., приложение к переводу ручной книги так называемого Шестикнижная, Одесса, 1908, стр. 285 (В дальнейшем «Шестикнижие»).

² ПСЗ, т. XXXV, № 27357.

³ ПСЗ, т. XXIV, № 23578.

⁴ Codrescu, Condica liuzilor, vol. II, p. 231—232.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1263, 1845, д. 1708, л. 1051. А. З а щ у к, Указ. труд, стр. 194.

⁶ Codrescu, Condica liuzilor vol. II, p. 231—232.

⁷ Подсчет сделан автором по Росписи землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 г.

⁸ Там же. Тр. Бесс. губ. уч. арх. комиссии, т. III, Кишинев, 1907.

В общем численном составе сельского населения указанных уездов резеши составляли свыше 12%. Удельный вес резешского землевладения составлял около 15%¹. Для середины XIX в. мы имеем более точные данные о резешах и резешском землевладении в Бессарабии. По данным Д. П. Семенова², в 155 резешских селениях насчитывалось 43 968 резешей, владевших 132 449 дес. земли³. В 67 селениях резеши владели землей на общинном праве. Это были резеши — «пармаки», общая численность которых составляла 20 930 ревизских душ (или около 50% общего количества резешей), имевших в своем владении 61 211 дес. земли⁴.

К 1861 г. общая численность резешей составляла 67 583 души м. п.; им принадлежало 283 925 дес. земли. Состав резешей к середине XIX в. был чрезвычайно разнородным. Среди них были помещики, купцы и мещане, которые со временем проникли в резешскую общину и приобрели права резешей. Основную же массу резешей составляли крестьяне-резеши. Среди них выделялись: а) резеши-однодворцы, пользовавшиеся землей в подворном владении; б) резеши-пармаки, владевшие землей на общинном праве; в) резеши-царане, безземельные резеши, перешедшие на положение царан.

Число ревизских душ каждой социальной группы и количество земли у каждой из этих групп даны в следующей таблице⁵.

Группы резешей	Число ревизских душ	% к общему числу резешей	У них земли		
			общее количество земли в их владении	средний размер надела или именина на ревизскую душу	% к общему количеству резешской земли
1. Резеши-пармаки . .	20 930	31,0	61,211	2,9	21,6
2. Резеши-однодворцы .	23 038	34,1	71,239	3,1	25,1
3. Резеши-царане . . .	23 169	34,3	—	—	—
4. Резеши-помещики, купцы и мещане . .	446	0,6	151,476	339,6	53,3
	67 583	100,0	283,925	—	100,0

¹ Подсчет сделан автором по Экстрактам России землевладения и словного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 г.

² Д. П. Семенов, Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России, СПб, 1904, стр. 12—13. (в таблицах).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Таблица составлена на основании следуюш. данных: ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. II, лл. 139—158; ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8009, лл. 56—58; Д. П. Семенов, Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России, СПб, 1904, стр. 12—13, (в таблицах).

Из этой таблицы видно, во-первых, что к 1861 г. бóльшая часть резешской земли, свыше 53%, была сосредоточена в руках резешей-помещиков, купцов и мещан; во-вторых, более $\frac{1}{3}$ части всей крестьянской резешской массы совершенно утратила свои права на земли, перешла на положение царан, пользовалась помещичьей землей и отработывала феодальные повинности в пользу помещиков-резешей; в-третьих, если средний размер площади земли резешей-помещиков, купцов и мещан составлял около 340 десятин, то у резешей-однодворцев средний размер участка земли на ревизскую душу составлял 3,1 десятины, у резешей-пармаков и того меньше — 2,9 десятины. Если учесть, что среди резешей-однодворцев и резешей-пармаков 2198 богатых владельцев имели в своем владении 43 960 дес. земли (в среднем от 15 до 35 дес. на ревизскую душу)¹, то основная масса резешей имела в среднем на ревизскую душу менее трех десятин.

На протяжении всей первой половины XIX в. по мере развития товарного хозяйства шло нарастающее наступление помещиков, купцов и мещан не только на царанские наделы, но и на резешское землевладение. Помещики Бессарабии увеличивали свою барскую запашку как за счет сокращения царанских наделов, так и за счет резешских земель. Это привело к быстрому сокращению резешского землевладения. Если в 1817 г. средний размер резешского владения на душу м. п. составлял более 10 дес., то в 1861 г. — менее 3 десятин². За 44 года (1817—1861) крестьяне-резешы потеряли 20 тыс. дес. земли единоличного владения и 86 тыс. дес. совместного владения с помещиками, купцами и другими элементами, т. е. они потеряли свыше 40% своей земельной собственности. Соответственно увеличилось землевладение резешей-помещиков, купцов и мещан.

До XIX в. у резешей преобладала общинная форма землевладения. Издавна общинники пользовались общинными землями сообща, но затем, с изменением условий производства, пашни и луга стали подвергаться разделу, община же продолжала существовать. Она сохраняла еще свое прежнее общественное устройство. Резешские общины пользовались самоуправлением. Государственные подати и повинности распределялись среди общинников мирским сходом. Общинники попрежнему были связаны круговой порукой при оплате налогов и других государственных повинностей. Обязанности резешей перед государством сводились к оплате податей и повинностей.

С развитием товарного производства, особенно в 30—40-х гг.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8009, л. 58.

² Подсчет сделан автором на основании Экстрактов росписи землевладения и земельного строя Бессарабской области 1817 г. и ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8009, лл. 56—58.

XIX века, значительно усилился процесс распада резешской общины, который начался значительно раньше. Более богатые резеши стали выделять свои участки земли из общего владения. Многие участки земли переходили путем продажи к богатым резешам и к представителям других сословий — помещикам, купцам и мещанам. В результате, к середине XIX века из среды бывших общинников-резешей выделились четыре группы, различавшиеся между собой, прежде всего, по своему экономическому положению.

1. **Резеши-пармаки** (пармакары)¹ еще сохранили свои земли и владели ими попрежнему сообща, на общинном праве. Их доли в общей резешской общинной даче во многих селениях были настолько мизерными (шириной в несколько вершков), что самостоятельное ведение хозяйства было невозможным. У резешей-пармаков общинная форма владения земель и круговая порука при оплате государственных податей и повинностей сохранились и в XIX в. Земля этой группы подлежала периодическим общинным переделам, причем передел производился обычно раз в 2—3 года².

В этой связи необходимо указать на некоторые неточности в работе В. Ф. Малинского³ по вопросу о формах резешского землевладения в Молдавии. По Малинскому «Измельчание земельных участков у отдельных собственников заставило некоторые «резешские» селения перейти к общинному землепользованию. Перешедшие к общинному землепользованию «резеши» получили название «пармаков»⁴. По мнению Малинского получается, что общинная форма землевладения у резешей вырастает на базе частной и наследственной собственности, а не наоборот. В. Ф. Малинский в данном случае некритически подошел к работам буржуазных авторов и воспроизвел их ошибочные положения в своей работе. В частности, он без всякой оговорки заимствовал это положение у А. Зашука, который писал: «Само собою разумеется, что на этих ничтожных частицах земли пармакарии не могли бы не только заниматься земледелием, но и вести самое незначительное хозяйство, даже строить изб, и вот потомки одного рода, как пармакарии, так и более значительные владельцы, согласились управлять всею наследственной землею сообща; к ним присоединились соседние роды и таким образом со-

¹ «Пармак» — мера длины, величину которой представляет первый сустав большого пальца руки, т. е. меньше вершка. Пармакары владели участками земли, ширина которых была мизерной (отсюда и название), а длина равнялась длине всего земельного участка селения.

² А. З а ш у к, Указ. труд, стр. 200.

³ В. Ф. М а л и н с к и й, Аграрная «реформа» 1918—1924 гг. в Бессарабии; автор настоящей работы, как редактор книги, в равной мере грешил в данном вопросе.

⁴ Там же, стр. 12.

ставились резешские селения, в которых вся земля вообще считается принадлежностью общины...»¹

В прошлом, как известно, общинная форма землепользования была характерной для всех крестьян, в том числе и резешей. В XIX в. часть резешей пользовалась землей как частной и наследственной собственностью. Общинное землепользование сохранялось попрежнему только у «резешей-пармаков», которые по численности составляли значительную часть резешей².

Неточным также является утверждение Ф. Грекула о том, что «земля резешей не подлежала периодическим переделам, а делилась только между наследниками, что еще больше дробило их хозяйство»³. Это положение Ф. Грекула является верным только для той части резешей, которая владела землей на началах частной и наследственной собственности, но не соответствует положению «резешей-пармаков», у которых применялся периодический общинный передел земли и на протяжении всей первой половины XIX в.

Таким образом, так называемые «резеши-пармаки» продолжали владеть землей на основе общинного права и в XIX в. Земля этой группы резешей подлежала периодическим общинным переделам. Собственником земли была община. В этом и состоит отличие резешской-пармакской общины от русской крестьянской общины, в которой сохранялось лишь общинное пользование землей, которая принадлежала помещику.

2. **Резеши-одноворцы** обособили свои участки земли и владели ими на правах подворно-наследственной собственности. К середине XIX в. эта группа резешей составляла уже 34,1% по отношению к общему числу резешей и владела 25,1% бывшей общинной резешской земли, ставшей их подворно-наследственной собственностью. Резеши-одноворцы, хотя и продолжали жить отдельными сельскими общинами, но владели пашнями, садами, виноградниками и приусадебными участками на началах частной и наследственной собственности. Эти земли не подлежали общинному переделу, а дробились лишь путем передачи по наследству. Только часть земель (леса, луга, выгоны и сенокосы, а также воды) находилась в общем пользовании общинников. Эта наиболее состоятельная часть резешей, вышедшая из общины, при оплате государственных податей и повинностей уже не была связана группой порук.

3. **Резеши-царане**, как особая группа резешей, выделились из резешской общины преимущественно в первой половине XIX в., особенно в 30—50-х гг. Они состояли из резешей, разо-

¹ А. Защук, Указ. труд, стр. 221.

² Там же.

³ Ф. Грекул, Указ. труд, стр. 86.

рившихся и лишившихся земли, перешедшей в руки богатых сорежешей, а также помещиков, купцов и других элементов, проникших в резешскую общину. Эта группа вынуждена была перейти на положение владельческих крестьян-царан. Оставаясь на бывших общинных землях, ставших впоследствии личной и наследственной собственностью богатых сорежешей, они вынуждены были за пользование небольшими участками земли отбывать феодальные повинности наравне с царанами. К середине века эта часть составляла более 34% общего количества резешей, что является подтверждением процесса быстрой экспроприации и разорения основной массы резешей. Резеши-царане, так же как и пармаки, пользовались землей на общинном праве.

4. Небольшую группу (0,6%) составляли **резеши-помещики, купцы и мещане.**

в) Повинности резешей

Основная форма феодальной эксплуатации резешских крестьян, живших на собственных землях, заключалась во взимании с них государством податей и повинностей, причем в этом они были уравнены с царанами, поселенными на владельческих землях. Но в отличие от царан, резеши не были обязаны отбывать какие-либо повинности помещикам, исключая резешей-царан, которые, вследствие тех или иных причин, потеряли свои собственные земли и отбывали как государственные, так и помещичьи повинности наравне с царанами. Резеши-пармаки, владевшие ничтожными участками собственной земли и вынужденные в результате этого пользоваться дополнительной помещичьей землей, одинаково с царанами несли и государственные и помещичьи повинности. В отличие от государственных крестьян резеши — собственники земли — не несли оброчную повинность.

Первое время после присоединения Бессарабии к России резеши, как и все жители Бессарабии, были освобождены от оплаты всех государственных податей и повинностей сначала на 3, а затем еще на 2 года¹. По окончании льготных лет, т. е. с 1817 г., резеши несли, в соответствии с прежними молдавскими обычаями и узаконениями, следующие государственные подати и повинности: 1) казенную подать — «бир» — по 15 левов с семейных и бурлаков; 2) «гоштину» — сбор с овец и коз по 4,5 пары с головы; 3) десятину с пчеловодства; 4) «вадра-рит» — платеж от виноградного вина — по 4 пары с ведра; 5) «погонарит» — сбор с табака — по 1,5 лева с погона; 6) земские и общественные сборы — по 8 левов и 35 пар с каждого хозяйства².

¹ ПСЗ, т. XXXIII, № 25935.

² А. З а щ у к, Указ. труд, стр. 55—56.

16 видов различных налогов, вносимых в государственную казну в период господства турок, были сведены к 6, общая сумма которых в переводе на русскую серебряную монету составляла около 4 рублей.

Кроме того, резеши вносили определенную долю в общую сумму сборов на содержание каларашей (верховых), находившихся в распоряжении исправников для выполнения различных поручений.

После опубликования «Положения о царанах 1834 г.» государственные подати и повинности в Бессарабии были унифицированы. Вместо прежних 6 видов различных налогов резеши, как и царане, должны были вносить: а) государственную подать — «бир» — по 10 руб. с семьи и б) земский и общественный сбор — 4 руб. 65 коп. Всего 14 руб. 65 коп. ассигнациями, или 4 руб. 90 коп. серебром¹.

Рост государственных податей и повинностей у резешей, как и других категорий крестьян, объясняется общим усилением феодального гнета в период разложения и кризиса крепостнической системы. К 1861 г. государственный налог, взимаемый с резешей-однодворцев, составлял 16 руб. 30 коп. серебром. Резеши-пармаки и резеши-царане, как и царане вообще, платили около 4 руб. серебром. Последние, кроме государственных податей и повинностей, несли главным образом феодальные повинности помещикам и монастырям. Размеры государственных податей и повинностей у резешей (всех разрядов), царан и государственных крестьян даны в следующей таблице².

(в рублях серебром)

Категории крестьян	Г О Д Ы		
	1826	1836	1861
1. Резеши-однодворцы .	4 руб. 80 коп.	10 руб. 70 коп.	16 руб. 30 коп.
2. Резеши-пармаки . .	4 . 10 .	4 . 80 .	4 .
3. Резеши-царане . . .	4 . 10 .	4 . 80 .	4 .
4. Царане	4 . 10 .	4 . 80 .	4 .
5. Государственные крестьяне	10 . 90 .	10 . 90 .	16 . 50 .

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, лл. 27—28.

² Таблица составлена на основании следующих источников: ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1635; там же, д. 2039; А. З а щ у к, Указ. труд, ч. II, стр. 55—56, 58.

Из таблицы видно, во-первых, что резеши-однодворцы с 1836 г. в оплате государственных налогов были приравнены к государственным крестьянам. Однако последние, в отличие от резешей-однодворцев, кроме общегосударственного налога несли и поземельный оброк; во-вторых, наблюдается некоторое снижение суммы государственных податей у резешей-пармаков, резешей-царан и царан, пользовавшихся главным образом помещичьей землей. Это объясняется усилением помещичьей эксплуатации. Заинтересованные в получении больших феодальных повинностей с крестьян, помещики Бессарабии добивались от царизма некоторого снижения государственных податей и повинностей с тем, чтобы выжать из царан и резешей, пользовавшихся помещичьей землей, максимум повинностей в свою пользу.

Кроме государственного денежного налога, резеши всех разрядов отбывали ряд государственных натуральных повинностей, как и царане и государственные крестьяне. Самой тяжелой из них была подводная повинность. Крестьяне обязаны были предоставлять подводы и людей к ним при прохождении войск для препровождения больных, различных грузов, сопровождения арестованных, исправления проселочных и почтовых дорог, мостов, гатей, очистки патрульных дорог на границе и выполнения других работ¹. Эта повинность отнимала у них ежегодно от 5 до 10 рабочих дней².

В условиях прогрессирующего обезземеливания резешей на протяжении всей первой половины XIX в. и наличия у них ничтожного количества земли, уплата казенных налогов и отработка государственных натуральных повинностей представляли огромную трудность и приводили к разорению хозяйства основной массы резешей.

г) Экспроприация резешей и распад резешской общины

В связи с увеличением товарного производства, в первой половине XIX века, особенно с 30-х гг., экспроприация крестьян-резешей и распад резешской общины усиливаются. Помещики, купцы и другие богатые элементы, стремясь производить больше хлеба на продажу, увеличивали свои запашки также за счет усиленного захвата резешских земель. С этой целью они разными путями проникали в резешскую общину и приобретали права резешей, затем, пользуясь этим правом, экономически закабалили и экспроприировали менее состоятельных резешей.

¹ А. З а щ у к, Указ. труд, ч. II, стр. 71—73.

² Там же.

Резеши-общинники издавна боролись против проникновения в их общину представителей господствующего класса. Одна из мер борьбы против проникновения феодалов в резешскую общину состояла в том, что общинники зорко следили за тем, чтобы отчуждаемые земли не попадали в руки не членов общины. В силу установившегося обычая, резеши-общинники пользовались правом преимущества при покупке земли своих сорезешей. Путем такой регламентации отчуждения земель община стремилась воспрепятствовать расхищению общинных земель резешей. Однако, несмотря на эти преграды, бояре и монастыри находили способы проникновения в резешскую общину, они употребляли для этого угрозы, хитрости, подлоги, зачастую официально получали резешские участки в виде дара. А получив даже небольшой участок в резешской общине, землевладелец получал все права резеша, в том числе и право покупки других участков сорезешей. Проникнув в резешскую общину, бояре закабалили и разоряли резешей, заставляли продавать им земли за бесценок.

Злоупотребления с «дарением» общинной земли боярству приняли столь значительные размеры, что в конце XVIII в. господа вынуждены были в законодательном порядке запретить эти сделки. 28 декабря 1785 г. была обнародована так называемая соборная грамота молдавского господаря Александра Маврокордато¹. Главная цель этой грамоты состояла в том, чтобы сохранить право предпочтения, утвержденное древними молдавскими обычаями, по которому резеши имели преимущественное право покупать продаваемые участки земли своих сорезешей. Господарь хотел несколько задержать процесс захвата боярами резешских земель путем покупки или «дарения», принявший к тому времени угрожающие для государства размеры. Следует, однако, отметить, что, запрещая «дарения» земли, молдавские господа руководствовались отнюдь не заботой о непосредственных производителях — резешах. Их вынуждала к этому необходимость сохранить основную массу налогоплательщиков, от чего зависело состояние государственной казны.

Соборная грамота поэтому осуждает и запрещает скрытые сделки на продажу резешской земли путем так называемого дарения. В грамоте сказано: «В большей части этого рода даров скрывается одно несправедливое любостяжание и обида... эти действия бывают причиной распри; ибо иногда желающие получить дары, увлекаемые будучи ненасытной корыстью, употребляют разного рода насилия и обещания; конми доводят беднейших людей до того, что они принуждены бывают принести им в дар имущество свое... Причем большая

¹ К. Арменопуло, «Шестикнижие», стр. 285.

часть пожертвований носит на себе одно только имя пожертвований, дабы посредством сего родственников и резешей лишить права чинить иск; на самом же деле действия такого рода заключают в себе совершенную продажу и многократно по цене, гораздо превосходящей стоимость земли; ибо какой цены не согласится дать интересующийся в мошнях богат для того, чтобы сыскать способ сделаться резешем других вотчин»¹. Таким образом, грамота закрепляла в законодательном порядке издавна сложившиеся обычаи при продаже земли, она формально запрещала дарения резешской земли посторонним лицам — не резешам. Грамота запрещала людям беднейшим и низшего состояния делать пожертвования в пользу «богачейших и сильнейших; дарение же разрешено, во-первых, между резешами и людьми равного состояния, во-вторых, сильным в пользу бедных, и в-третьих, монастырям и церквам»².

Затем в грамоте излагаются правила, которые следует соблюдать при продаже своего участка.

В ней сказано: «Когда проходит продажа какой-либо вотчины между теми, кои не суть резеши или родственники между собою, тогда обязан как продавец, так и покупатель явиться в Диван и представить контракт договора с назначением справедливой цены. Диван после рассмотрения оного предписывает начальству от цынута, в котором находится вотчина, об учинении публикаций в продолжение шести месяцев во все торговые дни для оповещения тех, коим родство и резешство дают преимущественное право на выкуп; если до истечения оного шестимесячного срока никто из родственников или резешей, здесь находящихся, не явится для выкупа, то цынутное начальство обязано представить в Диван для сведения письменное в том свидетельство, и таким образом, Диван утвердит ту продажу»³.

Таким образом, если в течение этого срока никто из родственников резеша или другие резеши не изъявят желание приобрести этот участок, то его может приобрести постороннее лицо⁴. Далее говорится, что «желающий... продать принадлежащую ему часть вотчины... обязан прежде отделить и ограничить свою часть от участков прочих резешей, и тогда же позволяется ему оную... продать, а иначе не допускать, дабы таким образом прекратить споры и тяжбы»⁵.

Этот порядок продажи резешской земли, установленный соборной грамотой, был сохранен и после присоединения Бес-

¹ К. Арменопуло, «Шестикнижие», стр. 285—286.

² Там же, стр. 288.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 289.

⁵ Там же.

сарабии к России¹. Кроме того, он был распространен и на продажу домов резешей².

В Уставе образования Бессарабской области 1818 г. сказано: «В отвращение всяких притеснений, могущих лишить резешей права владения их, подтверждаются во всей силе прежние постановления, изъясненные в так называемой соборной грамоте 1785 года»³.

Из анализа грамоты мы видим, что владение резешей в общине было основано на праве частной собственности. Резеша имели полное право распоряжаться своим участком, продавать, обменивать, дарить. Участок земли, принадлежащий резеше, фактически составляет определенный размер площади земли, который при продаже ему нужно было отделить и отмежевать.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, что в резешской общине каждому резеше принадлежал определенный участок, земли, который отмежевывался при продаже. Приобретенным участком резеш мог распоряжаться самостоятельно и независимо от остальных резешей, которым предоставлялось только право выкупать участок своего совладельца в случае его продажи постороннему лицу.

Во-вторых, соборная грамота, которая была издана для того, чтобы несколько ограничить захват резешских земель прочими землевладельцами, подтверждая права предпочтения резешей, все же оставила значительную лазейку для проникновения в резешскую общину посторонних лиц, не родичей или не резешей, путем купли земли у резешей по истечении срока шестимесячной публикации. И это не означало, что проданный участок следовало исключить из резешской общины. Он по-прежнему оставался в общине. Поэтому процесс захвата земель общинников-резешей в Молдавии продолжался и после 1785 г.

Часто бояре самовольно захватывали земли у свободных крестьян-общинников, мотивируя это тем, что крестьяне не располагали никакими документами на владение этими землями. В результате значительная часть ранее свободных крестьян теряла право собственности на свои земли и резешские права и становилась царанами, феодально-зависимыми от землевладельцев, обязанными нести тяжелые повинности в пользу бояр.

В течение всей первой половины XIX в. происходит дальнейший процесс захвата резешских земель и распада резешской общины. При этом необходимо подчеркнуть, что, в отли-

¹ Свод законов гражданских, т. X, стр. 842.

² ЦГИАЛ, ф. 1330, оп. 5, д. 1369, л. 17.

³ ПСЗ, т. XXXV, № 27357.

ние от периода до присоединения Бессарабии к России в первой половине XIX в. (особенно начиная с 30—40 гг. XIX в.), резешская община стала усиленно разрушаться под влиянием качественно новых социально-экономических явлений, которые, с развитием общего процесса разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических элементов, оказывали все более разрушительное воздействие на резешскую общину.

Вплоть до 40-х гг. XIX в. главной причиной разорения общины и обнищания резешей было наступление бояр и духовенства на резешскую общину, захват резешских земель в нарушение всех прав резешей. Позже, с более быстрым развитием товарного производства, усиливается внутренний процесс распада резешской общины. Вместе с тем продолжается и процесс внешнего захвата резешских земель. Но если до 40-х гг. XIX в. резешские земли захватывались, главным образом, боярами и духовенством, то после этого резешские земли большей частью попадают в руки буржуазных элементов — купцов, мещан, богатых сореших, чиновников, связанных с торговлей, и других элементов.

Из-за отсутствия обобщенных статистических данных по Бессарабии в целом и по ее отдельным уездам (статистика Бессарабии первой половины XIX в. совершенно не разработана) мы приведем ряд примеров и лишь некоторые обобщенные данные о захвате резешских земель помещиками, монастырями и другими владельцами, а также о внутреннем процессе разложения резешской общины.

В 1812 г. резеши села Луцены, Оргеевского уезда, в своей жалобе писали, что они все издавна родом владели имением Луцены. Но в недавнее время некоторые из их рода продали свои участки помещику. Пользуясь этим, помещик произвольно завладел всей резешской землей. Вопреки жалобам и протестам резешей, Диван санкционировал незаконный захват помещиком земли резешей¹.

В 1815 г. боярин Матвей Костаки купил у резешей сс. Хирчогены и Пугачены небольшой участок земли. Таким образом, он сам приобрел право резеша. Пользуясь приобретенным правом, он проник в резешскую общину и стал закабалить резешей. Через два года, в 1817 г., он, путем обмана и шантажа, захватил больше половины резешской земли трех сел: Пугачены, Хирчогены и Цуцены². Таким же незаконным путем другой помещик в течение 7 лет (1807—1814) полностью завладел землями резешей селения Машкауцы, Оргеевского уезда³.

¹ ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 118. л. 32.

² Там же, д. 841, л. 38.

³ Там же, д. 240, л. 18.

В 1810 г. помещик Паун незаконно, путем обмана, совершил обмен небольшого участка земли своей вотчины Мерены на соответствующий участок резешской земли в селении Хруска, Оргеевского уезда. Проникнув, таким образом, в резешскую общину, он начал скупать и «приобретать» участки земли бедных резешей. К 1818 г. он захватил большую часть резешской земли этого селения¹.

Таким же путем в период с 1814 по 1817 гг. помещик Стурдза полностью овладел земельной собственностью резешей села Витрянка, Хотинского уезда². В 1816 г. помещик Стурдза захватил также земли резешей селения Хирчешты, Сорокского уезда³.

Усиленный захват резешских земель помещиками и монастырями происходил особенно в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и в первые годы после этой войны. Бессарабские помещики, пользуясь отсутствием должного государственного контроля, совершали ничем не ограниченный произвол и насилия над резешами. Об этом говорят данные «экстрактов» переписи землевладения, сословного строя и населения Бессарабии 1817 г.

Так, например, по данным «экстрактов» в селе Нетуратово, Хотинского уезда, помещик Иордаки Басай захватил половину резешской вотчины — 750 фалч земли. На долю 141 хозяйства и 12 бурлаков осталось 750 фалч земли⁴. В селе Слободзея, того же уезда, помещица Фешелица отобрала от резешей $\frac{3}{4}$ резешской земли, на долю крестьян-резешей осталась всего $\frac{1}{4}$ часть, т. е. 205 фалч земли⁵. В селе Костилены помещик Черюл захватил половину земельного участка; другая половина, около 120 фалч, осталась резешам. Если учесть, что в селе было 201 хозяйство и 45 бурлаков⁶, то станет ясным, что на каждое хозяйство в среднем приходилось менее одной фалчи земли. Но надо полагать, что часть наиболее зажиточных резешей имела более крупные участки земли, а основная масса была безземельной и малоземельной. В селе Пашкауцы помещик Богдан захватил у резешей различными путями 1030 фалч земли. На долю 186 резешских хозяйств и 35 бурлаков осталось всего 280 фалч земли⁷.

Монастырь Голия отнял у резешей селения Жабка, Сорокского уезда, свыше 400 фалч земли⁸. В селе Домбровница по-

¹ ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 243, л. 16.

² Труды Бессарабской арх. уч. комиссии, т. III, Кишинев, 1907. стр. 14—15.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ Там же, стр. 31.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ Там же, стр. 42.

⁸ Там же, стр. 57.

ловину резешских земель захватил боярин Стурдза, четвертую часть присвоил чиновник Чухоряну, крестьянам-резешам, таким образом, осталась лишь четвертая часть их прежних земель¹. В селе Варзарешты, Сорокского уезда, состоятельные резеши и помещики, которые «приобрели» значительные земли, выделили свои участки и основная масса резешей была лишена пашни и сенокоса².

В селе Корнешты значительную часть земли «приобрел» купец Бантыш, часть земли захватил полковник Захаровский, в результате у резешей осталось мало пахотной земли, сенокосов и выгонов³.

В селе Самашканы, Оргеевского уезда, значительная часть земли была «приобретена» полковником Рышляковым и боярином Катаржи, резешам же осталось «пахотной, выгонной и сенокосной земли недостаточно»⁴. В селе Морозены картина еще более разительна. Боярин Иордаки Мило завладел 4610 фалчами земли, на долю 60 хозяйств резешей осталось 170 фалч земли, при чем часть их принадлежала монастырю Курки⁵.

В селе Деренева 630 фалч резешской земли было захвачено помещиком Кристианину, 270 фалч чиновником Стурдза. На долю 37 хозяйств и 6 бурлаков резешей осталось всего 210 фалч земли⁶.

На протяжении всей первой половины XIX в. резеши обращались с многочисленными жалобами и прошениями в уездные суды, к бессарабскому губернатору, новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору и к самому царю с просьбой оградить их от произвола помещиков и монастырей и вернуть исконно-принадлежавшие им резешские земли, незаконно отнятые у них помещиками и монастырями. Но, как правило, значительная часть жалоб резешей не рассматривалась, а те жалобы и прошения, которые рассматривались в различных инстанциях царских органов власти, обычно решались в пользу помещиков.

Из дошедших до нас 26 жалоб резешей (в действительности их, несомненно, было значительно больше), рассмотренных в областном бессарабском суде с 1832 по 1861 гг.⁷, только одна была удовлетворена. В 1838 г. суд обязал помещика Керастаки вернуть резешам сс. Четырен и Унген незаконно купленные им

¹ Труды Бессарабской арх. уч. комиссии, т. III, Кишинев, 1907, стр. 14—15.

² Там же, стр. 101.

³ Там же, стр. 122.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 160.

⁶ Там же, стр. 164—166.

⁷ ЦГИА МССР, ф. 2.

земли¹. Во всех остальных случаях царские судебные власти после долгой волокиты решали дела в пользу помещиков.

Так, царские власти официально санкционировали захват помещиками земли резешей селений Дишка², Перень, Онишканы, Бульбоки, Болотино³, Волость⁴, Телешей, Чиколтены, Киштельницы, Биешты⁵, Кожушна⁶, Карталия⁷ и многих других.

Активную роль в экспроприации резешей играли бессарабские монастыри. Соборная грамота 1785 г., как указано выше, запрещала дарение резешских земель в пользу помещиков, но она разрешала дарение в пользу монастырей.

Пользуясь правом получать дары, монастыри приобретали огромные участки резешской земли. В Оргеевском и Кишиневском уездах земли некоторых монастырей наполовину состояли из бывших резешских земель. Например, Фрумошикский монастырь владел в середине XIX в. 1720 дес. земли, причем 211 десятин были приобретены у резешей в 1807 г. при основании монастыря, а 800 десятин были захвачены у резешей с. Бравичи в 40-х гг. XIX в. На протяжении 20 лет резеши боролись против вероломного захвата их земель монастырем, но правительствующий сенат решил дело в пользу монастыря⁸.

Гербовецкий монастырь в 60-х гг. XIX в. владел 2414 десятин земли. Часть этой земли была захвачена у резешей с. Гиришены, Оргеевского уезда, другая часть — около 200 десятин — отобрана у резешей селений Онишканы и Хирова⁹. Кошелевский скит в 60-х гг. имел в своем владении 60 десятин земли, «пожертвованной» резешами села Котюжаны, Сорокского уезда¹⁰. Шабский — Вознесенский монастырь «приобрел» от резешей с. Жабки, Сорокского уезда, 910 десятин земли¹¹.

Таким образом, в первой половине XIX в. экспроприация резешей продолжается и все более усиливается. Помещики, монастыри, купцы и другие владельцы посредством «покупок», «обмена», «дарения» и другими путями захватили значительную часть резешской земли.

В 1861 г. в составе резешских земель помещикам, монастырям, купцам и другим богатым владельцам принадлежало

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2488, лл. 1—3.

² Там же, д. 161, лл. 9, 12.

³ Там же, д. 374, л. 7.

⁴ Там же, д. 163, лл. 82—84.

⁵ Там же, д. 8784, лл. 2, 27, 45, 75.

⁶ Там же, д. 2898, лл. 45—54.

⁷ Там же, д. 2690, л. 3.

⁸ А. Защук, Указ. труд, ч. II, стр. 217.

⁹ Там же, стр. 221.

¹⁰ Там же, стр. 230.

¹¹ Там же, стр. 233.

свыше 53% земли¹. С 1817 по 1861 гг. резеши потеряли до 40% своих земель. За этот же период времени по неполным данным помещики и монастыри полностью овладели резешскими землями в 12 и частично в 26 селах².

В результате, количество земли на душу населения резешей значительно сократилось.

В 1817 г. на наличную душу резешей приходилось в среднем по 3,8 дес., а в 1861 г. — только по 2,1 дес. земли.

По уездам на наличную душу приходилось:

№ п. п.	У е з д ы	Количество резешей обоего пола ³	У них земли ⁴	В среднем на наличную душу
1	Хотинский	164	135	Менее 1 дес.
2	Сорокский	10 063	41 157	3 дес.
3	Ясский	10 465	19 637	2 дес.
4	Оргеевский	40 113	78 031	1,5 дес.
5	Кишиневский	34 428	81 366	2 дес.
6	Бендерский	322	4 945	14,6 дес.
7	Аккерманский	237	2 500	12,6 дес.
	Итого	95 792	227 771	2,1 дес.

Более 30% всех резешей (особенно резеши-пармаки) владели землей в пределах от 0,5 до 1,5 дес. земли на наличную душу.

При тогдашней отсталой системе земледелия и примитивных орудиях труда такое мизерное количество земли обрекало этих резешей на полуголодное существование.

Таким образом, на протяжении всей первой половины XIX века шел быстрый процесс обезземеливания резешей. Лишение же резешей земли было самой тяжелой формой их хозяйственного разорения.

Резеши, потерявшие свои земли, пополняли ряды царан и вместе с последними подвергались тяжелому помещичьему гнету.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8009, лл. 56—58.

² Подсчет сделан автором на основании архивных документов ЦГИАЛ, ЦГИА МССР и Росписи землевладения, сословного строя и населения Бессарабии 1817 г., Кишинев, 1902.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, ч. 8, д. 7485, л. 182.

⁴ В это количество включена и значительная часть земли помещиков-резешей, которую не представляется возможным выделить по уездам.

Наряду с наступлением помещиков и монастырей на резешскую деревню и захватом резешских земель, в 40—50-х гг. усиливается внутренний процесс распада резешской общины. Среди резешей происходило классовое расслоение. Этому процессу способствовал и тот факт, что резеши, являясь собственниками земли, имели право продавать свои участки родственникам или сорезешам. Этим обстоятельством пользовались более богатые резеши, закабалявшие бедных односельчан и сосредоточивавшие в своих руках их участки земли. В результате, среди резешей усиливается имущественное неравенство, причем эти «имущественные различия крестьян внутри общины, — как указывает В. И. Ленин, — глубже различий разных юридических разрядов крестьян...»¹

Особенно это обнаруживалось при периодическом переделе общинной земли. Зажиточные резеши пользовались всеми выгодами этого передела. «При начале весны, — пишет Защук, — главные лица в селении, человек 12 и до 40, собираются в корчму рассуждать о разделе полей... Во время этих рассуждений, разумеется, идет попойка, и общий итог пропитых денег распределяется на общество, на том основании, что обсуживались общественные дела, и если кто-либо из резешей (чаще всего бедняки. — Я. Г.) не участвовал в уплате пропитых денег, то ему не позволяют орать; такой дерзкий нарушитель общественного порядка подвергается побоям»².

Таким образом, резеши бедняки, которые не имели возможности внести определенную часть денег на пропой, по существу устранились от участия в решении вопроса о переделах. Далее этот автор продолжает: «...раздел этот сопровождается драками и решается в пользу тех, кто пил на общественный счет, и тот пользуется особыми правами и львиною долею, кто возьмет на себя уплатить корчмарю деньги, пропитых представителями общества»³. Ясно, что такую плату с корыстными целями могла взять на себя только зажиточная часть резешей.

Д. Д. Суручан в работе «К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии»⁴ указывает, что внутри резешской вотчины с давних пор происходили постоянные захваты, скупки и сосредоточения резешских родовых участков в руках богатых совладельцев резешей. Особенно усилился этот процесс в 30—40-х гг. XIX в., когда, в результате нескольких неурожайных лет и голодовок, многие резеши, совершенно разорившись, продавали за бесценок или передава-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 9.

² А. Защук, Указ. труд, ч. I, стр. 224.

³ Там же.

⁴ Д. Д. Суручан, К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии, газета «Новороссийский телеграф», № 4009, Одесса, 1888.

ли за долги свои земли отдельным богачам сорезешам и, лишившись таким образом своих родовых участков, вынуждены были пользоваться землей помещиков или своих бывших сорезешей и отрабатывать феодальные повинности наравне с царанами.

Родовые участки разорившихся резешей переходили не только к дворянам, купцам, чиновникам, священникам и другим лицам, не входившим в состав резешских обществ, но и к богатым резешам. Все лица, приобретавшие значительные участки земли в составе резешской общины, обособляли и выделяли их из общины как свою земельную собственность.

Поэтому в журнальном постановлении бессарабского губернского присутствия от 13 марта 1871 г. говорилось, что под наименованием «резеши» разумеет не одних только поселян-собственников, т. е. резешей — владельцев мелкой поземельной собственности, но и лиц других сословий, коим так называемые резешские имения принадлежат совместно с поселянами, как то: однодворцев, мещан, купцов, лиц духовного звания, дворян личных и потомственных»¹.

О разрушении резешской общины и расхищении резешских земель говорит ряд фактов. Из-за отсутствия обобщенных статистических данных приведем некоторые из них. В резешских селах Гыртоп-Маре и Гыртоп-Мик, Оргеевского уезда, в 1865—1866 гг. 650 дес. резешской земли были проданы другим владельцам не резешам и выделены из состава резешской вотчины. Из проданных резешами земель в руках купцов оказалось более 400 дес., у чиновников более 200 дес., и у священников — 40 дес. земли². В результате земельные участки основной массы резешей резко сократились. В селении Гыртоп-Маре из 398 семейств 220 осталось с участками земли от одной до трех десятин, а 20 хозяйств резешей оказались совершенно безземельными³. В селении Гыртоп-Мик, из 188 хозяйств резешей, 164 остались с участками от одной до трех десятин. В селении Петрушки, Оргеевского уезда, из 213 хозяйств резешей, 100 имели участки не более одной десятины, а 100 — от одной до трех десятин. В селениях Сырец и Кожушна, Кишиневского уезда, в результате скупки и сосредоточения земель в руках богатых сорезешей, купцов и других лиц большая часть резешей была обезземелена⁴.

Бедные слои резешей, будучи закабаленными многочисленными долгами, зачастую вынуждены были продавать свои участки в 2—3 раза дешевле стоимости земли. В середине XIX века десятина пахотной резешской земли продавалась за

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, д. 17, л. 2.

² Газета «Новороссийский телеграф», № 4009, Одесса, 1888.

³ Там же.

⁴ Там же.

100—150 рублей, а десятина выпаса — за 75—100 рублей, в то время как помещики продавали в том же селении землю крестьянам при содействии крестьянского банка за 300—400 рублей¹.

В 50—60-х гг. продажа резешской земли приобрела такой массовый характер, что вызвала беспокойство даже бессарабского губернатора. Он написал министру внутренних дел, что продажа резешских участков с публичных торгов «бывает чаще, чем частная продажа или переуступка, и в настоящее время есть живые свидетельства, что подобные чужеродцы приобрели таким способом целые резешские вотчины, а бывшие владельцы вотчины обратились в безземельных царан, живущих на условиях с помещиками»², т. е. живущих на помещичьих землях и отбывающих феодальные повинности. Бессарабский губернатор в своем отношении новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору в 1866 г. вынужден был признать, что одной из причин, вынуждающих резешей продавать свои родовые участки, является разорение их хозяйства вследствие кабалы. При неурожаях, падежах скота или каком-либо семейном несчастье резеш обращается за денежными займами к купцам. Не имея возможности из своих собственных средств к сроку уплатить заем, резеш вынужден был продавать землю «добровольно» для расплаты с долгами, не дожидаясь продажи его земельного участка с публичных торгов³.

Одним из обстоятельств, способствовавших захвату земель бедных резешей, явилось то, что земли многих резешских селений, тем более отдельные участки резешей, не были отмежеваны; зачастую резеш не имели официальных документов на их владение. Это приводило к частым спорам между отдельными резешскими селениями и резешами между собой. Пользуясь этим, очень часто, при новых переделах земли, зажиточные резеш захватывали часть земель бедных сорезешей, что неизбежно приводило к судебным тяжбам, которые, как правило, заканчивались в пользу богачей⁴. Более того, как признает и сам бессарабский губернатор, этими тяжбами пользуются различные темные личности, вкрадывающиеся в доверие резешей под предлогом ходатайства по их делам, закабальствующие резешей различными сделками и, тем самым, доводящие иногда целые селения до полного разорения⁵.

Царизм был заинтересован в сохранении земли резешей-собственников, на которых он смотрел как на зажиточный

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. I, д. 6993, л. 2.

² Там же.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 9.

элемент в Бессарабской губернии. В связи с этим в 1863 г. правительство специальным решением пыталось остановить дробление резешских земель путем причисления их к категории имуществ неделимых¹.

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор в отношении на имя министра внутренних дел выразил полное согласие с решением правительства и указал, что «отнесение резешских земель к числу имений нераздельных, как имеющее целью сохранение в области сословия мелких собственников землевладельцев — самого надежного консервативного элемента, действительно не может не заслужить полного одобрения в политическом отношении»².

Однако, несмотря на свои старания, царское правительство не могло приостановить происходивший процесс разложения резешской общины и разорения основной массы резешей.

Чрезвычайно трудно представить обобщенные данные о разложении резешской общины и расслоении среди резешей даже в середине XIX в., хотя этот процесс происходил очень интенсивно и значительно раньше. Нам удалось, однако, на основании архивных документов обобщить данные по 12 селам преимущественно Ясского уезда. Эти данные показывают, что среди резешей процесс имущественного неравенства развивался очень быстро, еще накануне крестьянской реформы в Бессарабии (см. табл. на стр. 194).

Принимая во внимание расположение, характер, местность и качество земли, эти 12 деревень являются типичными для северной и частично средней части Бессарабии, где были расположены почти все резешские села.

Определяя имущественное положение отдельных семейств применительно к условиям Бессарабии, где качество земли высокое и природные условия позволяют выращивать высокодоходные плодородные культуры и виноград, семьи, имеющие в своем владении до 6 дес. земли, следует, повидимому, отнести к бедным, имеющие до 20 дес. — к средним, а имеющие свыше 20 дес. — к зажиточным слоям населения.

Как известно, для характеристики имущественного состояния групп крестьянства надо, кроме земли, взять средства производства — живой и мертвый инвентарь. К сожалению, однако, нам не удалось обнаружить таких данных. Но и приведенные материалы дают определенное представление о развитии имущественного неравенства среди резешей.

По Хотинскому уезду картина еще более разительна и является собой яркое свидетельство бедственного положения

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6993, л. 5.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, д. 44, л. 87.

№ п.п.	Наименование селений ¹	Количество семейств в селении	Из общего числа семейств имеют участки следующих размеров									
			1-3 дес.	4-5 дес.	6-10 дес.	11-15 дес.	16-20 дес.	21-25 дес.	26-50 дес.	51-75 дес.	76-100 дес.	100 и более дес.
1	с. Бедраж, Кишиневского уезда	56	3	—	35	6	6	3	2	1	—	—
2	с. Фломынзены, Ясского	98	40	18	25	7	4	2	2	—	—	—
3	с. Буздюжаны, ...	18	—	—	—	5	—	1	11	—	—	4
4	с. Кошкадены, ...	75	3	13	30	10	15	1	3	—	—	—
5	с. Кучея, ...	45	5	6	7	5	5	—	10	2	1	1
6	с. Загардешты, ...	101	10	12	30	12	12	4	18	2	1	—
7	с. Нападены, ...	226	132	32	42	10	8	2	—	—	—	—
8	с. Дубравица, ...	187	69	39	43	12	10	3	8	3	—	—
9	с. Кишла, ...	75	20	27	18	7	1	—	2	—	—	—
10	с. Мындрешты	59	7	8	19	10	10	1	4	—	—	—
11	с. Чулкань, ...	114	80	21	10	3	—	—	—	—	—	—
12	с. Валя-луй-Влад, ...	35	12	12	9	2	—	—	—	—	—	—
		1089	381	188	268	89	71	17	60	8	2	5

¹ Таблица составлена на основании данных, извлеченных из архивных фондов ЦГИА МССР.

основной массы резешей. 54,5% всех резешей владели участками земли от 0,5 до 1 дес., 30% — от 1 до 5 дес. и 15,5% резешских хозяйств владели участками свыше 5 дес.¹. К 1861 г. 34,3% всех резешей Бессарабии лишились земли и перешли на положение царан².

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. усиливается внутренний распад резешской общины, вместе с тем все возрастает и захват земель резешей помещиками, монастырями, купцами и другими богатыми владельцами. Результатом этих захватов явилось значительное сокращение общего земельного фонда резешей и превращение многих резешей в царан.

* * *

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что резеши-крестьяне — это мелкие собственники земли. Резешская форма землевладения произошла от крестьянской общинной формы, а не путем наследственного дробления феодальной вотчины, как это утверждают дворянские и буржуазные историки. Наоборот, военно-феодалная знать выросла на базе распада общины, узурпации и экспроприации общинников. «Теория» вотчинного происхождения резешей, созданная дворянскими историками, была призвана защищать интересы господствующего класса.

Уже в дореформенный период резеши не представляли однородной массы. Они делились на ряд групп, различавшихся между собой в юридическом и имущественном отношении. Среди них были: резеши-однодворцы, владевшие более крупными участками земли, выделенными из резешской общины; резеши-пармаки, владевшие в составе общины мизерными участками земли; резеши-царане, потерявшие свои собственные земли и перешедшие на положение царан. За пользование своими прежними землями, ставшими собственностью богатых сорезешей или помещиков, они отработывали феодальные повинности наравне с царанами. Среди резешей были также помещики, купцы и мещане, которые проникли в резешскую общину, приобрели там определенные участки земли, а вместе с тем и права резешей, в том числе и право расширять свои владения за счет приобретения земель односельчан.

Формы землевладения и землепользования различных групп резешей были неодинаковыми. У резешей-пармаков сохранялась общинная форма владения землей. Резеши-однодворцы владели землей на правах подворно-наследственной собственности.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7948, л. 16.

² Там же, д. 8009, лл. 56—53.

Основной формой феодальной эксплуатации резешских крестьян, поселенных на собственных землях, было взыскание с них государством крепостников податей и повинностей. Резеши-царане, в значительной массе резеши-пармаки, которые пользовались и помещичьими землями, отбывали также феодальные повинности помещикам.

С усилением развития товарного производства, особенно с 40-х гг. XIX в., усиливается и наступление помещиков и монастырей на резешское землевладение. Резеши в значительной своей массе экспроприируются, обезземеливаются, их хозяйства разоряются, и они сами переходят на положение владельцев крестьян — царан. Наряду с этим усиливается и внутренний процесс распада резешской общины. Среди всех разрядов резешей происходит классовое расслоение. Ко времени проведения крестьянской реформы для резешских крестьян (1875 г.) в их среде уже наметились новые классовые прослойки, характерные для буржуазной деревни: кулаки, середняки, бедняки и батраки.

§ 4. Система эксплуатации государственных крестьян крепостническим государством

а) Постановка вопроса

Значительный процент общего числа крестьян Бессарабии, как и всей России, составляла категория государственных крестьян. А между тем изучению истории этой категории крестьян до 30-х гг. XX столетия в нашей исторической литературе уделялось недостаточное внимание.

Из дореволюционных авторов можно указать упомянутую уже нами четырехтомную работу А. П. Заблоцкого-Десятовского¹, работу С. А. Князькова «Граф П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян»² и труд Ю. В. Готье³.

Этот пробел был восполнен работами Н. М. Дружинина и Л. М. Иванова. Н. М. Дружинин в своем труде «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» (т. I)⁴ исследовал в основном общие вопросы происхождения сословия государственных крестьян и их положение во внутренних губерниях Рос-

¹ А. П. Заблотский-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, СПб, 1882.

² С. А. Князьков, Граф П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян, «Великая реформа», изд. Сытина, т. II, СПб, 1911.

³ Ю. В. Готье, Государственные крестьяне при Николае I и реформа Киселева, «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, вып. 2, Сергеев Посад, 1915.

⁴ Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946.

сии. Положения государственных крестьян национальных окраин, в частности Бессарабии, он почти не касался.

Л. М. Иванов в своей работе «Государственные крестьяне Московской губернии и реформа Киселева»¹, как явствует из самого названия работы, избрал темой своего исследования государственных крестьян Московской губернии.

В дореволюционной буржуазной историографии существовала тенденция изображать государственных крестьян России как сплошную зажиточную массу.

К изучению экономического и политического положения государственных крестьян авторы этих работ подходили со своих классовых позиций.

Трудящиеся массы изображались в этих трудах не в качестве самостоятельно действующей исторической силы. Большинство историков, писавших о государственных крестьянах, как указывает Н. М. Дружинин, ограничивалось эмпирическим описанием их положения и догматическим утверждением, что государственные крестьяне были людьми юридически свободными².

Ясную и правильную трактовку вопроса о государственных крестьянах дал В. И. Ленин в своей статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»³.

Отвергая доводы меньшевиков (Плеханова и Маслова), выступавших против национализации земли, В. И. Ленин раскрыл содержание и показал подлинную сущность «государственного феодализма», как систему феодальных отношений, сложившуюся на землях, занятых государственными крестьянами, как систему феодальной эксплуатации крестьян государством, в отличие от эксплуатации крестьян помещиками⁴.

Вопрос о месте, занимаемом государственными крестьянами в общей системе феодальной монархии, был поднят и разработан Н. М. Дружининым, который целиком основывался на высказываниях Ленина по этому вопросу.

О государственных крестьянах Бессарабии ничего не написано, если не считать отдельных отрывочных высказываний и небольшого раздела в первом томе «Истории Молдавии». Поэтому вопрос о происхождении и положении государственных крестьян Бессарабии, занимавших своеобразное положение по сравнению с владельческими крестьянами-царанами, требовал особого исследования.

Основной задачей, ставящейся при разработке указанной темы, как отмечает Н. М. Дружинин, является анализ изменений производственных отношений в государственной деревне,

¹ Л. М. И в а н о в, Государственные крестьяне Московской губернии и реформа Киселева, «Исторические записки», М., 1945, № 17.

² Н. М. Д р у ж и н и н, Указ. труд, стр. 35.

³ В. И. Л е н и н, Соч., т. 13, стр. 395—396.

⁴ Там же, стр. 302.

обусловленных развитием производительных сил в переломный период перехода от феодализма к капитализму¹.

Для решения этого основного вопроса необходимо выяснить пути окончательного оформления и консолидации государственных крестьян Бессарабии в самостоятельный разряд, определить удельный вес этого разряда поселян в общей массе крестьян, установить характер зависимости их от казны, выявить их место в общественно-экономической жизни края, их роль и значение их борьбы против системы «государственного феодализма».

Государственные крестьяне Бессарабии, вместе с колонистами и новороссийскими казаками, к 1861 г. составляли 25% всех крестьян², а если учесть население отторгнутой по Парижскому трактату южной части Бессарабии, то их число достигало 36,7%. В восточных районах современной Молдавии (тогдашних Тираспольском и Ананьевском уездах) государственные крестьяне составляли 42,2% всего сельского населения³.

Под государственными крестьянами разумеются «свободные сельские обыватели», сидевшие на государственной земле и отбывавшие казне или арендаторам казенных имений оброчные и барщинные повинности. В данном разделе мы не касаемся положения колонистов и новороссийских казаков Бессарабии, которые, хотя и подчинялись министерству государственных имуществ, но непосредственно не входили в состав казенного крестьянства. Происхождение и формирование государственных крестьян Бессарабии, их расслоение, развитие капиталистических отношений в бессарабской казенной деревне, влияние положения государственных крестьян на положение царан, прогрессирующее обеднение государственных крестьян, — вот основной круг вопросов настоящего раздела.

б) Формирование государственных крестьян Бессарабии в первой трети XIX в.

Категория государственных крестьян юридически оформилась в Бессарабии в первые годы после присоединения ее к России. В этом случае подтверждается высказанное Н. М. Дружининым положение, что наиболее крупный прирост сословия государственных крестьян получает в результате роста государственной территории.

Еще до вхождения в состав России в Бессарабии была значительная прослойка населения, состоявшая из различных групп, которая вошла в состав государственных крестьян, как

¹ Н. М. Дружинин, Указ. труд, стр. 4.

² А. Зашук, Указ. труд, стр. 217—218.

³ Материалы для оценки земель Херсонской губернии, т. IV, Тираспольский уезд, Херсон. 1889, стр. 71—72; В. С. Постников, Южно-русское хозяйство, М., 1891.

одна из ее составных частей. Местом сосредоточения государственных крестьян в основном явилась Южная Бессарабия, в особенности Бендерский и Аккерманский уезды, а также на севере, частично Хотинский.

До 1812 г. Южная Бессарабия входила под названием «Буджак» в состав турецких владений и была населена ногайцами. Еще в 1806 г. в Буджаке находилось до 5000 ногайцев обоего пола. Все они в 1806—1807 гг. были переселены в Крым.

После ухода ногайцев Буджак в значительной мере опустел. До присоединения его к России, пишет исследователь Зашук, Буджак «представлял пустыню, в которой не было ничего, кроме травы и высокого бурьяна; на степи паслись огромные табуны диких коней буджакских татар; обработанных, засеянных полей было весьма мало, и то только возле селений; плуг земледельческий не прорезывал еще девственной почвы...»¹

Вся эта территория, оставшаяся полупустынной, вместе с райями или округами крепостей Аккерманской и Измаильской, принадлежавшими турецкому правительству, досталась в виде государственного имущества Российскому государству и получила название «казенной Бессарабии».

Но еще до присоединения Буджака к России в нем находили себе приют беглые русские люди, которые не могли мириться с тяжелыми условиями феодально-крепостнического гнета. Сюда бежали крестьяне, укрывавшиеся от рекрутской повинности, раскольники и сектанты, спасавшиеся от религиозных преследований, и др. Помимо беглых людей из России в обширные степи Буджака стекались также, спасаясь от гнета помещиков, и жители из соседних государств: украинцы — из оккупированной Польшей части Украины, молдаване — из Запрутской Молдавии. Таким образом, ко времени присоединения Буджака к России там уже было небольшое число людей², живших в четырех крепостях — Килии, Измаиле, Бендерах, Аккермане, а также в местечках — Каушаны, Татарбунары и в нескольких селах, населенных большей частью «беженарами», т. е. переселенцами: сербами, болгарами и беглыми раскольниками, нашедшими там убежище в конце XVIII в. Здесь же, в Буджаке, поселились некрасовцы, — донские казаки, бежавшие с Дона в турецкие владения еще при Петре I и обосновавшиеся на речке Дунавцы, где они образовали селение Б. Дунавцы³. Во время военной кам-

¹ А. Зашук, Указ. труд, ч. 1, стр. 48.

² А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1, Одесса, 1850, стр. 255—256.

³ А. Э. Штанге, Указ. труд, стр. 5.

пании 1810—1811 гг. командующий Дунайской армией М. И. Кутузов добился у правительства признания за казаками права проживать на занимаемых ими территориях и пользоваться государственной землей.

Таким образом, на территории Буджака еще до присоединения к России обитало население, состоявшее по своему национальному составу как из молдаван, так и из украинцев, русских, цыган, евреев, болгар и др., которые и послужили основой для образования разряда государственных крестьян. За время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и после ее окончания усилилось бегство в Бессарабию крепостных крестьян, искавших здесь убежище от помещичьей неволи.

Период с 1812 по 1814 гг. характеризуется напряженностью в международных отношениях. Отечественная война 1812 г., походы русских войск в Западную Европу в 1813—1814 гг. безусловно занимали первое место в политике русского правительства.

Тяжелые последствия войны, эпидемия чумы, происки местного боярства, направленные на дальнейшее усиление феодального гнета, — все это сдерживало стихийное заселение края. Была также несколько задержана и правительственная колонизация области.

Но все же с 1813 г. царское правительство начинает пристально интересоваться положением в Бессарабии. Сюда неоднократно посылаются специальные чиновники с полномочиями обследовать состояние края¹. Так, летом 1815 г. в Кишинев приехал царский чиновник П. Свиный с поручением обследовать состояние области. В результате ознакомления с положением дел на месте он составил описание Бессарабской области². Царское самодержавие начинает принимать меры для освоения нового края.

Правительственная колонизация Бессарабии началась в первые же годы, хотя в силу вышеуказанных причин на первых порах она проводилась несколько замедленными темпами. Буджак постепенно заселяется немцами, болгарами и сербами.

Наряду с правительственной колонизацией продолжается усиленное заселение края беглым людом как из внутренних губерний России, так и из северных уездов Бессарабии.

Самодержавие, выискивая новые источники дохода, оставляет значительную часть территории Бессарабии за казной, а

¹ Записка Байкова о состоянии Бессарабии в 1813 г., см. у А. Накко, *Очерк гражданского устройства Бессарабской области 1812—1828*, ЗООИД, т. XXII, Одесса, 1879.

² П. Свиный, *Описание Бессарабской области*, ЗООИД, т. IV, Одесса, 1867.

крестьян, поселившихся на этих землях, превращает в государственных, т. е. в крестьян государственной казны, феодально зависимых от государства-землевладельца. На этих землях, по приблизительным подсчетам, исходя из так называемых «экстрактов» переписи населения Бессарабии 1817 г. (изданных И. Халлипой в переводе с молдавского языка¹), насчитывалось 7321 хозяйство или, считая по 5 человек на хозяйство, 36 605 государственных крестьян обоего пола. Состав населения, осевшего на государственных землях, был разнообразным. Значительная часть была представлена царанами Бессарабии из Бельцкого, Сорокского, Хотинского, Оргеевского уездов, которые перешли с помещичьих земель на казенные до официального запрещения правительством их перехода на государственные земли. Это облегчалось тем, что еще во время русско-турецкой войны, а затем в первые годы послевоенного периода многие антирусски настроенные бояре бежали на правый берег Прута и был ослаблен контроль над царанами.

Касаясь образования государственных крестьян Хотинского уезда, Ермолинский сообщает: «Бывшие государственные крестьяне образовались из тех царан, живших когда-то тоже на владельческих землях и лишь впоследствии поселившихся на казенных землях. Большая часть казенных селений образовалась в начале настоящего столетия (т. е. XIX в. — Я. Г.) и если не отцы, то деды настоящего поколения пользовались землей совершенно так же, как и остальные поселяне» (т. е. царане. — Я. Г.)².

Мысль о том, что царане северных уездов Бессарабии бежали в южные уезды и селились на казенных землях высказывает также Зашук: «Молдаване составляют племя, давно живущее в средних и северных частях Бессарабии; их почти можно считать в этих местах аборигенами; в южные же уезды они переселились в недавнее время, занимая места, оставленные кочевыми ногайцами»³.

Таким образом, одну из групп государственных крестьян составили царане, в большинстве своем — молдаване, бежавшие или ушедшие на казенные земли с земель владельцев.

Позже царское самодержавие, идя навстречу молдавским боярам и русским помещикам, требовавшим пресечения побегов царан на юг, строжайше запретило царанам переходить с

¹ И. Халиппа, Бессарабия в момент присоединения ее к России, Труды Бессарабской губернской арх. уч. комиссии, т. III, Кишинев, 1907.

² К. Ермолинский, Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, М., 1886, стр. 183.

³ А. Зашук, Указ. труд. ч. 1, стр. 151.

помещичьих земель на казенные¹. Это отмечает и А. Скальковский².

В дальнейшем переход царан на казенные земли также находился под запретом. В этом еще раз ярко проявилась классовая сущность законодательства о царанах; царане объявлялись свободными, в то же время им запрещался переход на казенные земли. Царское правительство, щедро раздавая сотни тысяч десятин земли русским помещикам и молдавским боярам, выделяя большие земельные участки иностранным колонистам, всячески запрещало поселение царан на государственных землях несмотря на обилие необжитых и неосвоенных земель.

Другую группу государственных крестьян составили беглые царане из Запрутской Молдавии, еще стонавшей под гнетом Турции. Как показано выше, положение запрутских царан было хуже, чем в Бессарабии, вследствие чего, по данным Скальковского, в период с 1790 по 1820 гг. из Запрутской Молдавии перешло в Южную Бессарабию до 9000 царан³.

Следующим составным элементом новообразованного разряда государственных крестьян являются так называемые «коронные» цыгане. Они занимали несколько особое положение по сравнению с остальными государственными крестьянами.

Когда впервые появились в Бессарабии цыгане — до сих пор не выяснено. Некоторые историки относят их первое появление к 1417 г. Значительная часть цыган была закрепощена боярами и монастырями, а остальная попала в зависимость от господаря. Они назывались коронными или господарскими. К 1812 г. их насчитывалось всего 340 семейств. О господарских или государственных цыганах официально упоминается в документах архива гг. сенаторов (российских), председательствовавших в Диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 гг.⁴ Из этих документов мы узнаем, что господарские цыгане занимались ремеслом, особенно кузнечным. Цыгане облагались многими податями, которые отдавались на откуп. К 1828 г. насчитывалось 745 семейств коронных цыган, плативших казенную подать в сумме 7450 рублей за год⁵. В Положении для управления Бессарабской областью цыгане отчетливо подразделяются на казенных, зависимых от казны, и на принадлежащих помещикам: «Жители Бессараб-

¹ ПСЗ, т. IX, № 6739.

² А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1, Одесса, 1850, стр. 240.

³ Там же, стр. 255—256.

⁴ Труды Бессарабской губернской арх. уч. комиссии, т. II, Кишинев, стр. 345.

⁵ ЦГИА МССР, ф. 22, д. 31, лл. 16—17.

ской области всех сословий, как то: духовенство, дворянство, бояринаши, мазылы, рупташи, купцы и мещане, царане или поселяне земледельцы, цыгане, принадлежащие казне и помещикам, и евреи, сохраняют все те права и преимущества, которыми они доньше пользуются»¹.

Казенные цыгане, как и остальные группы государственных крестьян, были обязаны платить государству-землевладельцу феодальную ренту в форме оброчных денег.

В дальнейшем царское правительство приняло меры к водворению казенных цыган на постоянные места с целью прекращения их кочевого образа жизни. Они были водворены в двух селениях Аккерманского уезда — Фараоновке и Каире. В 1839 г. по указу правительства казенные цыгане были причислены к Дунайскому казацкому войску².

Четвертую группу, входившую в сословие государственных крестьян, составляли мазылы и рупташи³. В дореволюционной исторической литературе вопрос о социальном и классовом положении мазылов и рупташей недостаточно разработан. Мазылы образовались из служилых людей. В состав молдавского войска XVI — начала XVIII вв. входили главным образом боярские дружины и различные полки служилых людей. Служилые люди, вербовавшиеся из рядов мелкопоместного дворянства, обязаны были нести военную службу господарю, от которого они получали за это землю.

Если провести историческую параллель, то эти служилые люди скорее всего напоминают однодворцев России. В своей капитальной работе «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» Н. М. Дружинин указывает, что одной из составных частей новообразованного при Петре I сословия государственных крестьян были однодворцы: «потомки мелких служилых людей, поселенных когда-то на южной украинской границе... Мелкие служащие люди — дети боярские, казаки, стрельцы и другие, — мало отличавшиеся по роду своего хозяйства и жизни от крестьян, были положены Петром в подушный оклад и превратились в низшее податное сословие феодального государства»⁴.

Однодворцы занимали промежуточное положение между дворянами и крестьянами: они получали от государства земельные участки под титулом служилого поместья. Некоторые из них имели у себя одного или нескольких крепостных, но большинство совсем не имело крестьян и жило всего-навсего одним двором (отсюда название «однодворцы»). Примерно таким было фактическое положение и бессарабских мазыл. Они

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, сп. т. 15, 1810—1829, д. 3, л. 193.

² Там же.

³ ПСЗ, т. XXII, № 20987.

⁴ Н. М. Дружинин, Указ. труд, стр. 30.

не представляли однородной массы. Объединяло их лишь то, что все они вышли из категории служилых людей. Но в остальном выступают различия в их фактическом положении. Некоторая часть мазыл сумела водвориться в резешские села и занять там господствующее положение, эксплуатируя основную резешскую массу. Таких мазыл царизм позже использовал для борьбы с народным движением. Большая же часть мазыл разорялась и ко времени присоединения Бессарабии к России вынуждена была поселиться на казенных землях или уйти в города. Много мазыл поселилось и на владельческих землях.

По переписи 1817 г. на казенных, владельческих, резешских землях насчитывалось 2370 хозяйств мазыл.

Мазылы, хотя и пользовались некоторыми привилегиями, но от платежа государственных податей не освобождались. В «Положении для управления Бессарабской областью» о мазылах говорится: «Государственной казне уплачивать будут мазылы подать под названием даждии и участвовать в земских повинностях по прежнему молдавскому обыкновению. Гоштину, вадрарит и погонарит они вносят в казну наравне с простыми поселянами»². В 1847 г. «мазылы» и «рупташи»³ были уравнены в правах с однодворцами России.

Пятую и основную группу государственных крестьян составляли собственно государственные крестьяне из внутренних губерний России, переселившиеся в Бессарабию с разрешения русского правительства.

Вторая половина XVIII в. и первая треть XIX в. в истории России отмечены систематическим и все усиливающимся наступлением помещиков на казенную деревню. Захваты помещиками казенной земли практиковались преимущественно в черноземной полосе — в районах Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Орловской, Харьковской, Таврической губерний⁴. В условиях отсталой земледельческой техники и слабого развития промышленности расхищение государственного земельного фонда должно было привести к прогрессирующему малоземелью казенной деревни. Растущее малоземелье, которое особенно остро ощущалось крестьянами черноземного центра, заставило царское правительство заняться вопросом переселения их в многоземельные губернии. Первоначально у правительства не было никакого плана для разрешения этого вопроса. От случая к случаю оно производило

¹ И. Халиппа, Бессарабия в момент присоединения ее к России. Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III, Кишинев, 1907, стр. 230.

² ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. 15, 1810—1829, д. 3, л. 264.

³ Рупташи — выходцы из духовенства, перешедшие в ряды крестьян.

⁴ Н. М. Дружинин, Указ. труд, стр. 84—85.

переселение крестьян в Восточную Сибирь и Причерноморские губернии¹. Но крестьяне переселялись и сами без разрешения правительства. В XVIII и первой трети XIX столетия потоки «самовольных переселенцев» непрерывно направлялись в южные и восточные области.

В первые десятилетия XIX в., когда в казенной деревне малоземелье особенно обострилось, переселенческая политика правительства стала более активной и планомерной.

В 1823 г. было опубликовано положение комитета министров о переселении казенных крестьян и о наделении их земель². Переселиться могли малоземельные крестьяне, т. е. те, которые имели менее 5 десятин на душу, и в первую очередь те, которые имели 2½ десятины и меньше.

Своей переселенческой политикой царское правительство пыталось ослабить растущее недовольство государственных крестьян. Борьба крестьян была борьбой против феодальной эксплуатации, против захвата их земли, увеличения повинностей и усиления внеэкономического гнета.

Пустопорожние земли Бессарабии были использованы царским правительством для переселения туда значительного количества государственных крестьян из Курской, Рязанской, Орловской, Таврической, Полтавской, Слободской, Харьковской, Черниговской губерний³.

Вскоре после опубликования положения комитета министров 1823 г. о переселении государственных крестьян, новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области граф Воронцов направил императору России Александру I рапорт, в котором излагаются выгоды избрания Бессарабской области для такого поселения.

Забывая об интересах царского самодержавия, царской казны и понимая необходимость и выгодность для государства заселения пустопорожних земель Бессарабии, Воронцов писал: «Я признаю возможным перевести в Бессарабию на первый раз до 20 тыс. душ российских казенных крестьян. От сего казна нисколько в своих доходах не может потерять, ибо бессарабские казенные поселяне обязаны повинностям, если не более, то отнюдь не менее российских казенных крестьян»⁴.

Министр финансов Канкрин 15 февраля 1824 г. согласился с проектом Воронцова. В феврале 1824 г. Александр I официально утвердил проект Воронцова о переселении 20 тысяч казенных крестьян из внутренних губерний России в Бессарабию⁵.

¹ Н. М. Дружинин, Указ. труд, стр. 89.

² ЦГИАЛ, ф. 279, 1820—1832, оп. 1, д. 585, лл. 2—6.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 2—3.

⁵ Там же.

Переселенцам ставились определенные условия: отправляться на новое место без раздробления семейств из каждого селения группами не менее трех семейств, не состоящих на рекрутской очереди. Рекомендовалось заранее через выбранных депутатов осмотреть новые земельные участки.

Государственные крестьяне, переселявшиеся в Бессарабию на казенные земли, водворялись на основе утвержденных 18 августа 1824 г. правил: на каждое семейство отводилось по 30 десятин земли, крестьяне освобождались на 3 года от платежа всяких податей, от несения рекрутской и других повинностей, а также от содержания воинского постоя в новых их жилищах¹. Однако, как и многие законы дореформенного периода, это положение плохо применялось на практике, так как царское правительство меньше всего интересовалось нуждами переселенцев. Кроме того, положение содержало ряд условий, сильно затруднявших осуществление переселения. Так, например, до переселения нужно было полностью уплатить все подати, иметь определенное количество скота, достаточное для переселения, дать гарантию, что на новом месте поселения крестьяне не будут просить никакой помощи от правительства. Единственным облегчением было то, что уплату податей могло взять на себя общество, из которого переселялись. Но все же крайняя нужда, острое малоземелье и безземелье заставляли крестьян переселяться.

В Бессарабию, по правительственным данным, с 1824 по 1830 гг. переселилось 3600 государственных крестьян². В июне 1830 г. царское правительство временно (по 1832 г.) приостановило переселение казенных крестьян в Бессарабию в связи с наплывом переселенцев из Румелии³.

Казенным крестьянам отводились земли в Аккерманском и Бендерском уездах. Многие села впервые основываются русскими переселенцами. К таким можно отнести деревню Бакчалию (основана в 1823 г.), селение Кара-Махмет (основано в 1822 г.), деревню Михайловку (основана в 1824 г.) и др.

Выше уже упоминалось, что однодворцы в России составляли одну из групп государственных крестьян. Их положение с каждым десятилетием становилось тяжелее. К концу XVIII в. они окончательно потеряли свои немногие привилегии и составили особый разряд феодально-зависимого населения. Растущее малоземелье государственных крестьян коснулось и

¹ ПСЗ, т. XXXIX, № 29684.

² ЦГИАЛ, ф. 379, 1820—1832, д. 585, лл. 158—159.

³ Второе полное собрание законов Российской империи, СПб, 1885, т. I, (1830) № 3775, т. VII (1832) № 5394.

однودворцев. Многие однودворцы, несмотря на строжайший запрет правительства, переселялись самовольно в другие места, в том числе и в Бессарабию. Да и самодержавное правительство вынуждено было отступать иногда от своего запрета и в отдельных случаях давало однودворцам разрешение поселяться на новых землях. В сентябре 1822 г. царь разрешил 265 однودворцам из Харьковской губернии переселиться в Аккерманский уезд, Бессарабской области, на казенные земли¹. Селение Александровка основано в 1823 г. однودворцами, переселившимися из Слободско-Украинской губернии. Таким образом, в состав государственных крестьян Бессарабии вошли и однودворцы из внутренних губерний России.

На казенных землях Бессарабии была также поселена небольшая группа отставных военнослужащих. Им отводилась земля наравне с прочими бессарабскими казенными крестьянами, на каждое семейство по 30 десятин. Поселившиеся военнослужащие были пожизненно освобождены от платежа казенных податей. Земские повинности они исполняли наравне со всеми государственными крестьянами. Льгота пожизненного освобождения от казенных податей не распространялась на потомков, если они поселялись на казенных землях. В 1827 г. в Бессарабии было поселено 220 семейств военнослужащих (372 мужчины и 332 женщины)².

Шестую группу, вошедшую в состав государственных крестьян, образовал весь беглый люд, состоявший в своем большинстве из беглых крепостных крестьян из разных губерний России, а также царан, бежавших на юг из северных и центральных уездов Бессарабии.

«Таким образом, — как справедливо отмечает Н. М. Дружинин, — сословие государственных крестьян превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения»³.

На основе проведенного разбора можно сделать вывод, что сословие государственных крестьян образовалось на территории Бессарабии из различных групп крестьянского населения. Государственные крестьяне, как феодальные держатели государственной земли, обязаны были уплачивать казне докапиталистическую ренту. Самодержавное государство соединило разнородные прослойки земледельческого населения, поселенного на казенных землях Бессарабии, и установило для них отличительный сословный признак — внесение оброка. Таким образом, и для государственных крестьян Бессарабии самодержавием были укреплены устои докапиталистического по-

¹ ЦГИАЛ, ф. 379, д. 1914, л. 63.

² Статистическое описание Бессарабии..., стр. 63.

³ Н. Дружинин, Указ. труд, стр. 43.

рядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещиками, государством или главой государства.

Однако нельзя ставить знак равенства между государственными и владельческими крестьянами. Прежде всего, право собственности казны на земельные участки, занятые государственными крестьянами, не имело той прочной экономической основы и той безусловной юридической силы, как право земельной собственности частных владельцев.

Кроме того, самые способы феодальной эксплуатации на казенных и частновладельческих землях были далеко не одинаковыми. Государственные крестьяне платили оброк, т. е. вносили феодальную ренту в денежной форме. По учению Маркса, такая форма докапиталистической ренты является ее последней формой и вместе с тем формой ее разложения: она «предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»¹. Отношение между земельным собственником и плательщиком денежной ренты приобретает характер договорного денежного отношения. В своем отношении к феодалу-землевладельцу (в данном случае крепостническому государству) крестьянин приобретает известную долю независимости, которая в конце концов облегчает ему возможность экономического освобождения от феодального гнета. Такой возможности не могло быть у царанина, обязанного отбывать барщину своему владельцу.

Внеэкономическое принуждение, тяготевшее над государственными крестьянами, здесь выступало в несколько ослабленной, смягченной форме. Государственные крестьяне пользовались правом свободного перехода в другое податное сословие и в города. Однако и над государственными крестьянами тяготел произвол самодержавия и царских чиновников. Они могли быть превращены в зависимых от частных собственников.

Следует отметить, что по вопросу о времени образования сословия государственных крестьян в Бессарабии имелись некоторые неправильные суждения. Так, в своей критической статье «Книга по истории Молдавии» Ф. Грекул оспаривает утверждения автора, что «категория государственных крестьян образовалась в Бессарабии в первые годы после присоединения ее к России»². Это положение неверно, — писал он. — «Категория государственных крестьян (под названием содошей или резешей) существовала и ранее, т. е. задолго до присоединения Бессарабии к России»³. Но при этом Ф. Грекул

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 810.

² Феодальные отношения в Молдавии в период XVI—XVIII веков, Кишинев, 1950, стр. 225.

³ Газета «Советская Молдавия» от 10 июня 1951 г.

смешивает две различные категории крестьян: резешей и государственных крестьян. Резеши, как определенная категория молдавских крестьян, действительно существовали уже в XV в. Но их нельзя смешивать с государственными крестьянами. Резеши, как особый разряд крестьян-собственников земли, просуществовали вплоть до 70 гг. XIX в., т. е. до крестьянской реформы в Бессарабии. Следовательно, они существовали отдельно, как особая категория крестьян, параллельно с государственными крестьянами на протяжении почти всего XIX в. Уже это одно показывает, что мы имеем дело с разными разрядами крестьян. Подтверждение этого положения мы находим в работе В. И. Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», где он среди категорий крестьян упоминает и резешей, наряду с бывшими владельческими, государственными и др. категориями крестьян¹.

Кроме того, как уже упоминалось, государственные крестьяне поселились на государственных землях, которые они получили только в пользование, но ни в коем случае не в собственность. Продавать и отчуждать землю государственные крестьяне не имели права.

Между тем резеши были собственниками земли, имели право ее продавать, дарить и закладывать.

Далее, государственные крестьяне были феодально-зависимыми от государства и уплачивали ему за пользование землей оброчную подать. Резеши такой подати не платили, а вносили только государственные налоги, установленные для всех податных сословий.

Государственные крестьяне и резеши в отношении управления подчинялись совершенно различным ведомствам. Следовательно, государственные крестьяне не резеши и относить их появление к XV в. является ошибкой.

Как справедливо показал ряд дореволюционных исследователей — Заблоцкий-Десятовский, Князьков, Зашук, Ермолинский, Дараган и наши советские историки — Дружинин и другие — сословие государственных крестьян образовалось в Бессарабии в первые десятилетия XIX в., со времени вхождения ее в состав России.

в) Рост численности государственных крестьян. Генеральное межевание 1822—1828 гг.

В Бессарабии в первое десятилетие XIX в. сложились условия для образования категории государственных крестьян: наличие, с одной стороны, принадлежащих государству обширных земельных массивов и, с другой, — сельского населения, поселившегося на этих землях.

Сначала земли отводились в посессию отдельным лицам,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 60.

а по заселении этих земель в 1822—1828 гг. было проведено генеральное межевание, в результате которого государственные земли были предоставлены в пользование крестьянам, на них поселившимся.

Первоначальное наделение государственных крестьян Бессарабии землей производилось с официального разрешения правительства. 4 января 1822 г. статс-секретарь русского правительства Каподистрия на основании решения правительства отдал распоряжение исправляющему должность начальника Бессарабской области генерал-лейтенанту Инзову о наделении государственных крестьян землей¹.

При генеральном межевании в период с 1822 по 1828 годы каждому селению было нарезано по 30 десятин на наличное хозяйство и по 10 десятин на будущее семейство². За пользование землей государственные крестьяне выполняли определенные повинности.

Подобно тому как в России «Петровскими указами 1719 — 1724 годов было закончено формирование особого сословия феодальных держателей государственной земли, обязанных уплачивать казне докапиталистическую ренту»³, генеральным межеванием была юридически оформлена категория государственных крестьян на территории Бессарабии. Процесс расширения и юридического оформления нового разряда отразился на терминологии официальных документов. Название «государственные (или казенные) крестьяне» употреблялось в различном значении. С одной стороны, это были государственные крестьяне в подлинном смысле слова — государственные крестьяне, переселенные из внутренних губерний России. С другой стороны, это были государственные крестьяне в более широком понимании, т. е. «поселяне имений государственных, в казенном ведомстве состоящие» (однодворцы из мазылов и рупташей, отставные солдаты, царане, поселенные на казенных землях, еврей-земледельцы, цыгане).

Очень трудно изобразить процесс расширения изучаемого разряда в точных цифрах. Разрозненные статистические данные первой трети XIX в. не отличаются ни точностью, ни единообразием. Вот некоторые данные о росте численности государственных крестьян мужского пола за три десятилетия:

Годы	Численность государственных крестьян мужского пола
1817	15 000 ⁴
1827	17 000 ⁵
1837	31 649 ⁶

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, д. 65, л. 14.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 94, л. 57.

³ Н. М. Дружинин, Указ. труд, стр. 32.

⁴ Труды Бессарабской арх. уч. комиссии, т. III, Кишинев, 1907.

⁵ Статистическое описание... Аккерман, 1829.

⁶ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. I, д. 3196, л. 37

Если иметь в виду, что в Бессарабии в 1819, 1825, 1828, 1830 гг. свирепствовали чума и еще чаще холера, уносившие большое количество человеческих жизней, то такой рост численности государственных крестьян можно признать значительным.

Несомненно, что перед нами не столько результат естественного прироста населения, который, как сказано выше, был в эти годы незначительным, сколько, главным образом, пополнения данного разряда крестьянами-переселенцами из других местностей.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что в первой трети XIX столетия в Бессарабии образовалась отдельная категория крестьян — государственные крестьяне.

Н. М. Дружинин справедливо отмечает, что постепенно в состав государственных крестьян стали зачисляться и такие земледельческие прослойки, которые занимали обособленное положение в составе российских поданных. Органы государственного управления, которые непосредственно ведали черносошными крестьянами, однодворцами и другими слоями государственного крестьянства, распространили свою власть на «...ямщиков, отбывавших повинность ямской гоньбы, на лашман Среднего Поволжья, которые должны были рубить адмиралтейству корабельные рощи, на бессарабских поселян (подчеркнуто мною. — Я. Г.) и крымских татар, которые пользовались государственными землями, на бродячих цыган и т. д. Все эти категории по своему юридическому положению продолжали стоять несколько особняком; но чем дальше, тем сильнее обнаруживалась тенденция к поглощению и этих прослоек общей массой феодально-зависимого казенного крестьянства»¹.

г) Повинности государственных крестьян Бессарабии в первой трети XIX в.

Вместе с процессом роста и оформления разряда государственных крестьян Бессарабии усиливалась и их феодальная эксплуатация. Государственные крестьяне не были в такой же мере бесправны, как царане. Но все же они были феодально-зависимыми если не от помещиков, то от помещичьего государства. По сравнению с царанами общественно-экономическое положение государственных крестьян было несколько лучшим. Основным бременем для царан являлись повинности, отбываемые своим помещикам, главным образом отработка «урочных дней» (барщина) в пользу владельца земли. Кроме того, они платили и государственные поборы. Государственные крестьяне должны были платить государству или отрабо-

¹ Н. М. Дружинин, Указ. труд., стр. 44.

точную, или продуктовую, или денежную ренту. Однако преобладающей формой ренты была денежная.

До генерального размежевания 1822 г. пока не было еще точного учета государственных крестьян, правильнее говорить о крестьянах, поселенных на казенных землях и плативших подати по старым молдавским узаконениям. Как разряд, государственное крестьянство оформилось лишь начиная с 1822 г.

С присоединением Бессарабии к России правительственным указом от 28 июля 1812 г. жители края, как уже указывалось выше, были освобождены на три года от всех податей и земских сборов.

По истечении льготных лет, т. е. с 1815 г., крестьяне стали платить казне подати. Казенные вотчины, на которых были поселены крестьяне, как правило, отдавались на откуп. Казенные поселения платили:

1) Аваст, т. е. по одному голландскому червонцу с хозяина в год, что в переводе на русскую валюту означало 11 руб. 50 коп. ассигнациями, или 3 руб. 20 коп. серебром, а с бурлака и вдовы по половине червонца, т. е. 5 руб. 75 коп. ассигнациями.

2) «Дижму», т. е. десятую долю всего урожая.

Откупная система ложилась тяжелым бременем на крестьян. Срок откупа полагался не более года. За это время откупщик стремился выжать из казенных крестьян все откупные деньги и получить еще значительный барыш. Откупщики государственных повинностей жестоко угнетали крестьян. Даже некоторые царские чиновники, обследовавшие в это время Бессарабию, вынуждены были признать это. Можно себе представить, до каких размеров доходили притеснения крестьян откупщиками, если даже надворный советник П. Свиньин в своем «Описании Бессарабии» восклицает: «Сколько способов неблагоприятный¹ и злой откупщик имеет утеснить бедного крестьянина»².

Притеснения, которые испытывались казенными поселянами от откупщиков, нашли свое отражение и в статистическом описании Бессарабии в 1828 г.³.

Помимо уплаты тяжелых государственных налогов казенные крестьяне обязаны были выполнять и многочисленные натуральные повинности: строить конюшни для почтовых лошадей, готовить для этих лошадей сено на зиму, доставлять дрова для карантинных, присутственных мест и чиновников, строить карантин и кордоны для пограничной стражи, перевозить казенный провиант, содержать воинский постой.

Откупная система была разорительна для крестьян и вместе

¹ Явная опечатка, по всей вероятности неблагоприятный.

² П. Свиньин, Указ. труд. стр. 164.

³ Статистическое описание Бессарабии..., стр. 66.

с тем невыгодна для казны, ибо значительная часть сумм, взимающихся с крестьян, попадала в руки откупщиков, а не в казну, притом откупщики часто нарушали договоры с казной. Встревоженное таким положением, царское правительство, начиная с 1823 г., устанавливает в Бессарабии постоянные повинности и подати государственных крестьян. Этим самым крестьяне Бессарабии, поселенные на казенных землях, окончательно становятся феодально-зависимыми от государства. Для взимания податей с государственных крестьян создаются специальные органы управления. Главная функция последних заключалась в выколачивании податей из крестьян.

После 1822 г. с государственных крестьян взимались следующие подати:

1. Казенная подать (подушная) — по 10 рублей ассигнациями в год с семейства, а коронные цыгане — по 10 руб. с души, мазылы и рупташи — по 9 руб. 35 коп. с семейства в год.

2. Взамен сборов аваста, дижмы, гоштины, погонарита и вадрарита жители казенных селений платили оброк в сумме 23 руб. 50 коп. в год с семейства. Бурлаки платили по 5 руб. 75 коп. в год.

3. Земская повинность — взимающаяся с семейства в 1826 г. в размере 2 руб. 64½ копейки, а в 1827 г. — 4 руб. 40 коп. Так называемые земские повинности собирались для покрытия местных земских нужд — содержание почтовых дорог, устройство, отопление и освещение казарм и пр. На мирские расходы, т. е. на оплату жалованья крестьянским выборным, на расходы по волостному и сельскому делопроизводству и пр. взимались мирские сборы¹.

К числу земских натуральных повинностей, особенно отягощавших крестьян, следует отнести: подводную — по перевозке чиновников и казенных товаров, дорожную — по прокладыванию и исправлению дорог, мостов и гатей, строительную — по постройке казенных зданий (хлебных запасных магазинов, волостных управлений и пр.). Кроме выделения своих подвод, лошадей и волов, крестьяне должны были отрабатывать от 3 до 10 дней в году на этих работах.

Так как Бессарабия являлась прифронтовой территорией, то при возникновении русско-турецких войн натуральные повинности государственных крестьян становились здесь более обременительными, чем в других, не пограничных губерниях России.

Таким образом, в Бессарабии в первое двадцатилетие XIX в. сложилась новая категория крестьян — государственные крестьяне, — зависимая от крепостнического государства.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. 15, 1810—1829, д. 3, л. 265.

Несмотря на тяжелое экономическое положение государственных крестьян Бессарабии, их условия жизни в 20-х гг. XIX в. были все же несколько лучше, чем у государственных крестьян внутренних губерний России. Это, в частности, подтверждается и стремлением многих семейств, а порой даже и целых селений государственных крестьян переселиться из центральных губерний России в Бессарабию.

д) Бессарабская деревня государственных крестьян перед реформой П. Д. Киселева

Прежде чем охарактеризовать социально-экономическое положение казенной деревни накануне реформы Киселева, необходимо установить численность государственных крестьян в это время. К сожалению, имеющиеся по этому вопросу данные неполны и поэтому о положении бессарабских государственных крестьян накануне реформы приходится судить по материалам проведенной в 1836—1840 гг. ревизии государственных крестьян России, охватившей и Бессарабию.

Нет никакого сомнения, что в материалах ревизии 1836—1840 гг. имеется много неточностей. Надо помнить, что ревизия производилась представителями царского правительства в условиях отсталой феодально-бюрократической империи. Очевидно, что данные и выводы ревизоров содержат ошибки, противоречия и пристрастные классовые оценки. Тем не менее данные ревизии дают кое-какие материалы для изучения жизни докиселевской государственной деревни.

Ниже приводится численность государственных крестьян Бессарабии за три года (1835, 1836, 1837), по которым имеются более или менее полные данные. Из этих данных видно, что количество государственных крестьян увеличивалось с каждым годом.

Численность государственных крестьян по 8-й ревизии 1835 г.¹

№ п. п.	Г у б е р н и я	Число государственных крестьян мужского пола	Число всех жителей мужского пола	Процент государственных крестьян к числу всех жителей мужского пола	Число всех крестьян мужского пола	Процент государственных крестьян к числу всех крестьян мужского пола
3	Бессарабская	28 879	352 430	8,1	36 150	79,8 ²

¹ Н. М. Дружинин, Указ. труд, стр. 312.

² В данные, приводимые в книге Н. Дружинина, несомненно, вкралась опечатка. Число всех крестьян мужского пола составляло не 36 150 душ, а значительно больше. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в 1827 г. в Бессарабии насчитывалось 82 486 крестьянских семейств, т. е. не менее 165 000 душ мужского пола. Естественно, что и выведенный процент гос. крестьян к общему числу крестьян мужского пола также неверен.

Численность государственных крестьян по данным 1836 г.¹

№ п. п.	Наименование губерний, областей	Число государственных крестьян мужского пола
3	Бессарабская	30 187

Численность государственных крестьян к 1837 г.²

О б л а с т ь	Число государственных крестьян мужского пола	Число всех жителей мужского пола	% государственных крестьян к числу всех жителей
Бессарабская	31 649	341 088	9,28

В состав государственных крестьян Бессарабии входили разные прослойки.

По данным 8-й ревизии 1835 г. было:

Однодворцев (бывшие мазылы и рупташи):

Семейств — 27

Бурлаков — 8

Рупташей:

Семейств — 4

Бурлаков — 5

Крестьян (русских, украинцев, молдаван):

Семейств — 11 665

Бурлаков — 3310

Евреев — 86 семейств и 11 холостых

Итого семейств — 11 782, холостых — 3334.

Важнейшим в жизни государственной деревни в 30-х гг. XIX в. являлся вопрос земельной обеспеченности крестьян. В значительной мере от степени обеспеченности крестьян земельными наделами зависело их материальное положение и, следовательно, их способность удовлетворять возрастающие притязания казны.

Правда, государственным крестьянам Бессарабии было выделено больше земли, чем во многих других губерниях России но, как показывают материалы ревизии 1836—1840 гг., положение государственных крестьян Бессарабии было тяжелым. Хотя по генеральному размежеванию 1822—1828 гг на каждую

¹ Н. М. Дружинин, Указ. труд, стр. 311.

² ЦГИА МССР, ф. 122, д. 223, л. 37.

семью государственных крестьян полагалось по 30 дес. земли; но, во-первых, государственные крестьяне Хотинского уезда не получили такого надела, во-вторых, ввиду значительного роста населения государственной деревни, а отчасти захвата государственных земель помещиками, количество земли, предоставленное казенным крестьянам, быстро уменьшалось и становилось порой недостаточным для обеспечения прожиточного минимума.

В 1837 г. государственные крестьяне имели в своем распоряжении всего 353 849 дес. земли. На ревизскую душу приходилось от 6 до 10 дес. земли¹.

Количественно земля распределялась неравно в различных селениях. Особенно низкой была земельная обеспеченность в Хотинском уезде. В некоторых селениях этого уезда земельные наделы государственных крестьян были совсем мизерными. Так, в 1839 г. в селении Рухотин 124 ревизские души имели в своем пользовании 100 дес. земли, т. е. в среднем менее одной десятины на ревизскую душу².

При этом следует учесть, что сельскохозяйственная техника была крайне отсталой, а следовательно, и урожайность полей очень низкой.

Среди государственных крестьян Бессарабии в конце 30-х гг. насчитывалось 3309 безземельных³.

Таким образом, вопрос о земельных наделах становился острым и для государственных крестьян Бессарабии.

Уже в 30-х гг. XIX в. замечается классовое расслоение государственной деревни. Это явствует в первую очередь из распределения земельных наделов. Более зажиточные государственные крестьяне, имевшие большое количество рабочего и рогатого скота, захватили еще раньше значительные земельные участки, а затем разными махинациями, подкупая местные власти, несмотря на общинные переделы, удерживали эти участки за собой. Такая зажиточная верхушка имела в казенных селениях Чимишлийской, Каушанской, Татарбунарской и Горджикурдской волостях, Аккерманского и Бендерского уездов⁴, а также в некоторых других селениях.

В то же время большая часть крестьян — особенно переселенцы-беглецы, сильно страдавшие от отсутствия скота, — получили при поселении недостаточные участки земли, вследствие чего они оказались в более тяжелом положении, чем другие государственные крестьяне. Усиление земельного голода в государственной деревне объясняется также захватами казенных земель помещиками и передачей казной земель государственных крестьян другим владельцам (новороссийским каза-

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, д. 3196, л. 53.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 122, д. 3196, л. 53.

кам, городам). В Бессарабии, так же как и в других губерниях России, происходила «настоящая лихорадочная охота за земельными угодьями. Сильные землевладельцы захватывали участки более слабых соседей, вторгались на территорию казенных имений и вступали друг с другом в продолжительные судебные тяжбы»¹.

О захвате помещиками казенных земель в Бессарабии говорит целый ряд фактов. Так, в 1839 г. помещик вотчин Сталинешты и Ворничены захватил 96 дес. казенной земли, находившейся в пользовании крестьян с. Гиждево. Бессарабская палата государственных имуществ передала дело о незаконном захвате помещиком казенных земель в суд. Судебная волокита по этому вопросу затянулась на 20 лет, и только в 1859 г. помещик вынужден был возвратить землю казне². Разумеется, все указанное время крестьяне упомянутых сел были лишены возможности пользоваться этой землей.

Помещик Стратеску в 1838 г. захватил 18 дес. казенной земли из вотчины Фитешты³. С этой же вотчины помещица Драконова тоже захватила 18 дес. земли⁴. И эти захваты происходили в Хотинском уезде, где надел на душу государственного крестьянина составлял 1—2 дес. земли!

Большие размеры принимает раздача казенных земель отдельным помещикам.

По распоряжению правительствующего сената от 18 сентября 1836 г. от села Молдавка, Аккерманского уезда, была отрезана 3561 десятина земли и пожалована министру финансов Канкрину⁵. Вопреки заверениям чиновников о том, что после отрезки земли у жителей с. Молдавка сохранилась установленная норма душевого надела, крестьяне этого села писали: «По 8-й народной ревизии нам нарезали земли на 119 семейств, тогда, когда по этой же ревизии числилось 153 семейства, да еще 6 мазылов, а всего 159 семейств. Поэтому крестьяне просят, чтобы им наделили землю на все семейства согласно 8-й переписи»⁶.

Из рапорта бессарабской палаты государственных имуществ от 9 ноября 1844 г. видно, что от с. Райлянка отрезано графу Канкрину еще в 1836—1837 г. 1733 дес. земли⁷. В 1845 г. от селения Сергеевка, Аккерманского уезда, было отрезано графу Бенкендорфу 2182 десятины земли⁸.

Можно было бы привести множество таких фактов, но и

¹ Н. М. Дружинин, Указ. труд., стр. 84.

² ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 2, лл. 1—104.

³ Там же, д. 7, лл. 35—36.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 8, л. 24.

⁶ Там же, л. 25.

⁷ Там же, д. 5, л. 86.

⁸ Там же, л. 324.

приведенные ясно свидетельствуют о насильственных и легализованных захватах помещиками земель государственных крестьян.

Часто крестьянские наделы находились в чересполосном владении с помещичьими — это создавало для крестьян новые, дополнительные трудности. Помещики пользовались своими преимуществами и ставили крестьян в зависимое положение.

Так, жители сел Райлянка и Царичанка, Аккерманского уезда, жаловались, что в связи с тем, что земли графа Канкрина примыкают прямо к их селению, они находятся в весьма стеснительном положении — не могут выпустить за ворота свой скот и даже домашнюю птицу, так как при всяком переходе через межу скотины или домашней птицы райлянских поселян оброкосодержатель графа Канкрина «тотчас захватывает и требует плату за переход, которую бедные крестьяне вынуждены вносить ему беспспорно или же лишаться своей собственности»¹.

В 1836 г. было отрезано и передано в распоряжение Дунайского казачьего войска от казенных селений Ханкишла, Аккерманского уезда, 894,5 дес. земли, и Паланка, этого же уезда, 306,5 дес.; в результате этого крестьянские наделы сократились в с. Ханкишла до 13 дес., а в с. Паланка — до 17 дес. на семейство². К концу 30-х гг., вследствие царской политики раздачи помещикам и боярам в частную собственность крупных земельных массивов и привлечения большого числа немецких и болгарских колонистов на государственные земли, и в южной части Бессарабии стал ощущаться земельный голод. Уже в 1842 г. министр государственных имуществ Киселев официально признает, что в Бессарабии нет свободной казенной земли³. Это означало сокращение наделов у государственных крестьян, ибо население государственных деревень продолжало увеличиваться.

Из всего сказанного видно, что экономическое положение государственных крестьян Бессарабии в 30-х гг. XIX в. было тяжелым. Они вынуждены были платить многочисленные налоги и отбывать многие государственные повинности: бир (подушная подать) — от каждого семейства 10 руб.; оброк — 23 руб. 50 коп.; земские повинности — 4 руб. 65 коп.; итого 38 руб. 15 коп. ассигнациями; мирские сборы — 2 руб., итого 40 руб.⁴

Денежные налоги в Бессарабии, как и в остальных губерниях России, состояли из трех основных слагаемых: из подушной подати, из земских повинностей и из мирских сборов. Де-

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 8, л. 63.

² Там же, д. 118, л. 10.

³ Там же, д. 25, л. 11.

⁴ Там же, д. 3196, л. 66.

нежные налоги государственных крестьян Бессарабии по своей величине находились на одном уровне с налогами государственных крестьян многих других губерний России.

Подушная подать была однообразна по всей России. Закон 1818 г. установил ее размер: 3 рубля ассигнациями с ревизской души. К этой сумме присоединялся специальный душевой сбор по 30 коп. на устройство путей сообщения. Стало быть, на каждую ревизскую душу полагалось платить подушную подать по 3 руб. 30 коп. ассигнациями.

Земская подать — 1 руб. 55 коп. на душу, т. е. земская повинность с государственных крестьян Бессарабии была выше, чем с государственных крестьян в Тамбовской (79—89 коп. с души), Курской (1 руб. 30 коп. с души), Псковской (1 руб. 12 коп. с души) губерниях¹.

Особенно обременительным для крестьян было взимание мирских сборов. Оно открывало широчайшие возможности для обогащения областных и уездных чиновников, волостных голов и старшин, сельских писарей, сельских старост, сборщиков податей и других представителей местной администрации.

Как правило, взимание государственных налогов производилось по репартиционной системе: годовой оклад податей, падавший на целое поселение, раскладывался миром между всеми плательщиками соответственно их имущественному положению.

В Бессарабии учитывалось количество скота, наличие садов и мельниц. Однако не только это решало распределение раскладки. Очень часто постановления о раскладке выносились не обществом крестьян, а небольшой группой домохозяев и не закреплялись никаким письменным договором. В сельском обществе все важные вопросы решала верхушка и ясно, что она себя в обиду не давала. Поэтому основная сумма раскладки падала на бедные и средние слои крестьян.

В. И. Ленин, характеризуя бюджет крестьянской семьи в пореформенный период, указывал: «...распределение податей внутри общины оказывается поразительно неравномерным: чем состоятельнее крестьянин, тем меньшую долю составляют подати ко всему его расходу»². Эта характеристика вполне приложима к бессарабской государственной деревне рассматриваемого периода.

Государственные налоги, феодальные и натуральные повинности ложились тяжелым грузом на плечи государственных крестьян. Значительная часть крестьян совершенно разорялась и не в состоянии была платить казенные подати. Из отчетов, составленных чиновником, проверявшим состояние государ-

¹ Н. М. Дружинин, Указ. труд.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 126.

ственных имуществ в Бессарабии, мы узнаем, что количество несостоятельных доходило до половины общего количества крестьян¹.

В материалах 8-й ревизии, проведенной в 1835 г., в отдельных случаях неточно определено действительное количество государственных крестьян.

Отдельно записывались, как самостоятельные домохозяева, престарелые, немощные люди, находившиеся, по существу, на иждивении своих детей, а также холостые, не имевшие своего хозяйства. Вследствие этого увеличивалась общая сумма налогов обложений на государственных крестьян. В некоторых селениях на каждое семейство приходилось по 200—300 руб. податей².

Крестьянам, особенно малоимущим, для оплаты податей и недоимок нередко приходилось продавать последнего вола или последнюю лошадь.

Так, в уже упоминавшемся с. Рухотин, Хотинского уезда, было 124 ревизские души, они владели всего 100 десятинами земли, имущество всех этих людей составляло — 6 лошадей, 2 коровы, 6 овец и 13 коз, а недоимок за ними числилось 2785 руб. 92 коп.³

Крестьяне Хотинского уезда были беднее крестьян Аккерманского и Бендерского уездов. Имея мизерные наделы земли, они тем не менее облагались большими податями. Крайняя нужда заставляла крестьян уходить на заработки за 300 верст, в Акерманский уезд. Чтобы во-время платить подати, они вынуждены были идти в кабалу к помещикам или зажиточным односельчанам и наниматься осенью за весьма низкую плату (50 коп. за обработку фалчи земли), тогда как нанимавшиеся во время посевных работ получали за такую же работу по 2 руб. серебром⁴.

Бедственное положение значительной части государственных крестьян подтверждается наличием огромных недоимок у государственных крестьян Бессарабии. Так, только за время с 1830 по 1837 гг. эти недоимки составили 223 251 руб. 58 коп.⁵

Натуральные повинности в эти годы были столь же многочисленны и обременительны, как и в предыдущие. Таким образом, государственные крестьяне Бессарабии были обложены многообразными и тяжелыми государственными и феодальными повинностями.

Культурно-бытовые условия, в которых жили государственные крестьяне Бессарабии, были незавидными. Найти в казенных селениях грамотного человека было очень трудно. Школ

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 3196, л. 66.

² Там же.

³ Там же, л. 69.

⁴ Там же, л. 67.

⁵ Там же, л. 75.

и больниц почти не было. Только в 1832 г. в Бессарабии была учреждена Аккерманская школа садоводства для обучения государственных крестьян разведению виноградников и приготовлению вина. В школу принимались крестьяне не моложе 20 лет, которые обучались в течение трех лет¹. Количество учеников в этой школе было незначительным. Основная же крестьянская масса оставалась почти поголовно безграмотной. Медицинская помощь отсутствовала, население очень страдало от эпидемических заболеваний. Содержание престарелых и инвалидов ложилось в государственной деревне исключительно на родственников. «Среди казенных поселян, — пишет ревизор, — только 198 человек малограмотных самоучек, остальная масса безграмотна»². В другом месте этот же ревизор отмечает «ни в одной из казенных волостей нет ни больницы, ни богадельни»³.

Губительной для государственной деревни была откупная система питейных заведений. Откупщики, покровительствуемые казной, стали открывать кабаки преимущественно в казенных поселениях, так как в помещичьих селениях с ними конкурировали корчмы помещиков.

В 1837 г. в казенных селениях Бессарабии было 138 питейных домов⁴, так что на каждые 228 душ мужского пола приходилось одно питейное заведение. В других губерниях России одно питейное заведение приходилось в среднем на 701 душу, а в помещичьих селениях одно питейное заведение на 2691 душу.

Следует указать, что владельцы питейных домов путем разных махинаций разоряли крестьян. В махинациях винных откупщиков принимали непосредственное и активное участие богатые крестьяне.

Государственные крестьяне терпели произвол со стороны чиновников и местной администрации. В государственных селениях часто практиковались телесные наказания. Волостное уложение 1826 г. специально предусматривало количество ударов за ту или иную «провинность». Истязания крестьян нередко приводили к смертным случаям. В Центральном государственном историческом архиве Молдавской ССР хранится дело за 1836—1841 гг., из которого явствует, что землемер, посланный администрацией для выделения крестьянам земли, приказал высечь выборного от села и еще одного крестьянина селения Дмитриевка, Аккерманского уезда, только за то, что крестьяне предложили, ввиду сильных морозов, вскопать землю тогда, когда потеплеет. Один крестьянин был избит до смерти⁵.

1 II СПЗ, т. VII, № 5448.

2 ЦГИА МССР, ф. 122, оп. I, д. 3196, л. 42.

3 Там же, л. 81.

4 Там же, л. 42.

5 Там же, д. 256, л. 7.

Таковы в кратких чертах бытовые условия государственных крестьян Бессарабии накануне реформы П. Д. Киселева.

Не имеющий обеспечивающего земельного надела, обложенный непосильными повинностями, подчиненный безответственной и своекорыстной власти, государственный крестьянин не находил для себя ни правовой поддержки, ни моральной опоры. Местные чиновники, откупщики-капиталисты и сельские священники превращали его в жертву бесконечных поборов и вымогательств. И все же из губерний, состоявших на оброке, Бессарабская область отличалась по своему хозяйственному положению. Она отличалась от районов давнего заселения, которые пережили долгий и сложный период феодальной формации и имели более плотное население. Бессарабские государственные крестьяне, несмотря на насилия и грабежи со стороны бюрократического аппарата, могли более свободно проявлять свою хозяйственную инициативу, их земельная обеспеченность была в целом выше, чем в других губерниях России.

Разбирая вопрос о государственных крестьянах, мы не можем рассматривать его изолированно. По количественному составу государственные крестьяне вместе с колонистами и новороссийскими казаками составляли около 25% всего крестьянского населения, но тем не менее их положение в значительной степени влияло на взаимоотношения помещиков и царан.

Как ни тяжело было экономическое положение государственных крестьян, оно было лучше положения бессарабских царан. По этой причине в 30-х гг. XIX в. наблюдается стремление царан переселиться с владельческих, помещичьих земель на казенные. Уход царан на казенные земли является одной из форм протеста против усиливавшегося гнета. В бессарабскую казенную палату поступали многочисленные просьбы от жителей многих селений разрешить им переселение на казенные земли. Не получив официального разрешения от царских властей, царане самовольно переселялись на казенные земли. В результате бегства царан на земли государственных крестьян увеличивалась численность населения государственных селений, что приводило к еще большему уменьшению земельных наделов государственных крестьян.

е) Организация и система управления государственных крестьян Бессарабии в первое 40-летие XIX в.

Для того, чтобы заставить государственных крестьян исправно и своевременно платить феодальную ренту, необходимо было подчинить их системе внеэкономического принуждения. Эта система и нашла свое воплощение в соответствующих органах управления.

О крестьянских, в том числе волостных, учреждениях царской России писали дворянские и буржуазные историки, историки права, экономисты, журналисты и публицисты. Они со своих классовых позиций антиисторически, тенденциозно и неверно освещали сущность и деятельность этих учреждений — затушевывали классовые противоречия, сознательно умалчивали о классовой борьбе угнетенных народных масс против помещиков. Освещая вопрос о крестьянских учреждениях, они старались изобразить их как органы якобы крестьянского самоуправления, умалчивая о том, что эти учреждения были поставлены на службу интересов правящих классов и служили орудием угнетения, эксплуатации и подавления крестьянских масс.

В казенных селениях Бессарабской области до 1823 г. не было никаких крестьянских учреждений по самоуправлению. Казенными поселениями ведала так называемая казенная экспедиция, а сбор государственных податей и налогов отдавался на откуп. Тогдашние формы управления государственными поселениями в Бессарабии в большой мере напоминают формы управления имениями, состоявшими на «хозяйственном положении» в Литве, Белоруссии, Прибалтике, Правобережной Украине. Хозяйственная, полицейская и судебная власть над государственными крестьянами здесь, так же как и в Бессарабии, принадлежала откупщику. За казенной палатой сохранялось право верховного наблюдения и контроля за выполнением арендных контрактов.

В селениях государственных крестьян Бессарабии, как и в других губерниях России, царил произвол откупщиков, земских исправников и других царских чиновников.

В 1819 г. граф Киселев получил поручение — объехать Бессарабию, затем Южную Украину и Крым с целью ознакомления с положением государственных крестьян в этой части России. Киселев увидел в этих местах неприглядную картину систематических насилий и хищений, характерную для крепостнической администрации. В записях так называемого бессарабского дневника содержится немало признаний Киселевым тяжелого положения бессарабской государственной деревни.

Киселеву особенно резко бросилась в глаза противоположность между природными богатствами Бессарабии и страшной бедностью ее населения. «Я с удивлением вчера узнал, — писал он, — что в молдавских деревнях на 10 домов полагать более нельзя одного плуга, коим вместе обрабатывать землю... Вся Бессарабия отдается на откуп за самую малую цену... грабежи и разорения установлены правилом»¹.

Недоимки податного населения увеличивались с каждым

¹ Институт русской литературы АН СССР в Ленинграде. фонд Киселева, д. 297123, л. 12. Цит. по Дружинину. Указ. труд, стр. 261.

годом. Казенные подати, накопившиеся по 1827 г. в Бессарабии, составляли огромную сумму в 636 423 руб. ассигнациями. а земской повинности к этому же времени накопилось 238 154 руб.¹ В 1823 г., после включения Бессарабии в состав Новороссийского генерал-губернаторства, граф Воронцов (являвшийся в то время генерал-губернатором Новороссии), посетив край, отмечал, что не нашел в казенных селениях никакого устройства, что здесь царил полнейший произвол.

Обеспокоенный огромными недоимками, накопившимися за казенными поселянами Бессарабии, отчего несла потери и казна (т. е. помещичье государство), Воронцов вскоре внес в комитет министров проект об учреждении в казенных селениях Бессарабской области волостных управлений.

30 июня 1826 г. проект Воронцова был утвержден Николаем I. Положение о волостных правлениях в казенных селениях по своему содержанию явилось сугубо классовым, оно было направлено на защиту фискальных интересов феодально-крепостнического государства и закрепляло зависимость казенных крестьян от царских чиновников.

В «Положении Воронцова» предусматривалось, что:

1) селения государственных крестьян должны быть разделены на волости, в которых учреждались сельские правления, подчиненные по части хозяйственной — казенной экспедиции областного правительства, а по полицейской — земскому исправничеству;

2) к волости приписываются от 500 до 1000 семейств;

3) волостное правление состоит из головы и двух заседателей, избираемых населением данной волости;

4) в ведении волостного правления находятся сельские старосты и десятские;

5) на волостное правление возлагается, в первую очередь, взыскание казенных платежей и повинностей; ему предоставляется право суда по второстепенным делам.

В данном положении² нашло свое отражение стремление царизма к усилению эксплуатации казенных крестьян.

С введением волостного управления на плечи крестьян ложилось еще одно дополнительное бремя — содержание всего волостного аппарата. Так, например, жалованье головы (250 руб. ассигнациями), жалованье заседателей (150 руб. в год), жалованье писаря (250 руб. в год), — все это оплачивалось за счет крестьян. Волостные учреждения, наряду с другими учреждениями царской России, являлись органами угнетения, эксплуатации и подавления крестьянских масс, служили только интересам правящих классов.

Состав этих органов самоуправления подбирался из числа

¹ Статистическое описание Бессарабии..., стр. 71.

² ПСЗ, 1826, стр. 444.

зажиточных крестьян. Беднейшая, трудящаяся часть крестьянства фактически устранялась от участия в выборах в «органы самоуправления».

Мирские выборы, которые в принципе являлись важнейшим актом самоуправляющейся общины, проходили в обстановке полнейшего произвола и пьяного угара. Не крестьянская масса, а ловкие и хищные деревенские дельцы вершили дела ми волостного управления.

Решающую роль в волостном управлении играли писари, которые рекрутировались из личных дворян, отставных военных, выходцев из духовенства и не сумевших сделать карьеры мелких чиновников.

Нередко писарь был единственным грамотным человеком среди сотен людей, не способных разобраться в присылаемых распоряжениях, законах, инструкциях, таблицах. Грамотность и служебный опыт давали ему огромные преимущества перед сменяющимися и мало подготовленными головами и старостами. Но часто и сами писари были мало подготовленными, недостаточно грамотными. Неизбежным результатом подобного положения была крайняя запутанность сельского и волостного делопроизводства. Выборные органы не только не обеспечивали хотя бы внешнего, чисто формального порядка, но, наоборот, их деятельность создавала обстановку произвола, насилий и вымогательств. Волостной голова и сельские старосты, облеченные полномочиями исполнительной власти, спешили использовать выгоды своего административного положения в личных целях; их примеру следовали писари, сборщики податей, смотритель хлебных магазинов, десятские. Они заботились не о нуждах крестьянства, а только о собственной выгоде.

Будучи фактически независимыми от сельского мира, крестьянские выборные находились в полном подчинении у царской администрации, земской полиции и казенной палаты. Головы и старосты занимали положение посредствующего звена между бюрократическим аппаратом крепостной империи и разрозненной массой государственного крестьянства.

Отметим, что к 1827 г. в Бессарабии из 86 селений государственных крестьян было образовано шесть волостей: две — в Аккерманском уезде — Татарбунарская и Олонештская; две — в Бендерском уезде — Каушанская и Чимишлийская; одна — в Измаильском уезде — Хаджи-Курдская¹ и одна в Хотинском уезде.

Основная задача волостного управления заключалась в том, чтобы держать крестьянскую массу в узде и выколачивать из нее подати и недоимки.

¹ Статистическое описание Бессарабии..., стр. 105—482.

ж) Государственные крестьяне Бессарабии
после реформы П. Д. Киселева (1838—1861)

В 1837—1841 гг. царское самодержавие провело реформу государственных крестьян, получившую название реформы П. Д. Киселева.

Эта реформа, являвшаяся одной из попыток залатать все более зияющие трещины самодержавного строя, сохраняя в нетронutom виде старые порядки, была результатом роста крестьянского движения, обострения кризиса крепостной системы.

Осуществление реформы П. Д. Киселева началось с создания 1 января 1838 г. министерства государственных имуществ и изъятия всех дел по заведыванию государственными крестьянами из ведома министерства финансов и его филиалов в губерниях и областях — казенных палат.

В Бессарабской области палата государственных имуществ начала свои действия в 1839 г. на основании проекта, утвержденного 30 апреля 1838 г.

В уездах одновременно с палатой были созданы окружные управления. Государственные крестьяне Бессарабской области в административном отношении были разделены на три окружных управления: Аккерманское, Бендерское и Хотинское. Каждый округ был разделен на волости и сельские общества. Всего первоначально палате было подведомственно 3 окружных управления, в состав которых входило шесть волостей, 3 местечка и 98 селений.

Учреждение окружных управлений было новым явлением в жизни государственных крестьян. Функции начальника окружного управления были ограничены, как указывал П. Д. Киселев, наблюдением за исполнением распоряжений палаты¹. Но поскольку окружные управления были поставлены над крестьянскими органами «самоуправления», то фактически начальники окружного управления становились руководителями всей жизни государственных крестьян.

Даже такой несомненный защитник интересов господствующего класса, как П. Д. Киселев, вынужден был признать, что крестьяне «скудеют». Но он считал, что это положение может быть изменено путем создания хорошо налаженного административного аппарата, способного самостоятельно решать экономические задачи: «Такое оскудение не происходит единственно от неразмежевания земель. Причина сему есть отсутствие, во-первых, покровительства и, во-вторых, наблюдения», — писал он. «Нет сомнения, — продолжает далее Киселев, — что устройство хозяйственное и способ управления податей есть дело не менее важное; но оно должно быть последствием достаточно устроенной администрации; необходи-

¹ А. Заблоцкий-Десятовский, Указ. труд, т. II, стр. 54—55.

мость сей меры для сего времени не была надлежащим образом рассмотрена и оценена»¹.

Как уже указал в своем исследовании Л. М. Иванов, Киселев, будучи вынужденным считаться с ростом буржуазных элементов в деревне, разработал следующую экономическую программу деятельности нового министерства:

1. Порядок землепользования в казенной деревне остается прежний. В целях борьбы с малоземельем проводится переселение крестьян из малоземельных губерний на новые места поселения.

2. В интересах подъема сельского хозяйства и поощрения экономической предприимчивости крестьян создается хозяйственный капитал: учреждаются образцовые хутора, фермы, выставки; промысловые селения переводятся в разряд посадов; разрешается покупать землю и т. д.

3. В области податной политики намечалось проведение кадастра, после чего подати должны быть переложены на землю и учреждена промысловая подать; на таких же уравнительных началах должно быть основано и отбывание натуральных земских повинностей².

Эта экономическая программа П. Д. Киселева по существу закрепляла существовавшее положение в казенной деревне, открывая лишь временно некоторую отдушину путем частичного переселения государственных крестьян из центральных, густо населенных районов, на менее заселенные окраины.

Реформа 1838 г. несомненно сыграла большую роль. Она отразила те важные изменения, которые происходили в это время в экономике России.

Совершенно не считаться с постепенно складывавшимися буржуазными отношениями уже не представлялось возможным. Отсюда — двойственность, половинчатость реформы, призванной, с одной стороны, открыть клапан для буржуазных отношений, а с другой — укрепить классовые позиции дворянства и дворянского государства в целом.

Реформой 1838 г. правительство еще раз подтвердило, как правильно указывает Л. М. Иванов, что земля и сами крестьяне — это «государственное имущество», обязанное доставлять доход государству.

Обратимся к практическому осуществлению реформы П. Д. Киселева в Бессарабии. Как известно, Бессарабия относилась к числу многоземельных губерний, именно на ее зе-

¹ А. Заблоцкий-Десятовский, Указ. труд, стр. 18, 52.

² Л. М. Иванов, Государственные крестьяне Московской губернии и реформа Киселева, «Исторические записки», № 17, М., 1945, стр. 79.

мельных просторах в 20—30-х гг. XIX в. поселялись государственные крестьяне из внутренних губерний России. Но, как показано выше, к концу 30-х гг. XIX в. земельные наделы крестьян начали резко сокращаться, население увеличивалось не только за счет естественного прироста, но, главным образом, за счет еще продолжавшегося притока крестьян из других губерний России, а незанятых земель уже не было. Установленные генеральным размежеванием 1822—1828 гг. нормы надела государственных крестьян землей по 30 дес. на семейство уже были нарушены.

В 1841 г. министр государственных имуществ П. Д. Киселев отправился на места, чтобы ознакомиться с постановкой дела управления государственными имуществами. В числе других мест он посетил и Бессарабию. Во время этой поездки к нему поступило большое количество жалоб от государственных крестьян Бессарабии о недостатке земли. До 1840 г. в некоторых казенных селениях часть земли еще не была распределена среди крестьян. Палата государственных имуществ Бессарабии отрезала от селений часть земель, превышавшую норму надела, и передавала эти земли селениям, в которых нехватало земли до установленной нормы. Но осуществление таких переделов земли было связано с большими трудностями, так как очень часто коренные земли, которые отрезались от крестьян, имевших наделы, превышавшие установленную норму, располагались на большом расстоянии от места жительства крестьян, которые нуждались в прирезке земли. Нередко проведение таких переделов мешала чересполосица.

Поэтому размеры наделов в различных селениях так и оставались далеко не равными. Так, в 1844 г. по 50 селениям из 97, по которым удалось обнаружить сведения, размеры наделов на семейство были следующие:

Размер наделов	Количество селений
Более 35 десятин	5
от 32 до 35 "	10
30 "	3
от 25 до 30 "	8
" 20 " 25 "	8
" 15 " 20 "	7
" 10 " 15 "	3
менее 10 "	6
Итого . . .	50 селений ¹ .

¹ Таблица составлена по данным ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 11, 27, 32, 54.

Итак, уже в 40-х годах в более 50 процентов казенных селений (32 из 50), по которым имеются данные, крестьяне владели участками земли менее установленной нормы (30 дес.).

Но эти средние данные наделения земель отражают далеко не полностью экономическое различие, уже наметившееся в государственной деревне.

Пользование землей в государственных селениях было в основном общинное и периодически производились переделы. Но более состоятельные, богатые крестьяне, владевшие большим количеством скота и сельскохозяйственным инвентарем, всегда при помощи различных махинаций имели возможность занимать большее количество земли. К тому же известно, что земельный надел далеко не полностью определяет имущественное положение крестьян.

В. И. Ленин резко критиковал экономистов-народников за их прием группировать хозяйства по наделу, т. е. по количеству наделной земли, приходящейся в среднем на одно хозяйство. «Пользуясь группировкой по наделу, — писал В. И. Ленин об антинаучном методе либерально-народнической статистики, — мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю; — бедняка, который забрасывает землю, и богача, который «собирает» землю; — бедняка, который ведет самое плохое хозяйство с ничтожным количеством скота, и богача, который имеет много скота, удобряет землю, вводит улучшения и пр. и пр. Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии»¹. Такие приемы статистической обработки вели к искажению, затушевыванию классового расслоения в деревне.

Процесс расслоения крестьянства в бессарабской государственной деревне усилился в 50—60-х гг. XIX в. К сожалению, из-за неразработанности статистики, не удалось обнаружить материалы, отражающие более или менее точно имущественное положение различных прослоек государственных крестьян.

В связи с отторжением от России по Парижскому мирному договору 1856 г. южной части Бессарабии, к княжеству Молдавии отошло 21 селение государственных крестьян. При установлении новой границы земли ряда казенных селений были разделены на две части, одна из которых отходила к княжеству Молдавии. Вследствие этого в этих селениях земельные наделы резко сократились. Так, например, при установлении новой границы в соответствии с Парижским договором от местечка Татарбунары, оставшегося в России, отошло к Молдавии удобной земли 1719 десятин и неудобной 568 десятин, всего 2287 дес.; в Татарбунарах осталось 2551 дес. удобной земли, а по 10-й ревизии числилось 451 семейство с 1099 душами,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 76—77.

т. е. в среднем приходилось по 2 $\frac{1}{3}$ десятины на ревизскую душу. От села Спасское в результате установления новой границы отошло 867 десятин удобной земли. В распоряжении крестьян осталось 1112 дес. на 45 семейств с 119 душами, т. е. по 9 десятин на ревизскую душу¹.

Особенно массовое и резкое уменьшение крестьянских наделов происходило в течение нескольких лет после заключения Парижского договора 1856 г. с Турцией. По условиям этого договора крестьянам было разрешено в течение трех лет, по их усмотрению, переселиться из отошедшей к княжеству Молдавии части Бессарабии в пределы области, оставшейся в составе России. Русское правительство предоставило льготы крестьянам, переселявшимся из отошедшей части Бессарабии. Эти крестьяне освобождались от уплаты повинностей в течение 8 лет и им предоставлялось пособие для устройства хозяйства по 35 рублей на каждое семейство. Это обстоятельство было использовано крестьянами отошедшей к Молдавии части Бессарабии. Усилился приток их в русскую часть Бессарабии. Прибывавшие государственные крестьяне и многие царяне из-за отсутствия свободных казенных земель оседали в селениях государственных крестьян, а это неизбежно приводило к еще большему сокращению наделов последних.

Мы уже приводили ряд фактов, показывающих захваты помещиками казенных земель, вследствие чего еще больше уменьшилась земельная площадь, находившаяся в пользовании государственных крестьян.

Государство распоряжалось государственными крестьянами по своему усмотрению, как с категорией феодально-зависимых крестьян. По правительственному указу селения государственных крестьян Кицканы и Копанка, Бендерского уезда, 24 сентября 1862 г. были переданы из ведомства министерства государственных имуществ во владение Нямцкого монастыря. В те времена в Кицканах жило 272 семейства, в Копанке — 297 семейств государственных крестьян. С отдачей этих селений во владение монастыря жители были перечислены казенной палатой из сословия государственных поселян в сословие царан. Крестьяне обязывались отбывать господские повинности и заключать соглашения с новыми владельцами по «Нормальному контракту», а в противном случае они должны были переселиться на другие владельческие земли².

Этим фактом еще раз подтверждается, насколько непрочным было положение государственных крестьян.

Говоря о наделах земли государственных крестьян Бесса-

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 72, л. 21.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 6801, лл. 39, 40, 45, 46.

рабии, необходимо учитывать то важное обстоятельство, что наделная земля не вся шла на посев зерновых, а распределялась почти пропорционально между посевом, выгоном и сенокосом, так как крестьяне занимались не только земледелием, но в значительной степени и скотоводством. Таким образом, надел пахотной земли фактически уменьшался.

О характере использования земель государственными крестьянами можно судить по данным, приведенным в таблице о распределении земель по угодьям в Чимишлийской волости, Бендерского уезда, в 1860 г.:

Селения	Число семейств по ревизии	Земли общественной удобной и не удобной	Из этой земли поселяне определяют		
			под выгоны	под сенокос	для хлебопашества
Салкуца	291	6 418	2 132	2 132	2 154
Баймаклия	89	2 020	673	673	674
Тараклия	223	5 211	1 737	1 737	1 737
Батыр	161	2 919	973	1 020	926
Троицкое	136	4 072	1 357	1 357	1 358
м. Чимишлия	388	8 339	2 780	2 059	3 500
Селемет	236	4 857	1 204	1 603	2 050
Михайловка	116	2 796	556	1 000	1 240
Садаклия	166	4 236	1 412	1 412	1 412
Абаклыджаба	255	5 590	1 590	2 000	2 000
Чорамурза	97	2 625	875	875	875
Жавгур	128	3 172	1 120	Остальную землю поселяне разделяют на семейство по 2 дялянки	
Ченак	149	3 603	1 203		

Хотя данные по селениям одной волости не дают достаточно оснований для обобщающих выводов, но поскольку они в общем характерны для юга Бессарабии, то следует полагать, что из общего количества находившейся в пользовании крестьян земли только $\frac{1}{3}$ часть обрабатывалась и засеивалась культур-

ными растениями, а $\frac{2}{3}$ использовались под выгоны и сенокосы. Это говорит также о том, что в хозяйстве крестьян 40 — 60-х гг. видное место занимало скотоводство.

Из озимых культур крестьяне сеяли рожь и пшеницу. Из яровых: пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, кукурузу, горох, коноплю, лен, чечевицу. Начиная с 40 гг. XIX в., значительно расширяются посевы картофеля. Это было вызвано, с одной стороны, правительственными распоряжениями, а с другой — тем, что картофель, будучи более дешевым, вскоре стал одним из важнейших продуктов в питании крестьянства, в особенности его беднейшей части. В. И. Ленин, разбирая вопрос о жизненном уровне крестьян, характеризовал беднейшие группы крестьян (однолошадных и безлошадных) следующим образом: «Отличительный признак названных групп крестьянства — недостаток питания и ухудшение его качества (картофель)»¹.

Из трех уездов, где были селения государственных крестьян, больше всего возделывался картофель в Хотинском уезде. В засушливых условиях юга Бессарабии картофель давал низкие урожаи, поэтому его сеяли мало.

Картофель занимал первоначально незначительное место в хозяйстве государственных крестьян. Однако постепенно посадки картофеля возрастали. Так, в 1845 г. государственные крестьяне Бессарабии высаживали 1887 четвертей картофеля, и собирали 10 685 четвертей².

В основном крестьянское хозяйство сохранило зерновое направление. Ведущими культурами были рожь, пшеница и особенно кукуруза.

О посеве и урожае у государственных крестьян Бессарабской области с 1849 по 1858 гг. приблизительное представление дает следующая таблица³:

Годы	Посеяно четвертей		Уродилось четвертей	
	озимого	ярового	озимого	ярового
1849	17 255	35 800	49 169	111 189
1850	17 717	37 628	75 176	154 654
1851	18 767	34 913	48 863	107 067
1852	18 492	47 497	120 761	229 559
1853	17 196	40 249	32 727	81 157
1854	18 662	32 802	45 287	80 892
1855	17 269	30 711	19 602	45 323
1856	14 469	26 801	12 394	94 936
1857	13 997	25 659	42 411	104 883
1858	13 531	27 034	20 413	78 764

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 132.

² ЦГИАЛ, ф. 1265, д. 1708, л. 114.

³ Таблица составлена на основании приложений к отчетам бессарабского губернатора за соответствующие годы (ЦГИАЛ, фф. 1263, 1281).

Итак, в течение 10 лет, как видно из вышеприведенной таблицы, производство основных культур топчется на месте, а в иные годы даже падает. Это одно из проявлений кризиса крепостной системы, обострившегося в результате Крымской войны.

В нашем распоряжении нет точных данных о количестве продававшегося крестьянами хлеба.

Известный статистик Ю. Янсон, исследовавший вопрос о хлебной торговле в Одесском районе, определяет, что в 1864 г. Бессарабия отпускала на продажу около 1 млн. четвертей¹, из которых юг Бессарабии — Бендерский и Аккерманский уезды, заселенные главным образом государственными крестьянами и колонистами, — отпускал около 300 тыс. четвертей². Из этого количества $\frac{1}{3}$, т. е. 100 тыс. четвертей, вывозили одни болгарские колонисты³. Если учесть, что запашка государственных крестьян, новороссийских казаков, немецких и других колонистов была несколько больше запашки болгарских колонистов, а количество населения примерно равное, то, следовательно, их хлебный излишек составлял также минимум 100 тыс. четвертей.

Таким образом, в целом государственные крестьяне, колонисты и новороссийские казаки в 1864 г. отпускали на продажу минимум 200 тыс. четвертей хлеба. Остальные 100 тыс. четвертей составлял товарный хлеб помещиков, запашка которых на юге Бессарабии, по сравнению с ее северной и центральной частью, была незначительной.

Необходимо указать, что земледельческие орудия, употреблявшиеся государственными крестьянами в рассматриваемый период, были еще весьма примитивными. Это были обыкновенный малороссийский плуг, борона, коса, ручные грабли, ручные молотилки или цепи.

В значительной мере у государственных крестьян было развито овощеводство, но в основном для собственных нужд. Однако некоторые села стали поставлять овощи, особенно капусту, и для продажи. Например, в Татарбунарской волости и в селе Ханкишла крестьяне разводили капусту в таком количестве, что полностью снабжали окрестные села, а большую часть отвозили для продажи в Аккерман и даже в Одессу.

Обратимся к материалам о количестве скота у государственных крестьян Бессарабии. Из имеющихся в архиве данных видно, что количество скота в течение 10 лет (1849—1858) сокращается. Это явление находит объяснение, если учесть, что упоминающееся десятилетие охватило довоенные, военные и послевоенные годы.

¹ Ю. Янсон, Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе, СПб, 1876, стр. 243.

² Там же, стр. 225.

³ Там же.

В 1858 г. государственные крестьяне владели до 150 000 голов скота, в том числе:

лошадей	7 900
рабочих волов	18 300
рогатого гулевого скота	43 100
овец	80 000
Итого . . .	149 300

В среднем на каждый крестьянский двор выходило:

лошадей	0,72	головы
рабочих волов	1,7	"
рогатого гулевого скота .	3,7	"
овец	7,2 ¹	"

Конечно, средние цифры нас не могут удовлетворить. По ним нельзя составить полного представления об экономическом положении крестьянства. К 40—60-м гг. среди государственных крестьян, как уже указывалось, наметилось расслоение. Были крестьяне безлошадные и имевшие несколько лошадей. Для нас данные о количестве скота ценны с другой точки зрения: 1) они показывают значительный удельный вес скотоводства в общем хозяйстве, 2) при помощи этих данных можно проследить также развитие торгового скотоводства, так как вряд ли хозяйства, имевшие по 3—4 коровы (у богатых крестьян их было несомненно больше, а у беднейшей части крестьян их могло и совсем не быть), использовали продукты скотоводства только для своих собственных потребностей. Значительная часть скота шла на продажу, продавались также шерсть и кожи. Развитие маслоделия и сыроварения, рост спроса на эти продукты в Одессе, Кишиневе и других городах, — все это содействовало развитию скотоводства, продукты которого шли на рынок и на промышленную переработку.

В селениях государственных крестьян, расположенных по Днестру и Пруту, было развито садоводство и виноградарство. Во многих приднестровских селах садоводство играло большую роль в крестьянском хозяйстве. Так, у крестьян сел Копанка и Кицканы, Бендерского уезда, главным источником существования являлось садоводство².

В большей степени было развито виноделие в крестьянских селениях, расположенных вдоль Днестра. Зажиточные крестьяне Аккерманского и Бендерского уездов (главным образом колонисты) имели большое количество виноградников.

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 56, л. 66.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 681, лл. 21—22.

К концу сороковых и к началу пятидесятих годов XIX в. у помещиков, резешей, казенных крестьян в 1120 населенных пунктах насчитывалось 15 808 виноградных садов. Большая часть виноградников принадлежала помещикам. Выделявшиеся государственным крестьянами вина были невысокого качества. Ведро вина они продавали по цене от 40 до 80 коп.

В интересах дальнейшего развития виноградарства и виноделия в Бессарабии указом правительствующего сената от 20 марта 1853 г., вопреки возражениям откупщиков, была установлена свободная торговля вином в казенных селениях и в колониях Бессарабской области¹. Появление торгового виноделия в селениях государственных крестьян и колонистов усиливало развитие товарных отношений в их хозяйствах.

Хотя, как уже указывалось, реформа Киселева была проведена в целом в интересах господствующего класса, но содержащиеся в ней некоторые уступки новым веяниям открыли возможности более быстрого развития производительных сил.

Министерство государственных имуществ в интересах казны принимало некоторые меры для поднятия сельского хозяйства государственных крестьян. 21 января 1834 г. было принято постановление о поощрении крестьян за усовершенствование сельского хозяйства. Отличившиеся крестьяне награждались серебряными медалями. Естественно, что отличиться в этом отношении могли только имущие крестьяне, обладавшие достаточными средствами для повышения урожайности своих полей.

3 декабря 1841 г. был издан правительственный указ о зачислении ветеринарных врачей на службу при палатах государственных имуществ с целью борьбы с падежом скота². На обязанности этих врачей лежало обучение ветеринарному искусству крестьянских детей. Все расходы по содержанию ветеринарных врачей были отнесены за счет государственных крестьян.

5 марта 1842 г. был издан указ об открытии в Бессарабской области училища садоводства 2-го разряда³. В училище принимались только дети государственных крестьян.

9 декабря 1849 г. министерство государственных имуществ объявило о назначении поощрительных денежных премий за развитие садоводства и огородничества в таком же размере, как они были назначены за разведение картофеля, т. е. от 15 до 25 рублей⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 5221, лл. 38—40.

² ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 18, л. 28.

³ Там же, л. 32.

⁴ Там же.

Эти, как и ряд других мероприятий, проведенные министерством государственных имуществ, способствовали выделению из среды государственных крестьян зажиточной верхушки, которая и пожинала плоды киселевских реформ. Основной же части государственного крестьянства киселевская политика «опеки» ничего не принесла, так как и после реформы сохранились в полной мере тяжелая эксплуатация и податное бремя.

Экономическая программа киселевского министерства лишь ускорила развитие тех процессов в государственной деревне, которые наметились под влиянием разрушения феодально-крепостнических устоев, т. е. развитие буржуазных отношений.

Министерством государственных имуществ принимались некоторые меры для поднятия грамотности среди государственных крестьян. Учреждаются сельские школы. В 1858 г. в селениях государственных крестьян насчитывалось 12 школ, в которых обучалось 303 мальчика и 12 девочек¹.

В целях укрепления имущественного положения государственных крестьян в 50-х годах в некоторых волостных центрах были созданы так называемые вспомогательные и сберегательные кассы.

В 1858 г. в государственных селениях существовало 5 сберегательных касс с общим капиталом в 77 000 рублей².

В целях поощрения крестьян, повышавших культуру земледелия в своих хозяйствах, вводивших новые более урожайные сорта сельскохозяйственных культур, министерство устраивало сельскохозяйственные выставки, где значительное место занимали экспонаты этих хозяйств государственных крестьян.

Большой интерес, несомненно, представляет доход государственных крестьян, бюджет крестьянской семьи. По этим данным можно наиболее полно представить расслоение государственной деревни. В нашем распоряжении нет полных, исчерпывающих материалов по этому вопросу. Все же официальные источники этих лет (50-е гг. XIX в.) позволяют сделать вывод о наличии расслоения государственного крестьянства.

По просьбе Зашука (офицер генерального штаба, командированный в Бессарабию для составления статистического описания края) для сбора необходимых сведений бессарабская палата государственных имуществ обратилась в ноябре 1858 г. к окружным начальникам Хотинского, Аккерманского, Бендерского округов (по управлению государственными крестьянами) с требованием представить ей следующие данные:

1) Приблизительное исчисление потребностей и годовых расходов в семействах поселян: богатых, средних и бедных;

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 49, л. 16.

² Там же, д. 117, л. 5.

- 2) Исчисление земледельческих орудий и скота;
- 3) Экономические расчеты о земледельческом труде¹.

Сама формулировка первого пункта содержит признание, что в государственных селениях Бессарабии существовали три крестьянские группы, разные по степени обеспечения.

Материалы, представленные хотинским окружным управлением, дают много интересных и важных данных, подтверждающих положение о расслоении государственных крестьян накануне реформы. Эти данные, в частности, позволяют, исходя из годовых денежных расходов, выделить среди крестьянских дворов три группы: зажиточных крестьян, середняков и бедняков².

Размеры бюджетов по отдельным группам крестьян

№ п. п.	Назначение расходов	Размер денежных годовых расходов на одну душу населения (в рублях)		
		у зажиточных крестьян	у середняков	у бедняков
1	На уплату податей и пр. денежных сборов	15—18	10—14	5—10
2	На наем пахотной земли . .	6—10	—	—
3	На покупку травы	12	4—8	—
4	На наем рабочих	35—50	3—5	—
5	На одежду	10—15	4—6	4—6
6	На обувь	8—12	3—5	1—2
7	На покупку соли, рыбы и др.	11—21	8,5—11,5	5—7
8	На спиртные напитки	12—30	5—7	2—5
9	На приобретение хозяйственных предметов (колеса, железо и пр.).	8—10	6—9	3—5
10	На исправление религиозных обрядов	0,5—1	0,5—1	0,5—0,7
	Итого	117,5—179	44—66,5	20,5—35,7

Из таблицы видно, что бюджет зажиточного крестьянина по расходам составляет в год 117—179 рублей. Богатые крестьяне берут в аренду пахотную землю и нанимают годового

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 56, лл. 1—3.

² Таблица составлена на основании данных за 1858 г., извлеченных из архивных документов ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 56, лл. 1—5.

работника, а летом еще косарей, сапальников (прашовщиков). Таким образом, анализируя эти данные, мы убеждаемся, что имеем дело с крупными зажиточными крестьянскими хозяйствами будущих кулаков.

Средний крестьянин имеет возможность израсходовать 44—66,5 руб., а бедный — всего лишь 20,5—35,7 руб. в год.

Интересно отметить, что зажиточные крестьянские хозяйства уплачивали подати в размере 9—10% всех своих расходов, бедняцкое же хозяйство — в размере около 25—40% всех своих расходов. Зажиточные крестьяне почти половину своих доходов тратили на расширение своего хозяйства, тогда как середняки и бедняки не имели такой возможности. «Доходы» бедняков не обеспечивали им даже прожиточного минимума.

Интересные данные о развитии капиталистических отношений в бессарабской деревне, а вместе с ними и о расхождении государственного крестьянства, дают также материалы сельскохозяйственной выставки, проходившей в 1847 г. в Кишиневе.

Выставка открылась 28 сентября 1847 г. Всех участников выставки было 200, в том числе:

помещиков и чиновников	9
купцов	2
иностранцев :	2
мещан	2
государственных крестьян	185 ¹

Таким образом, большинство участников выставки принадлежало к разряду государственных крестьян Бессарабии. Это опять-таки свидетельствует о том, что из среды государственных крестьян в 40-х гг. уже выделилась группа зажиточных, имевших возможность вкладывать дополнительные средства в сельскохозяйственное производство и этим добиться более высоких показателей урожайности.

Данные выставки показывают, что первое место в бессарабском сельском хозяйстве занимает посев пшеницы и других хлебов, второе — скотоводство, третье — виноделие и, отчасти, садоводство. Из 427 экспонатов, представленных на выставке, 160 составляли образцы разных хлебных злаков.

Лучшие образцы пшеницы и конопли принадлежали государственным крестьянам. Так, казенный крестьянин Бендерского уезда (с. Троицкое) П. Булатович вывел новый сорт пшеницы — колоузз; ее цена на семена была вдвое выше, чем обыкновенной арнаутки.

Государственный крестьянин с. Гербовец, Бендерского уезда, Григорий Гону представил лучший образец конопли.

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 3182, лл. 24, 41, 42, 43.

Еще больший интерес представляют материалы о награждении в 1863 г. государственных крестьян Бессарабии, отличившихся в занятиях по сельскому хозяйству. Эти документы с новой силой подтверждают выделение среди государственных крестьян зажиточной верхушки.

Так, по данным выставки, крестьянин В. Ф. Крецул с Чобручи, Талмазской волости, Аккерманского уезда, имел фруктовый сад в размере $3\frac{3}{4}$ десятин. В саду было 300 фруктовых деревьев и 1630 виноградных кустов. Его годовой доход от продажи фруктов и вина составлял 552 руб. серебром. Такие сравнительно крупные доходы позволили ему вложить в течение ряда лет в эти отрасли хозяйства 317 руб. серебром¹. Хозяйств, примерно с таким же доходом, было награждено 10². Но среди награжденных были и настоящие сельские богачи. Так, крестьянин Роженко из с. Петропавловка, Бендерского уезда, имел 2 десятины винограда, приносявшие 4323 руб. дохода.

Он высевал в год:

а) 10	четвертей	ржи	16 дес.
б) 20	"	пшеницы	32 "
в) 18	"	яровой ржи	30 "
г) 5	"	арнаутки	8 "
д) 15	"		25 "
е) 11	"	ячменя	15 "
ж) 10	"	овса	12 "
з) 15	"	льна	40 "
и) —	} ³	кукурузы	2 "
к) —		проса	3 "

Всего . . . 183 дес.

Скота у него было:

1. быков	18	} голов, дававших годового дохода 9240 руб. сереб- ром.
2. коров	15	
3. лошадей	10	
4. не рабочих	15	

Кроме того, у него было овец тонкорунных — 250 голов, доставлявших ему доход 3375 рублей.

Собираемый хлеб он сбывал в Одессе и Аккермане, фрукты — в Волонтировке, а рогатый скот, лошадей и овец, — тоже в Волонтировке и в колонии Тарутино. Сверх надельной земли он еще арендовал большую часть земли у соседних помещиков и посессоров, платя по 3 рубля за десятину, а за

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 11045, лл. 1—9.

² Там же.

³ Отсутствующие данные не приведены в документе.

выпас крупного рогатого скота уплачивал по 50 коп. за голову и 25 коп. за овцу¹.

Таких крупных хозяйств среди государственных крестьян было, конечно, немного. Но приведенные примеры ярко показывают расслоение государственной деревни. Вполне понятно, что зажиточные крестьяне вынуждены были прибегать к найму рабочей силы, иначе говоря, они постепенно становились сельскими капиталистами, эксплуататорами бедняцкой части деревни, а также рабочих, которые приходили сюда на заработки как из северной Бессарабии, так и из внутренних губерний России.

В. И. Ленин указывал, что после реформы 1861 г. Бессарабия, как и другие южные губернии, являлась рынком прихода рабочей силы. «В Таврической губернии, — писал В. И. Ленин, — особенно выдается рабочий рынок в местечке Каховке, где прежде собиралось до 40 000 рабочих, в 90-х гг. — 20—30 тысяч, теперь, судя по некоторым данным, еще меньше. В Бессарабский губ. следует назвать город Аккерман»². Наиболее зажиточные слои государственных крестьян стали нанимать рабочих на сельскохозяйственные работы. «Мужики-хуторяне и немцы колонисты, — писал В. И. Ленин, — отбирают себе рабочих «на выбор», платят им на 15—20% дороже, но и сумма работы, которую эти хозяева «выжимают» из рабочих — выше на пятьдесят процентов»³.

Хотя эти данные относятся к пореформенному периоду, они в определенной мере отражают положение и отношения, складывавшиеся уже накануне реформы, поскольку, как уже указывалось, еще до реформы 1861 г., наряду с общей бедностью государственной деревни, в условиях господства феодально-крепостнических отношений, наметился процесс расслоения феодального крестьянства.

Приводя слова Маркса из «Капитала» о замене отработочной ренты продуктовой и о создании при этом условий для эксплуатации чужого труда, Ленин говорит: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при денежной ренте, которая является простым изменением формы натуральной ренты»⁴. Эти условия для эксплуатации чужого труда и первые признаки расслоения среди государственных крестьян возникли раньше, чем среди царан, так как государственные крестьяне находились в меньшей феодальной зависимости, чем царане.

Углублению расслоения государственных крестьян, как это

¹ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 10045, лл. 14—21.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 206.

³ Там же, стр. 207—208.

⁴ Там же, стр. 143.

явствует из вышеизложенного материала, способствовал и рост торгового земледелия.

Следовательно, накануне реформы в Бессарабии наметился процесс дифференциации среди государственных крестьян, что является одним из показателей формирования новых, капиталистических отношений в бессарабской деревне.

Ранее уже отмечался двойственный характер реформы П. Д. Киселева. Эта двойственность нашла свое отражение и в мерах налогового обложения государственных крестьян.

Как известно, до реформы Киселева в бессарабской государственной деревне действовала подушная система налогового обложения. Но эта система не обеспечивала исправного поступления налогов в государственную казну. Из года в год за государственными крестьянами накапливались все возрастающие недоимки.

П. Д. Киселев, подвергая критике фискальную сущность существовавшей податной системы, указывал: «Умножение доходов должно зависеть не от внезапного и произвольного возвышения налогов, но от средств, коими плательщики обладают»¹. Следовательно, П. Д. Киселев считал необходимым создание условий, обеспечивающих рост доходности хозяйств государственных крестьян.

Однако цель предлагавшихся им мероприятий заключалась отнюдь не в том, чтобы повысить благосостояние государственных крестьян, а в том, чтобы обеспечить исправное поступление налогов и податей в государственную казну. А этого П. Д. Киселев считал возможным достичь, как он указывает в записке Сперанскому, путем покровительства и наблюдения². Покровительство со стороны надежно устроенной администрации должно было, по его мнению, привести к ликвидации незаконных поборов, а наблюдение — к подъему хозяйства. Вся реформа 1838 г. с ее переложением подати с души на землю и промысла ставила своей целью закрепить в новой экономической обстановке основу податной политики царизма.

В Бессарабии оброчная подать с душ на землю так и не была переложена, т. е. по существу реформа Киселева не была доведена до конца. Это объясняется, во-первых, тем, что налоговая реформа требовала огромной работы по измерению земли и доходов крестьян, а в России были губернии, находившиеся в значительно более тяжелом положении, чем Бессарабия, где в первую очередь приступили к осуществлению этих мер, во-вторых, консерватизмом и косностью царской администрации, которая, несмотря на выгодность этой реформы для государственной казны, не сумела провести ее повсеместно в жизнь.

¹ Заболоцкий-Десятовский, Указ. труд, т. II, стр. 177

² Там же, стр. 18.

К 1855 г. только в 18 губерниях, занятых государственными крестьянами, была закончена работа по описи земель и установлены меры доходности этих земель, что и дало возможность переложить оброчную подать с душ на землю. Бессарабия в число этих губерний не попала.

Денежные подати и повинности, собиравшиеся с государственных крестьян Бессарабии, были многообразны и различались не только по величине, но и по назначению. В податной системе обложения государственных крестьян Бессарабии не существовало единой нормы. Подушной и оброчной податью облагалась семья, а земская повинность, общественный сбор, сбор в продовольственный капитал взимались с лиц мужского пола.

Нижеследующая таблица, составленная на основе данных палаты государственных имуществ¹, дает представление о количестве податей, которые взимались с государственных крестьян Бессарабии:

№ п. п.	Наименование групп и крестьян	П о д а т и			С б о р ы	
		подать (бир) с семейства	оброк с семейства	земская повинность с души	общественный сбор с души	продовольственный капитал с души
		в серебряных рублях и к. п. п.				
1	Однودворцы (из ма- зылов и рупташей)	2 р. 67 к.	6 р. 72 к.	84 к.	58 к.	6 к.
2	Бурлаки однودворцы	2 р. 67 к. с души	60 к. с души	84 к.	58 к.	6 к.
3	Гос. крестьяне	2 р. 86 к.	6 р. 82 к.	84 к.	58 к.	6 к.
4	Бурлаки из гос. крестьян	2 р. 86 к. с души	60 к. с души	84 к.	58 к.	6 к.

Кроме того, крестьяне платили по одной копейке с каждой десятины земли, находившейся в их пользовании. Если считать, что семья состоит из двух-трех душ мужского пола, как нами принято² (исходя из 5 душ в среднем на семейство), то общее количество податей с каждой семьи государственных крестьян составит 13—19 руб. серебром, или 6 руб. 32 коп. серебром с души мужского пола.

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 56, л. 59.

² Такой расчет нами принят из следующих соображений: по архивным данным, в 1858 г. государственных крестьян в Бессарабии насчитывалось 13 700 семейств, 32 648 душ мужского пола и 30 167 — женского пола; при делении количества мужчин на число семейств на каждое семейство выходит по 2,6 мужчины. В этом году количество душ мужского пола превышало количество душ женского пола всего на 2500 человек, а если взять все десятилетие, с 1849 по 1858, то превышение количества душ мужского пола, по сравнению с количеством душ женского пола, составляет 6000 или 7000 чел. Вот почему можно принять, что семья государственных крестьян Бессарабии в 40—50-х гг. XIX в. состояла из двух-трех душ мужского пола (Исчисления составлены на основании данных ЦГИА МССР, ф. 122, д. 56, лл. 59—65).

В 1839 г. по всей России был произведен перерасчет податей с ассигнаций на серебро: 1 рубль ассигнациями приравнялся к $28\frac{6}{10}$ коп. серебром. Таким образом, при сравнении количества податей, вносимых государственными крестьянами до 1839 г., т. е. до реформы Киселева, и после 1839 г., т. е. после реформы Киселева, мы наблюдаем значительное увеличение податного бремени. Если до 1839 г. крестьянская семья уплачивала податей на сумму 40 рублей ассигнациями, или 11—13 руб. серебром, то после 1839 г. — 13—15 руб. серебром, т. е. значительно повышенную.

Величина податей, вносимых государственными крестьянами Бессарабии, была не меньше податей, вносимых крестьянами во многих других губерниях России. Так, государственные крестьяне Московской губернии с 1840 по 1850 гг. платили подать в пределах от 5 руб. $37\frac{1}{2}$ коп. до 5 руб. $40\frac{3}{4}$ коп. с ревизской души¹. В эту сумму включен сбор на устройство трактов в размере 36—40 коп. с ревизской души. В Бессарабии дорожный сбор заменялся натуральными повинностями. При переводе на деньги эта повинность исчислялась в 30—40 коп., а в военные годы доходила до одного рубля и выше с души мужского пола, т. е. общая величина податей государственных крестьян Бессарабии составляла 5 руб. 13 коп. с души мужского пола. По указу правительства от 30 декабря 1861 г. оброчная подать для всех категорий, входивших в сословие государственных крестьян Бессарабии, устанавливалась в размере 7 руб. 50 коп. с семейства, а с бурлаков — по 63 коп. с души².

Необходимо, однако, отметить, что, хотя податное обложение государственных крестьян Бессарабии было почти одинаковым с обложением государственных крестьян внутренних губерний России, ввиду лучшей обеспеченности земель, большим количеством скота, извлечением дополнительных доходов с садов, виноградников, экономическое состояние государственных крестьян Бессарабии было лучше, чем в других губерниях.

Перейдем к натуральным повинностям.

Для государственных крестьян Бессарабии они были особенно обременительными. Крестьяне выставляли подводы, людей конных и пеших для:

- 1) перевозки разных должностных лиц по делам службы и препровождения арестованных;
- 2) устройства и исправления дорог, мостов, гатей, очистки патрульной дороги, содержания кордонов;
- 3) лесных работ в казенных лесах;
- 4) истребления волков, прочистки хлеба в запасных магазинах;

¹ Л. М. Иванов, Указ. труд, стр. 115.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 94, л. 58.

5) сопровождения почт и перевозки корреспонденции;

6) в случае войны — для разъезда военных чинов, для перевозки больных и раненых, воинских грузов, осадной артиллерии, для устройства различных укреплений, плотин, гатей, воинских дорог, для устройства конюшен, для кошения сена и т. д.

За 10 лет — с 1849 по 1858 гг. — государственные крестьяне Бессарабии выставили 410 966 подвод, 833 228 пеших людей, 12 707 конных людей, причем крестьяне исполняли повинности по несколько дней подряд¹. Общая сумма исполнения натуральных повинностей государственными крестьянами Бессарабии составляла 645 658 рублей 90 копеек².

Больше всего повинностей крестьяне несли в военные годы. За один только 1854 г. крестьяне выставили 140 308 подвод и 232 121 пеших людей. Общая сумма натуральных повинностей, исчисленная в рублях, составила за 1854 г. 176 473³. Выполнение натуральной повинности падало больше на крестьян деревень, расположенных по трактам и дорогам. Государственные же крестьяне Бессарабии были в основном расположены по дорогам к Дунаю.

Особенно тяжелой для крестьян была постоянная повинность. За 10 лет, с 1849 по 1858 гг., крестьянами была отведена для войск 3 839 461 квартира в переводе на одни сутки⁴. В одном только 1853 г. крестьяне отвели квартир на одни сутки 2 256 866⁵.

Если это количество дней разделить на число крестьянских дворов — 10 866, то выходит, что в каждом крестьянском доме военный постой продолжался в среднем 352 дня, т. е. около года.

Натуральные повинности в военные годы до того разорили государственных крестьян, что царское самодержавие вынуждено было в 1856 г. освободить их на 3 года от уплаты податей⁶.

Для взимания податей существовал налаженный аппарат государственной власти. Бессарабская палата государственных имуществ в пределах области являлась высшим органом по податному обложению государственных крестьян. Она составляла списки облагаемых, окладные листы, следила сама и через окружного начальника за раскладкой податей внутри обществ между крестьянами, наблюдала за поступлением податей, принимала меры для скорейшей ликвидации недоимок⁷,

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 56, л. 69.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ II ПСЗ, т. XXXI, № 29849.

⁷ Сборник постановлений по управлению гос. крестьянами, т. I. раздел II, статьи 282—300. Цит. по Иванову, Л. М., Указ. труд, стр. 114.

в случае необходимости применяла карательные меры, предусмотренные в наказе сельскому управлению.

«Широкими полномочиями обладал и окружной начальник; в частности, в случае образования недоимок, он имел право раскладки их на всех крестьян»¹.

Как видим, министерство государственных имуществ с полным правом можно назвать по отношению к государственным крестьянам министерством крестьянских податей.

В государственных селениях Бессарабии, как уже упоминалось, в основном существовало общинное пользование землей. Поскольку «подати считаются по окладу их лежащими не на каждом лице отдельно, но на целом обществе или селении»², то сельский сход, после получения окладного листа, в январе каждого года производил раскладку между крестьянами; если же общество состояло из нескольких селений, имевших раздельные земли, то раскладка производилась только между селениями, а дальнейшее распределение податей было делом схода домохозяев этих селений³. «Устав о податях» рекомендовал проводить раскладку податей «соответственно количеству земли, отведенной каждому семейству, и сообразно другим, принятым между крестьянами, правилам»⁴.

Однако государство не вмешивалось непосредственно в дело раскладки податей по семействам, полагая, что при существовавшей круговой поруке выгоднее это дело переложить на крестьянский сход.

Сход должен был собираться дважды, первый раз в мае, затем в январе следующего года, для принятия мер в отношении неплательщиков. Сход имел право обратить доход от принадлежавшего недоимщикам имущества на покрытие недоимок, продать их движимое имущество, заставлять их работать по найму с переводом заработка на покрытие недоимок, продать недвижимое имущество неплательщика, и, наконец, исчерпав все эти средства, разложить недоимку на всех членов общества⁵.

Вся тяжесть податного бремени ложилась на плечи основной массы крестьян, верхушка же деревни не ощущала так остро этого бремени, поскольку подать внутри общины распределялась равномерно между ее членами сообразно количеству земли. Зажиточные же крестьяне, владея значительным количеством скота, инвентаря, естественно, располагали гораздо

¹ Сборник постановлений по управлению гос. крестьянами, т. I, раздел III, статья 295—324. Цит. по Иванову Л. М., Указ. труд, стр. 114.

² Там же, т. II, раздел II, статьи 282—300. Цит. по Иванову Л. М., Указ. труд, стр. 27.

³ Там же, т. I, раздел V, стр. 97; т. II, раздел II, стр., 72. Цит. по Иванову Л. М., Указ. труд, стр. 114.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 98.

большими доходами, чем основная масса крестьян, так что подать для них была менее обременительной.

Испытывая тяжелый гнет со стороны крепостнического государства и помещиков, государственные крестьяне Бессарабии, как и России в целом, на протяжении всей первой половины XIX в., отдельно или совместно с царанами, резешами и другими категориями крестьян вели упорную борьбу против социально-экономического и политического гнета, против всей системы эксплуатации крестьян «государственным феодализмом».

* * *

Резюмируем основные положения, изложенные в настоящем разделе:

1. Государственные крестьяне Бессарабии сформировались в самостоятельный феодально-зависимый от государства разряд после присоединения Бессарабии к России в первой трети XIX в. Главными условиями образования этой категории явились: а) наличие значительной незаселенной территории, перешедшей в собственность Российского государства в результате присоединения Бессарабии к России; б) наличие на этой территории различных групп крестьянского населения.

Ввиду того, что в Бессарабии юридически крепостное право не существовало (оно распространялось только на владельцев цыган), царское правительство не решилось превратить население, оказавшееся на государственной земле, в крепостных, а поставило его в феодально-зависимое положение от государства.

Категория государственных крестьян Бессарабии сформировалась из разных групп крестьян. Основой для образования этого разряда послужили государственные крестьяне из внутренних губерний России, переселившиеся в Бессарабию. Большой процент государственных крестьян составили беглые крестьяне из России и феодально-зависимые царане из Молдавии и северных уездов Бессарабии. В количественном соотношении молдаване составляли больше половины всех государственных крестьян Бессарабии. Особенностью формирования разряда государственных крестьян Бессарабии является то, что оно проходило в обстановке разложения феодально-крепостнического строя в России и зарождения капиталистических отношений. Это наложило свой отпечаток на весь аграрный строй государственных крестьян в этой части Российской империи.

К 1861 г. государственные крестьяне Бессарабии, вместе с колонистами и новороссийскими казаками, составляли около

25% всего сельского трудового населения края и производили свыше $\frac{1}{3}$ всех сельскохозяйственных продуктов¹.

2. Формирование государственных крестьян проходило на территории крайне важной для самодержавия как в политическом, так и в стратегическом отношениях. Царское правительство рассматривало Бессарабию как плацдарм для укрепления своего влияния на Балканах. И это не могло не отразиться на внутренней политике царизма в крае, а следовательно, и на положении государственных крестьян. Именно это обстоятельство явилось одной из причин того, что государственные крестьяне Бессарабии в экономическом отношении оказались более обеспеченными, чем соответствующая категория крестьян во внутренних губерниях России.

3. Аграрный строй, формы землепользования, административное управление государственных крестьян Бессарабии приняли характер, сходный с соответствующим положением государственных крестьян тех западных губерний России, которые долгое время находились на так называемом «хозяйственном положении», и где крестьяне долгое время отбывали натуральные повинности временным арендаторам казенных имений.

4. Общественно-политическое и экономическое положение государственных крестьян Бессарабии, как и всех феодально зависимых разрядов, было тяжелым, но все же оно было лучше по сравнению с положением частновладельческих крестьян. Факт существования института государственных поселян способствовал обострению классовой борьбы в дореформенной бессарабской деревне, так как частновладельческие крестьяне-царане, находившиеся в худших условиях, энергично добивались причисления их к казенному ведомству и поселения на государственных землях.

5. Государственные поселяне, в основе зависимости которых от казны лежала феодальная собственность государства на землю, подвергались эксплуатации, но не такой жестокой, как другие разряды крестьян. Находясь в несколько лучшем материальном и правовом положении, они скорее и легче вовлекались в торгово-промышленную деятельность, что способствовало процессу разложения натурального хозяйства и развитию капиталистических отношений. В 40—50-х гг. XIX в. в бессарабской государственной деревне уже начался процесс расслоения крестьянства, что явилось одним из проявлений развития капиталистических отношений в деревне.

6. Ухудшение положения государственных крестьян в 30-х гг. XIX в., обострение в связи с этим классовой борьбы в государственной деревне, рост недоимок, а также необходимость пойти на некоторые уступки новым веяниям в экономической

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 38, лл. 96—97.

жизни казенной деревни — все это заставило царское правительство провести в 1838 г. реформу государственной деревни.

Одним из следствий этой реформы явилось переселение части государственных крестьян из центральной России на окраины, в том числе и в Бессарабию. Это было одной из причин появления малоземелья и в бессарабской государственной деревне, что начинает уже остро ощущаться в середине века.

В. И. Ленин, характеризуя государственных крестьян, как «многоземельных», берет это слово в кавычки потому, что ««многоземельными» наши бывшие государственные крестьяне являются, разумеется, — писал он, — лишь по сравнению с бывшими помещичьими»¹.

Эта ленинская характеристика в полной мере относится и к бессарабской деревне. Государственные крестьяне Бессарабии были материально более обеспеченными и экономически менее зависимыми, чем царане. Но ни в коем случае нельзя упускать из вида, что государственные крестьяне были податным разрядом и испытывали тяжелый гнет со стороны самодержавного государства и его чиновников.

Краткие выводы

Из изложенного в настоящей главе материала можно сделать следующие основные краткие выводы:

1. Помещичье землевладение было основой феодальной эксплуатации крестьян. Накануне крестьянской реформы 1861 г. в Бессарабии во владении помещиков и монастырей было сосредоточено до 72% всей земли области и более 60% крестьян. Это значительно выше соответствующего процента помещичьих земель и крепостных крестьян в целом по Европейской части России и также несколько выше соответствующего процента принадлежавших помещикам земель и крестьян на Украине, где в их руках было сосредоточено 70% всей земли и 60% общего количества крестьян.

2. Приспособление помещичьего хозяйства к условиям товарного производства сопровождалось уменьшением крестьянских наделов и массовым обезземеливанием крестьян-резешей. Обезземеливание крестьян значительно усилилось накануне крестьянской реформы 1861 г., когда помещики, стремясь сохранить в своем владении как можно больше земли после реформы, старались заранее согнать царан со своих земель. В начале XIX в. в пользовании царан было около 80% всей помещичьей земли, а в 1861 г. — не более 65%. В некоторых уездах Бессарабии царанокая запашка была значительно меньшей,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 302

например в Хотинском уезде — не больше 42%. В наиболее густо заселенных северных уездах Бессарабии царанский надел сократился почти наполовину, феодальные же повинности на десятину наделной земли увеличились более чем на $\frac{1}{3}$.

3. Основная масса крестьян — царане, юридически считавшиеся лично свободными и имевшие право перехода, фактически были феодально-зависимой от помещиков категорией. Они, как и крепостные, не имели собственной земли и наделались в пользование помещичьей землей. Но земельный надел был условием обеспечения помещика рабочей силой. За пользование наделом царане обязаны были отрабатывать барщину, нести оброк и многочисленные другие повинности. Наиболее тягостной из всех повинностей была барщина — обработка урочных дней. Наличие феодальной собственности на землю и здесь определяло собой все формы феодально-крепостнической эксплуатации крестьян. Однако норма ренты, выплачивавшейся царанами помещикам, была все же ниже, чем норма ренты крепостных крестьян других губерний России.

4. Основной формой феодальной эксплуатации резешских крестьян, поселенных на собственных землях, было взыскание с них государством крепостников податей и повинностей. Резеши-царане, и в значительной массе резеши-пармаки, пользовались, так же как и царане, помещичьей землей и отбывали за нее феодальные повинности помещикам. С развитием товарного производства и усилением наступления помещиков и монастырей на резешское землевладение значительная часть резешей лишается собственной земли, их хозяйства разоряются и они переходят на положение царан. К 1861 г. перешло на положение царан 34,3% общего количества резешей. Наряду с этим, особенно накануне крестьянской реформы, усиливался внутренний процесс распада резешской общины и расслоения резешей.

5. Общественно-политическое и экономическое положение государственных крестьян Бессарабии, как и всех феодально-зависимых сословий, было тяжелым. Но все же, по сравнению с положением частновладельческих крестьян-царан, оно было лучше. Факт существования института государственных поселян способствовал обострению классовой борьбы в дореформенной бессарабской деревне, так как частновладельческие крестьяне-царане, находившиеся в худших условиях, энергично добивались причисления их к казенному ведомству и поселения на государственных землях. Находясь в несколько лучшем материальном и правовом положении чем царане, государственные крестьяне скорее и легче вовлекались в товарно-промышленную деятельность, способствуя тем самым процессу разложения натурального хозяйства и развитию капиталистических отношений. В 40—50-х гг. XIX в. в бессарабской государственной деревне уже наметился процесс расслоения кре-

стьянства, что явилось результатом постепенного развития капиталистических отношений.

Таким образом, накануне реформы в жизни всех категорий крестьян Бессарабии, как и России в целом, произошли глубокие социально-экономические изменения, явившиеся результатом разложения феодально-крепостнической системы и развития в ее недрах новых, капиталистических отношений.

ГЛАВА III

БОРЬБА КРЕСТЬЯН БЕССАРАБИИ ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА в 1812—1861 гг.

§ 1. Антикрепостническая борьба крестьян в первой трети XIX в.

На протяжении первой половины XIX в. крестьяне Бессарабии, как и России в целом, вели непрерывную и упорную борьбу против феодально-крепостнического гнета, добиваясь свободы и земли. «Вся эпоха крепостного права, — пишет В. И. Ленин, — равным образом полна постоянных восстаний крестьян»¹. Несмотря на жестокие репрессии, применявшиеся царскими властями, борьба крестьянских масс приобретает все большие размеры.

Постоянно усиливавшийся феодально-крепостнический гнет в той или иной мере испытывали на себе все категории крестьян дореформенной Бессарабии. Поэтому в борьбе против общих врагов — помещиков и стоявших на страже их интересов местных царских властей совместно или отдельно выступали как крепостные и царане, так и резеши и государственные крестьяне Бессарабии. «Когда было крепостное право, — пишет В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»².

Борьба крестьян Бессарабии в первой половине XIX в. была составной частью общерусской крестьянской борьбы. В основном она выражалась в тех же формах, что и в Новороссии и других губерниях России. Вместе с тем следует подчеркнуть, что для крестьянского движения в Бессарабии характерны и некоторые специфические формы борьбы — массовое переселение на казенные земли и гайдучество.

Крестьянское движение в России и на Украине, особенно в Подольской и Херсонской губерниях, непосредственно при-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 4, стр. 444.

² В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384.

лежавших к границам Бессарабии, оказывало большое влияние на крестьян Бессарабии, активизировало их борьбу против помещичьего и царского гнета.

Чтобы правильно оценить борьбу крестьян Бессарабии против феодального гнета в первой половине XIX в., необходимо, прежде всего, учесть исторически сложившиеся в этом крае социально-экономические условия и политическую обстановку, которые обуславливали формы, масштабы и остроту крестьянской борьбы.

В Бессарабии, как и в некоторых новороссийских губерниях, в силу особенностей развития края, о которых уже шла речь в предыдущих главах, феодальный гнет не принял столь развитой формы, как в центральных областях России. При этом следует отметить, что положение крестьянства в северных и центральных районах Бессарабии, где больше проявлялись крепостнические стремления местных помещиков, сильно отличалось от положения его на юге.

Наличие свободных земель на юге Бессарабии, относительно меньший удельный вес помещичьего землевладения, предоставление царским правительством некоторых льгот новым поселенцам привлекали сюда, на протяжении всей первой половины XIX в., беглых крепостных, государственных крестьян из Украины, а также из южных и центральных губерний самой России. Кроме того, сюда переселялись и колонисты из-за границы. Приток населения из центральных губерний России и Украины на юг — в Бессарабскую и Новороссийскую губернии — продолжался и в пореформенный период. В. И. Ленин в своем выдающемся труде «Развитие капитализма в России» объясняет причины передвижения наемных рабочих с севера на юг (в Бессарабию и Новороссию) наличием здесь свободных земель, относительно слабым развитием крепостного права¹. Следует отметить, что значительная часть наемных рабочих оседала на этих местах.

Таким образом, совокупность всех указанных благоприятных обстоятельств обусловила более быстрое развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве юга Бессарабии еще до реформы.

Говоря о борьбе крестьян против феодального гнета, нельзя не учесть этих особенностей исторической жизни южной Бессарабии, ибо они наложили свой отпечаток на социально-экономическую жизнь края, предопределив характер крестьянской борьбы.

Рассматривая вопрос об особых условиях развития крестьянского движения в Бессарабии, необходимо учесть еще одно обстоятельство, которое имеет большое значение для молдавского народа в целом, в том числе и для крестьян

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 201.

Бессарабии. Движение крестьянства в Бессарабии не приняло антирусской националистической окраски, так как здесь, особенно в первое время после присоединения к России, было мало русских помещиков, и крестьянство, в массе своей, испытывало угнетение прежде всего со стороны местных, бессарабских землевладельцев.

Более того, молдавский народ, как и народы Балкан, на протяжении трехсот лет находившиеся под жестоким турецким игом, рассматривали Россию как свою освободительницу. После присоединения Бессарабии к России, несмотря на то, что режим царской колониальной политики лег тяжелым бременем на плечи трудящихся, вызывая протесты и сопротивление, все же народ в целом попрежнему видел в России свою освободительницу от турецкого гнета. В такой обстановке, в первые 10—15 лет после присоединения Бессарабии к России, здесь не могла еще развернуться массовая борьба крестьянства против порядков русского царизма, тем более, что феодальный гнет во времена турецкого владычества был несравненно более тяжелым.

Исторически сложившиеся социально-экономические и политические условия на территории Бессарабии в первой трети XIX в.: меньшая крепостническая зависимость основной массы крестьян (царан) от помещиков; некоторое облегчение положения крестьян после избавления от турецкого гнета; наличие значительного количества свободных земель на юге Бессарабии, на которых поселялась и часть царан из северных и центральных уездов Бессарабии; лояльное отношение молдавского населения к России, как к своей освободительнице (социальная борьба здесь не усиливалась национальным движением, что имело место на других окраинах России), — все это определило тот факт, что крестьянское движение в этот период носило здесь менее острый характер, массовые крестьянские волнения были еще редким явлением.

Но уже в 30-х годах борьба крестьян Бессарабии против феодально-крепостнического гнета усиливается, принимает почти столь же острый характер, как и на других окраинах России.

Главной и основной причиной обострения борьбы были те тяжелые, разорительные для крестьян социально-экономические условия, которые складывались в бессарабской деревне вследствие усиления процесса разложения феодально-крепостнической системы и формирования в ее недрах новых, капиталистических отношений.

В 30-х гг., в связи с развитием товарного производства и товарного обмена, с ростом спроса на хлеб на внешнем и внутреннем рынках (особенно в Одесском порту), помещики Бессарабии стремились значительно увеличить производство хлеба на продажу. Приспосабливая свои хозяйства к усло-

виям товарного производства, стремясь освоить плодороднейшие бессарабские черноземы, помещики Бессарабии столкнулись прежде всего с проблемой рабочей силы. Они стремились решить эту проблему, главным образом, путем усиления феодальной эксплуатации крестьян. Отсюда рост барщины и оброка, сокращение крестьянского надела, постепенное обезземеливание значительной группы крестьян. «Положение о царанах 1834 г.» и «Нормальный контракт 1846 г.» явились актами наступления помещиков на царан. Изданием этих законов царское правительство пыталось законодательным путем обеспечить все возраставшие стремления бессарабских помещиков увеличить производство хлеба на продажу при помощи дарового труда царан.

С развитием товарно-денежных отношений разрушаются патриархальные устои деревни; большая часть крестьян экспроприируется и разоряется. С другой стороны, в бессарабской деревне выделялись зажиточные семьи (особенно среди резешей и колонистов), которые эксплуатировали своих односельчан. Крестьян опутывали кабалой, обманывали и разоряли ростовщики и спекулянты.

С интенсификацией процесса разложения феодально-крепостнических и формирования капиталистических отношений усиливалась эксплуатация крестьян, а в связи с этим обострялась и классовая борьба в деревне, принимая даже форму массовых волнений. Этому способствовал также и ряд других второстепенных, преходящих причин: частые периодические неурожаи, порождавшие массовые голодовки, распространение эпидемических заболеваний; разорение крестьян (особенно юга Бессарабии) в результате русско-турецких войн; произвол и насилия отдельных помещиков, применявших особо жестокие, дикие формы эксплуатации крестьян. Несомненно, определенное влияние на борьбу бессарабских крестьян оказали крестьянские волнения на Украине и в Новороссии, распространение всевозможных слухов о «воле» и др.

* * *

В своей борьбе против феодально-крепостнического гнета крестьяне Бессарабии, как и России в целом, выступали, прежде всего против ненавистных им барщины и оброка, против введения дополнительных повинностей и сокращения крестьянского надела, против произвола и жестоких издевательств со стороны помещиков и царских властей. Крестьяне добивались подлинной свободы и собственной земли.

Протесты и борьба крестьян проявлялись в различных формах. Начальным этапом в большинстве случаев была подача прошений и жалоб (на имя уездной, областной администрации, генерал-губернатору и даже царю). Не получив удов-

летворительного ответа на них, крестьяне отказывались отбывать повинности и пытались «самовольно» переселяться на казенные земли. На репрессивные меры помещиков и властей они отвечали поджогами помещичьих имений и убийствами помещиков, массовыми стихийными волнениями и активными вооруженными выступлениями, какими были в Бессарабии выступления гайдуков.

В первой трети XIX в. наиболее распространенной формой протеста, пассивной борьбы крестьян против помещичьего гнета во всей России, в том числе и в Бессарабии, была подача жалоб и прошений в различные правительственные инстанции. Царское правительство под угрозой суровой кары запрещало крепостным крестьянам России подавать жалобы на своих помещиков; несмотря на это, крестьяне все чаще и чаще обращались к царским органам власти с просьбой оградить их от помещичьего произвола и насилий. Однако эти запреты не могли не сказаться на масштабах подачи жалоб и прошений со стороны крепостных крестьян, особенно центральных губерний России. Что касается царан Бессарабии, то они, считаясь юридически свободными, находились в несколько ином положении и могли использовать более широко эту форму выражения протеста против все усиливавшегося феодального гнета помещиков и царизма. Они обращались с многочисленными жалобами в различные инстанции: в уездные, губернские и центральные органы власти, к бессарабскому губернатору, к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору и самому царю. Учесть все эти жалобы, являющиеся важнейшим источником для изучения положения крестьян, не представляется возможным. По не претендующему на точность подсчету, произведенному на основании документов, выявленных в ЦГИА МССР, за десятилетие, 1825—1835 гг., было подано только на имя бессарабского губернатора 267 жалоб и прошений¹. Но эта цифра, повидимому, далеко не полностью отражает действительное количество поданных жалоб. Их, безусловно, было подано значительно больше.

Очень редко жалобы подавали отдельные крестьяне. Чаще всего жалобы или прошения подписывались целыми группами крестьян или всем селением, что свидетельствует о массовом характере этой формы протеста.

Крестьяне Бессарабии десятилетиями пытались отстаивать свои права в уездных управах, областной канцелярии и других более высоких инстанциях, тщетно ища там защиты от притеснений помещиков, от несправедливости царских чиновников. Не добившись желаемых результатов в одном учреждении, крестьяне обращались в более высокие инстанции, надеясь

¹ ЦГИА МССР, фф. 2, 3, 5, 6, 9, 12, 17, 24, 38, 40, 41, 43, 45, 88, 122, 134 и др.

найти там справедливое решение их просьбы. Как правило, высшие органы власти даже не рассматривали жалоб крестьян, а направляли их для разбора местным властям. Разбор дел тянулся годами и даже десятилетиями и разрешался обычно не в пользу крестьян.

Характерным примером бесконечной волокиты, практиковавшейся в тогдашних судебных учреждениях, и несправедливого решения дел может послужить разбор жалобы о захвате резешской земли помещиком Паун, поданной крестьянами-резешами селения Кожушна, Кишиневского уезда. На протяжении 35 лет, с 1807 по 1842 гг.¹, крестьяне тщетно искали правды во всех судебных инстанциях, вплоть до правительствующего сената. И всюду дело выигрывал помещик. Да иначе и не могло быть, ибо закон стоял на страже интересов господствовавшего класса. В результате длительного и тяжелого судебного процесса крестьяне окончательно разорились. Вот что писали они в одном из своих последних прошений на имя царя: «Решение сената довершило уже всю меру наших страданий. Все наши родовые и тяжким трудом благоприобретенные земли в продолжении нескольких веков отобраны от всех резешей и отданы во владение Пауна и Бузиковой без платежа денег и без всякого законного права, по одним фальшивым и ничтожным сделкам... Таким образом, несколько сот семейств, составляющих более трех тысяч душ, сделались жертвами обмана и злоупотребления, они лишены не только прав располагать своей собственностью, но даже и личной свободы, которая зависит уже теперь от Пауна, как полного и непосредственного владельца их...»². Примеры подобного произвола и насилий помещиков над крестьянами Бессарабии и несправедливого решения жалоб крестьян органами власти были не единичным, а массовым явлением.

Зачастую местные власти, стоявшие всецело на страже интересов землевладельцев, не только не удовлетворяли жалоб крестьян, но прибегали к репрессиям против «инициаторов» подачи таковых.

Так, например, 10 марта 1827 г. жители сс. Александрены и Куболты, Ясского уезда, подали прошение губернатору с просьбой оградить их от притеснений барона Диторана. В своей жалобе царю указывали, что вместо 12 барон заставляет их отрабатывать в его имениях 40 и более дней, самоуправно забирает их скот, используя его для выполнения различных работ по своему хозяйству, отбирает у них лучшие земли, которыми они издавна пользовались, и дает им другие, непригодные для пашни. В своей жалобе царю указывали также, что барон и его управитель избивают их³. Губернатор

¹ ЦГИАЛ, ф. 1330, оп. 6, д. 560, лл. 2—24 об.

² Там же, л. 19 об. 20.

³ ЦГИА МССР, ф. 45, оп. 1, д. 48, лл. 204—207.

направил эту жалобу для расследования на месте, в уезде. Комиссар Ясского уезда Поршницкий «расследовал» ее и нашел, что жалоба жителей сс. Александрены и Куболты «неосновательна и оскорбительна для владельца». Поэтому он решил наказать составителей жалобы и «подстрекателей». Три человека были арестованы, подвергнуты допросу «с соответствующим внушением»¹ (т. е. избиты полицейскими). Подобные случаи расправы были весьма частыми. Таков был «порядок» рассмотрения крестьянских жалоб. Но крестьяне не сдавались. Они продолжали наводнять многочисленные правительственные инстанции жалобами и протестами. И, в конце концов, видя, что и репрессивные меры против жалобщиков не помогают, 25 июня 1858 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор специальным распоряжением запретил царянам жаловаться на своих помещиков².

В большинстве жалоб и прошений крестьян выражается протест против произвольного увеличения помещиками урочной барщины и других феодальных повинностей, против захвата резешских земель и сокращения царанского надела, против жестоких издевательств землевладельцев.

Так, в 1818 г. крестьяне селений Манта и Ваду-луй-Исак жаловались начальнику Бессарабской области на помещика и арендатора, которые угрозами и побоями заставляют их нести гораздо большие повинности, чем предусмотрено в договоре с крестьянами³. В 1820 г. жители с. Рошканы, Кишиневского уезда, жаловались гражданскому губернатору, что помещик и полицейские власти «наносят им нестерпимые обиды и истязания» и «под разными угнетающими человечество видами обируют жителей»⁴.

Эти жалобы крестьян остались без ответа.

Особый интерес представляет жалоба, поданная на имя губернатора 7 июня 1824 г. царанами села Болдурешты, Оргеевского уезда⁵. В ней раскрывается нестерпимый гнет и жестокая эксплуатация, которой подвергались царане со стороны землевладельцев и посессоров. В указанном прошении царане жалуются на помещика и посессора Д. Колмацкого за «немилосердное обременение паншинными днями» и за другие притеснения и жестокое обращение. В своей жалобе царане указывают, что так как нет никаких правил, где было бы указано, сколько дней в году они обязаны работать на помещичьей земле, посессор самовольно увеличивает объем кре-

¹ ЦГИА МССР, ф. 45, оп. 1, д. 48, лл. 197—198.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 6696, лл. 63—66.

³ Там же, ф. 38, оп. 1, д. 19, л. 12.

⁴ Там же, д. 33, л. 3.

⁵ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 307, лл. 1—5.

стьянских повинностей, эксплуатируя их как своих крепостных, хотя они издревле считаются свободными.

Крестьяне указывают, какую работу они должны выполнять посессору, чтобы отработать установленные 12 урочных дней:

1. В период осенней или весенней пахоты помещик выгоняет всех крестьян с плугами в поле и, пока не закончат пахоту на земле посессора, не разрешает пахать крестьянскую землю.

2. Во время жатвы в лучшую погоду заставляет убирать хлеб на земле посессора, а свой убирают в непогоду и он гниет в поле. Нормой жатвы взрослым мужчинам устанавливается одна фалча на два дня. А эту работу с трудом могут выполнить шесть царан с женами и детьми за два дня.

3. За прополку одной фалчи кукурузы засчитывается один день, хотя эту работу выполняют 4 человека в течение 2 дней.

4. Норма для косыбы сена установлена для каждого хозяина в размере одной фалчи в день, а работа эта может быть выполнена едва в 6 дней.

5. Посессор не разрешает царанам свозить свой хлеб с поля, пока не соберет десятину.

6. На возке дров и другого топлива, а также сена, заставляет работать 20 дней в году.

7. Не разрешает царанам употреблять собственное вино, а заставляет приобретать вино в его корчме.

За малейшие провинности посессор подвергал крестьян побоям. Крестьяне просят губернатора оградить их от притеснения помещика и посессора и дать указание не обременять их барщинными работами «сверх обычного», ибо это довело их до полного разорения¹.

Бессарабский губернатор направил жалобу царан областному правительству, последнее направило её оргеевскому земскому исправничеству, чтобы расследовать дело на месте, и, если жалоба окажется правильной, оказать просителям защиту, но «вместе с тем взыскать с просителей за употребленную по сему делу вместо гербовой простую бумагу — четыре рубля штрафа»². Оргеевское исправничество при проверке на месте «установило», что жалоба крестьян «не обоснована», ибо посессор «по обычаю» требует с них 12 урочных, а не простых дней³. Вот яркий пример «правосудия» местных царских властей!

29 апреля 1825 г. царане с. Шишканы, Оргеевского уезда, жаловались областному прокурору на притеснение их посессором, который взыскивает с крестьян непомерные поборы и подвергает жестоким побоям.

¹ ЦГИА МССР, ф. 5, оп. 1, д. 307, л. 4.

² Там же.

³ Там же, л. 5.

Они жаловались также на местные власти, которые годами не обращают внимания на их жалобы, не ограждают их от незаконных претензий посессора, охраняя все время только его интересы¹. По распоряжению областного прокурора оргеевский земский суд занялся «расследованием» жалобы жителей с. Шишканы и при этом установил, что последние «проявили самоуправство и оскорбили помещика и посессора», за что приговорил 5 крестьян указанного села к телесному наказанию — каждому по 20 ударов розгами².

С таким же результатом закончилось расследование жалобы царан с. Малешты, того же уезда, поданной 3 мая 1830 г. на имя бессарабского губернатора. Царане жаловались, что помещица Гомонова безжалостно притесняет их: отбирает лучшие земли и предлагает худшие, произвольно и незаконно задерживает их скот, заставляет работать сверх обычного; «она и ее слуги наносят царанам нестерпимые побои». Оргеевский земский начальник при проверке жалобы «установил ее необоснованность» и сделал внушение царанам³.

Три жалобы в течение одного года (2 мая, 24 августа и 6 декабря 1832 г.) направили жители с. Копачаны, Ясского уезда, только одному бессарабскому губернатору (не считая их жалоб в уездный суд) на посессора Давидовича за притеснения и жестокие избиения. В своих жалобах крестьяне указывали, что посессор незаконно требует с них барщинной работы во много раз больше, чем они выполняли раньше «по обычаю». Взамен предоставления одной подводы в день на возку дров или хлеба посессор требовал с них три дня работы. Когда крестьяне заявили, что они работают за урочные дни, а не за подводы, посессор приказал связать и избить ходатаев-царан⁴. При «расследовании», по распоряжению губернатора, этих жалоб царан на месте ясский земский суд установил их «необоснованность», а поступки посессора законными, ибо он требовал от «упорствующих царан отбывать следуемые ему по договору с помещиком урочные дни»⁵.

Будучи не в состоянии переносить помещичий гнет, царане ищут выход в переселении на казенные земли. Массовое движение за переселение на казенные земли, как форма протеста и борьбы против все усиливавшегося феодального гнета, является характерным именно для бессарабских царан.

Это массовое движение могло зародиться среди царан Бессарабии в силу ряда условий. В отличие от крепостных крестьян царане считались юридически свободными. Если пер-

¹ ЦГИА МССР, ф. 918, оп. 1, д. 11, л. 153.

² Там же, ф. 38, оп. 1, д. 109, лл. 54—60.

³ Там же, ф. 40, оп. 1, д. 513, лл. 7—8.

⁴ Там же, ф. 14, д. 205, лл. 11—12.

⁵ Там же.

вые в силу крепостного права не могли и помышлять о переходе на другие земли, то царане, имевшие по закону право перехода на другие земли (правда, как уже указывалось, ограниченное), стремились осуществить его на практике. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что на юге Бессарабии имелись свободные казенные земли, которые в первой половине XIX в. заселялись переселенцами из внутренних губерний России,¹ а также из-за границы.

О широком размахе движения царан за переселение на казенные земли говорят многочисленные факты. Так, царане селения Сынжера, Оргеевского уезда, Иван Чебану, Андрей Мустяца и Андрей Диордица от имени всего общества подали министру финансов прошение с просьбой перевести их в ряд государственных крестьян и разрешить им переселиться на казенные земли¹. Мотивируя свое стремление к переселению, царане в своем прошении указывают, что владельцы имения все время увеличивают барщину и другие повинности, вместе с тем не дают им достаточного количества земли в надел для прокормления своих семейств, в результате чего они доведены до крайнего разорения. Обращаясь к министру, царане пишут: «...мы бедные и беззащитные просители просим вас... дозволить нам переселиться... на казенную землю, ибо мы не в состоянии больше переносить притеснения владельцев...»².

В ответ на эту просьбу царан департамент государственных имуществ предписал бессарабской палате объявить жителям с. Сынжера, что на казенные земли в Бессарабии разрешено переселяться только государственным крестьянам из внутренних губерний России, а так как просители не принадлежат к числу таковых, их просьба не может быть удовлетворена.

Чтобы избавиться от тяжелого помещичьего гнета, от произвола и насилий, царане села Менжир в своем прошении от 8 марта 1814 г. также просили бессарабское областное правительство разрешить им переселиться на казенные земли³.

Движение за переселение охватило местами не только царан, но и разорившихся резешей, которые видели в этом возможность улучшить свое положение. В своем прошении на имя гражданского начальника Бессарабской области от 20 мая 1816 г. крестьяне-резеши селения Перены, Оргеевского уезда, жалуются на невыносимый произвол и насилия со стороны помещика Катаржи⁴. Резеши пишут, что помещик незаконно отобрал большую часть их земли, облагает их незаконными

¹ ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 8, д. 2032, лл. 1—2.

² Там же, л. 2.

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 152, лл. 7—10.

⁴ Там же, лл. 49—50.

повинностями, захватил у них 114 голов скота, подвергает жестоким побоям. В заключение резеши просят областное начальство разрешить им оставить «свои родовые земли и переселиться кто куда может, дабы избавиться от нестерпимых обид и притеснений помещика»¹.

Во избежание волнений среди резешей начальник Бессарабской области предписал оргеевскому сардарю оградить резешей от произвола помещика и расследовать дело об их избиении последним². Однако уездные власти распоряжения не выполнили, никаких мер для ограждения резешей от произвола помещика не приняли. Более того, при «расследовании» дела местные власти вынесли решение, что «виновными» являются сами резеши и в удовлетворении жалобы им отказали³.

Жалобы крестьян в более высокие инстанции обычно направлялись для рассмотрения на места, но и в тех случаях, когда они рассматривались в высших инстанциях, результаты были те же: во всех инстанциях, сверху донизу, строго охранялись интересы помещиков. Примером этого может служить рассмотрение жалобы царан с. Салкуца, Бендерского уезда, на имя новороссийского и бессарабского генерал-губернатора в августе 1833 г. Крестьяне жаловались, что помещик Топальский отобрал их огороды, запретил пользоваться прудом, камышом и валежником, отобрал у них мельницу и разрушил два дома крестьян. Кроме того, он требует двойную плату (против прежнего) за выпас скота на его землях⁴. Не будучи в состоянии переносить больше притеснения помещика, царане просили о переселении их на казенные земли. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор направил жалобу царан бессарабскому губернатору с предписанием: «Объявить жителям селения Салкуцы, что их жалоба о притеснении и просьба о переселении не заслуживает никакого внимания начальства, и внушить, чтобы они оставили в покое своего владельца помещика Топальского»⁵.

Так решалась судьба многочисленных жалоб и прошений крестьян Бессарабии, которые искали защиты от притеснений, произвола и зверской жестокости помещиков, их управителей и посессоров в различных инстанциях царских органов управления.

Особенно усилилось стремление крестьян к переселению в конце 20-х — начале 30-х годов. Это был период неурожая, массовой голодовки и сильного распространения эпидемиче-

1 ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 152, лл. 49—50.

2 Там же, л. 60.

3 Там же, л. 64.

4 Там же, ф. 302, оп. 1, д. 112, л. 34.

5 Там же.

ских заболеваний¹, еще более усугублявших тяжелое положение крестьян, задавленных непосильным феодальным гнетом. Царане проявили в эти годы такое упорство в своих требованиях перед местной администрацией и в более высоких инстанциях, что царским властям зачастую приходилось прибегать к помощи военно-полицейских сил для их «успокоения».

Необходимо, вместе с тем, указать, что наличие мощного движения царан за переселение с помещичьей земли на государственную (что с большим трудом им иногда все же удавалось осуществить), является одним из доказательств того, что, несмотря на крепостническую сущность законодательства, в первой половине XIX в. в Бессарабии помещикам не удалось закрепить бессарабских царан.

О широком размахе борьбы крестьян за переселение на казенные земли в 30-х годах XIX в. говорят многочисленные документы. Приведем некоторые из них.

Царане селения Ларга, Леовского уезда, разорившись вследствие непомерного роста помещичьих повинностей, просили в 1832 г. казенную палату, а затем и бессарабского гражданского губернатора об их переселении на казенную землю в Аккерманский уезд².

Царане селения Бахмут, Ясского уезда, в 1832 г. жаловались губернатору на притеснения со стороны помещика, на недостаток земли и также просили о переселении их на казенную землю³. В дальнейшем крестьяне селения Бахмут в течение трех лет еще пять раз обращались с прошениями по этому же вопросу к бессарабскому гражданскому губернатору и к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору. В своих прошениях они писали, что «вследствие непомерного угнетения со стороны помещика, посессора и околаша»⁴, их нужда все увеличивается. Помещики и посессоры неоднократно «позволяют себе запира́ть крестьян в холодные погреба и применять к ним телесные истязания»⁵.

Вследствие роста многочисленных феодальных и государственных повинностей хозяйства крестьян пришли в полное разорение. Как вынужден был признать ясский земский начальник, бахмутские крестьяне не обеспечены землей. На 116 семейств было всего 417 фалч, так что в среднем приходилось менее чем по 4 фалчи на семью вместо 10 по норме⁶. За 116 семействами бахмутских крестьян числилось 2689 руб. недоимок. Ясский уездный прокурор в своем рапорте бессараб-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. V, л. 108.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2283, л. 5.

³ Там же, д. 2282, л. 4.

⁴ Околаш — волостной начальник.

⁵ ЦГИА МССР, ф. 32, оп. 1, д. 2282, л. 46.

⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 175, лл. 1, 7—8.

скому вице-губернатору не смог скрыть того факта, что «действительно они (т. е. крестьяне. — Я. Г.) состоят в невозможности уплатить всю причитающуюся с них подать, по количеству которой едва ли достаточно будет и всего наличного состояния, ежели бы принудить их к продаже оногo»¹. Желая освободиться от тяжелого феодального гнета, бахмутские крестьяне просили губернатора разрешить им переселиться на казенные земли.

В период с 1828 г. (время обсуждения положения о царанах) движение царан за переселение на казенные земли стало массовым. Оно охватило не только отдельные группы малоземельных крестьян, но целые села и даже волости. В значительной мере движением за переселение были охвачены северные уезды Бессарабии — Хотинский, Сороковский, Ясский, т. е. те уезды, где малоземелье было особенно острым и помещичий гнет наиболее тяжелым.

Волостные и уездные управы были буквально завалены прошениями царан о разрешении им переселиться на казенные земли. В очень большом количестве поступали прошения также в областное правительство, в казенную палату, бессарабскому губернатору, новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору и в более высокие инстанции.

Прошения о переселении на казенные земли подали губернатору царане сёл: Болинец, Русены, Глины, Гиждево, Бырново, Секиряны и др., Хотинского уезда²; сел Банешты, Беличаны, Ясского уезда³; Оснашены⁴, Буцены⁵ и др., Оргеевского уезда; Салкуцены, м. Ганчешты, Бендерского уезда⁶.

Движение за переселение царан с помещичьих на государственные земли приняло столь угрожающие для помещиков размеры, что последние через уездного и областного предводителей дворянства стали требовать от правительственных властей принятия строгих и срочных мер по прекращению переселения царан на казенные земли, мотивируя это тем, что они отстают без рабочей силы, их имения пустуют.

Выполняя требования бессарабского дворянства, 24 апреля 1829 г. бессарабское областное правительство направило специальный циркуляр всем полицейским исправникам и уездным земским начальникам о принятии срочных мер по прекращению переселения царан на казенные земли⁷. Областное правительство распорядилось объявить всем лицам, проживавшим во владельческих имениях, что поселение на казенные

1 ЦГИА МССР, ф. 32, оп. 1, д. 2282, л. 64.

2 Там же, ф. 38, оп. 1, д. 519, лл. 16—17.

3 Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1865, лл. 10—11.

4 Там же, ф. 45, оп. 1, д. 144, лл. 35—36.

5 Там же, ф. 38, оп. 1, д. 178, лл. 49—51.

6 Там же, ф. 302, оп. 1, д. 112, лл. 2—3.

7 Там же, ф. 6, оп. 1, д. 217, лл. 3—4.

земли и вообще переход с места на место приостановлен впредь до составления «Положения об обязанностях поселян к владельцам земли»¹.

Указания областного правительства оглашали во всех церквях, на базарах и на собраниях обществ. Однако это не могло остановить стремления царан к освобождению от помещичьего гнета путем переселения на казенные земли. Напротив, борьба разгорелась еще ярче вследствие того, что среди крестьян распространились слухи, что кто не успеет переселиться на казенные или собственнo приобретенные земли «до учинения ревизии», тот останется вечно крепостным у помещика. Эти слухи были настолько упорными и распространялись с такой быстротой по всей Бессарабии, что они буквально овладели умами крестьян.

Царские власти принимали суровые меры против «распространения ложных слухов и подстрекателей крестьян к переселению». 26 мая 1831 г. областное правительство издало специальный указ о надзоре за лицами, подстрекающими крестьян к переселению. Указ требовал от уездных прокуроров и земских начальников принятия срочных мер по отношению к «подстрекателям»².

28 мая 1831 г. в журнальном постановлении областного правительства по делу о разборе многочисленных прошений царан о предоставлении им права переселения на казенные земли сказано: «При разборе прошений царан надо строго руководствоваться рескриптом царя от 6 сентября 1826 г. и рассматривать их лишь тогда, когда эти прошения обоснованы». «Строго вникать в каждом отдельном случае, не является ли это результатом подстрекательства злонамеренных лиц... При выявлении таковых взять их под охрану. Земские начальники, виновные в бездействии, будут отрешены от занимаемой должности и отданы под суд»³.

При этом в постановлении областного правительства указано, что в Оргеевском уезде выявлены и арестованы 4 «подстрекателя», составивших прошения царанам: губернский секретарь Сандуца, губернский секретарь Салтанов, отставной подпоручик Бутурлин и 14-го класса чиновник Лавров. «Указанные лица, — говорится в постановлении областного правительства, — обвиняются в распространении ложных слухов, будто бы царане по воле государя будут подвергнуты крепостному состоянию в России существующего. Чтобы избежать этого состояния нужно спешить переселиться на казенные земли и собственнo-приобретенные»⁴.

Несмотря на жестокие меры, применявшиеся против кре-

¹ ЦГИА МССР, ф. 6, оп. 1, д. 217, л. 4.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1629, л. 144.

³ Там же, д. 1629, лл. 9—12.

⁴ Там же, л. 19.

стьян, борьба за переселение на казенные земли продолжалась.

В 1833 г. подали прошение о переселении на юг 90 семейств сел Фынтына и Пырлица, Ясского уезда¹. В 1834 г. движением за переселение на казенные земли был охвачен ряд сел Хотинского, Сорокского и Ясского уездов².

Движением за переселение на другие земли за 1812—1834 гг., по произведенным подсчетам (которые, несомненно, не отражают полной картины), в Бессарабии было охвачено 47 царанских сел из 766. Из 47 сел 26 были охвачены целиком, а остальные частично. В общей сложности за весь указанный период официально движением за переселение на казенные земли было охвачено свыше 5 тыс. семейств, или, считая в среднем по 5 душ в семье, около 25 тысяч царан³.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что движение за переселение, как форма протеста против помещичьего гнета в Бессарабии, в указанный период приняло широкие размеры.

Убедившись в том, что законным путем им не добиться разрешения переселиться на казенные земли, царане покидали насиженные места и группами, а порой даже целыми селениями, бежали на юг Бессарабии.

Бегство крестьян, одна из распространенных форм сопротивления крестьян феодально-крепостническому гнету, было прямым следствием усиления эксплуатации. Оно сыграло важную роль в общей антикрепостнической борьбе крестьян. Борьба бессарабских крестьян перекликалась и тесно переплеталась с борьбой крестьянских масс России и Украины. Это переплетение выражалось, прежде всего, в бегстве крепостных крестьян из великорусских губерний и Украины на юг — в Новороссию, в Буджакские степи и на Кавказ⁴, куда обычно стекались и беглые царане из северных и центральных уездов Бессарабии. На новом месте беглые русские, украинские и молдавские крестьяне вели совместную борьбу против гнета и эксплуатации, зачастую создавали общие отряды, которые и вели борьбу против помещиков и купцов, действуя партизанскими методами. Отряд гайдука молдаванина Урсула действовал сообща с отрядом лучшего его друга украинца Богаченко.

Во время преследования беглецов царскими властями с целью их возврата, русские, украинцы и молдаване оказывали друг другу взаимную помощь и поддержку. Примером

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5072, лл. 9—11.

² Там же, д. 7043, лл. 2, 5—6.

³ Там же, фф. 2, 3, 6, 122, 134, 69, 4, 8, 9, 38, 12, 17, 24, 39, 127, 40, 41, 43, 44, 45, 59, 61 и др.

⁴ У. Гуржій, Росклад феодально-кріпостницької системи в сільському господарстві України першої половини ХІХ ст., Київ, 1954, стор. 407.

такой взаимной помощи может служить такой факт. В 1816 г. граф Потоцкий из Киевской губернии при помощи своих агентов установил, что на юге Бессарабии в районе Измаила и Рени скопилось большое количество беглых крепостных крестьян из его имений. С разрешения правительства, для поимки и возврата беглых крестьян он направил туда 50 вооруженных слуг. Но когда последние попытались осуществить приказ графа, беглые украинцы при помощи беглых молдаван и вообще местных жителей оказали им вооруженное сопротивление. Слуги помещика были основательно избиты, а местные полицейские власти, боясь крупного бунта, не оказали им помощи. Граф Потоцкий в специальном рапорте царю¹ жаловался, что местные жители юга Бессарабии скрывают беглых крестьян, а бессарабские местные власти не оказывают ему помощи в возврате его крепостных. По указанию царского правительства, бессарабский губернатор принял соответствующие меры. Было проведено расследование, 4 жителя — Данил Мирошниченко, Ф. Данисян, Ф. Макареску и В. Рыбалченко — были арестованы и осуждены к 12 ударам розгами за участие в освобождении задержанных беглых крепостных и избивание помещичьих слуг². Даже по фамилиям наказанных видно, что среди них были украинцы и молдаване.

Чтобы избежать возврата, русские и украинские беглые крепостные зачастую нелегально приписывались к местным молдавским крестьянским обществам, преимущественно в Бендерском и Аккерманском уездах, где их охотно принимали. Всемерная поддержка и взаимопомощь между молдавскими царанами и русскими и украинскими беглыми крепостными является одним из проявлений классовой солидарности угнетенных крестьян в их совместной борьбе против общего классового врага — русских и украинских помещиков и молдавских бояр.

В архивных документах имеется много документов, свидетельствующих о систематическом бегстве крестьян в южную часть Бессарабии на казенные земли. Так, в 1812 г. 179 царанских семейств, не будучи в состоянии выполнить огромных феодальных повинностей, бежали из Хотинского уезда на юг и поселились на пустопорожних землях³. По сведениям П. Свинына, с 1813 по 1816 гг. на юг Бессарабии бежало из Хотинского уезда 3353 царанских семейства; из Хотрарничанского — 906, из Гречанского — около 1 тыс. крестьянских семейств⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1263, д. 102, лл. 382—388.

² ЦГИА МССР, ф. 38, оп. 1, д. 630, лл. 112—115.

³ Там же, ф. 1, оп. д. 740, л. 63.

⁴ П. Свинын, Описание Бессарабской области... в 1816 г., Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, Одесса, 1867, стр. 274, 316, 320.

Главными причинами бегства крестьян, как уже указывалось, являлись произвол и бесчинства бояр-помещиков, тяжелые феодальные повинности. Так, в 1813 г. царане с. Синешты, Сорокского уезда, в ответ на требования помещика—владельца данной вотчины — отбывать дополнительные повинности, оказали неповиновение владельцу и старосте. В отместку помещик распорядился вырубить фруктовые деревья на земле, принадлежавшей крестьянам. Это послужило причиной крестьянского волнения (которое было расценено местными властями как «бунт»), собравшиеся крестьяне избили управляющего, а помещик спасся бегством¹. Чтобы освободиться от невыносимого гнета и произвола тирана-помещика, крестьяне всем селением ушли на юг.

В знак протеста против грубого произвола помещика Гашка, в 1813 г. из деревни Гаснашаны, Сорокского уезда, поднялись и ушли на юг 17 семейств царан². В пути к ним присоединилось еще 16 семейств из близлежащих деревень: Радуланы, Залучаны, Изворы. Все бежавшие царане поселились в селениях Чимишлия и Салкуца, Бендерского уезда³.

В мае 1815 г. царане селения Хаджимус, Бендерского уезда, в полном составе ушли на юг для поселения на государственных землях⁴.

В июле 1825 г. совершили побег царане из имения Малешты помещика Балша. Для розыска и возвращения беглых крестьян была отправлена вооруженная команда из слуг помещика. Беглые крестьяне оказали вооруженное сопротивление, в результате чего среди крестьян были раненые⁵.

Бегство крестьян из северных и центральных уездов Бессарабии, как и из других районов России, имело место на протяжении всей первой половины XIX в. Особенно усилилось оно в 30—40-х гг., когда помещики, стремясь производить больше хлеба для продажи, еще больше усиливают угнетение крестьян, увеличивают феодальные повинности и сокращают крестьянские наделы. В этот период учащается бегство крестьян большими группами и даже целыми селами. В 1834 г. 75 семейств с. Ларга переселились самовольно — бегством — на юг Бессарабии⁶. В этом же году ушло на юг без разрешения властей 47 семейств из сел Плопъ и Цаул, Сорокского уезда⁷. В 1836 г. из села Бахмут, Ясского уезда, в с. Михайловку, Бендерского уезда, таким же образом переселилось 72 семейства⁸. В 1837 г. 90 семейств царан села

¹ ЦГИА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 2672, л. 15.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 158, л. 4.

³ Там же.

⁴ Там же, дд. 79, 67—68.

⁵ Там же, д. 308, лл. 11—17.

⁶ Там же, д. 1752, л. 48.

⁷ Там же, д. 6880, л. 24.

⁸ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1961, лл. 5—8.

Бацены, Оргеевского уезда, «по случаю недостатка земли и терпимых ими от владельца Ботезата притеснений и побоев, — как указывает в своем рапорте уездный исправник, — без дозволения начальства переселились и частью обзавелись хозяйством в казенных двух селениях Вознесенском и Веденском, Аккерманского уезда»¹. В 1838 г. из села Мендикауцы, Хотинского уезда, 39 семейств царан бежало в село Сарата, Кагульского уезда². В том же году 27 семейств царан села Казанешты, Бельцкого уезда, бежали от своего помещика и поселились в селении Каждамалия-Маре³. Доведенные до отчаяния жестокой эксплуатацией помещика, крестьяне с. Шерпены, Оргеевского уезда, в апреле 1847 г. всем обществом покинули свои дома, фруктовые сады и виноградники и вынуждены были уйти из родных мест.

Имеющиеся в нашем распоряжении неполные данные позволяют нам сделать вывод, что бегство крестьян и самовольное их переселение по годам шло неравномерно.

Более массовое бегство царан с помещичьих земель имело место в первое десятилетие после присоединения Бессарабии к России (1812—1822), до начала размежевания казенных земель на юге Бессарабии и до официального запрещения царанам переселяться на казенные земли. Это объясняется тем, что в это время переселение не было сопряжено с такими трудностями, как в последующие годы, и не встречало еще такого сопротивления со стороны местных властей. Еще одним обстоятельством, облегчавшим переход царан на казенные земли в эти годы, было то, что часть молдавских бояр в период русско-турецкой войны ушла за Прут, а царане, оставшиеся в их имениях в Бессарабии, в результате ослабления надзора получили большие возможности освободиться от боярского гнета путем перехода на казенные земли. Новое массовое бегство царан имело место, как уже указывалось, в 30—40-х гг.

Эта вторая волна связана с усилением помещичьего гнета, обусловленным расширением боярской запашки в связи с ростом товарного производства и повышением спроса на сельскохозяйственные продукты. В указанные годы царане, вопреки официальному запрещению переселения на казенные земли и несмотря на репрессивные меры, принимавшиеся помещиками и местными властями против беглых, всячески стремятся переселиться на юг, на казенные земли.

С 1812 по 1822 гг. из северных и центральных уездов Бессарабии переселилось бегством на юг свыше 1500 семейств, а

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2230, лл. 33—35.

² Там же, д. 2456, лл. 1—4.

³ Там же, лл. 32—35.

с 1823 по 1835 гг. (за 13 лет) 167 семейств. За десятилетие, с 1836 по 1845 гг., совершило бегство около 500 семейств¹.

Все эти беглые крестьяне из северных уездов Бессарабии оседали в основной своей массе на юге Бессарабии — на территории Буджака, куда стекалась и оседала также масса беглых крестьян из Украины и России.

По статистическим данным, в 40-х и 50-х гг. XIX в. в Бессарабию в среднем ежегодно прибывало из Украины и России около 20 тыс. беглых крестьян². Царские власти принимали суровые меры против беглецов. Однако, несмотря на это, большая часть беглых крестьян оседала на новом месте. За восемь лет, с 1843 по 1851 гг., было поймано на территории Бессарабии и возвращено 19 562 человека и осуждено за нарушение постановления о паспортах 699 человек³.

Тот факт, что многие беглые крестьяне оседали на новом месте и им удавалось укрыться от преследований крепостников, объясняется главным образом солидарностью между беглецами и местным населением. А. Защук отмечает, что в Бессарабии «бродяжничество... по старым преданиям, пользуется народным сочувствием. Здесь, пожалуй... никто из лиц, не облеченных полицейскою властью, не будет преследовать бродягу»⁴ (беглого крестьянина. — Я. Г.).

Бегство крестьян благоприятствовало развороту такой формы крестьянского движения в Бессарабии, как гайдуцкое. Массовое бегство крестьян на протяжении всей первой половины XIX в. является одним из важнейших показателей глубокого кризиса феодально-крепостнической системы.

Подача жалоб и прошений, движение за переселение на казенные земли, бегство крестьян с помещичьих имений — как наиболее распространенные пассивные формы борьбы крестьян против помещичьего гнета — часто сопровождалась и сочеталась с другими формами борьбы: поджогом помещичьих имений, избиением и убийством помещиков и управляющих имениями.

В дореформенной бессарабской деревне, как и в России в целом, поджоги помещичьих имений были явлением нередким. В ответ на помещичий произвол крестьяне поджигали помещичьи имения, леса, конские заводы, животноводческие фермы, хлеба и т. д.

20 марта 1820 г. крестьяне села Радулены, Ясского уезда, подожгли имение помещика Сольчана. Помещик отличался своим жестоким нравом. Как писали крестьяне, он всегда

¹ Подсчет сделан автором на основании данных, выявленных в архивных фондах ЦГИА МССР и ЦГИАЛ.

² А. Защук, Указ. труд, стр. 443.

³ Там же.

⁴ Там же.

вдвое увеличивал уроки против обычных. За невыполнение уроков и за малейшие провинности собственноручно избивал царан и на ночь запирали их в холодном погребе¹. В результате поджога в имении сгорели дом и все хозяйственные постройки.

По распоряжению областного правительства было учинено следствие. Специально посланная следственная комиссия приложила немало усилий, чтобы выявить виновников поджога, но царане никого не выдали. Тогда, по указанию помещика, было арестовано 6 человек, находившихся под подозрением. Так и не добившись признания от арестованных, следователь велел дать каждому по 25 ударов розгами «за покрывательство виновника поджога»².

27 января 1828 г. крестьяне сс. Яновец и Хиждеу, Ясского уезда, будучи доведены до крайнего разорения стяжательством помещика, разгромили его склад с зерном, зерно забрали и распределили между собой, а склад затем сожгли³. По делу о разгроме и поджоге склада было привлечено к суду 50 человек, 15 из них публично были наказаны розгами⁴.

В октябре 1830 г. крестьяне с. Секиряны, Хотинского уезда, не желая более терпеть самоуправство своего помещика Мишина, который обременял крестьян непосильной подводной повинностью, заставлял их вместо двух возов дров возить по двадцать и больше, подожгли лес помещика⁵. Сгорело 18 десятин леса. Более того, крестьяне отказались тушить пожар в лесу, надеясь с уничтожением помещичьего леса освободиться от подводной повинности. По требованию помещика земский суд арестовал и осудил 5 жителей деревни, подозревавшихся в поджоге леса⁶.

Наряду с поджогом помещичьих имений, крестьяне применяли и другие формы борьбы против помещичьего гнета: вырубали помещичий лес, вытравливали скотом его хлеб, скашивали и забирали сено. Так, в 1820 г. резеши селения Олишканы, Оргевского уезда, вырубил 8 десятин помещичьего леса, скосили сено на значительном участке его земли, захватили джмю от хлеба, учредили в селении свою питейную продажу вина, оказали сопротивление помещику и местным властям⁷.

В 1831 г. царане села Ганчешты потравили кукурузу помещика Манук-Бея, без дозволения помещика вырубил большой участок леса, избили при этом помещичьих слуг, пытавшихся помешать крестьянам увезти вырубленные дрова⁸.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 584, лл. 87—89.

² Там же, ф. 38, оп. 1, д. 2263, лл. 28—31.

³ Там же, д. 178, лл. 49—51.

⁴ Там же, ф. 38, оп. 1, д. 178, л. 51.

⁵ Там же, д. 519, лл. 16—17.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 144, лл. 205—206.

⁸ Там же, д. 7235, лл. 17—18.

Резеши селений Мындрешты и Гиришены, Оргеевского уезда, в 1833 г. вырубili более 2 тыс. деревьев в лесу, принадлежавшем помещице Стырчевой, скосили сено и потравили кукурузу¹.

Случаи порубки леса и потравы помещичьих хлебов особенно участились в Бессарабии в 30-х годах.

Местами крестьяне переходили к более активным формам борьбы. В Бессарабии, как и в других губерниях России, участились случаи избиения и убийства помещиков и управителей их имений.

Так, в 1820 г. царане села Брайкова, Сорокского уезда, избили управителя имением помещика Лакчена. Управитель этого имения отличался своим жестоким обращением с крестьянами, систематическим избиением последних, принуждением царан к выполнению дополнительных тяжелых повинностей. Поводом для крестьянского выступления послужило избиение до смерти царанина Ницу Балана².

В мае 1821 г. царане селений Балинец и Старая Татаровка, Хотинского уезда, избили помещика Ангелания и его слуг. Вступив во владение вновь приобретенным имением в с. Балинец, помещик отобрал у крестьян значительную часть лучшей земли, увеличил их повинности, а также стал чинить им различные другие притеснения. Так, по распоряжению помещика, его слуги часто задерживали скот жителей Старой Татаровки и Балинец под предлогом, что животные паслись на помещичьем пастбище. Затем они месяцами использовали крестьянский скот на различных работах, доводя его до полного истощения. Возмущенные этими притеснениями, крестьяне решили отомстить помещику. 2 мая 1826 г. крестьяне обоих сел, вооружившись палками, окружили дом помещика и избили его и его слуг до полусмерти³.

По жалобе помещика было произведено расследование, 18 человек было арестовано. Бессарабский областной уголовный суд присудил всех к наказанию розгами по 45 ударов⁴. Вместе с тем суд вынужден был раскрыть и причину покушения на помещика. Он установил, что помещик произвольным и незаконным захватом скота крестьян дал повод к этому покушению.

При малейшем подозрении в организации покушения на жизнь помещиков царские власти принимали по отношению к крестьянам самые суровые меры наказания. Так, бурлака Василия Кришу власти высекли только за то, что он пригрозил помещику Якубовичу расправиться с ним при помощи гайдука Тобултока⁵.

Важную роль в борьбе против феодально-крепостнического гнета играли женщины-крестьянки. Они зачастую участвовали

¹ ЦГИА МССР, д. 2867, лл. 7—8.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2573, л. 18.

³ Там же, ф. 38, оп. 1, д. 93, лл. 33—58.

⁴ Там же, лл. 56—58.

⁵ Там же, ф. 41, оп. 1, д. 224, л. 2.

в поджогах помещичьих имений и в покушениях на помещиков. Ярким фактом мести является убийство крепостными крестьянками помещицы Сумароковой. 24 апреля 1833 г. крепостные крестьянки сёстры Екатерина и Елена Канцу — дворовые помещицы Сумароковой, Хотинского уезда, — задушили свою мучительницу¹. Для расследования этого убийства была назначена чрезвычайная комиссия под председательством областного предводителя дворянства, в состав которой входили жандармские штаб-офицеры и другие чины².

Комиссия вынуждена была отметить в своем заключении, что причинами, побудившими «преступниц» к совершению убийства, было не только строгое обращение господ с ними, заключавшееся в брани и побоях, но и стремление их к свободе³. Крепостные крестьянки, которые справедливо отомстили за многочисленные издевательства со стороны Сумароковой, были осуждены областным судом и сосланы в Сибирь на каторжные работы⁴.

В 1839 г. царане села Русены, Сорокского уезда, убили помещика, который своими притеснениями довел их до полного разорения⁵. Следственная комиссия по делу об убийстве помещика вынуждена была отметить в следственном акте, что «помещик обременял царан дополнительными повинностями, требовал от них подвод, непредусмотренных договором, обращался с царанами, как с крепостными, наносил им частые побои»⁶. Несмотря на доказанность жестокого обращения помещика с крестьянами, три человека были сосланы в Сибирь на каторжные работы⁷.

В 1833 г. жители селения Стодольна, Оргеевского уезда, возмущенные распоряжением помещика о переселении их в другое его имение на худшие земли, напали на помещичий дом, избили помещика, его управляющего и помещичьих слуг и заставили помещика отменить свое прежнее распоряжение⁸. В своей жалобе губернатору помещик писал: «Окруженный толпою бунтовщиков, готовых посягнуть на мою жизнь, я вынужден был согласиться на все их требования, и для сохранения своей жизни переехал жить к соседнему владельцу»⁹.

В своем рапорте по этому делу оргеевский земский начальник доносил губернатору, что, как он выяснил при допросе аре-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4066, лл. 22—25.

² Там же, л. 23.

³ Там же, л. 25.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 2573, л. 17.

⁶ Там же, ф. 38, оп. 1, д. 586, лл. 5—8.

⁷ Там же, лл. 14—17.

⁸ Там же, д. 5890, лл. 10—19.

⁹ Там же, л. 19.

стованных, помещик Кристи требовал от царан отбывать ему повинности «добровольного» соглашения, а наделил их недостаточным количеством земли, к тому же бесплодной, и отнял у них огород; помимо этого он требовал платы за выпас скота и включил в урочную работу дополнительно по 10 дней на строительство всяких домов и экономии. И в этом случае, несмотря на явные притеснения помещика, местные полицейские власти сурово расправились с крестьянами: 8 человек были подвергнуты публичной экзекуции (получили по 25 розог)¹.

Испуганные участвовавшими случаями покушений на помещиков и их управителей и боясь более крупных массовых волнений, царские власти на местах, наряду с суровыми репрессиями против крестьян, вынуждены были заняться также выяснением причин, вызывавших покушения на жизнь и убийства помещиков.

Объясняя эти акты мести буйством и непокорностью крестьян, министерство внутренних дел, вместе с тем, в своем отчете от 1842 г. вынуждено было признать, что «примеры жестокого обращения помещиков с крестьянами встречаются весьма нередко»². Не могло скрыть истинных причин убийства помещиков крепостными и III отделение е. и. в. к. В его отчете за 1840 г. сказано, что «...вообще мысли о свободе укореняются более и более и бывают причиной не только беспорядков, но порождают часто и важнейшие преступления: посягательство на жизнь помещиков и их правителей имений»³.

Факты избиения и убийства помещиков, как и поджоги помещичьих имений, являлись формами проявления мести крестьян за произвол и жестокие издевательства помещиков и выражением их стремления освободиться от крепостного гнета.

Покушения и убийства помещиков, бегство крестьян с помещичьих имений в Бессарабии сочетались с партизанской вооруженной борьбой, в частности с гайдуцким движением, являвшимся одной из специфических форм борьбы крестьян Бессарабии (как и Подолии, а также некоторых стран Балканского полуострова) против социального и национального гнета.

Движение гайдуков началось в Молдавии, как и в других

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5890, лл. 1—3.

² Там же, лл. 20—21.

³ Центрархив, Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I, М., 1931, стр. 41.

странах Балканского полуострова, еще во время турецкого владычества¹.

Будучи по своей классовой сущности формой крестьянской борьбы, гайдучество вначале было направлено, с одной стороны, против турецких поработителей, с другой — против молдавских

¹ Широкий размах получило гайдучество еще в XVII в. Гайдуки действовали отрядами в несколько десятков человек. Они нападали на турецких сборщиков налогов, караваны купцов, господарскую стражу, боярские усадьбы. Гайдуки расправлялись с ненавистными народу угнетателями, а отобранные у них ценности раздавали народу.

Пользуясь широкой поддержкой народных масс, видевших в гайдуках своих защитников и мстителей, гайдуцкие отряды наводили ужас на господствующий класс страны.

В двадцатых годах XVII в. в юго-западной части Молдавии, в Путиньском цынуте, действовал гайдуцкий отряд под руководством гайдука Иоанаша Рацу.

Все попытки властей подавить гайдучество не увенчались успехом. Господарь Василий Лупу, за 20 лет своего правления казнил более 1400 гайдуков, подвергая их самым жестоким пыткам («Феодальные отношения в Молдавии», сборник статей, Кишинев, 1950, стр. 49).

Огромное количество казненных говорит о широком размахе гайдучества в XVII в. Оно неуклонно разрасталось, пополнялось все новыми и новыми силами.

Широкую известность своими смелыми операциями получил отряд, которым руководил гайдук Детинка. В 50-х годах XVII в. его отряд взял в свои руки власть в пределах Хотинского и Черновицкого уездов, беднота которых охотно шла за руководителем гайдуков, как за своим избавителем от феодального гнета («Феодальные отношения в Молдавии», сборник статей, Кишинев, 1950, стр. 49).

Огромной силы гайдуцкое движение достигло в 80-х гг. XVII в. Господарь Константин Кантемир вел против гайдуков ожесточенную борьбу. Пойманных гайдуков сжигали живьем, четвертовали, отрезали им руки и ноги, сажали на колья и т. п. Но, несмотря на эти жестокие меры, властям не удалось уничтожить гайдучество.

Жестокая эксплуатация народных масс толкала крестьян на создание новых отрядов гайдуков, которые становились на место погибших. Гайдучество расширялось, крепло, охватывая все новые и новые районы и в XVIII в. разрослось в могучую, грозную силу.

Гайдуки, отважные народные мстители, не желали подчиняться ни турецким захватчикам, ни грекам-фанариотам, ни молдавским боярам. Выходцы из крестьян, они боролись против всяких угнетателей. Они были патриотами своей страны. Во время войны России с Турцией многие из них вступали в русские войска и вместе с ними воевали против турецких угнетателей («Феодальные отношения в Молдавии», сборник статей, Кишинев, 1950, стр. 146).

В начале XVIII в. у берегов Прута действовал отряд гайдуков Велико. Во второй половине XVIII в. в этих местах выступал гайдук Лапушину.

В конце XVIII в. в Сорокском уезде выступал гайдук Бакир. В то же время в этой части Молдавии боролся против бояр, купцов, фанариотов и турок-поработителей гайдук Бужор.

Своими подвигами гайдуки заслужили славу избавителей от греков-фанариотов, турок, татар и бояр-угнетателей.

В это время, когда казалось не было никакой защиты и спасения от бед, выпавших на долю трудового народа Молдавии, гайдуки, выступая своими небольшими отрядами, нападали на ненавистных бояр, богатых купцов и откупщиков податей, отбирали у них отнятое ими у народа добро и раздавали его бедноте.

бояр и феодально-крепостнического гнета. Гайдуки, выходцы, из народа, из массы крестьянства, были овеяны легендарной славой, как защитники прав народа, выразители его надежд и чаяний.

После присоединения Бессарабии к России славные традиции гайдучества продолжали жить в Бессарабии, поскольку там сохранился помещичий и колониальный гнет. Но в первой половине XIX в. острое гайдуцкого движения было направлено, главным образом, против феодального гнета бессарабских помещиков.

Гайдучеству, как форме борьбы крестьянства, присущи все слабые стороны крестьянского движения. Как правило, гайдуцкое движение ограничивалось местными рамками, к тому же гайдуцкие отряды действовали разрозненно. Стихийность и разобщенность гайдуцкого движения приводили к тому, что, несмотря на многочисленность гайдуцких отрядов, их борьба не могла привести к победе, к освобождению народа от помещичьего гнета.

В рассматриваемый нами период — первая половина XIX в. — гайдуцкое движение в Бессарабии продолжало развиваться. После присоединения Бессарабии к России крестьяне, страдавшие от жестокой эксплуатации, от издевательств со стороны местных бояр и царских чиновников, создавали гайдуцкие отряды, нападавшие на помещичьи имения. В гайдуцкие отряды уходили беглые крестьяне, испытывавшие на себе помещичий произвол и жестокие насилия, люди, которые не могли мириться с тяжелым феодально-крепостническим гнетом. Они шли в горы и леса, неся в груди пламя священной мести за неисчислимые страдания народных масс. Следовательно, гайдучество непосредственно связано с бегством крестьян, как формой антикрепостнической борьбы.

На различные «уставы», «положения» и «контракты» первой половины XIX в., имевшие целью «законными» мерами принудить крестьян отбывать повышенные повинности, последние отвечали усилением гайдуцкого движения, образованием новых отрядов гайдуков для активной борьбы против помещичьего гнета.

Создававшиеся гайдуцкие отряды по своей численности обычно были небольшими. Они объединяли 10—20 человек. Во главе такого отряда стоял воевода, который был одним из храбрых и испытанных в боях гайдуков. Каждый гайдуцкий отряд имел свое знамя. Знаменосец, как правило, был заместителем воеводы.

Гайдуки обычно собирали свои отряды весной, когда зеленели леса. Все время до поздней осени они проводили в лесах и горах, откуда совершали нападения на помещичьи усадьбы, купцов, чиновников и других угнетателей. В зимнее время гайдуки жили в деревнях и занимались мирным трудом. Гайду-

ки — выходцы из крестьянской гущи, находились в тесной связи с народом. Крестьяне их поддерживали и оберегали от царских властей. Именно поэтому гайдуки были неуловимыми для полицейских властей.

В официальных документах гайдуки названы «разбойниками», так как они выступали против царских властей и бояр. В одном из дел бессарабской администрации от 1818 г.¹ приводятся сведения, что в лесах Оргеевского и Ясского цынутов хозяйничают «разбойники», а в Сорокском пойманы 3 «разбойника». В 1823 г. в Ясском цынуте обнаружены «разбойники». В 1826 г. царскими властями были приняты решительные меры: для подавления «разбойников» были посланы войсковые отряды². Это указывает на широкое распространение гайдучества.

Страх и ужас наводили на помещиков и царских чиновников в первой четверти XIX в. гайдуцкие отряды под водительством известных тогда в народе гайдуков Бужора, Войку и Урсула.

По народным преданиям, нашедшим свое отражение в гайдуцких балладах, известно, что в конце XVIII и в первой половине XIX вв. на территории Бессарабии действовали отряды гайдуков Бужора и Войку. Первый из них действовал главным образом в Кишиневском уезде, второй — в Оргеевском. Из произведений народного творчества известно, что эти отряды пользовались широкой поддержкой народных масс, которые видели в них борцов против бояр и помещиков.

К сожалению архивных документальных данных о деятельности этих отрядов обнаружить не удалось.

Необычайной смелостью отличалась борьба против феодально-крепостнического гнета знаменитого гайдука Урсула, казненного в Бессарабии в 1823 году.

Со своим небольшим отрядом Урсул нападал на имения помещиков и расправлялся с наиболее жестокими угнетателями крестьянских масс. По поручению местных властей отряды войск и полиции на протяжении многих лет преследовали его отряд, но он появлялся внезапно там, где его меньше всего ждали. Разгромив то или иное помещичье имение, он снова исчезал. 12 ноября 1823 г. Урсул со своим отрядом совершил нападение на дом посессора Семеновича в селении Вадулуй-Исак³, а 17 ноября того же года разгромил монастырь в Таборе, который был известен своими жестокими методами эксплуатации крестьян. Гайдуки отобрали ценности, накопленные в монастыре, и роздали их бедным крестьянам⁴. Кишиневская дикастерия⁵ потребовала от губернатора принятия срочных

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 445, л. 16.

² Там же, д. 788, л. 37.

³ Там же, д. 839, л. 177.

⁴ Там же, лл. 182, 186.

⁵ Дикастерия — учреждение при епархиальном архиерее с церковно-административными и судебными функциями.

мер против «разбойников». Для поимки Урсула и его сподвижников были направлены крупные военные силы. Наконец, в 1823 г. отряд Урсула был разбит, а он сам пойман и посажен в кишиневскую тюрьму.

Однако ни тюрьма, ни телесные наказания не сломили духа сопротивления Урсула и его товарищей. На допросе он не назвал ни одного из участников отряда. Поведение Урсула и его товарищей в тюрьме было достойно поведения отважных и самоотверженных народных героев. Это вынуждены были признать и царские чиновники.

Вице-губернатор Вигель в своих «Воспоминаниях» пишет: «Я нашел Урсула задумчиво сидящим на наре, сложив руки. Он был лет 40, широкоплеч, черноволос, и весь оброс бородой. Лицо его было не без благородства: оно не выражало ни страха, ни злости...» Урсул был наказан плетьюми. «Все дивились твердости духа Урсула, который во все время казни не испустил ни единой жалобы, ни единого вздоха... После тяжкого наказания кнутом через 2 дня умер»¹.

Сподвижник Урсула Богаченко даже в тюрьме отстаивал право крестьян бороться против своих угнетателей — помещиков. Об этом Вигель пишет: «В углу на соломе лежал также окованный товарищ его (т. е. Урсула. — Я. Г.) Богаченко, лет 26. Я не подошел к нему близко, а посмотрел в лорнет. «Что барин, сказал он мне, злобно улыбаясь, ты кажется не стар, а видно совсем ослеп». Потом он пустился доказывать мне права разбойников — вооруженною рукой собирать дань с господ, которые без всякого труда и опасности грабят своих крестьян»².

Слова народного героя Богаченко раскрывают нам цели и задачи борьбы гайдуков, как борьбы против жестокой эксплуатации трудового народа.

Помимо отрядов под предводительством Урсула в Бессарабии в 20—30-х гг. XIX в. действовали и многие другие отряды гайдуков.

Руководитель одного из них, Кирджали, был увековечен А. С. Пушкиным в одноименной повести.

Кирджали принимал участие в освободительном движении греков против турок («гетерии»). После подавления гетерии он собрал своих товарищей по оружию и партизанскими методами боролся против бояр в Валахии, затем перебрался в Молдавию, где долгое время был грозой помещиков и купцов.

Власти предприняли все меры, чтобы разыскать Кирджали и взять его под стражу. В 1823 г. в рапорте на имя царя доно-

¹ Ф. Ф. Вигель, Воспоминания, ч. 6, М., 1865, стр. 133—134.

² Там же.

силось о поимке и смелом побеге из тюрьмы этого, как сказано в донесении, «главнейшего из числа молдавских разбойников»¹.

25 февраля 1823 г. герой Кирджали со своим гайдуцким отрядом совершил нападение на помещичье имение и дома купцов в м. Скуляны (Запрутская Молдавия). Разгромив помещичье имение и лавки купцов, он удалился через Прут в Бессарабию. Но в местечке Теленешты, где находилась его семья, он был пойман и передан румынским властям².

В первой четверти XIX в. на севере Бессарабии выступал против помещиков известный герой украинского и молдавского народов Кармалюк, вошедший в молдавские народные предания под именем гайдука Карналюка.

Это движение, принявшее форму партизанской борьбы, носило очень упорный характер и охватило, помимо Подолии, север Бессарабии, часть Киевщины и Волыни. Почти четверть века, с 1812 по 1835 гг., Устим Кармалюк — сын крепостного крестьянина — раздувал среди угнетенных крестьян Украины и Молдавии пламя священной борьбы против помещичьего гнета. Обладая железной волей и исключительной энергией, Устим Кармалюк сумел сплотить вокруг себя значительное число сподвижников среди украинского и молдавского крестьянства. К ним присоединились беглые солдаты и др. Действуя партизанскими методами, Кармалюк во главе своих отрядов нападал на чиновников и ростовщиков, разорял помещичьи имения. Отряд Кармалюка нападал также на сельских богачей, которые угнетали бедноту. Захваченное имущество и деньги он раздавал беднякам. Пользуясь горячей поддержкой со стороны широких масс крестьянства, Кармалюк вел героическую борьбу против помещичьего и царского гнета. Царское правительство предприняло против Кармалюка несколько карательных экспедиций, но движение не утихало. Несколько раз полиции удавалось поймать Кармалюка. Его секли плетью и, заковав в кандалы, высылали в Сибирь. Но могучее здоровье позволяло ему выдержать все испытания. Ни тюрьма, ни сибирская каторга не сломили волю мужественного борца за свободу народа. Кармалюку каждый раз при помощи крестьян удавалось бежать, он возвращался на родину — в Подольщину — и с новой силой поднимал крестьян на борьбу против угнетателей. В отрядах Кармалюка в то или иное время приняло участие свыше 20 тыс. крестьян. Руководимые им отряды совершили около 1000 нападений на помещичьи имения³.

Огромная физическая сила, организаторские способности и отвага народного героя создали ему еще при жизни заслужен-

¹ ЦГИА МССР, ф. 38, оп. 1, д. 563, л. 5.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 838, лл. 97—99, 101—103.

³ И. Гуржий, Указ. труд, стр. 426.

ную легендарную славу. Он стал грозой для помещиков и царских чиновников, которые трепетали при одном упоминании его имени.

Имя Кармалюка живет в народе и по сей день. Песни и рассказы о замечательных подвигах этого народного героя долгое время распространялись в Бессарабии (особенно в северной части) и пользовались большой популярностью среди молдавских крестьян.

В многолетней партизанской борьбе гайдуцких отрядов Кармалюка, действовавших на территории Украины (главным образом в Подолии) и в северных районах Молдавии, нашла свое яркое отражение классовая солидарность угнетенных крестьянских масс многонациональной России. В его отрядах бок о бок боролись против помещичьего и царского гнета украинцы, русские и молдаване.

В 30-х гг. XIX века против помещиков и царских властей в Бессарабии сражался отряд гайдуков под руководством Тобултока¹. Отряд Тобултока был весьма значительным, иногда вырастал до 200 человек. В течение 12 лет он держал в страхе помещиков, чиновников и купцов Бессарабии.

Тобулток «грабил смело и беспощадно, но только богатых, и большую часть добра раздавал бедным, ничего не оставляя себе лично» — отмечает один из историков гайдуцкого движения².

Дважды был пойман Тобулток полицейскими, но при помощи друзей и широкой поддержке угнетенных крестьян, он убегал и во главе отряда продолжал свои действия, направленные против богачей.

В июне 1833 г. Тобулток с отрядом в 40 человек снова был пойман полицейскими, на сей раз на юге Бессарабии, вместе со своими сподвижниками по отряду Жосаном, Платоном и Мунтяном. Они были закованы в кандалы и заключены в разные камеры Кишиневской тюрьмы³. Еще до суда Тобултоку удалось освободиться от кандалов. Ночью он вынул камни из основания строения и снова бежал из тюрьмы⁴.

23 ноября 1833 г. Тобулток во главе гайдуцкого отряда напал на имения помещиков Александри и Дино-Богатого в Аккерманском уезде и подверг их разгрому⁵.

В декабре 1834 г., по распоряжению бессарабского губернатора Федорова, на разгром гайдуцкого отряда и поимку

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., д. 85, лл. 1—14.

² «Феодальные отношения в Молдавии», сборник статей, Кишинев, 1950, стр. 230.

³ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., д. 85, л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 14.

Тобултока были снаряжены крупные военно-полицейские силы¹. 6 февраля 1835 г., после долгого преследования, в Леовском уезде близ селения Корбул гайдуцкий отряд был окружен. Тобулток снова был арестован, посажен в тюрьму и в том же году, по приказу губернатора, казнен².

Яцимирский пишет, что в Кишиневе на так называемой «Немецкой площади», в северном ее углу, росли рядом два старых красивых тополя. Говорили, что между ними похоронен Тобулток; друзья его посадили эти тополи у головы и ног гайдука, так как полиция и церковнослужители не разрешали ставить над ним крест³.

Про Тобултока известно, что он был поэтом. В народе распространялись песни, которые сочинял и пел Тобулток. Молдавский народ с любовью и уважением хранит имя этого героя в своем устном творчестве — рассказах и песнях.

Ко второй четверти XIX в. относится борьба еще двух известных гайдуков — Баргана и Грозеску, которые во главе своих отрядов активно вели борьбу против феодального гнета. Барган действовал в Кишиневском уезде, в окрестностях местечка Ганчешты (ныне Котовск), а Грозеску — в южной части Бессарабии.

12 декабря 1841 г. гайдуки напали на помещичье имение в селе Чегорены, Оргеевского уезда. Владелец имения помещик Якубович, славившийся своим жестоким обращением с крестьянами, был убит.

По донесению губернатора, следственная комиссия по делу об убийстве помещика установила, что «разбойники ничего не тронули из имущества помещика, а уничтожали только контракты и счета с крестьянами»⁴.

В 1842 г. отряды гайдуков Баргана и Грозеску разгромили в Бендерском уезде дом крупного помещика Ралли, жестокого эксплуататора крестьян, и дом крупного купца, ростовщика Меерсона, который путем кабалы обирал и разорял крестьян и бедных ремесленников⁵.

Русские буржуазные историки и румыно-молдавские буржуазные националисты всячески пытались очернить движение гайдуков, представить этих борцов против крепостнического гнета в качестве «разбойников» и «грабителей». Однако трудящиеся массы гневно отвергали эти клеветнические вымыслы буржуазных националистов — фальсификаторов истинного характера этого движения. Они по праву считали гайдуков борцами за освобождение крестьян от помещичьего гнета.

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 4 эксп., д. 235, л. 11.

² ЦГИА МССР, ф. 2, д. 4128, лл. 2—3.

³ А. И. Я ц и м и р с к и й, Разбойники Бессарабии в рассказах о них, «Этнографическое обозрение», СПб, 1896, № 1.

⁴ ЦГИАМ, ф. 109, д. 225, л. 15.

⁵ Там же, оп. 85, д. 27, л. 303.

Молдавский народ, свято храня память о героях гайдуках, запечатлел их подвиги в многочисленных произведениях народного творчества — сказках, песнях, балладах. Одна из них — баллада «Кодряну» (ее варианты встречаются в устном творчестве до настоящего времени). Кодряну (житель лесов) — любимый герой гайдуцких баллад. В балладе отображается героизм гайдуков конца XVIII в. При стычке с господарской полицией гайдук Кодряну героически сражается:

...рэниле-шь стрынжя
Плумбий дин карне скотя,
Ку ей дурда-шь ынкэрка.

...раны зажимал
дроть рукою извлекал
Ею дурду¹ заряжал.

Кодряну боролся не только против турецких порабощенных и греков-фанариотов, но и против местных бояр. Баллада передает ответы Кодряну господарю на суде:

Мульц боерь ам оморыт,
Кыт ын царэ ам хайдучит.
Яр унде ведем грекул
Мулт ымь ардя суфлетул
Шынэ-й рэпуням капул.

Гайдуком гулял я в Кодрах,
Убивал бояр я подлых.
Если ж грека² я встречал,
Все на свете забывал,
А башку с него снимал.

Вместе с тем Кодряну заявляет, что отобранные у бояр богатства он отдавал бедным:

Яр унде ведам саракул
Еу ымь аскундям балтагул
Ши-й дам бань де келтуялэ
Ши хайне де применялэ.

А встречал меня бедняк
Клал я в сторону балтаг³.
Бедняку давал одежду
И в дорогу денег тоже.

Много песен сложено в народе о подвигах гайдука Бужора. Классовая направленность деятельности гайдука Войку ярко отражена во вложенном в его уста народом ответе судьям: «Я вам не отдам отобранных у богачей ценностей. Деньги я спрятал в дуплах деревьев, чтобы бедняки нашли их и купили себе волов да коров».

О бесстрашных гайдуках, всю свою жизнь боровшихся за народное дело, в одной песне поется:

Сколько я гайдуковал, —
Семь коней на смерть загнал
Много седел износил,
Много шашек иступил.

«Ой ты лес мой лес дремучий,
Спрячь меня в зеленой туче,
Скрой мне саблю острую
Спрячь мне дурду меткую.

В детстве я с тобой сдружился,
И на старость разлучился,
Я вошел в тебя безусый
Выхожу — седины вьются.

¹ Дурда — берданка, ружье.

² Имеются в виду греки-фанариоты, ставленники турок в Молдавии.

³ Балтаг — дубина.

Гайдукские песни отражают стремления поработленного народа к свободе, его симпатии к борцам за народное счастье, мечты о лучшем будущем. Они — продукт духовной жизни народа в мрачную эпоху турецкого и царского феодально-крепостнического гнета.

Таким образом, гайдучество по своему основному содержанию было стихийным народным движением, явившимся выражением протеста широких крестьянских масс против политического бесправия, тяжелого экономического положения, насилий и эксплуатации. Оно являлось движением молдавских крестьян, направленным как против иноземных турецких поработителей, так и молдавских бояр — притеснителей народа. После присоединения Бессарабии к России гайдучество было одной из активных форм борьбы молдавского крестьянства против феодально-крепостнического гнета. По своим внешним признакам гайдучество — это форма партизанской борьбы молдавского народа, как и народов Балкан (болгар и сербов), против иноземных и местных поработителей.

Крестьяне Бессарабии, как и России в целом, наряду с жалобами и прошениями, с бегством, поджогами имений и убийствами помещиков, применяли и более активные формы борьбы против феодально-крепостнического гнета, выливавшиеся в массовые стихийные волнения и открытые вооруженные выступления, — высшие формы крестьянского движения.

Открытые вооруженные выступления крестьян являлись прямым следствием усиления феодально-крепостнической эксплуатации.

В конце XVIII и в начале XIX вв. усиливается крестьянское движение в России, которое оказало большое влияние на разворот крестьянского движения на Украине и на других окраинах, в том числе и в Бессарабии. Особенно массовый характер приобрело крестьянское движение в России в период после Отечественной войны 1812 г.

По данным И. Игнатович, с 1801 по 1861 гг. в России имели место 1467 крестьянских волнений. Из них 281 волнение (19%) происходило с 1801 по 1825 гг., 712 волнений (49%) — в период с 1826 по 1854 гг. и 474 волнения (32%) только за 6 лет (1855 — начало 1861 г.)¹.

¹ И. И г н а т о в и ч, Крестьянские волнения в первой четверти XIX в., «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 48—49.

Количество крестьянских волнений увеличивалось с каждым десятилетием¹:

Годы	Число волнений	%
1801—1810	83	6
1811—1820	124	8
1821—1830	156	11
1831—1840	143	10
1841—1850	351	24
1851—1861	591	41
1801—1861	1448 ²	100

Количество волнений особенно резко возросло в последние два десятилетия, предшествовавшие реформе.

Некоторые крестьянские волнения были весьма затяжными — продолжались годами и даже десятилетиями. Так, волнения крестьян в имениях помещицы Закашевской тянулись почти 38 лет, с 1811 по 1848 гг.³

Ранее уже указывалось, что крестьянские выступления начинались в большинстве случаев с подачи жалоб и прошений. Не получив удовлетворительного ответа на них, крестьяне отказывались отбывать повинности, а в ответ на репрессивные меры местных властей зачастую оказывали даже вооруженное сопротивление помещикам и царским властям.

В подтверждение сказанного приведем некоторые примеры.

Уже в первые годы после присоединения Бессарабии к России крестьянские выступления охватили ряд сел в Бессарабии. Так, например, в апреле 1819 г. произошло крестьянское волнение в селах Соколуй, Жабка и местечке Рашков, Ясского уезда. Крестьяне этих сел подали жалобу областному правительству на арендатора имений, который, «вопреки обычаю», увеличил оброчную барщину и потребовал от царан отбывание дополнительных повинностей¹. В ожидании разбора жалобы, будучи уверенными в своей безусловной правоте и надеясь на «справедливость» областного начальства, царане перестали отбывать урочную барщину и другие помещичьи повинности. В дело вмешались представители власти, которые потребовали от царан приступить к исполнению повинностей, но в ответ на это царане отказались от уплаты государственных податей. Попытка арестовать инициаторов «бунта»

¹ И. Игнатович, Крестьянские волнения в первой четверти XIX в., «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

² Сюда не включено 19 случаев волнений, о которых неизвестно точно, в какие годы первой четверти XIX в. они происходили.

³ И. Игнатович, Крестьянские волнения в первой четверти XIX в., «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 2. оп. 1. д. 2. л. 86.

вызвала вооруженное сопротивление крестьян. Крестьянское выступление было подавлено при помощи вооруженных сил¹.

Ряд выступлений в резешских селениях был вызван захватом помещиками земель резешей. Так, например, в августе 1813 г. вспыхнуло волнение крестьян-резешей вотчины Волосены, Оргеевского уезда. Поводом к выступлению крестьян явилась попытка помещика Руссо размежевать захваченные им земли крестьян-резешей. Когда по решению первого департамента областного правительства (которое было принято по требованию помещика) меделъничер Россет в сопровождении помещичьих слуг явился и стал проводить размежевание этих земель путем установления соответствующих каменных знаков, крестьяне-резеши в количестве свыше 50 человек, вооружившись вилами, кольями, топорами, окружили и избили чиновника и помещичьих слуг, уничтожили межевые знаки. После этого крестьяне всей массой разрушили дом и другие строения помещичьего имения². Крестьянский «бунт», который охватил всю указанную резешскую вотчину и окончился разгромом помещичьего имения, также был подавлен военной силой. Группа резешей была арестована и подвергнута избиению розгами³.

Другой подобный пример: в 1821 г. помещик Мутеники при помощи шантажа и угроз захватил значительную часть резешской земли селения Татаровки и уступил ее владельцу имения Балинец, Хотинского уезда. Попытка помещика войти во владение этой резешской землей вызвала волнения среди крестьян-резешей. Помещик с группой вооруженных слуг явился на поле и отобрал у резешей, пахавших землю, волов, плуги и избил крестьян. В ответ на произвол и насилия помещика крестьяне селения Татаровки, вооружившись косами, кольями и палками, всем обществом ворвались в имение помещика, требуя возвращения отобранных волов и плугов. Так как помещик отказался удовлетворить законные требования крестьян, между ними и слугами помещика произошло крупное столкновение. Крестьяне избили помещика, управляющего и помещичьих слуг и разгромили имение⁴.

В активную борьбу против помещичьего гнета в Бессарабии вступали и новые поселенцы — колонисты и государственные крестьяне. Волнения среди этой категории крестьян были вызваны попытками помещиков закрепить их. Эти попытки встретили резкий отпор со стороны новых поселенцев — болгар, гагаузов и др.

Помещики Бессарабии, не считаясь с обещаниями, данными переселенцам командованием русской армии на Дунае

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, лл. 87—89.

² Там же, д. 163, лл. 3—4.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 93, лл. 5—10.

во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., стремились закрепостить переселенцев. Они требовали от них отработки урочной барщины и выполнения других повинностей. Болгарские переселенцы не раз обращались к областному правительству с жалобами и просьбами оградить их от произвола помещиков¹. Однако последние при помощи полиции пытались силой и угрозами заставить поселенцев отбывать повинности. На этой почве в июне 1815 г. произошло крупное выступление поселенцев болгар и гагаузов местечка Леово². По требованию помещика Балша, кодрский исправник в сопровождении трех стражников в июле 1815 г. явился в Леово и арестовал инициаторов «бунта». В ответ на произвол помещика и исправника поселенцы вооружились, всей массой окружили дом исправника, избили его и стражников и освободили арестованных. Волнение задунайских поселенцев, которое было квалифицировано местными властями как «бунт», было подавлено крупным военным отрядом 56-го Егерского и 2-го Оренбургского казачьих полков³.

Серьезно страдали крестьяне из-за существовавшей монополии помещиков на продажу вина и водки. Пользуясь монопольным правом продажи спиртных напитков, помещики нередко закабалили, обирали и разоряли «свободных» крестьян-резешей Бессарабии. Поэтому крестьяне-резеши упорно боролись против открытия в их селениях помещичьих корчм.

На этой почве в ноябре 1819 г. произошло волнение среди резешей с. Суслены, Оргеевского уезда. Помещик Макареску, владелец крупного имения, помимо «многих обид и притеснений», как пишут в своей жалобе резеши, обирал и разорял жителей, как владелец корчмы в этом селении. Резеши опротестовали незаконные действия помещика, требуя от местных властей лишения его права владеть корчмой в резешском селе. Но оргеевский суд поддержал незаконные действия помещика. В знак протеста резеши отказались вносить казенные подати. Судебные власти решили расправиться с инициаторами этих «противозаконных действий» и присудили каждого из «провинившихся» к 10 ударам розгами. Когда судебные исполнители и полицейские явились в селение, чтобы привести в исполнение решение суда, резеши вооружились, избили и прогнали их, а затем разгромили помещичью корчму. Для подавления волнений резешей, по требованию оргеевского исправника, была направлена рота солдат Охотского пехотного полка, которая учинила расправу над крестьянами⁴.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 161, лл. 30—32.

² Там же, д. 2, лл. 126—128.

³ Там же, лл. 30—32.

⁴ Там же, д. 516, лл. 332—334.

Иногда поводом для крестьянских выступлений являлись стихийные бедствия, распространение эпидемических заболеваний — чумы, холеры, неурожай, которые еще больше обостряли и без того тяжелое положение крестьян. Так, весной 1819 г. произошло волнение царан в с. Брайково, Сорокского уезда. Поводом к выступлению, которое было квалифицировано местными властями как «бунт», была бездеятельность властей, не принимавших должных мер для борьбы с чумой, скосившей большое число жителей деревни. Подлинные же причины выступления крестьян коренились, конечно, гораздо глубже — в невыносимом гнете, в произволе и насилии над крестьянами со стороны арендатора и помещика.

Помимо многочисленных феодальных повинностей, которые предусматривались договором с помещиком, арендатор требовал от крестьян дополнительных подвод для перевозки леса и других грузов, а также обработки льна и конопли. За малейшее неповиновение он собственноручно избивал крестьян. Так, он избил до смерти крестьянина Ницу Балана. Когда в связи с распространением чумы арендатор выехал из деревни, крестьяне, вооружившись топорами, вилами, кольями, напали на дом ненавистного арендатора, избили приказчика и слуг и подожгли все строения, которые вместе с вещами и инвентарем сгорели дотла. Остальное имущество (56 голов рогатого скота, 32 головы свиней, 5 пар лошадей, 20 ульев, 26 стогов сена) крестьяне распределили между собой. Вызванный приказчиком для подавления волнения отряд солдат 12-го Егерского полка во главе с унтер-офицером был разгромлен крестьянами. Волнение крестьян этой деревни было подавлено более крупными военными силами только после окончания карантинного периода — через год, весной 1820 г.¹

Крупным событием в истории борьбы крестьян Бессарабии против феодально-крепостнического гнета в первой трети XIX в. было волнение царан м. Лапушна, Кишиневского уезда. Выступление крестьян в Лапушне было одним из самых упорных и продолжительных в Бессарабии. Оно продолжалось почти беспрерывно в течение 16 лет — с 1817 по 1833 гг.²

Жители Лапушны издавна (еще с тех пор, когда она считалась одним из крупных центров Молдавии) пользовались некоторыми льготами. В отличие от всех царан, которые обязаны были отбывать боярам и монастырям урочные дни и вносить дижму (десятину), жители Лапушны вносили своему владельцу — Свято-Златоустовскому монастырю, которому принадлежало местечко, только одну дижму (десяти-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 583, лл. 8—11.

² Там же, д. 2018, лл. 26—29.

ну)¹. Эти льготы жителей Лапушны были закреплены в прошлом специальной господарской грамотой.

В 1817 г. м. Лапушна досталось путем покупки помещику Томульцу. Последний, не считаясь с их прежними льготами, сфальсифицировав документы, предъявил жителям Лапушны требование отбывать урочные дни, отдавать десятину и нести другие повинности наравне с царанами других селений. Лапушняне отказались выполнять требования помещика и обжаловали незаконные претензии последнего в уездный суд, а затем во всех инстанциях, до самого царя. Но напрасно было искать правды и защиты своих интересов в царских органах управления, которые защищали интересы помещиков. Жалобы жителей Лапушны лежали под спудом и годами не разбирались. Тем временем помещик понуждал их отбывать повинности. Уверенные в своей правоте и надеясь на «справедливое» решение их жалобы, царане Лапушны 11 января 1820 г. категорически отказались отбывать барщину и другие повинности помещику. По требованию помещика уездные власти направили в Лапушну группу экзекуторов, чтобы силой принудить царан к повиновению помещику. Когда экзекуторы по требованию помещика начали избивать отдельных жителей села, все царане Лапушны, вооружившись тем, чем мог, окружили, избили и выгнали из деревни экзекуторов, полицейских чинов и слуг помещика².

Через три дня, 14 января, в Лапушну был направлен крупный отряд каларашей. Последние расправились с непокорными крестьянами и арестовали 15 человек «зачинщиков»³.

Возмущенные жестокой расправой жители Лапушны обратились с жалобой к полномочному наместнику Бессарабской области генералу Инзову. Однако жалоба не возымела ожидаемого крестьянами действия.

По рапорту оргеевского земского исправничества, которому было поручено Инзовым разобраться в этом деле⁴, 28 января 1821 г. бессарабское областное правительство вынесло решение о принятии репрессивных мер к жителям м. Лапушны за отказ отрабатывать барщину помещику Томульцу. Все 15 человек, арестованные как «зачинщики и возмутители поселян», были приговорены к публичному наказанию розгами — по 25 ударов каждому. Всех жителей обязали отрабатывать барщину и нести другие феодальные повинности⁵. Но не так просто было привести приговор в исполнение. Жители Лапушны категорически заявили, что они отбывать по-

¹ ЦГИА МССР, ф. 3, д. 1, лл. 105—108.

² Там же, лл. 129—134.

³ Там же, л. 134.

⁴ Там же, ф. 918, оп. 1, д. 6, л. 3.

⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 1, л. 132.

винности помещику и впредь не будут, а также не допустят, чтобы их односельчане были публично наказаны.

Для приведения приговора в исполнение оргеевский земский исправник просил полномочного наместника направить в Лапушну батальон Охотского пехотного полка¹.

По предписанию полномочного наместника² командование 16-й пехотной дивизии направило в м. Лапушну военную команду для подавления крестьянского выступления³. Над царанами Лапушны была учинена зверская расправа. Однако и это не сломило их воли к борьбе против помещичьего гнета. Они продолжали оказывать сопротивление: подавали жалобы и прошения в более высокие инстанции, совершали побеги в другие места, упорно отказывались отбывать повинности.

20 ноября 1821 г. 8 семейств крестьян с. Лапушна убежали в неизвестном направлении. Остальные также заявили, что если их жалоба не будет справедливо разобрана, они рассеются по всей Бессарабии. Этот факт заставил областное правительство снова вернуться к разбору жалобы жителей Лапушны. 26 ноября 1821 г. бессарабское областное правительство специальным указом повелевает оргеевскому земскому исправничеству расследовать новую жалобу жителей Лапушны о притеснении их помещиком Томульцом⁴. Не получив удовлетворения своей просьбы, они снова писали бессарабскому губернатору, новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору, шефу жандармов Бенкендорфу и самому царю. Но напрасны были их надежды на защиту от помещичьего произвола. Волнение крестьян Лапушны с некоторыми перерывами продолжалось до 1834 г., когда по распоряжению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора оно снова было подавлено военной силой⁵.

В 1825 г. крестьяне села Шелты, Ясского (Бельцкого) уезда, отказались выполнять помещичьи и государственные повинности и оказали при этом сопротивление помещикам и властям. Ясское исправничество направило сюда военно-полицейскую экзекуцию. Как указывают крестьяне в своей жалобе на имя губернатора, «экзекуция употребляла самые буйственные ожесточенные меры», многие крестьяне были подвергнуты телесному наказанию⁶.

Подобные факты борьбы крестьян против помещиков и властей, зачастую выливавшиеся в форму активных крестьянских выступлений, имели место по всей Бессарабии, но

¹ ЦГИА МССР, ф. 918, оп. 1, д. 6, л. 23.

² Там же, д. 13, л. 13.

³ Там же, д. 6, л. 29.

⁴ Там же, л. 50.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2018, лл. 5, 26, 29.

⁶ Там же, ф. 38, д. 144, л. 7.

больше всего в северной и центральной частях, где помещичий гнет был наиболее жестоким.

По требованию бессарабских помещиков царские власти усиливают репрессии против крестьян, активно боровшихся с помещичьим гнетом. 25 сентября 1826 г. бессарабское областное правительство специальным указом предписало уездным земским исправничествам предавать военному суду крестьян, «упорствующих в возмущениях»¹.

Обострение борьбы крестьян Бессарабии против феодально-крепостнического гнета в первой трети XIX в. было вызвано, безусловно, местными причинами, но сказывалось также и влияние общего положения, существовавшего в те годы в России, особенно на юге.

В 1820 г. на юге России — на Дону — произошло крупное крестьянское восстание. Оно охватило ряд районов. В нем участвовало около 45 тыс. крестьян². Это массовое движение оказало огромное влияние на весь юг России, особенно на Украину.

Царское правительство, напуганное огромным размахом крестьянского движения, принимает ряд репрессивных мер. Так, оно подтвердило право помещиков ссылать непокорных крестьян в Сибирь без судебных расследований и без ограничения срока ссылки. Таков смысл указов 1822, 1823 и 1824 гг. Однако жестокие репрессии царизма не в состоянии были остановить нараставшую волну крестьянского движения. Крестьянские волнения вспыхивали то в одном, то в другом месте, образуя таким образом как бы непрерывную цепь выступлений против феодально-крепостнического гнета.

Большое влияние на усиление крестьянского движения в России оказало выступление декабристов в Петербурге и на Украине. Хотя дворянские революционеры, как указывает В. И. Ленин, были далеки от народа, не имели непосредственной связи с крестьянским движением, но их выступление оказало большое влияние на распространение среди крестьян слухов о свободе.

Как известно, на Украине действовали тайные организации декабристов — «Южное общество» и «Общество объединенных славян».

«Южное общество» декабристов, руководимое П. Пестелем, развернуло свою революционную деятельность и на территории Бессарабии. Здесь была создана и работала кишиневская группа «Союза благоденствия», а после упразднения «Союза благоденствия» эта группа кишиневских декабристов вошла

¹ ЦГИА МССР, ф. 34, оп. 1, д. 10, л. 731.

² И. Игнатович, Крестьянское движение на Дону в 1820 г., М., 1937, стр. 222.

в состав «Южной Управы», центр которой находился в Тульчине, где был расположен штаб 2-й армии.

Руководитель «Южной Управы» П. И. Пестель бывал в Кишиневе, в 1820 г. он встретился с находившимся здесь в ссылке А. С. Пушкиным. После одной из встреч А. С. Пушкин написал в своем дневнике: «Утро провел с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»¹.

Горячий патриот своей родины, А. С. Пушкин высоко ценил и одного из главных руководителей кишиневской группы декабристов М. Ф. Орлова, пребывавшего с середины 1820 г. в Кишиневе в должности командира 16-й пехотной дивизии.

В своих кишиневских заметках Пушкин писал: «Только революционная голова, подобная М. Орлову или Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить язык...»²

М. Орлов стал членом «Союза благоденствия» еще до приезда в Бессарабию. Вскоре после приезда в Кишинев Орлов создал здесь ячейку «Союза благоденствия», которая объединила бывших членов этого общества: В. Ф. Раевского, К. А. Охотникова, И. П. Липранди, А. Г. Непенина и др.³.

В своих показаниях по делу о декабристах М. Орлов признал, что находился в тайных связях с указанными лицами. Дом декабриста М. Орлова в Кишиневе стал местом, где встречались передовые представители русской и молдавской политической мысли⁴. Его постоянным посетителем был отбывавший в Кишиневе ссылку (в 1820—1823 гг.) А. С. Пушкин. Здесь произносились патриотические речи, подвергались критике мероприятия царского правительства, обсуждались планы действий. По донесениям тайной агентуры, в доме Орлова велась открытая антиправительственная агитация. Так, Ф. Вигель, бывший в начале 20-х гг. XIX в. бессарабским вице-губернатором, писал в своих записках о людях, которые посещали дом Орлова и разделяли его взгляды: «Два демагога, два изувера, адъютант Охотников и майор Раевский с жаром витийствовали. Тут был и Липранди... На беду попался тут и Пушкин, которого сама судьба всегда совала в среду недоброжелателей»⁵.

Для пропаганды своих идей Орлов, Раевский и другие кишиневские декабристы не ограничивались только домашними диспутами. В этих целях они использовали и созданную ими в 1821 г. в Кишиневе масонскую ложу «Овидий», председа-

¹ Б. А. Трубецкой, А. С. Пушкин в Молдавии, Кишинев, 1949, стр. 20.

² Там же.

³ В. Базанов, В. Ф. Раевский, Ленинград, 1949, стр. 38—39.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 39.

телем которой стал генерал П. С. Пушкин, а членами — В. Ф. Раевский¹ и др.

Декабристы стремились использовать масонские ложи в целях политической агитации, расширения политических связей и вербовки новых членов. Очевидно, политическая пропаганда, которая проводилась в кишиневской масонской ложе, и послужила причиной ее роспуска. В письме к В. А. Жуковскому А. С. Пушкин писал, что в Кишиневе он был дружен с майором Раевским, с генералом Пушиным и Орловым; был масоном Кишиневской ложи, т. е. той, из-за которой «уничтожены в России все ложи»².

Свою политическую агитацию, направленную против царизма и крепостнических порядков, кишиневские декабристы стремились перенести в солдатскую среду. Центром революционной политической пропаганды в Кишиневе стала дивизионная школа грамоты для военных, организованная М. Ф. Орловым и Раевским³. По показаниям Раевского, в этих школах помимо русских солдат обучались также и дети большей частью из низкой молдавской и польской шляхты⁴, что свидетельствует о связях декабристов с представителями местного общества.

При поддержке Орлова Раевский развернул в этих школах политическую агитацию. Он популяризировал идеи французской революции, идеи «свободы и равенства». В своих лекциях Раевский рассказывал своим ученикам о военном перевороте в Испании, объяснял им смысл революционных понятий «конституция», «восстание» и др. Лекции Раевского проходили успешно и вызывали большой интерес к ним у слушателей.

Декабристы близко интересовались жизнью народа. В. Ф. Раевский оставил незавершенным труд, посвященный истории Бессарабии, сохранились черновые наброски от задуманного им труда, в котором он хотел дать описание жизни современной ему Молдавии. С глубокой симпатией В. Ф. Раевский писал о молдавских крестьянах. Он правильно видел причины бедности крестьян в гнете бояр и произволе чиновников: «Налоги здесь не суть значительны, но злоупотребления откупщиков, притеснения со стороны главенствующих бояр ощутительно приводят в ослабление всей пружины здешней промышленности и труда»⁵. К сожалению, этот труд

¹ В. Базанов, В. Ф. Раевский, стр. 83.

² Там же.

³ Там же, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 198.

⁵ Филиал Центрального военно-исторического архива в Ленинграде, ф. 9, д. 42, XI, лл. 217—227. Цит. по работе А. А. Коренева, Декабристы в Молдавии, стр. 51, рукописный фонд биб. Кишиневского государственного университета.

В. Ф. Раевского остался незавершенным, этому помешал его арест.

Революционная пропаганда декабристов, направленная против самодержавия и крепостного права, находила сочувственную поддержку со стороны передовых людей Молдавии. Под их благотворным влиянием появляются ростки новых, передовых идей как в Бессарабии, так и в Запрутской Молдавии, идеи о необходимости ограничения абсолютистской власти конституцией.

Об этом свидетельствует и сохранившийся в Яссах проект первой молдавской «Конституции», составленный в 1822 г. И. Теутулом.

Проект составлен под влиянием русских образцов, т. е. «Русской правды» Пестеля и «Конституции» Н. Муравьева. В отличие от этих образцов проект Теутула был более умеренным, в чем сильно сказалась дворянско-классовая ограниченность автора, который предлагал оставить почти всю землю в собственности помещиков¹.

Учитывая, какую опасность для самодержавного строя представляет все растущее сопротивление и неповиновение крестьян помещикам и властям, царь опубликовал 12 мая 1826 г. манифест «О возникшем в губерниях неповиновении крестьян»². В манифесте, в частности, говорилось, что согласно донесению начальников губерний, в некоторых селениях казенные и помещичьи крестьяне, «обманутые ложными слухами и злонамеренными разглашениями, отступают от должного порядка». В манифесте от крестьян требовалось, чтобы они со всей точностью исполняли все обязанности, законами предписанные, и беспрекословно повиновались местным властям. Далее, крестьяне строго предупреждались, что виновные в каком-либо беспорядке будут наказываться по всей строгости закона.

В течение шести месяцев этот документ оглашался на сходках во всех казенных и помещичьих селениях Бессарабской области, «дабы никто не отговаривался неведением»³.

Царское правительство принимало и другие меры для предупреждения усиливавшегося крестьянского движения. Предводителям дворянства было предписано «наведываться без огласки и без всякого письменного производства об обращении помещиков с их крестьянами», а земским исправникам было велено «сообщать предводителям о всех случаях нарушения (превышения. — Я. Г.) помещичьей власти». Если предводители получали такие донесения исправников, они должны были

¹ История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 425.

² II ПСЗ, т. I, л. 330.

³ Там же.

«без огласки» проверить их и потом «внушить помещику перемену обращения с крестьянами», а в случае неудачи «представлять высшему начальству для дальнейших распоряжений»¹.

Однако указанные мероприятия царизма не достигали, да и не могли достигнуть, своей цели — остановить рост и усиление борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета, ибо последние были предопределены всем ходом экономического развития, обострением кризиса крепостной системы.

Наряду с этим, царизм принимал и карательные меры против крестьянского движения. Комитет министров по представлению управляющего министерством внутренних дел В. С. Ланского, «входя в рассмотрение и соображение, что и за обнаружением высочайшего манифеста 12 мая этого года некоторые из виновных в ослушании, упорствуя в закоснелом заблуждении своем, не внимая ни словам манифеста, ни истолкованиям начальства и даже пренебрегая самое наказание, по приговорам суда им делаемое, не переставали оказывать преступное ослушание, постановил предписать начальникам губерний, что в случае, когда потребовалось бы для усмирения крестьян военная сила, предавали их военному суду»².

Несмотря на угрозы применения военной силы и отдачи военному суду, борьба крестьян Бессарабии, как и других губерний России, не только не ослабевает, но все усиливается, ибо не были устранены причины, обострившие эту борьбу. В 1827—1829 гг. происходит ряд волнений резешских крестьян вотчины Кожушна, Кишиневского уезда³. Поводом к волнениям был произвольный захват резешской земли путем обмана и шантажа помещиком Пауном и разорение крестьян в результате длительной судебной тяжбы с помещиком.

В 1827 г. жители с. Иновец, Хотинского уезда, «пришедшие в крайнее разорение, вследствие обмана и насилия помещика и посессора, отобравших у них землю и значительную сумму денег, оказали неповиновение помещику и властям»⁴.

В 1828—1829 гг. особенно частыми были случаи отказа от выполнения урочных дней и других феодальных повинностей в Сорокском и Хотинском уездах Бессарабии.

Усиление борьбы молдавских крестьян против угнетения, все более учащавшиеся случаи неповиновения помещикам обеспокоили правительство. В 1830 г. бессарабский гражданский губернатор получает инструкцию министра внутренних дел. В ней говорится: «До сведения его императорского ве-

¹ Централархив, Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, М., 1931, стр. 80, 82.

² Там же, стр. 82.

³ ЦГИАЛ, ф. 1330, оп. 6, д. 560, лл. 2—24.

⁴ ЦГИА МССР, ф. 38, оп. 1, д. 178, л. 49.

личества дошло, что с некоторого времени люди неблагонамеренные или развратные начали, подобно многим прежним примерам, рассевать слухи о намерении правительства дать крестьянам свободу... Его величеству угодно было высочайше повелеть мне поставить вам снова в непремennую обязанность преследовать строжайшим образом всех тех, кои подобные ложные слухи распространять будут, принимая вместе с тем и самые деятельные меры к прекращению малейших признаков неповиновения крестьян помещикам их...»¹

Конечно, такая инструкция не могла быть вызвана лишь отдельными, редкими случаями выступления крестьян. Нет сомнения в том, что министерство внутренних дел, по указанию царя, издало ее в результате обострения классовой борьбы крестьянства против гнета помещиков в целом по России и, в частности, в Бессарабии, где среди крестьян все более усиливалось брожение, все больше распространялись слухи о свободе, учащались случаи неповиновения и открытой активной борьбы против эксплуатации.

Об этом говорят многочисленные факты.

Так, посессор с. Раковицы, Бельцкого уезда, в сентябре 1831 г. жаловался царю, что, вступив во владение селением Раковицы в 1828 г., он, из-за неповиновения жителей своего селения, отказывающихся отрабатывать ему «урочные дни», терпит большие убытки. В 1830 г. царяне не согласились жать пшеницу, в результате чего половина господского урожая осталась на поле несобранной. Крестьяне отказались чинить господские строения, выполнять другие повинности и оказали сопротивление помещику и властям².

Следственная комиссия яесского уездного суда, созданная для расследования этого дела, установила, что крестьяне, созвали «собрание громады... где положено было, чтобы по указанию посессора нивы не орать... что, если кто-нибудь будет орать посессору в тех нивах, кои от поселян по новому разделу земли отошли в пользу его (помещика. — Я. Г.), то можно из оных их выгнать пражинной...»³.

Бессарабский уголовный суд, которому было передано на рассмотрение это дело, приговорил группу крестьян с. Раковицы к тюремному заключению. В приговоре указывалось, что крестьяне наказываются «за возмущение жителей того села к неповиновению и отказ отрабатывать господские повинности»⁴.

Крестьянские выступления и особенно случаи отказа царан отрабатывать барщину приняли в начале 30-х гг. массовый характер.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2029, лл. 16—17.

² Там же, ф. 38, оп. 1, д. 213, лл. 68—69.

³ Там же, л. 72.

⁴ Там же, л. 276.

С 1812 по 1834 гг., по неполным данным, в Бессарабии 11 сел¹ было охвачено крестьянскими волнениями, которые были квалифицированы местными царскими властями как «бунты» и были подавлены военными полицейскими силами. Из них в четырех селах (м. Лапушна — 1817—1833, с. Брайкова — 1819, с. Кожушна и с. Раковицы) волнения были затяжными, продолжались от 1 года до 15 лет.

Царские власти принимали против непокорных крестьян жестокие репрессивные меры: избиение розгами, массовые аресты, суды, ссылка в Сибирь. Только с 1822 по 1833 гг. за «преступления против правительства и общественного благоустройства» было сослано в Сибирь 83 человека².

Приведенные выше факты о крестьянском движении в Бессарабии в первой трети XIX в. свидетельствуют о том, что оно было результатом усиления феодально-крепостнического гнета. В ответ на это, так же как и крестьяне во всей России, крестьяне Бессарабии подымались на борьбу против феодально-крепостнического гнета. Их борьба, расшатывавшая устой феодально-крепостнического строя, являлась, вместе с тем, важнейшим фактором его разложения.

§ 2. Аграрная политика царизма в Бессарабии в 30—40-х гг. и борьба царан против ее крепостнической сущности

а) Борьба царан против введения «Положения о царанах 1834 г.»

Обстановка напряженной классовой борьбы в деревне — многочисленные жалобы крестьян на произвол и насилия помещиков, массовое бегство царан, поджоги помещичьих имений и убийство помещиков, отказ крестьян от выполнения феодальных повинностей и, наконец, массовые крестьянские выступления — все это заставило царское правительство заняться аграрным вопросом в Бессарабии.

Проводя свою аграрную политику в крае, царизм стремился создать какую-то видимость заботы о царанах. В действительности же он строго соблюдал и охранял интересы помещиков, их крепостнические тенденции — всемерно увеличивать феодальные повинности царан и заставлять последних беспрекословно выполнять эти повинности. Таков смысл «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 года».

Уже в 1819 г. царское правительство дало указание бессарбскому областному правительству выработать и предста-

¹ Подсчет сделан автором на основании архивных документов, ЦГИА МССР и ЦГИАЛ.

² Материалы для статистики России, СПб, 1839, стр. 148.

вить на утверждение проект «Положения о взаимных обязанностях владельцев и живущих на их землях царанах». Мотивируя необходимость введения нового положения о царанах, министр внутренних дел царского правительства указывал, что якобы «вкравшиеся мало-помалу злоупотребления между помещиками и царанами доведены до того, что царане не знают, чем они обязаны владельцам земли за пользование ею, а владельцы земли не имеют точного понятия о пределах своих прав и беспрестанно встречаются в своих требованиях прекословия царан»¹.

Именно «прекословия царан», их сопротивление помещичьему произволу, их отказ от выполнения феодальных повинностей и беспокоили как бессарабских помещиков, так и царские власти. Это и заставило последние выработать и издать новое «Положение» с тем, чтобы «законным» путем заставить царан покориться своим господам. Комиссия бессарабских помещиков выработала и представила проект «Положения о взаимных обязанностях владельцев и живущих на их землях царанах»².

В проекте этого «Положения» ярко выражены крепостнические стремления бессарабских помещиков, их безмерные требования — не только закрепить тяжелые феодальные повинности царан, сложившиеся издавна и зафиксированные в актах молдавских господарей второй половины XVIII в., но и значительно увеличить их, и, вместе с тем, заставить царан беспрекословно их выполнять.

Преамбула этого проекта «Положения» раскрывает основной смысл законопроекта и замыслы его составителей.

В ней сказано: «...многие из земледельцев ...не только не хотят нести законные повинности помещикам, но даже не радуют о собственном хозяйстве своем и все благополучие свое полагают единственно в том, чтобы, не основав нигде постоянного жительства, переходить по примеру цыган с места на другое, ...правительство сочло нужным исследовать причины сего беспорядка и пресечь оные силою законов и обычаев земли здешней»³.

В соответствии с проектом «Положения», царане за пользование наделом (размер надела устанавливался в зависимости от количества рабочего скота: для пеших — 3 фалчи, для крестьян, имевших до 12 голов рогатого скота — 8 фалч) должны были:

- 1) отработывать помещику 12 урочных дней барщины;
- 2) давать дижму (десятину) от всех посевов и сена;
- 3) нести дополнительные повинности в соответствии с уставом 1777 г.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. II, т. 15, д. 11, л. 87 об.

² Постановление пунктов, Кишинев, 1819.

³ Там же.

4) ремонтировать плотины, мельницы и вотчинные постройки¹.

Нормы барщинных работ были значительно увеличены. В один урочный день царане должны были вспахать 1440 кв. сажень — свыше одного га, или скосить 0,5 фалчи — около 1 га, или прашевать кукурузу $\frac{1}{3}$ фалчи — более 0,5 га².

Сумма всех натуральных и денежных повинностей в переводе на обычные рабочие дни должна была составлять 62 рабочих дня.

Таким образом, проект положения о царанах предусматривал сокращение крестьянского надела (по указу Мурузи от 1805 г. величина существовавшего надела от 8 до 27 га) и увеличение повинностей крестьян (сумма всех повинностей по указу Мурузи составляла 56 дней).

Крепостническую сущность этого проекта не могли скрыть даже официальные представители царского правительства. При обсуждении этого проекта «Положения» в министерстве внутренних дел управляющий министерства тайный советник Кочубей отметил, что «главный порок... составленного в 1819 году проекта нового положения о царанах, а равно и прежних законов, есть тот, что постановления повидимому с большой точностью обозначающие повинности царан, заключают в себе существенные противоречия: объявляют царан свободными, но воспрещают им переходить из одной вотчины в другую, позволяя притом владельцу земли отселить их; определяют только 12 дней в году на работу для владельцев земли, но полагают на каждый день такое количество работы, которое кажется сверх сил всякого человека, может быть и целого семейства»³. Считая объем работы урочного дня слишком большим, Кочубей признавал невозможным в один день вспахать и забороновать 1440 кв. сажень целины и 1800 кв. сажень старой земли, или сжать три копны, из коих каждая должна быть по 19,5 сажень окружности, или скосить 1440 кв. сажень, или сгрести и сложить в скирды все сено, на таком же пространстве скошенного и пр., кроме того, отправлять царан на жатву, сенокос и привоз двух возов дров на расстояние 16 часов ходьбы (или 80 верст) от своего жилища; обязать их также собирать и свозить десятину своих произведений в житницы владельцев земли⁴. «Один богатый бессарабский владелец земли, — продолжает Кочубей, — утверждал, что ежели подробно рассчитать все время, нужное на исправление означенных работ, на проезды и прочее, то окажется, что вместо 12 дней в году у царан отнимается бо-

¹ Постановление пунктов, Кишинев, 1819, глава II.

² Там же, глава III.

³ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. 11, т. 15, д. 11, л. 92.

⁴ Там же, л. 93.

лее 112 дней»¹. Кочубей находил, что новое постановление во многом не согласно с прежними узаконениями, оно вообще «обременительное для царан» и приведение в действие правил проекта не улучшит состояния царан и не будет способствовать прекращению существующих беспорядков, «раздоров их (царан. — Я. Г.) с владельцами земли»².

Выразитель интересов помещиков князь Кочубей опасался, конечно, не возможности ухудшения положения царан, в результате введения нового «Положения», а все растущих «беспорядков и раздоров», вероятности «возникновения новых неудовольствий и распри»³, т. е. Кочубея страшила обстановка обострения классовой борьбы в деревне, борьба крестьянских масс против помещичьего произвола, их отказ от выполнения феодальных повинностей. Во избежание более крупных крестьянских волнений, Кочубей, при рассмотрении проекта правил о царанах, стремился в интересах всего класса помещиков несколько умерить слишком большие притязания на увеличение повинностей царан со стороны наиболее яро крепостнически настроенных бессарабских бояр. В целом же Кочубей предлагал оставить царан во власти помещиков, лишить их права обращаться по своим делам в земские суды, полностью подчинив их, таким образом, как и русских крепостных, помещичьему произволу. «Было бы лучше, — говорил он, — по возможности отдалить участие нижних правительственных мест от дел царан с владельцами земли и между собою, учредив в каждом селении род суда первой инстанции из выбираемых старшин под водительством владельцев земли, сделав, чтобы он... был, так сказать, природным представителем и заступником царан, на его земле живущих...»⁴.

Таким образом, рассмотренный выше проект «Постановления пунктов об обязанных крестьянах (царанах)... 1819 г.» выражает стремление помещиков Бессарабии к еще большему усилению феодальной эксплуатации царан. Анализ этого документа показывает, что, в результате дальнейшего постепенного перехода помещичьего хозяйства на путь товарного производства, помещики стремятся все больше увеличить объем барщинных работ крестьян. Бессарабские помещики мечтали об установлении такой же нормы эксплуатации крестьян, как и в центральных районах России. Они оказывали всяческое давление на областное правительство, требуя «законным» путем увеличить количество барщинных работ крестьян. Помещики пытались доказать, что двенадцатидневная урочная барщина является весьма малой, что «земля не может дать поме-

¹ ЦГИАЛ. ф. 1149, оп. II, т. 15, д. 11, л. 93 об.

² Там же.

³ Там же, л. 94.

⁴ Там же, л. 94 об.

щикам хорошего дохода и сельское хозяйство никогда не придет в надлежащее устройство, потому что владельцы не будут иметь довольно рук для возделывания земли, а поселяне, обязанные весьма малой повинностью, никогда не обратятся к трудолюбию...»¹. Даже один из ярких выразителей помещичьих интересов граф Воронцов вынужден был признать, что бессарабские «помещики, завлеченные в заблуждение не настоящими правами своими, а злоупотреблениями... простирают слишком далеко права свои на поселян...»².

Царское правительство не решилось утвердить представленный проект положения о царанах 1819 г. Оно опасалось, что увеличение феодальных повинностей, предусмотренное этим проектом, обострит и усилит борьбу крестьян против феодального гнета.

Чтобы удовлетворить основные требования помещиков и обмануть крестьян мнимыми заботами о них, правительство поручило бессарабскому губернатору Инзову, приняв за основу проект правил о царанах 1819 г., составить новый проект положения о царанах, учитывая при этом мнение не только членов верховного областного совета, но и «достойного уважения людей, особенно из принадлежащих к классу владельцев земли...»³.

Инзов, будучи проводником политики царизма на Балканах, стремился привлечь внимание балканских народов к «благоустроенному» краю, каким царизм пытался представить Бессарабию. С этой целью он составил новый, более умеренный проект положения о царанах и в 1823 г. представил его министерству внутренних дел. Учитывая напряженность классовой борьбы в деревне и опасаясь более мощных крестьянских волнений, Инзов в своем проекте предусмотрел некоторые уступки крестьянам, в частности дал юридическое подтверждение права свободного перехода крестьян на другие земли.

В восьмом параграфе одиннадцатой статьи было указано, что царане могут переменить место жительства тогда, «...когда они надеются переселением улучшить свое состояние, или даже и по другим причинам...»⁴.

В министерстве внутренних дел проект Инзова был отвергнут как не отвечающий всем требованиям помещиков. В своих замечаниях на этот проект тот же князь Кочубей написал, что «Инзов не исполнил данного ему предписания, войти при составлении сего положения о царанах в объяснение не только с чинами областного совета, но и с другими «достойными доверенности людьми»⁵. Далее, отвергая предложения Ин-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. II, т. 15, д. 11, л. 5 об.

² Там же.

³ Там же, л. 96.

⁴ Там же, ф. 1109, оп. II, т. 15, д. 11, л. 95 об.

⁵ Там же, л. 96 об.

зова об установлении свободного перехода царан на другие земли, Кочубей писал, что царанам нельзя предоставить по их желанию право свободного перехода, что царане якобы «всегда могут сказать, и даже всегда справедливо, что надеются переселением улучшить свое положение или имеют какие-либо другие причины оставить землю, на какой жили до толе»¹.

Отклонив проект Инзова, министерство внутренних дел передало дело подготовки «Положения о царанах» в руки новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа Воронцова. Последний составил и в 1825 году представил министерству внутренних дел новый, третий проект положения о царанах Бессарабской области. Этот проект носил более реакционный характер, больше отвечал основным требованиям помещиков Бессарабской области. В угоду помещикам Воронцов положил в основу своего проекта принцип так называемых «добровольно договорных отношений помещиков с царанами». Согласно этому принципу помещики и царане должны были заключать между собой на определенный срок «добровольные соглашения» о количестве земли, предоставляемой в пользование царанам, и о размерах повинностей царан в пользу помещиков². Кроме того, в угоду помещикам граф Воронцов предусмотрел в своем проекте пункт, категорически запрещающий царанам переселяться с помещичьих земель на казенные³.

Представив свой проект, Воронцов выразил желание обсудить его прежде всего в специально созданной комиссии. Однако созданная в 1826 г. комиссия из крупных чиновников-бояр при обсуждении проекта Воронцова нашла, что якобы «сей проект явным образом и преимущественно благоприятствует поселянам за счет выгод владельцев земли»⁴. Комиссия заключила, что проект не может быть утвержден без существенной переделки. Министерство внутренних дел, которое занялось доработкой этого проекта, поддержало мнение комиссии. Проект был переделан с учетом максимальных требований помещиков Бессарабии.

Борьба вокруг проекта «Положения о царанах» была выражением некоторого расхождения, возникшего среди влиятельных правящих групп помещичьего класса по вопросу о методах проведения политики царизма на данной окраине. Крепостники, в лице Кочубея, Воронцова и других, стояли на позициях проведения «твердого курса» колониальной политики в крае. Средством же укрепления позиции царизма на Балканах они

¹ ЦГИАЛ, ф. 1109, оп. II, т. 15, д. 11, л. 96 об.

² Там же, л. 97 об.

³ Там же, лл. 99—100.

⁴ Там же, л. 27—28, об.

считали, главным образом, мощь русской армии. Вторая группа правящей верхушки, в лице Инзова и других, при проведении царской колониальной политики на этой окраине и в интересах упрочения позиции царизма на Балканах, считала необходимым больше лавировать, сделать крестьянам Бессарабии некоторые мелкие уступки с тем, чтобы этими «благодеяниями царизма» привлечь внимание и завоевать симпатии народов Балкан.

Таким образом, борьба вокруг этого проекта задерживала его введение.

Царянам Бессарабии давно стало известно, что правительство готовит аграрный закон, который должен «урегулировать взаимоотношения между царанами и помещиками». Не зная крепостнического содержания этого законопроекта, они вначале возлагали некоторые надежды на него. Но бесконечная задержка с выработкой этого «Положения» (с 1819 по 1834 гг.) и известие о том, что помещики, путем введения нового положения, хотят еще больше закабалить их, усилили брожение среди царан. Как уже указывалось выше, среди крестьян распространялись различные слухи, например о том, что «начальство дозволило переселяться на казенные земли», но этим разрешением нужно воспользоваться до проведения переписи, так как те крестьяне, которые не воспользуются этим, «после переписи останутся крепостными у помещиков».

По донесению хотинского земского исправника, «под влиянием различных слухов поселяне оставляют свои хозяйства, ходят толпами из селения в селение, совещаются между собой, следуют за коноводами, приводят к присяге с клятвой, собирают значительные суммы денег и отправляют от себя ходатаев в уездные и областные города, отказываются отбывать владельцам повинности, не делают для себя посевов и не желают повиноваться ни владельцам, ни земской полиции»¹.

Движение среди царан усилилось к концу 1833 г. в Хотинском уезде, затем оно охватило Ясский и Сорокский уезды. Крестьяне массами стремились к переселению на казенные земли. Посессор с. Балкауцы, Хотинского уезда, жаловался, что, из 80 семейств посессии 50 подговорены к переселению в Буджак². В этом же году помещики Ясского уезда направили губернатору донесение, весьма сходное с донесением хотинского исправника, ставя его в известность, что среди зависимых от них крестьян распространяются слухи, будто им будет разрешено переселяться на государственные земли. Они писали, что «царане ходят толпами из селения в селение для советов, отправляют делегатов в уездный и областной город за сведениями. Они не выполняют свои обязательства в отношении по-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2386, л. 64.

² Там же, д. 2387, л. 14.

мещика, не заботятся о посевах и таким образом разоряют помещика; не повинуются земской полиции...»¹.

Ясский предводитель дворянства доносил губернатору, что дворяне его уезда на своем чрезвычайном собрании потребовали довести до сведения высшего начальства, что «от волнения поселян предвидятся худые последствия не только для хозяйства владельцев, но и опасность для самой жизни»². То же самое подтвердил и областной предводитель дворянства, требуя принятия срочных и строгих мер для подавления крестьянских волнений.

По распоряжению бессарабского губернатора Аверина, были приняты административные меры. Жителей собирали в церквях и в присутственных местах, где доводили до их сведения циркуляры губернатора, в которых крестьян убеждали в ложности распространяемых слухов, заверяли их, что «крепостничества в Бессарабии нет и не будет»³, требовали от них повиновения помещикам и властям, строгого выполнения феодальных повинностей.

Усиление крестьянской борьбы заставило правительство принять решительные меры. В 1833 г. царь приказал «строжайше подтвердить всем местным властям все буйства укрощать не потворством, а наказывая виновных даже силою... Предписать по войскам, чтобы со стороны оных в означенных случаях оказываемо было гражданскому начальству безотлагательное содействие»⁴.

Обострившееся положение в деревне вынудило царское правительство попытаться «урегулировать» взаимоотношения между помещиками и царанами, утвердив, наконец, проект давно готовившегося «Положения о царанах». В 1834 г. было опубликовано «Положение о царанах или свободных земледельцах Бессарабской области».

Положение 1834 г., составленное группой крупных бессарабских помещиков под председательством губернатора, по официальной, правительственной установке должно было «упорядочить», «нормализовать» взаимоотношения между царанами и владельцами земли — помещиками, устранить «недоразумения» и «споры», часто возникавшие между царанами и помещиками и на почве отсутствия между ними законно оформленных письменных соглашений об условиях пользования царанами помещичьей землей и отбывания феодальных повинностей. По существу же это «Положение» имело своей целью «законным» путем заставить царан отбывать возроставшие феодальные повинности.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2387, л. 7.

² Там же, д. 2164, л. 24.

³ Там же, д. 2287, л. 42.

⁴ Там же, д. 2150, л. 5.

Переходя к анализу «Положения о царанах 1834 г.», следует указать, что в его основу были положены указ об обязанных поселянах левобережья Днестра 1804 г. и проект «Положения о царанах 1819 г.», с некоторыми изменениями и дополнениями¹.

Положение о царанах или свободных земледельцах Бессарабской области, утвержденное в 1834 г., состояло из четырех глав: о взаимных отношениях владельцев земель и царан Бессарабской области, о сельском управлении царан, о порядке выборов и назначений на сельские должности и о правах и ответственности сельских выборных.

Согласно этому положению, «царане переводились в разряд свободных сельских граждан», с предоставлением им «самостоятельного, общественного, волостного и сельского устройства».

В соответствии с содержанием первой главы, взаимоотношения между помещиками и царанами должны были определяться особыми договорами. Помещики и царане должны были заключить между собою на основе «добровольного соглашения» письменные договоры на срок от трех до двадцати лет о пользовании царанами помещичьими землями и об определении повинностей за эти земли (§§ 1—2). Повинности определялись барщиной в урочных днях, натуральной оплатой продуктами или деньгами, в зависимости от условий договора (§ 4). Кроме того, царане обязаны были всем обществом охранять цельность леса помещика. Если царанин на полученном в пользование от помещика участке земли захочет посадить сад или виноградник, он обязан заключить с помещиком особое соглашение, где оговаривается, какая часть дохода будет предоставлена владельцу (§ 6).

Положение попрежнему сохраняло монополию на продажу вина в руках помещиков. Параграф седьмой гласил, что распивочная продажа вина принадлежит одному владельцу земли, царане могут продавать свое вино только с его разрешения².

Одиннадцатым параграфом первой главы определялось право перехода царан на другие земли. Право перехода царан, формально провозглашенное постановлением, было поставлено в прямую зависимость от воли помещиков. Если учесть все ограничения (прежде всего при переходе на другие земли необходимо было оставить жилые помещения и полностью расплатиться с помещиком и государством), то станет ясным, что переход царан от одного помещика к другому или на собственные земли был сильно ограничен.

Даже представители царской администрации вынуждены были признать тяжелое положение царан. По отзыву бессарабского губернатора «...хотя царане и имеют право заклю-

¹ ПСЗ, II, т. IX, № 6739.

² Там же.

чать или не заключать договоры на выгодных для них условиях, но зато помещика никто не обязывает дать им землю на известных условиях, и если ни один, ни другой, ни третий из помещиков не согласится на предлагаемые царанами условия, то они должны остаться без земли, без жилищ и без всяких средств к пропитанию, или точнее, подчиниться невыгодным для них условиям»¹. Таким образом, бессарабский губернатор вынужден был признать неравное положение двух сторон при заключении договоров: если помещики имели средства производства в виде земли и пользовались содействием правительства, то царане были лишены и того и другого.

«Положение 1834 г.» предусматривало также и случаи, когда царане отказываются от заключения договоров с помещиками. В таких случаях они могли сохранить в своем пользовании прежние земли, но обязаны были отбывать помещикам повинности сообразно древним молдавским узаконениям, т. е. они должны были отбывать ранее установленное количество урочных дней, фактически выполнять все необходимые помещику работы, отдавать ему десятую часть урожая и отбывать другие виды повинностей. Причем предусматривалось, что царане выполняют все работы «под надзором помещика и при наблюдении сельской полиции»².

В последующих главах «Положения» (2, 3, и 4-я) определяется порядок учреждения и деятельности сельского и волостного управлений, сельского и земского судов.

Создание сельского и волостного управления в обществах царан Бессарабской области имело своей целью еще больше укрепить власть помещиков и государства над царанами, при опоре на сельских богатеев, которые под надзором помещика и полицейских властей должны были вершить судьбами сельского и волостного управлений.

Классовая сущность учреждаемого сельского и волостного управлений царанских обществ определяется функциями и задачами этих управлений, а также порядком выборов и составом лиц, могущих быть избранными.

Введение новой ступени — волости — объясняется стремлением помещиков и государства усилить контроль над деятельностью царан. Пятнадцатый параграф второй главы гласит, что «для удобнейшего наблюдения за порядком между царанами, поселенными на землях духовного ведомства и частных владельцев, из селений их составляются волости...»³. В каждой волости учреждалось волостное управление. Особенно наглядно проявляется феодально-крепостническая сущность этого управления в § 27, где сказано: «Волостные управления

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. 1, л. 308.

² ПСЗ, II, т. IX, № 6739.

³ Там же.

состоят в непосредственном ведении земского суда и все посылаемые от одного приказания, до земства относящиеся, предъявляют для сведения владельцам земель (т. е. по сути, согласовывают с ними. — Я. Г.), объявляют царанам, которые обязываются выполнять их беспрекословно, под угрозой строгого наказания». Далее: «Волостные правления и сельские старосты, — говорится в «Положении», — обязаны побуждать царан к исправному взносу податей и денежных земских повинностей, делать наряды людей и подвод для исправления всех земских нужд и исполнения законных требований военных и гражданских начальств. Они наблюдают за тем, чтобы царане не прежде переходили от одного владельца к другому для водворения, как заплатив по прежнему месту жительства все следовавшие с них казенные подати и общественные повинности...»¹

Как это следует из «Положения 1834 г.», главные функции сельского и волостного управления царан и состояли в том, чтобы заставить царан «безукоснительно» отбывать все повинности помещикам и уплачивать государственные подати, а также силой местной власти всячески препятствовать царанам свободно переходить на другие земли.

О порядке выборов и назначений на сельские и волостные должности в положении сказано, что голова старшин, заседатели волостного правления и сельские старосты выбираются из «добрых хозяев, имеющих собственное свое хозяйство, хорошего поведения и не только не подвергавшихся никогда наказаниям, но и не бывших и в подозрениях...»², т. е. из сельских богатеев. К тому же выборы волостного головы и волостного управления проводились в присутствии и под контролем уездного предводителя дворянства, что полностью обеспечивало соблюдение интересов помещиков при выборах в это правление.

А. Афанасьев-Чужбинский следующим образом описывает «самоуправление» царан, организованное в соответствии с этим «Положением»: сельские общины избирают старосту, группируются в волости под начальством тоже выборного головы и повидимому пользуются самоуправлением, будучи в ведении земской полиции. Но «в это самоуправление вкралась помещичья власть, ибо помещик может наказать крестьянина за леность и грубость, по закону, самым незначительным количеством ударов, если помещик имеет право наказать мужика хоть одним ударом, то при снисходительности полиции не трудно представить себе — до какой степени может увеличиваться единица. Выборы головы, — продолжает далее автор, — одна кукольная комедия; воля и участие общины в

¹ ПСЗ, II, т. IX, № 6739, § 36.

² Там же, § 55.

этих выборах играют самую ничтожную роль, а обыкновенно утверждаются люди, заслуживающие доверия земской полиции»¹.

Таким образом, «Положение 1834 г.» не только узаконило давно сложившиеся феодальные повинности царан, но, вводя так называемые «добровольно-договорные отношения», предоставило установление размеров этих повинностей произволу помещиков. Владея землей и политической властью, помещик мог заставить царан принять тяжелые для них условия договора или отбывать повинности по старым узаконениям. Несогласие царан с требованиями помещиков влекло за собой лишение их земли. Это неравное положение помещиков и царан, вводимое так называемым «добровольным договором», вынуждены были признать, как указано выше, и представители царской администрации в Бессарабии.

Хотя «Положение 1834 г.» и объявило царан лично свободными с предоставлением им права перехода на другие земли (§ 11, гл. I), но многочисленные оговорки и ограничения по сути дела сильно урезывали это право царан.

С обнародованием «Положения о царанах 1834 г.» борьба царан против феодально-крепостнического гнета обострилась. 30—40 гг. характеризуются борьбой царан против введения весьма тяжелых для них законов — «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.»

Введение в Бессарабии «Положения о царанах 1834 г.», как и «Нормального контракта 1846 г.», было частью общей аграрной политики царизма в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Царское правительство в те годы, в интересах сохранения старого строя, делало попытки разрешения крестьянского вопроса при сохранении основы феодально-крепостнической системы — феодальной собственности на землю. Такую цель, как известно, ставили перед собой секретные комитеты 1835 и 1839 гг., М. М. Сперанский и П. Д. Киселев в своей программе «попечительства» над крестьянами.

Секретный комитет 1839 г., например, обсуждал проект о добровольных соглашениях помещиков с крестьянами, об определении крестьянских наделов и повинностей, принципы которого были положены в основу «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.» Для России в целом этот проект не был принят. Он встретил резкий отпор со стороны крепостников. Наподобие этих «положений» в России, в 1842 г. был издан указ об «обязанных крестьянах», который предоставил право помещикам заключать с крестьянами договоры о наделении их земель в пользование и о повинностях, с сохранением полного права вотчинной собствен-

¹ А. А. Афанасьев-Чужбинский, Указ. труд, стр. 20, 26.

ности помещика на землю, вотчинной полиции и суда. В 1847—1848 гг. были введены «инвентарные правила на Украине», которые по своему основному содержанию сходны с «Положением о царанах 1834 г.» и «Нормальным контрактом 1846 г.», введенными в Бессарабии.

«Положение о царанах 1834 г.», ярко отражавшее крепостнические тенденции бессарабских помещиков, еще больше усугубило и до того тяжелое положение царан — их заставляли заключать письменные (до 1834 г. по «обычаю» существовали только устные условия, которые легче было расторгнуть) «добровольные соглашения» об условиях пользования помещичьей землей и отбывании феодальных повинностей, выгодных только помещикам. Поэтому царане Бессарабии выступали против введения этого нового «Положения». Попытки помещиков и царских властей в принудительном порядке ввести «Положение 1834 г.» и навязать царанам кабальные условия пользования помещичьей землей привели к массовым крестьянским волнениям.

После 1834 г. стремление к переселению на казенные земли, отказы от заключения письменных, так называемых добровольных договоров, отказы от выполнения феодальных повинностей приобретали все более массовый характер, а местами сопровождались и открытым столкновением царан с помещиками и местными властями.

Царане, чтобы избежать кабальных условий нового «Положения», всячески стремились к переселению на казенные земли. В 1835 г. царане вотчины Фетешты, Хотинского уезда, в своем прошении царю писали: «... во избежание дальнейшего разорения просим причислить нас к казенным поселянам селения Фетешты»¹. Не желая заключать кабальные договоры с помещиком Де-Пальдо, царане села Поганешты, Кишиневского уезда, своим прошением от 30 ноября 1835 г. просили новороссийского и бессарабского генерал-губернатора разрешить им переселиться на казенные земли².

Не только царане, но и значительная часть резешей, которые вследствие захвата их земель помещиками разорились, также неоднократно обращались с просьбой к областному правительству о разрешении им переселиться на казенные земли. Так, резеши селения Болотино, Ясского уезда, в своем прошении областному правительству писали, что помещик Бодарев захватил их родовые земли, пользуется их доходами и «чинит разного рода обиды и притеснения». Помещик не только истребил их фруктовые сады и виноградники путем порубки, но разрушил их жилые дома, в результате чего резеши остались без крова. Не надеясь более добиться успеха

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 7, л. 7.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1985, л. 1.

в их тяжёлом деле с помещиком, которое тянулось уже 22 года, резеши просили областное правительство разрешить им переселиться на казенные земли¹.

Подобное же прошение подали местным правительственным властям 32 семейства с. Гура-Быкулуй, Бендерского уезда. Царане просили разрешить им переселиться на казенные земли в с. Броаска, Кишиневского уезда². Не будучи больше в состоянии переносить помещичий гнет, 23 семейства царан села Будешты, Кишиневского уезда, отказались от заключения кабальных договоров с помещиком и, не получив положительного ответа на свою просьбу о переселении на казенные земли, оставили свои дома и совершили побег в неизвестном направлении³.

Стремясь освободиться от тяжёлых феодальных повинностей, царане некоторых селений пытались уйти в города. 17 апреля 1836 г. с прошением разрешить им переселиться в г. Аккерман обратились к бессарабскому правительству царане сел Пуркары и Раскаец, Бендерского уезда. В обоснование причин своих стремлений уйти в город царане в прошении писали, что 19 лет назад они оказались во владении кишиневского архиепископского дома. С того времени за пользование землей они платили посессору десятую часть со всего урожая и, кроме того, по 3 рубля с семьи и полтора рубля с бурлака. Но со времени издания «Положения о царанах 1834 г.» посессор предъявил царанам новые условия: за пользование той же землей он потребовал десятую часть урожая и по 6 рублей деньгами с каждой семьи. Царане отказались подписать такие условия. Тогда посессор лишил царан половины всей земли, а за оставленную им половину земли потребовал с них десятую часть урожая и по 4,5 руб. деньгами с семьи. На этой почве в указанных селениях произошёл волнение крестьян⁴.

Наибольшее число крестьянских выступлений было в Хотинском, Ясском, Сорокском и отчасти Оргеевском уездах, т. е. в уездах с наиболее развитым помещичьим землевладением.

Самой распространённой формой борьбы бессарабских крестьян против все усиливавшегося помещичьего гнета, против «Положения 1834 г.» был отказ от выполнения феодальных повинностей и, прежде всего, отказ отбывать барщину. Эта форма борьбы стала принимать широкий, массовый характер и приводила зачастую к острым столкновениям с помещиками и местными властями. Об этом свидетельствуют многочислен-

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 1983, лл. 2—3.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1985, л. 57.

³ Там же, л. 69.

⁴ Там же, лл. 71—72.

ные жалобы как царан, так и помещиков, в уездную и губернскую администрации. О некоторых фактах неповиновения царан губернатор вынужден был донести новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору, а в отдельных случаях, и министру внутренних дел.

Так, по донесению губернатора, в 1836 г. крестьяне села Чучулены, Ясского уезда, «под клятвой» составили «заговор» не заключать с владельцами соглашений относительно отбывания повинностей. Некоторые крестьяне, заключившие ранее с помещиком тяжелые для себя соглашения, в дальнейшем расторгли их и отказывались выполнять повинности помещикам. Попытка помещика силой заставить крестьян отбывать повинности вызвала волнение в их среде. Все село оказало организованный отпор помещику и местным властям. Явившиеся для усмирения царан судебный заседатель и полицейские чины были обращены в бегство. Село было охвачено волнением в течение двух лет и отказалось выполнять феодальные повинности. Для подавления волнения были приняты репрессивные меры. Большая группа крестьян была арестована. Сорокско-ясский окружной суд, которому было передано на рассмотрение это дело, 14 апреля 1838 г. приговорил к различным наказаниям 44 человека: 36 человек было подвергнуто избиению розгами — по 15 ударов каждому, а дворнику Григорию Костаки — как «зачинщику» и «возмутителю» крестьян — было дано 45 ударов, 7 человек были приговорены к тюремному заключению¹. Посланная по решению суда военная команда подавила волнение и привела в исполнение решение суда, т. е. учинила расправу над крестьянами².

В декабре 1836 г. хотинский земский исправник доносил бессарабскому губернатору, что царане Хотинского уезда отказываются заключать с помещиками новые условия по отбыванию повинностей в соответствии с «Положением 1834 г.» и вообще оказывают сопротивление помещикам и властям, когда их хотят вынудить выполнять пункты «Положения»³. Царане местечка Липканы, Хотинского уезда, отказались отбывать повинности помещику и посессору. В своей жалобе бессарабскому губернатору от 27 июня 1836 г. они объясняют свой отказ тем, что помещик и посессор непомерно увеличили повинности. «Помещик и посессор, — пишут в своей жалобе царане, — принуждают нас работать сколько им угодно, принуждают лучше прежнего, довели до той степени, что мы даже не имеем чем пропитать свои семейства и уплачивать подати»⁴.

Упорное и длительное сопротивление оказали попыткам

¹ ЦГИА МССР, ф. 41, оп. 1, д. 265, лл. 228—234.

² Там же.

³ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1979, л. 4.

⁴ Там же, д. 1913, лл. 203, 208.

помещиков применить «Положение о царанах 1834 г.» царане сел Глины, Гиджево, Новоселицы и Бырново, Хотинского уезда. Брожения в этих селениях продолжались с 1834 по 1836 гг. В ответ на требование помещика заключить договоры о пользовании землей по новому «Положению» царане отказались отбывать повинности. Поверенные помещика и полицейские чины в с. Глины были избиты и изгнаны из деревни. По распоряжению суда была вызвана военная команда. 9 человек было арестовано. Но когда начался допрос арестованных, поднялась вся деревня. Крестьяне окружили дом, где находились арестованные, и освободили их, при этом, как указывает хотинский земский начальник, крестьяне заявили, что «то, что сделали арестованные — сделали мы все, мы не допустим экзекуции». Потом крестьяне избили и связали посессора и ватавов и разделили между собой скот посессора. Вскоре после выступления крестьян с. Глины начались волнения в селах Гиджево, Новоселицы и Бырново. Крестьяне этих сел прекратили полевые работы и категорически отказались отбывать повинности. По требованию уездного суда и земского начальника в эти села были введены крупные военные команды и волнение было подавлено¹.

В знак протеста против введения «новых» кабальных договоров по «Положению 1834 г.» царане усиливали борьбу, отказывались от выполнения феодальных повинностей и оказывали сопротивление властям. Характерными в этом отношении являются волнения царан в селах Васкауцы и Баланешты, Хотинского уезда. Хотинский земский начальник в своем рапорте от 28 июня 1836 г. писал бессарабскому губернатору о положении дел в указанных селах: «...дух волнующегося и неукротимого народа нисколько не внимает моим трудным увещаниям..., так как суд не имеет решительно никаких мер ко внушению царанам отбывать повинности, то осмеливаемся просить об военной экзекуции...»². Волнения крестьян в указанных селах были также подавлены военной силой³.

Возмущение и протест царан против кабальных условий «Положения 1834 г.» нашли свое отражение также в многочисленных жалобах и прошениях. Эти жалобы и прошения царан представляют для исследователя двоякий интерес. С одной стороны, они вскрывают тяжелые условия жизни царан во второй половине 30-х гг. — после опубликования «Положения 1834 г.», с другой — показывают, что крестьяне не мирились с этим положением, выступая против усиления помещичье-феодального гнета. Так, в своей жалобе от 30 июня

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2016, лл. 1—8.

² Там же, д. 1912, л. 205.

³ Там же, д. 2543, л. 225.

1836 г. царане с. Санкоуцы, Хотинского уезда, выражали решительный протест против действий посессора Ассельберга, который в соответствии с «Положением 1834 г.» увеличил урочные дни, а за неповиновение царан забирал их скот и наносил им жестокие побои. Пользуясь неурожаем и голодом 1834 г., посессор опутал многих царан указанного селения трехлетним кабальным договором; затем, требуя выполнения различных повинностей сверх договора, он довел их до крайнего разорения. Обращаясь к губернатору, 52 семейства царан этого селения просили его оградить их от побоев и издевательств посессора¹. Как докладывал хотинский земский начальник в своем рапорте от 11 сентября 1836 г., царане оставили хлеб посессора на корню и травы необранными, потому что он удвоил урочные дни. Все царане этого селения заявили: «Не найдем на работу, а хотим жить на казенных землях»².

Царане села Мендикауцы, Хотинского уезда, в количестве 29 семейств, в ответ на произвол помещика, самовольно, без разрешения властей, оставили свое селение и бежали на юг Бессарабии, поселившись в селении Сарата, Кагульского уезда. На требование местных властей вернуться обратно царане ответили решительным отказом³.

В марте 1837 г. оргеевский земский начальник донес губернатору, что жители сел Избешты, Машкауцы, Жаврены, Ракулешты, Суслены, Маркауцы и Требужены категорически отказались заключить письменные соглашения с помещиком: «Из 7 селений явились царане в полном составе и заявили помещикам и их поверенным, что они никаких условий заключать не будут, более того, пригрозили другим, что избыют камнями, если подпишут такую бумагу, и отобрали у сельского старосты печать». Протесты крестьян в Оргеевском уезде вылились в открытые волнения. На место происшествия прибыла полиция и арестовала троих крестьян — А. Китрян, Л. Мунтян и С. Марку, как «зачинщиков и возмутителей общественного спокойствия»⁴.

14 марта 1837 г. комиссия, учрежденная в г. Хотине для убеждения царан согласиться на заключение договоров в соответствии с «Положением 1834 г.», докладывала бессарабскому губернатору, что царане Грозинецкой волости полностью и категорически отказались заключить договоры с помещиками. Более того, царане сел Санкоуцы, Бочкоуцы, Широуцы и Коленкоуцы отказались выполнять повинности и оказали сопротивление полицейским чинам. 1050 царан собрались во дворе уездного предводителя дворянства и заявили все в один

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1912, лл. 351—352.

² Там же, д. 1913, лл. 353—356.

³ Там же, д. 2453, лл. 1—3.

⁴ Там же, д. 2627, л. 38.

голос: «комиссия нас обманывает, влечет к рабству и условиями силит закрепить нас навечно»¹. Волнение крестьян указанных сел было подавлено военными командами².

В 1837 г. в Сорокском уезде произошло крупное волнение царан. Крестьяне четырех сел оказали сопротивление помещику и местным властям, отказались выполнять распоряжения областного правления и бессарабского военного губернатора. Для расследования дела о неповиновении крестьян была назначена специальная следственная комиссия, которая установила факт открытого неповиновения и сопротивления крестьян, выразившегося в том, что царане сел Динжены, Гринауцы, Корженоуцы и Ренова в количестве 90 семейств в апреле 1837 г. отказались принять и выполнить условия контракта, предлагавшиеся им помещиком Мельниковым в соответствии с «Положением 1834 г.», а также категорически отказались переселиться в другое его имение — Единцы, Сорокского уезда. В своем заключительном акте комиссия отмечает, что «при побуждении поселян к выполнению условий контракта и к переселению в другое имение некоторые из них скрылись в ближайшие леса. Большинство же оказало упорное сопротивление. Вооружившись косами, топорами, кирками и др., они угрожали убить помещика и сжечь его дом»³. На требование заседателя сорокского земского суда повиноваться, крестьяне ответили категорическим отказом. Более того, они заявили, что сами «живыми в руки не дадутся» и убьют всякого, кто только попытается их арестовать. Крестьяне избили и обратили в бегство судебного заседателя, земского начальника и трех полицейских. Только с помощью вооруженного отряда в 80 солдат удалось сломить сопротивление крестьян. Большая группа крестьян была арестована и подвергнута зверскому избиению розгами. Но и при допросе и избиении крестьяне категорически заявили, что не приступят к исполнению условий договора «по случаю отягощения их помещиком Мельниковым непомерными повинностями»⁴.

На почве понуждения крестьян заключить договор с помещиком по «Положению 1834 г.» в июле 1838 г. произошло крестьянское волнение в с. Бучума, Ясского уезда. Крестьяне отказались выполнять 12 «урочных» дней барщины. Среди крестьян распространялся слух, что царь в своем указе якобы «велел отработывать помещикам только 12 простых дней и больше ничего». По решению ясского земского суда «возмутитель и распространитель ложных слухов» С. Лунгу был арестован, подвергнут избиению розгами и затем посажен в бельцкую тюрьму.

¹ ЦГИА МССР, ф. 43, оп. 1, д. 216, лл. 489—492.

² Там же.

³ Там же, ф. 38, оп. 1, д. 272, лл. 156—178.

⁴ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1105, л. 6.

Активную борьбу против феодально-крепостнического гнета вели также крепостные цыгане. В июне 1838 г. крепостные цыгане Киприяновского монастыря отказались отбывать барщинные работы. Несмотря на жестокие экзекуции, сопротивление их продолжалось более трех месяцев¹.

На отказ царан заключить договор на основе «Положения 1834 г.» помещики, посессоры и местные власти отвечали усилением репрессий и издевательств над крестьянами. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы крестьян, а также рапорты и донесения уездных прокуроров, земских начальников и других представителей местных властей бессарабскому губернатору.

Например, помещица Кристи, желая отомстить крестьянам за их отказ заключить договоры по «Положению 1834 г.» и отбывать повинности, пригласила к себе в сад одного из зачинщиков «буйства» — крестьянина Карабуша — и приказала своим слугам избить его. По распоряжению помещицы царанина Карабуша привязали к дереву и она собственноручно засекла его розгами до смерти².

Особую жестокость проявил в отношении крестьян помещик Бузня. Крестьянина Цуркана он привязал к лошади, бил батоном и заставлял ходить по горящим углям³.

В 1840 г. с жалобой на притеснение их помещиками и посессорами обратились к бессарабскому губернатору царане с. Корнешты, Ясского уезда⁴, резеши селения Бравичи⁵, царане м. Лапушны⁶, с. Нападены⁷, сс. Телицы, Шерпены, Пугачены, Солтанешты, Кишиневского уезда⁸.

В 1841—1843 гг. такие же жалобы подали губернатору царане с. Маркауцы, Хотинского уезда⁹, с. Ниспорены, Кишиневского уезда¹⁰, сс. Машкауцы и Олишканы, Оргеевского уезда¹¹. Притеснения крестьян помещиками и посессорами, их зверские издевательства над крестьянами приняли столь неприкрытый и массовый характер, что даже губернатор края (которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к крестьянам), опасаясь нарастания крестьянского движения, вынужден был 25 октября 1844 г. обратиться к полицейским исправникам и земским начальникам с циркуляром «о притеснении царан помещиками и посессорами Бессарабской области»¹². Можно себе предста-

¹ ЦГИА МССР, ф. 41, оп. 1, д. 303, л. 20—21.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3178, л. 15.

³ Там же, д. 3752, лл. 35—42.

⁴ Там же, д. 3686, лл. 26—27.

⁵ Там же, д. 3211, лл. 15—18.

⁶ Там же, д. 2838, лл. 43, 46.

⁷ Там же, д. 3469, лл. 11, 13.

⁸ Там же, д. 3624, лл. 1—6.

⁹ Там же, лл. 4—5.

¹⁰ Там же, д. 4022, л. 5.

¹¹ Там же, д. 4159, лл. 3—6.

¹² Там же, д. 4434, лл. 1—4.

вить, каково было действительное положение вещей, если даже губернатор вынужден был отметить, что помещики, и особенно посессоры, подвергают поселян за те или иные провинности экзекуциям и побоям без решения суда и потребовать от полицейских властей и земских начальников несколько оградить царан от незаконных притеснений землевладельцев и арендаторов.

В 30-х годах XIX в. в связи с наступлением помещиков на государственную деревню и усилением налогового гнета обостряется и борьба государственных крестьян против феодального гнета.

В 1834 г. происходили волнения среди государственных крестьян Бендерского уезда. В ряде сел они отказывались вносить государственные подати и выполнять повинности. Поводом к волнениям послужили слухи о предстоящей перемене состояния государственных крестьян. Возникшие повсеместно в России волнения государственных крестьян вызвали издание в этом же 1834 г. специального указа «О принятии строжайших мер для предотвращения нарушения порядка в государственных селениях»¹.

Борьба крестьян Бессарабии против введения «Положения 1834 г.» и связанного с ним усиления помещичьего гнета продолжалась и в начале 40-х гг. В марте 1845 г. царане с. Кишкарены, Ясского уезда, в ответ на принуждение помещика и властей заключить соглашение по «Положению 1834 г.» отказались отбывать повинности, оказали сопротивление помещику и земскому начальнику. По решению ясского земского суда 5 человек было арестовано². Такое же сопротивление оказали помещикам и властям крестьяне с. Манзырь, Кайнарской волости, Бендерского уезда³, и с. Сарата-Галбена, Кагульского уезда⁴.

Таким образом, борьба царан против введения кабальных условий «Положения 1834 г.» принимала самые разнообразные формы, начиная от обращений с жалобами и прошениями к властям, побегов с помещичьих имений и самовольного переселения и кончая отказом от выполнения феодальных повинностей и массовыми выступлениями, выливавшимися иногда в вооруженные стычки между крестьянами и полицией.

Об активном сопротивлении и борьбе крестьян свидетельствуют не только документы, исходящие от царан, но и многочисленные рапорты и донесения уездных исправников, земских начальников, судебных заседателей, предводителей дворянства и самого губернатора.

В своем рапорте от 23 декабря 1836 г. оргеевский земский

¹ ЦГИА МССР, ф. 38, оп. 1, д. 4446, л. 3.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 4434, лл. 26, 29.

³ Там же, д. 4799, лл. 5—8.

⁴ Там же, д. 4717, л. 1.

начальник доносил бессарабскому губернатору, что царане этого уезда упорно отказываются заключить соглашения с помещиками об отбывании повинностей в соответствии с «Положением о царанах 1834 г.». Попытка помещиков и властей принудить царан к заключению договоров вызвала сопротивление царан.

В большинстве сел Сорокского уезда, доносил уездный исправник, царане также оказывали сопротивление попытке ввести новое «Положение», предпочитая сохранение прежних условий².

В рапорте от 30 декабря 1836 г. леовский земский начальник докладывал бессарабскому губернатору о решительном отказе царан заключить соглашения с помещиком согласно «Положению 1834 г.»³.

В марте 1837 г. бендерский земский начальник доносил губернатору, что до сего времени еще никто из царан уезда не заключил с помещиками соглашения об отбывании повинностей⁴.

В том же году ясский земский начальник также докладывал губернатору, что за прошедший период, с 1834 по 1837 гг., в Ясском уезде заключили договоры с помещиками только царане 10 сел. Остальные отказываются от заключения договоров⁵.

После обнародования «Положения о царанах 1834 г.» отказ царан от выполнения феодальных повинностей и их сопротивление помещикам и властям становились повсеместными и принимали все более массовый характер, охватывая целые села. Это вызвало большую тревогу среди помещиков и властей.

Областной предводитель дворянства в своем представлении бессарабскому губернатору писал, что из многочисленных жалоб помещиков и из донесений земских начальников видно, что «поселяне повсеместно, во всех уездах области, уклоняясь от отбывания повинностей, вышли совершенно из должного повиновения своим владельцам»⁶. Он сообщал в своем представлении, что наиболее угрожающее для помещиков положение создалось в Хотинском уезде, где крестьяне не только «совершенно отказались от всякого отбывания повинностей», но зачастую оказывали сопротивление землевладельцам и властям, покидали имения своих помещиков и поселялись в южной части Бессарабии. Областной предводитель дворянства требовал «законной властью... привести поселян в должное повиновение к своим владельцам в отбывании ими повинностей»⁷.

1 ЦГИА МССР, ф. 2, оп. I, д. 1973, л. 3.

2 Там же, л. 9.

3 Там же, л. 10.

4 Там же, л. 25.

5 Там же, л. 12.

6 Там же, л. 61.

7 Там же, л. 19.

Бессарабский губернатор со своей стороны в рапортах от 16 февраля 1837 г. и от 21 марта 1840 г. доносил новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору о сопротивлении царан введению «Положения 1834 г.», об их отказе отбывать феодальные повинности. «Успех о соглашении царан, — писал он, — к заключению условий с владельцами на основании «Положения о царанах 1834 г.» произошел незначительный по случаю того, что царане большей частью не изъявляют на это согласия, не желают отбывать повинности»¹.

За шестилетний период, с 1834 по 1840 гг., из 777 деревень, заселенных царанами, только 100 деревень заключили договоры с помещиками, а именно²:

Уезды	Заключили
1. В Бендерском уезде	1
2. „ Аккерманском „	6
3. „ Леовском „	4
4. „ Кишиневском „	8
5. „ Оргеевском „	7
6. „ Сорокском „	15
7. „ Ясском „	18
8. „ Хотинском „	41
	100

Царане остальных 677 сел отказались заключить договоры с помещиками, не согласились принять условия «Положения 1834 года»³.

По неполным данным, с 1834 по 1846 гг. из этого количества сел в 48 уклонение царан от принятия условий «Положения о царанах 1834 г.» сопровождалось их категорическим отказом от выполнения каких-либо феодальных повинностей. В 27 селах царане, отказавшись выполнять феодальные повинности, оказали сопротивление помещикам и властям; в 19 селах, при попытке помещиков заставить царан отбывать феодальные повинности, произошли массовые крестьянские волнения, которые были подавлены военными командами; в двух селах все царане, а в 5 селах часть их, в ответ на принуждения помещиков отбывать повинности по новому «Положению», самовольно оставили свои насиженные места⁴.

Подводя итоги крестьянского движения в Бессарабии в 30-е гг. XIX в., следует отметить, что ему в основном свойственны те же формы борьбы, что и движению крестьян в первой трети века.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1973, л. 19.

² Там же, л. 57.

³ Там же.

⁴ Подсчет сделан автором на основании архивных документов, извлеченных из фондов ЦГИА МССР и ЦГИАЛ.

Вместе с тем, при сравнении движения этих лет с крестьянским движением первой трети XIX в. выявляются и некоторые его особенности. Так, если в первой трети XIX в. преобладали такие формы протеста и борьбы как подача жалоб и прошений, переселение и бегство на казенные земли, то в 30-х годах, в связи с изданием «Положения о царанах 1834 г.», запрещавшего им переход на казенные земли, и усилением феодального гнета, значительно возрастает количество случаев прямого отказа крестьян от выполнения феодальных повинностей, а также массовых крестьянских выступлений.

Период 30-х годов XIX в. был дальнейшим этапом в развитии борьбы крестьян всей России против феодально-крепостнического гнета. По данным, приведенным И. Игнатович¹, в это время в России имело место 138 крестьянских волнений, из которых 60 падают на 1830—1834 гг. и 78 — на 1835—1839 гг.

В своем «всепоподданнейшем» отчете за 1839 г. III отделение вынуждено было отметить, что все формы борьбы крестьян направлены «к одной цели, к освобождению... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же...»².

Все приведенные факты показывают, что крестьяне Бессарабии, как и России в целом, в эти годы боролись против феодального гнета, за подлинную свободу и землю.

б) Борьба царан против «Нормального контракта 1846 г.»

Обострение классовой борьбы в бессарабской деревне, как и в русской, в 30—40-х годах XIX в. является результатом тех глубоких закономерных процессов, которые происходили прежде всего в экономической жизни общества. Все более быстрое разложение феодально-крепостнических и формирование капиталистических отношений, обострение противоречий между развивавшимися производительными силами и устаревшими производственными отношениями определяли неуклонный рост борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета. Стремления старого реакционного класса помещиков путем усиления эксплуатации крестьян и приспособления своего хозяйства к новым экономическим условиям укрепить пошатнувшиеся устои крепостного хозяйства не только не достигали своей цели, но, наоборот, еще больше подрывали основы этой системы, приводили к дальнейшему обострению классовой борьбы, к неуклонному росту выступлений крестьян против феодально-крепостнического гнета. Об этом свидетель-

¹ И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М., 1925, стр. 134—135.

² Централхив, Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I, М., 1931, стр. 31.

ствуется рост крестьянских волнений как в России в целом, так и в Бессарабии.

В 40-х гг. XIX столетия крестьянское движение в России значительно усиливается. Оно охватило 12 губерний Поволжья и Черноземной полосы. Увеличилось количество крестьянских выступлений на Украине и в других частях России, в том числе и в Бессарабии. Если в 1835—1838 гг. на Украине отмечено 12 крупных волнений, то в 1845—1849 гг. уже 45.

Факты показывают, что борьба русского, украинского и молдавского крестьянства против феодально-крепостнического гнета особенно усилилась в 40-х гг. XIX в. в период нарастания кризиса крепостной системы.

Помещики, переводя свои хозяйства на рельсы товарного производства, стремились повысить доходность имений как путем расширения барской запашки и увеличения производства на рынок, так и путем расширения предпринимательства с использованием дарового труда царан. Увеличение барщины и оброка привело к усилению феодальной эксплуатации крестьян, но, вместе с тем, развитие товарного производства подрывало основы крепостного хозяйства и явилось одной из важных причин кризиса крепостной системы.

В условиях все усиливавшегося кризиса крепостной системы, при сохранении в основном старых методов ведения хозяйства, важнейшим источником увеличения помещичьих доходов являлось обеспечение их хозяйства во все возрастающем размере даровой рабочей силой царан.

Помещики Бессарабии сделали попытку обеспечить себя даровой рабочей силой царан при помощи «Положения 1834 г.», предусматривавшего, как уже указывалось, «добровольно-договорные» отношения помещика с царанами. Но «Положение 1834 г.» не оправдало надежд, возлагавшихся на него правительством и помещиками. Поскольку при заключении договоров помещики предъявляли слишком тяжелые условия, с которыми царане не соглашались, оно было введено лишь в небольшом количестве селений.

Несмотря на все меры, принятые правительством через духовенство, дворян и чиновников для убеждения царан заключить письменные условия, несмотря на образование в каждом уезде особых посреднических комиссий, только незначительное число царанских селений (100 из 777) заключили соглашения с помещиками. Следовательно, абсолютное большинство царан отказывалось заключить письменные договоры.

Бессарабский губернатор в своем донесении министру внутренних дел писал: «Большая часть царан, не согласившись с землевладельцами ни письменно, ни словесно, пошли скитаться от помещика к помещику, приискивая более выгодные условия и разоряясь до последней крайности. Их не сдержи-

вало ни постановление закона 1834 г. о том, что дома их остаются в пользу помещика, без всякого вознаграждения; они оставляли все свои обзаведения и бродяжничали»¹.

Многочисленные случаи открытого неповиновения и волнений царан заставили правительство предпринять новую попытку «урегулирования земельного вопроса», имея в виду при этом опять-таки не улучшение положения крестьян, а необходимость обеспечения помещиков даровой рабочей силой царан в условиях роста товарного производства.

В связи с увеличением спроса на хлеб в странах Западной Европы (он усилился особенно ввиду неурожая в ряде западноевропейских стран и отмены хлебных законов в Англии), в конце 30-х и в начале 40-х гг. цены на хлеб в Одесском порту возросли вдвое — с 18 до 36 руб. ассигнациями за четверть. Благодаря этому создавалась благоприятная конъюнктура для экспорта бессарабского хлеба.

Наличие у помещиков огромного количества плодородной земли позволяло им значительно расширить посевы и для этого необходимо было иметь достаточное количество рабочих рук. Проблема рабочей силы возникла в Бессарабии потому, что царане считались лично свободными и пользовались, хотя и ограниченным, правом ухода от помещика. С этим не могли мириться бессарабские помещики, особенно когда возникла возможность значительного увеличения производства хлеба на продажу. Крепостнические стремления бессарабских помещиков, направленные на отмену прав перехода царан с целью обеспечить себя рабочей силой, очень ярко выразил бессарабский областной предводитель дворянства в своем представлении бессарабскому губернатору от 25 апреля 1841 г.

Причины затруднения быстрого и широкого развития помещичьей запашки он объясняет отсутствием достаточного количества рабочих рук и требует ограничения перехода царан в города и на собственные земли. Царане, как указывает он, во время полевых работ самовольно уходят на заработки в другие места, стремясь вместе с тем избавиться от помещичьих повинностей. Многие из них приписываются в городские общества или переходят на резешию и, таким образом, помещики теряют рабочую силу.

Чтобы поднять земледелие в помещичьих имениях Бессарабии, предводитель дворянства предлагал:

1. Ввести в действие в Бессарабии статьи 254, 255-е IX тома Свода законов о состояниях, ограничивающие переход крестьян в городские сословия.

2. Подчинить царан «по части хозяйства их побуждению помещика».

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. I, лл. 307—308.

3. Запретить царанам в рабочее время отлучаться с места своего жительства, пока не отработают помещицьи повинности.

4. Запретить царанам, имеющим менее 4 десятин, переходить на собственные земли¹.

Введение «Положения о царанах 1834 г.», основанного на «добровольном договоре», не оправдало ожидания бессарабских помещиков, не обеспечило их большим количеством даровой, стабильной рабочей силы.

Так называемые «обычаи земли» — устные соглашения между помещиками и царанами о пользовании помещицьей землей и отбывании феодальных повинностей — уже не могли удовлетворять помещиков. Будучи задавленными нуждой, рискуя быть наказанными розгами, царане зачастую отказывались от устных соглашений. Поэтому помещики хотели закрепить свои права на труд царан письменно, законом.

Не добившись ожидаемых результатов от введения так называемых письменных «добровольных» соглашений между помещиками и царанами, царское правительство пошло навстречу требованиям помещиков издать новое положение. Этим положением оно хотело заставить царан в «законном» порядке принять кабальные условия пользования помещицьей землей, продиктованные помещиками и имевшие своей целью обеспечить последних достаточной рабочей силой, особенно необходимой им в условиях растущего товарного производства. С этой целью и был издан в 1846 г. так называемый «Нормальный контракт»².

«Нормальный контракт», так же как и «Положение 1834 г.», предлагал царанам заключать «добровольные» соглашения с помещиками об условиях пользования землей и несения повинностей. Но в том случае, если стороны не приходили к соглашению, помещики должны были наделить крестьян землей, а крестьяне обязаны были отбывать помещикам повинности согласно правилам «Нормального контракта». Последний предусматривал как количество земли, которую помещик должен был предоставить в пользование царанам, так и размер крестьянских повинностей помещикам.

Казалось бы, что «Нормальный контракт» выражает интересы обеих сторон и является обязательным как для помещиков, так и для царан. На самом же деле (если учесть его крепостническую сущность, весьма выгодную для помещиков и чрезвычайно тяжелую и кабальную для царан) этот «закон» был обязательным и даже принудительным только для царан.

Принудительный характер «Нормального контракта» для царан был признан по сути в указе правительствующего сена-

¹ ЦГИА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 310, лл. 68—71.

² ПСЗ, т. XXI (1846), № 19881.

та. В нем сказано, что «...некоторые из упомянутых лиц (царан и помещиков. — Я. Г.) таким правом не пользовались (заключать «добровольные» соглашения. — Я. Г.) и означенных условий не заключили, то взаимные их отношения должны уже быть определены в самом законе. На сей конец составлены в министерстве внутренних дел особые по настоящему предмету правила...»¹. «Неограниченная свобода договоров, — пишет министр внутренних дел, — существовавшая с 1834 по 1846 год, оказалась несостоятельной и вызвала принудительный договор — «Нормальный контракт»² (принудительным он был, конечно, только для царан).

Правила «Нормального контракта», так же как и «Положение 1834 года», распространялись на царан, живших на помещичьих и монастырских землях. Те царане, которые до 1834 г. поселились на казенных землях, были оставлены в ведомстве государственных имуществ на особых условиях, определенных для государственных крестьян России вообще³, т. е. они были зависимы от феодального государства.

«Нормальный контракт» определял надел для крестьянского семейства в размере от 3,9 до 13,7 дес. земли, в зависимости от наличия рабочего скота⁴. Вся эта земля отводилась царанину для хлебопашества, сенокоса, выгона для скота, под двор, хозяйственные заведения, сады и огороды. Причем было точно указано, что под двор и хозяйственные заведения отводится царанину, не имевшему волов, 10 пражин, имевшему две пары волов — 12 пражин и т. д., добавляя одну пражину на каждую пару волов⁵. Характерно, что параграфом третьим этого закона определено, что более 10 фалч и 44 пражин земли царанину не давать, потому что, приобретя четыре пары волов, он может иметь собственный свой плуг, следовательно быть полным хозяином⁶. Издавая этот закон, царское правительство в интересах помещиков заботилось о том, чтобы царанин не мог иметь более одного собственного плуга, т. е. чтобы он оставался всегда в зависимости от помещика.

Положения «Нормального контракта» полностью отвечали интересам помещиков. По сути помещик был волен выполнять или не выполнять условия этого закона. Если помещик не хотел наделять крестьян землей из расчета на 3 и 4 пары волов, то он волен был отдавать крестьянам землю только за одну или две пары волов. Более того, по своему усмотрению помещик мог выделить царанам по принятой уже традиции $2/3$

¹ ЦГИА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 17, лл. 28—29.

² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. 1, л. 316.

³ Там же, л. 308.

⁴ ПСЗ, т. XXI, № 19881, § 1.

⁵ Там же, § 4.

⁶ Там же, § 3.

своей земли по сколько бы не пришлось на крестьянский двор¹.

Но зато для крестьян положения этого закона становились принудительными. Параграф девятый положения, например, устанавливал, что в случае уклонения царан от приема выделенной им в пользование земли, ее измерение и выделение производятся (вопреки желанию крестьян) владельцем в присутствии поселянского стряпчего, депутата от дворян и старшины волостного правления. Вопреки желанию царан составляется акт о передаче царанам земли, и, таким образом, они обязаны были в принудительном порядке отбывать помещику за ту землю, которую им выделяли, все установленные «Нормальным контрактом» повинности.

В соответствии с законом помещики должны были отводить царанам землю, удобную для хлебопашества, сенокоса и пастбища на расстоянии не более 10 верст от селения. При этом царане должны были иметь удобный и достаточный водопой². Но фактически, как увидим дальше, помещики не соблюдали этого параграфа положения. Они отводили царанам зачастую земли неудобные, мало плодородные, вдали от селений и водопоя. Очень часто земли царан отделялись от селений и водопоя помещичьими землями, что позволяло помещику держать царан в вечной кабале.

За полученную в пользование землю крестьяне должны были нести тяжелые повинности: барщину (отработка так называемых урочных дней), натуральный оброк — «дижма» (десятая часть от всех произведений земли) и ряд других.

Если сложить все виды работ, которые исполнял по «Нормальному контракту» царанин, имевший одну пару волов и наделенный 4 фалчами 41 паж. земли (5 дес. и 194 кв. саж.), то получим следующий итог³:

1. 12 урочных дней — для выполнения объема их работы требовалось около 40 дней.
2. Работа по ремонту и строительству — 4 дня.
3. Предоставление подвод на расстояние 80 верст (оба конца 160 верст) — 4 дня.
4. Починка плотин и гатей — 2 дня.
5. Вывозка дров — 2 дня.

Итого 52 дня.

Надо полагать, что этот подсчет, сделанный министерством внутренних дел, значительно преуменьшен. Царане по существу отбывали помещикам за пользование небольшими участками земли значительно больше 52 дней.

¹ ПСЗ, т. XXI, № 19881, § 3.

² Там же, § 9.

³ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. XV, д. 93, ч. 1, л. 310.

Таким образом, мы наблюдаем рост феодальных повинностей царан. Если в 70-х гг. XVIII в. для выполнения всего объема работ, предусмотренного 12 урочными днями, необходимо было отрабатывать минимум 40 рабочих дней¹, в начале XIX в. — 52², то по исследуемому акту этот минимум должен был составить 52 дня, а по данным Дарагана — 60 дней³. Это — в абсолютных числах. В относительных же еще более ярко вырисовывается картина увеличения степени эксплуатации царан по мере роста минимума рабочих дней барщины в пользу помещика. По данным Реньо, на которого ссылается Карл Маркс при исследовании особенностей барщинного хозяйства в Дунайских княжествах, вследствие плохого климата «...сельскохозяйственный год не имеет более чем 210 дней. Нужно вычесть 30 воскресений, 10 праздничных дней, 30 дней плохой погоды — всего 70; остается 140 дней.

Однако, как указывал при анализе «Органического регламента» К. Маркс, это лишь законом установленный барщинный труд»⁴.

«Нормальный контракт 1846 г.», так же как и «Органический регламент», давал «...возможность своего собственного обхода»⁵.

В общем, к «Нормальному контракту 1846 г.» вполне применимо указание Маркса, относящееся к «Органическому регламенту», что он является «...положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом»⁶.

Этот крепостнический по своей сущности закон еще более ухудшал и без того тяжелое положение царан. Ответом на явно крепостнические поползновения бессарабских помещиков, нашедшие свое отражение в «Нормальном контракте», явилось усиление борьбы крестьян против феодального гнета. В период введения «Нормального контракта» (1846—1850 гг.) в Бессарабии имел место ряд массовых крестьянских волнений. Крестьяне оказывали сопротивление введению «Нормального контракта», отказывались от выполнения феодальных повинностей. Против неповинующихся крестьян принимались судебно-полицейские меры: их подвергали телесным наказаниям и заключали в остроги. Несмотря на применение суровых карательных мер, борьба крестьян Бессарабии против своих эксплуататоров продолжалась и все усиливалась. Отказы от за-

¹ Uricarul, vol. II, Jași, 1875, pp. 17—19.

² Постановление пунктов, 1819, Кишинев.

³ Д а р а г а н, Военно-статистическое описание Бессарабской области, СПб., 1849, ч. 3, стр. 104.

⁴ К. М а р к с, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 243.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 244.

ключения условий по «Нормальному контракту» становились массовыми.

Для того чтобы освободиться от тяжелых феодальных повинностей, установленных «Нормальным контрактом», царские крестьяне зачастую отказывались пользоваться помещичьей землей и требовали переселения их на казенные земли, будь то и в Сибирь.

Так, например, крестьяне селений Фынтына и Пырлица, Бельцкого уезда, отказались получить помещичью землю на кабальных условиях «Нормального контракта» и в октябре 1846 г. обратились в земский суд с требованием о разрешении им переселиться на Кавказ¹.

В сентябре 1846 г. крестьяне села Манзырь, Бендерского уезда, заявили помещику, что «пусть хоть головы режут, отдадут в солдаты, ссылают куда угодно, но земли, предлагаемой в надел по «Нормальному контракту», они не примут и никаких повинностей помещикам отбывать не будут»². Более того, крестьяне угрожали убить каждого, кто пойдет на соглашение с помещиком. По приказу властей инициаторы крестьянского волнения были заключены в тюрьму³.

В своем рапорте на имя бессарабского губернатора бендерский земский начальник писал: «Условия «Нормального контракта» кажутся крестьянам тягостными и количество получаемой земли недостаточным, они согласны заключить добровольные условия и отработать попрежнему, где какие существовали обычаи, с тем чтобы пользоваться тем количеством земли как и раньше»⁴. «В имении помещика Маврикия с. Шерпены, — говорится в том же рапорте, — крестьянам была дана земля в соответствии с «Нормальным контрактом», но из-за тяжести условий крестьяне отказались получить и пахать эту землю. До самой весны поселяне все просили умеренных условий у помещика, а он все упорствовал». Будучи не в силах больше терпеть жестокую эксплуатацию своего помещика, крестьяне с. Шерпены в апреле 1847 г. поднялись с насиженных мест и ушли на юг, стремясь поселиться на казенных землях⁵.

Но крестьяне боролись и более активно. В знак протеста против введения кабального «Нормального контракта» они участвовали поджоги помещичьих имений, порубку леса и потраву помещичьих хлебов. За 12 лет, с 1847 по 1858 гг., в Бессарабии было 19 случаев поджога, большинство которых было совершено в Хотинском, Сорокском и Ясском уездах, где помещичий гнет был наиболее тяжелым. Помещики и царские власти жестоко расправлялись с крестьянами, боровшимися против

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5072, л. 9—11.

² Там же, л. 1.

³ Там же, л. 6—8.

⁴ Там же, д. 5132, л. 7.

⁵ Там же, д. 5072, л. 13.

помещичьего гнета. За указанный период в Бессарабии было осуждено и сослано в Сибирь за поджоги 32 человека¹. При малейшем подозрении в нарушении прав собственности помещика крестьян арестовывали и судили, подвергали жестоким избиениям: били розгами, батогами в присутствии всего общества для устрашения других.

Несмотря на жестокие меры наказания, крестьяне не прекращали ни на минуту борьбы против невыносимого помещичьего гнета.

Документы бессарабского областного правления свидетельствуют о том, что царские чиновники признавали положение дел в крае весьма серьезным.

Поставленные перед фактом усиления и роста крестьянского движения, местные власти пытались объяснить это не тяжелым положением крестьянских масс, в особенности царан, а распространением всевозможных слухов о свободе, якобы толкавших крестьян к неповиновению. «Царане многих селений, — сказано в одном из донесений, — одни по подстрекательству неблагомыслящих людей, а другие по наклонности и упрямству, отвергают означенные правила и не принимают выделенной им земли...»².

В циркуляре бессарабского губернатора по Бессарабской области и измайльскому градоначальству от мая 1847 г. сказано: «Крестьяне ни за что не принимаются и, передвигаясь с места на место, не заботятся даже о посеве хлеба, упуская таким образом самое удобное время для обеспечения себя и своих семейств продовольствием»³. В этом же циркуляре предписывается земским начальникам «подвергнуть строгому преследованию всех замеченных в распространении ложных слухов и на них лично возлагается ответственность за беспорядки»⁴.

Хотя, безусловно, истинной причиной крестьянских волнений являлся тяжелый феодальный гнет, не подлежит сомнению и тот факт, что распространение слухов о свободе в Бессарабии, как и в других частях России, оказывало определенное влияние на усиление крестьянского антифеодального движения.

Движение против введения «Нормального контракта» началось на севере Бессарабии — в Хотинском и Сорокском уездах.

Уже в мае 1847 г. хотинский земский начальник докладывал бессарабскому губернатору о сопротивлении царан с. Пырлицы попытке введения «Нормального контракта»⁵. Чтобы сломить сопротивление «ослушных и внушить им необходи-

¹ А. Защук, Указ, труд, стр. 445—446.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5072, л. 21.

³ Там же, л. 24.

⁴ Там же, л. 26.

⁵ Там же, д. 4799, л. 43.

мость» заключения договоров с помещиками по «Нормальному контракту», двое царан были арестованы и наказаны розгами¹. Стремясь избежать заключения кабальных условий, предусматривавшихся «Нормальным контрактом», многие царане Хотинского уезда добивались от властей разрешения переселиться на казенные земли, уйти в города или приписаться к дунайскому казачьему войску, которое находилось на особом, более льготном положении².

Упорное и длительное сопротивление (с 1847 по 1850 гг.) оказали помещикам и властям при введении «Нормального контракта» царане с. Баласинешты, Хотинского уезда. Царане этого села были обременены многочисленными и все возрастающими феодальными повинностями, к тому же управитель имения ежегодно сокращал их наделы земли, в частности пастбищ, и подвергал всевозможным издевательствам и побоям. Царане поняли, что «Нормальный контракт», закрепив формально права землевладельца, ухудшает их положение. Поэтому они в сентябре 1847 г. категорически объявили об отказе отбывать повинности и нежелании принять какие-либо условия по «Нормальному контракту». Свое прошение они заканчивали ходатайством о переселении на казенные земли³. 15 ноября 1848 г. хотинский уездный прокурор доносил бессарабскому губернатору, что царане с. Баласинешты отказываются принимать условия «Нормального контракта», не выполняют повинностей помещику Маразли и требуют устранения управляющего имением⁴. В с. Баласинешты было введено «временное полицейское отделение»⁵, 7 человек из «инициаторов буйства» были арестованы и, по решению суда, наказаны розгами⁶. Остальным крестьянам сделано «внушение», чтобы повиноваться помещику и властям. Кроме того, царан обязали компенсировать помещику потери, понесенные последним из-за несвоевременной уборки хлебов в результате отказа отрабатывать урочные дни⁷. Упорное сопротивление крестьян помещику и властям продолжалось, несмотря на жестокие репрессии, в течение трех лет. С целью положить конец неповиновению царан, заставить их отбывать помещичьи повинности и принять предложенные помещиком условия договора по «Нормальному контракту», решением бессарабского областного правительства в 1850 г. в с. Баласинешты была введена рота солдат Охотского пехотного полка, которая учинила жестокую расправу над царанами⁸.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4799, л. 43.

² Там же.

³ Там же, д. 4823, лл. 10—18.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Там же, д. 4799, л. 70.

⁶ Там же, д. 4923, л. 12.

⁷ Там же, д. 5147, л. 16.

⁸ Там же, д. 5246, лл. 33—34.

Одним из наиболее значительных выступлений крестьян Бессарабии в 40-х гг. против помещичьего гнета и введения «Нормального контракта» явилось выступление царан м. Теленешты, Оргеевского уезда. Когда в апреле 1847 г. помещик и полицейские власти собрали все общество царан м. Теленешты и стали понуждать его подписать новое соглашение по «Нормальному контракту» об условиях пользования помещичьей землей, царане отказались выполнить эти требования. Более того, они прогнали помещика и полицейских и отобрали у старосты печать¹. За «буйство» и сопротивление помещику и властям волостной суд приговорил 14 человек (Николая Прокопа, Василия Ханцука, Тудора Бишлягу, Василия Виера, Илью Флоряна и других) к наказанию розгами. Но когда судебный исполнитель в сопровождении полицейских чинов явился в м. Теленешты для приведения в исполнение решения суда, крестьяне снова оказали сопротивление. Когда полицейские для устрашения всего населения начали избивать розгами первого осужденного Василия Виера, крестьяне всего местечка — мужчины и женщины, — вооружившись кто чем мог, окружили и избили экзекуторов и освободили арестованных². Оргеевский земский суд в своем рапорте от 29 апреля 1847 г., адресованном бессарабскому губернатору, вынужден был признать, что причиной «буйства» и неповиновения теленештских жителей является «непомерное их отягощение повинностями и стремление переселиться на казенные земли в Аккерманский уезд, куда царане уже послали своих ходатаев»³. Выступление царан м. Теленешты было подавлено военной силой.

Такое же сопротивление оказали помещикам и властям при попытке введения «Нормального контракта» царане сс. Зарожаны, Ясского уезда⁴, Пырлицы и Ботосены, Сорокского уезда⁵.

Ясский земский начальник в августе 1847 г. докладывал губернатору, что во всем уезде царане только 6 селений заключили договоры с помещиками, остальные отказываются заключить договоры «по причине обременения их тяжелыми повинностями»⁶. В октябре 1847 г. сорокский земский начальник также докладывал бессарабскому губернатору об отказе царан этого уезда заключать договоры с помещиками по «Нормальному контракту»⁷. О том же докладывали хотинский, кишиневский и бендерский земские начальники. Решительное сопротивление введению «Нормального контракта»

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4903, л. 57.

² Там же, лл. 14—15.

³ Там же, лл. 8—12.

⁴ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1066, лл. 25—28.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 4799, лл. 21—22.

⁶ Там же, лл. 35—36.

⁷ Там же, л. 43.

оказали также царане сс. Надежда и Фрумушика, Аккерманского уезда¹.

Не добившись ожидаемых ими результатов от введения «Нормального контракта», помещики были охвачены серьезным беспокойством и обратились за помощью к местным властям. В своем циркулярном отношении от 19 октября 1847 г. бессарабский губернатор требовал от всех уездных исправников и земских начальников принимать всевозможные меры «убеждения и внушения царанам, дабы заставить их (царан. — Я. Г.) заключать с помещиками договоры, согласно «Нормальному контракту»². Однако и вмешательство губернатора не изменило общего положения. Царане попрежнему упорно отказывались заключать соглашения с помещиками на основе «Нормального контракта».

Не будучи в состоянии заставить царан выполнять все возраставшие повинности «по обычаю» (т. е. на основании устных соглашений), а также навязать кабальные условия «Нормального контракта», помещики все чаще прибегают к мерам открытого насилия и издевательств над царанами, хотя последние по закону и считались лично свободными.

Это усиление режима феодального террора в деревне в 40-х годах XIX в. нашло свое отражение в многочисленных жалобах крестьян.

Так, царане с. Боросены, Ясского уезда, жаловались губернатору, что помещик и посессор, в ответ на их отказ от принятия условий «Нормального контракта», прибегли к насилиям, издевательствам, подвергая их жестоким побоям³.

Царане с. Бешены, того же уезда, обратились с жалобой к бессарабскому губернатору на помещика Стырчу, который так же как и помещик села Боросены, подвергал их жестоким побоям⁴.

С аналогичными жалобами обращались к представителям властей царане сел Бужоры⁵, Ниспорены⁶ и Кожушна⁷, Кишиневского уезда.

В своем рапорте от 6 августа 1849 г. ясский уездный прокурор докладывал бессарабскому губернатору о жестоком обращении помещицы Войцеховской с крестьянами, что «вызывает брожение среди них»⁸.

В апреле 1850 г. царане с. Цибирики, Оргеевского уезда, жаловались губернатору, что помещик Гайлов отобрал у них большую и лучшую часть пашни, фруктовые и виноградные

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4799, л. 33.

² Там же, л. 24—26.

³ Там же, ф. 2, д. 3506, л. 3.

⁴ Там же, л. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1330, оп. 6, д. 184, лл. 1, 2, 4, 57.

⁸ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5339, лл. 1, 12.

сады, вместе с тем увеличивает повинности, подвергает их жестоким побоям¹. 13 мая 1850 г. царане с. Карабатовка, Бендерского уезда, жаловались губернатору на сокращение помещиком Макаровым их надела от 15 до 10 фалч на двор, на произвольный незаконный захват 400 штук овец, быков и коров, на увеличение повинностей².

Сознавая угрожающий характер последствий от такого обращения с крестьянами, бессарабский губернатор генерал Федоров счел нужным в 1849 г. разослать специальное циркулярное письмо помещикам и посессорам Бессарабии, в котором обращал их внимание на то, что слишком большие «притеснения и жестокое обращение с крестьянами могут вызвать худые последствия»³. Губернатор указывал, что к нему весьма часто поступают жалобы от крестьян на помещиков и особенно посессоров «за обременение их работами, превышающими не только обязательства, но даже силы человеческие, за причинение побоев и за захват их собственности. Зло это открытое в разных местах области... достигло высочайшей степени...»⁴. А это, как опасался губернатор, может привести к возникновению более крупных крестьянских выступлений.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что крестьяне Бессарабии оказывали упорное сопротивление введению крепостнического по своему содержанию «Нормального контракта». В результате упорного сопротивления царан к 1850 г. «Нормальный контракт» был введен лишь в незначительном количестве селений.

Борьба царан Бессарабии против «Нормального контракта» и других форм проявления усиливавшегося помещичьего гнета является частью общей борьбы крестьян России против крепостнического гнета.

Характеризуя эту борьбу, Маркс писал: «...с 1842 г. восстания крепостных против помещиков и управляющих стали эпидемическим явлением»⁵.

С 1846 по 1850 гг. «Нормальный контракт» был оформлен лишь в 132 селах. В абсолютном же большинстве — 645 селах — он еще не был введен главным образом из-за сопротивления царан. По далеко не полным данным, в 26 селах при попытке помещиков ввести «Нормальный контракт» крестьяне отказались отбывать феодальные повинности; в 12 селах крестьяне не только отказались отбывать повинности, но и оказали сопротивление помещикам и властям, из них 9 сел были охвачены массовыми волнениями⁶.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5408, л. 3.

² Там же, д. 5407, лл. 3, 6.

³ Там же, д. 5237, л. 1.

⁴ Там же.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 544.

⁶ Подсчет сделан автором на основании архивных документов ЦГИА МССР.

Выступление крестьян Бессарабии против крепостнического по своей сущности «Нормального контракта», саботаж мер, принимавшихся помещиками и царскими властями для его введения — являются одной из характерных форм борьбы царан против феодального гнета в 40-х гг. XIX в.

Факты свидетельствуют о том, что так же как и крестьяне России в целом, крестьяне Бессарабии вели упорную и напряженную борьбу против феодально-крепостнического гнета, внося таким образом свой вклад в расшатывание основ крепостнической системы и колониального режима царизма.

§ 3. Усиление борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета в 50-х гг. XIX в.

В 50-х гг. борьба против феодально-крепостнического гнета крестьян Бессарабии, как и других губерний России, значительно обострилась. Крестьянские волнения становились все более массовыми и упорными. Об этом свидетельствуют, прежде всего данные о росте количества крестьянских волнений в указанный период как в России в целом, так, в частности, и в Бессарабии. Количество крестьянских волнений в России с 1851 по 1861 гг. составляет 41% к общему количеству волнений за период с 1801 по 1861 гг.¹ Особенно усиливается борьба крестьян во второй половине 50-х годов. Если с 1850 по 1854 гг. в России было 141 крестьянское волнение, то в 1855—1861 гг. было уже 330².

Такую же картину мы наблюдаем и в Бессарабии в указанный период. С 1812 по 1861 гг. массовыми крестьянскими волнениями было охвачено 65 бессарабских сел. Из них в 26 селах массовые волнения происходили в 50-х гг. Причем, 19 из этих 26 сел были охвачены волнениями в 1858—1861 гг., т. е. в период революционной ситуации, сложившейся в России накануне крестьянской реформы.

Со времени освобождения от турецкого ига, с 1812 г., Бессарабия стала составной частью Российской империи. Установились тесные экономические и культурные связи присоединенного края со всей Россией. Наряду с этим, сложилась классовая солидарность и общность борьбы крестьян Бессарабии с крестьянами России в целом против гнета помещиков и царизма. Народы Бессарабии испытывали благотворное влияние передовой русской общественной мысли и сложившихся традиций мощного крестьянского движения в России.

¹ И. Игнатович, Крестьянские волнения первой четверти XIX века, «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

² И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М., 1925, стр. 331—332.

В 50-х гг. XIX в. формы борьбы крестьян Бессарабии, как и России в целом, против феодально-крепостнического гнета оставались те же: жалобы на помещиков, посессоров и их управителей, бегство с помещичьих имений, покушения на помещиков и их убийства, поджог помещичьих имений и хлебов, порубки леса, отказ отбывать повинности и массовые волнения. Разница состоит в том, что в 50-х гг., и в особенности накануне реформы, значительно преобладали активные формы борьбы: отказ отбывать феодальные повинности, сопротивление при этом помещикам и властям, и массовые крестьянские волнения. Какие бы формы ни принимала эта борьба, ясно одно: крестьяне Бессарабии, вместе со всем крестьянством России, боролись и стремились к освобождению от феодально-крепостнического гнета и получению земли в собственность.

Об острой борьбе бессарабских крестьян в 50-х гг. XIX в. свидетельствуют многочисленные факты.

В июне 1851 г. малоземельные крестьяне резешских сел Мындрешты и Гиришены, Оргеевского уезда, в количестве 400 семейств, лишившись значительной части своих общинных земель вследствие захвата их помещицей Стырчевой, стали самочинно вырубать лес помещицы, скосили сено и истребили кукурузу на помещичьем поле¹. По требованию помещицы, ясский земский суд в судебном порядке взыскал с крестьян указанных селений все убытки, понесенные помещицей, доведя тем самым крестьян до полного разорения².

В том же 1851 г. царане с. Цаул, Сорокского уезда, спасаясь от тяжелого феодального гнета, от издевательств и побоев со стороны помещика Стамати и арендатора поместий Казана, всем обществом оставили свое селение и поселились на пусто-порожних землях селения Скаяны, Сорокского уезда. Помещик разыскал их и под предлогом, что царане не выполнили всех повинностей за год и не рассчитались с ним, военной силой заставил царан вернуться на старое место³. В своем прошении на имя бессарабского военного губернатора, объясняя причины своего переселения, крестьяне писали: «Мы осмелились изложить Вам, что наше общество беспрестанно терпит обиды и притеснения со стороны цаульского посессора Казана. Небезызвестно Вам дело об умершем от его побоев нашем жителе Танасие Виере...»⁴. Далее крестьяне пишут, что обращались к владельцу той вотчины Георгию Стамати с просьбой оградить их от притеснений и обид посессора или разрешить им переселиться на другие земли, но, не получив от владельца никакой помощи, они решили переселиться в с. Скаяны без раз-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2., оп. 1, д. 5865, л. 14.

² Там же.

³ Там же, л. 267.

⁴ Там же, д. 5965, л. 267.

решения помещика. Помещик и посессор добились через сорокский земский суд и тырновскую волостную управу возвращения переселенцев на старые места и их сурового наказания: «Во время самой оранки,— пишут царане,— явились к нам (вооруженные слуги помещиков. — *Я. Г.*) верхами с оружием и плетями, выгнали нас и плуги наши с поля в деревню, откуда с ругательством и побоями заставили нас возвратиться обратно в Цаул и поселиться в развалинах бывших наших домов...»¹. В результате, крестьяне потеряли все свои пожитки и разорились.

Издевательства, насилия со стороны помещика, посессора и местных властей, в результате которых крестьяне дошли до полного разорения, привели к крестьянскому волнению, охватившему все с. Цаул. Волнение было подавлено военной силой, а инициаторы его Михалаки Страто, Алексей Гросу и Василий Гросу, были брошены в тюрьму².

Приведенный факт свидетельствует о том, что право перехода царан на другие земли было так ограничено, что помещик всегда имел возможность воспрепятствовать переходу, мотивируя это тем, что царане не рассчитались с долгами. Лишь в редких случаях, в результате напряженной борьбы, царанам удавалось осуществить свое право.

Видя, что законным путем они не могут добиться разрешения о переходе на другие земли, крестьяне просто убегали на новые места. Так, в 1851 г. 71 семейство крепостных цыган убежало из имения помещика Руссо³. Царане с. Ганешты (в количестве 40 семейств), Кайнар-Вежь (60 семейств), Плоп и Цаул (47 семейств), Сорокского уезда, бежали от своих помещиков⁴. Многие из крестьян бежали и селились неофициально в городах. Так, царане сс. Лалова и Стодольна, Ортеевского уезда, в количестве 45 семейств ушли в город Кишинев⁵. Царане с. Ларгуца, Кагульского уезда, с. Карабатовка, Бендерского уезда, также бежали в города Бессарабии⁶.

Подлинные причины стремлений крестьян к переселению на другие земли, особенно на казенные, раскрываются в прошениях крестьян. Так, 12 августа 1851 г. царане с. Малешты, Бендерского уезда, жалуюсь бессарабскому губернатору на гнет и притеснения со стороны помещика Козонжию, писали: «Он (помещик. — *Я. Г.*) употребляет нас на баршину, отбирает непомерную со всего нашего имущества десятину, словом, сказать, лишает нас средств к жизни и заставляет своими

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5961, л. 267.

² Там же, л. 268.

³ Там же, д. 5868, л. 23.

⁴ Там же, д. 5965, лл. 1, 6, 24—26, 65, 96, 229, 330.

⁵ Там же, д. 6880, л. 24.

⁶ Там же, лл. 26 и 281.

противозаконными поступками оставить нашу родину и переселиться на жительство в другие места»¹.

Бегство крестьян с помещичьих имений и самовольные переселения их в другие места серьезно беспокоили помещиков и власти. Бессарабский областной предводитель дворянства Балш в своем представлении бессарабскому губернатору требовал, чтобы власти пошли на «...совершенное прекращение или по крайней мере ограничение свободного переселения царан десятой частью наличного числа поселян по каждому селению и притом не во всякое время, как сие предоставлено им 853 ст. IX т. Св. Зак. по IX прод., а один только раз в каждые три года, и чтобы помещикам предоставлено было право удалять из своих имений тех поселян, которые окажутся ослушными при отбывании ими повинностей и при исполнении обязанностей по отношению к ним»².

Особенно участились случаи отказа крестьян от выполнения феодальных повинностей. Попытки помещиков при помощи местных властей заставить крестьян повиноваться нередко приводили к крестьянским волнениям. Так, на этой почве в 1851 г. произошло волнение царан сс. Стодольна и Лалова, Оргеевского уезда³. Крестьяне этих сел категорически заявили помещику Кушу о своем отказе отбывать урочные дни и другие повинности. Как было официально установлено в результате следствия⁴, причиной крестьянского «бунта» явились «непомерные господские повинности, устранение царан от пользования землей, отнятие царанских огородов, требование платы за выпас скота и за пользование усадьбами»⁵. Помещик Куш всячески старался скрыть вышеуказанные причины, объясняя волнение крестьян «подстрекательством злоумышленников».

По требованию помещика в конце июня 1851 г. в деревню Стодольна явился заседатель земского суда Борисовский в сопровождении двух полицейских, чтобы «привести жителей в должное повиновение». Но едва они «приступили к выполнению своих обязанностей, как их окружили крестьяне, от которых они вынуждены были защищаться обнаженными шпагами»⁶.

Волнение крестьян сс. Стодольна оказало влияние на крестьян других селений Оргеевского уезда, в частности соседней деревни Лалова, принадлежавшей тому же помещику. Здесь началось сильное брожение. Как пишет помещик Куш, в деревню Лалова прибыли оргеевский земский начальник и поселянский стряпчий с целью «прекращения явного бунта не только против меня, но и против местного начальства». Опа-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6698, л. 3.

³ Там же, д. 5890, лл. 1—2.

² Там же, д. 6696, лл. 4—6.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же, д. 5890, л. 11.

саясь дальнейшего обострения положения, земский начальник ограничился лишь «опросом о случившемся». Обязав «бунтовщиков подпискою переселиться на будущий год, приступил к прямой обязанности — к побуждению жителей взяться за уборку полуосыпавшегося уже хлеба»¹.

Помещик, считая меры земского начальника недостаточными, стал угрожать крестьянам, что они за невыполнение его распоряжения «будут судимы как бунтовщики». Возмущенные крестьяне села под руководством Ифтодия Василия и Мура окружили помещичий двор, избили приказчика и помещичьих слуг, а помещика заставили отказаться от своих требований. Об этом волнении помещик писал: «Окруженный неожиданно толпою бунтовщиков, готовых посягнуть на мою жизнь, я вынужден был согласиться на все их требования, и для обеспечения своей безопасности переехал жить к соседнему владельцу г. Гартингу, оставив дом и все мое состояние на произвол буйной неугомонной толпы, готовой после таких поступков поджечь дом и весь хлеб...»².

К месту происшествия, по требованию помещика, была послана специальная следственная комиссия, однако и ей пришлось столкнуться с сопротивлением крестьян. Оргеевский земский начальник в своем рапорте бессарабскому военному губернатору писал, что во время следствия было опрошено 20 человек. «Один по имени Дмитрий Негрян с яростью крикнул: не идти к заседателю... С содействием самого сельского старосты он побудил крестьян к неповиновению»³. Когда уездный заседатель приказал арестовать Негряна, большая группа царан бросилась на заседателя и полицейских стражников и вырвала из их рук Негряна. Только после введения в село крупных полицейских сил следственной комиссии при помощи арестов, штрафов и телесных наказаний удалось на некоторое время «усмирить» это крестьянское волнение, продолжавшееся несколько месяцев⁴. Но уже в апреле 1852 г. крестьяне возобновили борьбу против своего угнетателя, категорически отказываясь отбывать повинности. Не видя возможности заставить крестьян повиноваться, 25 апреля 1852 г. помещик просил губернатора переселить царан с его имения куда угодно⁵. В ответ на жалобу помещика Куша бессарабский губернатор отдал распоряжение оргеевскому земскому исправничеству принять срочные меры к побуждению крестьян помещика Куша к повиновению властям и исполнению повинностей. Губернатор распорядился «виновных заковать в кандалы и отправить в острог»⁶.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5890, л. 12.

² Там же, лл. 18—19.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 1—3.

⁵ Там же, д. 5592, лл. 49—56.

⁶ Там же, л. 52.

Случаи отказа крестьян от выполнения феодальных повинностей имели место и в других селениях Оргеевского уезда.

Так, царане, поселенные на землях Речульского монастыря, в ответ на тяжелые повинности и невыполнение монастырем условий наделения царан земель, отказались выполнять господские повинности и потравили посевы, принадлежавшие монастырю¹. Чиновник Барановский, присланный для рассмотрения дела на месте, в своем донесении бессарабскому военному губернатору вынужден был признать весьма тяжелым положение, в котором очутились царане вследствие несения ими тяжелых феодальных повинностей в пользу монастыря и наличия у них ничтожного количества земли. Упомянутый чиновник указывает, что 16 семейств поселян, живущих на земле монастырской вотчины, наделены монастырем всего лишь по одной десятине земли на семью, и в то же время они обязаны обрабатывать значительную часть монастырской земли, отработывая по 16 урочных дней в пользу монастыря. Крестьяне неоднократно требовали, чтобы их наделили землей хотя бы в размере, определенном «Нормальным контрактом», но игуменья монастыря не согласилась. Тогда, чтобы суметь прокормить свои семьи, крестьяне вынуждены были начать брать землю на условиях отбывания повинностей в соседних вотчинах. В ответ на это игуменья монастыря стала добиваться полного их выселения с монастырской земли².

Вопросом о приведении в «послушание» царан Речульского монастыря занялось областное правительство. Своим специальным представлением оно обязало оргеевское исправничество заставить царан и крепостных Речульского монастыря отбывать феодальные повинности³.

Непомерные повинности и систематические побои со стороны помещика и его управителей явились поводом к выступлению крестьян с. Гиндешты, Сороковского уезда⁴.

В 1852 г. посессор вотчины Гура-Галбена, Бендерского уезда, Зоти отобрал у царан значительную часть пахотных земель, оставив им в пользование только неудобные для обработки земли. Кроме того, он обременял царан различными непомерными повинностями и за малейшее неповиновение подвергал телесному наказанию. Прямым сообщником его в издевательстве над царанами, указывается в прошении царан, было волостное правление, которое в ответ на жалобу царан подвергло жалобщиков телесному наказанию. Более того, бендерский земский суд осудил крестьян за неповиновение и 6 человек было посажено в тюрьму⁵. В ответ на тяжелый гнет,

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5729, л. 5.

² Там же, л. 6.

³ Там же, д. 5528, лл. 3, 5, 10.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 2262, лл. 6—7.

⁵ Там же, д. 6019, лл. 1—2.

произвол и издевательства со стороны посессора и местных властей царане самочинно стали захватывать земли посессора, скосили и забрали сено, истребили хлеб и начали пасти на полях посессора скот¹.

Крестьяне сс. Мерешены, Ганчешты, Резены, Мерены, Кишиневского уезда, с. Троицкое, Бендерского уезда, жаловались губернатору на притеснения помещиков и местных властей, а также на обиды со стороны воинских чинов расквартированных войск².

Как доносил губернатору сорокский исправник, в ответ на захват крестьянской земли резеша села Кашмирка в 1853 г. оказали вооруженное сопротивление помещику Вартек³. Крестьяне с. Челаповка, Бельцкого уезда, отказались отбывать помещицы повинности по «Нормальному контракту», несмотря на угрозы корнештского волостного правления применить против них военную силу⁴. Крестьяне с. Байрамчи, Аккерманского уезда, жаловались губернатору на помещика Зиро, который притеснял их, требовал исполнения многих повинностей, не предусмотренных «Нормальным контрактом»⁵. Даже царские власти в результате следствия вынуждены были признать недопустимость издевательств над крестьянами со стороны помещицы Прункуловой, и ее имение в Аккерманском уезде было взято под опеку государства⁶.

За 10 лет, в течение 50-х гг. XIX в., за жестокое обращение помещиков с крестьянами под опеку государства было взято 44 имения бессарабских помещиков⁷.

Упорное сопротивление оказали помещику и властям крестьяне с. Маркоуцы, Оргеевского уезда. Попытка помещика при помощи уездного исправника заставить крестьян отбывать повинности привела к крестьянскому волнению. Крестьяне избили управляющего и помещицких слуг, угрожали расправиться с помещиком. «Буйство» крестьян было прекращено военной командой⁸.

Владелец вотчины Стынжены, Бельцкого уезда, с помощью полиции заставил возвратиться ранее живших на его вотчине царан, переселившихся на другую вотчину в Фалештах. При этом царане оказали упорное сопротивление помещику и полицейским властям⁹.

Таковы некоторые из многочисленных фактов, свидетель-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6019, л. 7.

² Там же, д. 6388, лл. 1, 7, 15, 29.

³ Там же, д. 8850, л. 2.

⁴ Там же, д. 7979, лл. 1, 10, 13.

⁵ Там же, д. 6171, лл. 1—4.

⁶ Там же, д. 6046, лл. 3—4.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 257, л. 5.

⁸ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5157, лл. 51—56.

⁹ Там же, д. 5965, лл. 229—230.

ствующих об упорной борьбе крестьян Бессарабии против помещичьего гнета накануне Крымской войны 1853—1855 гг.

На протяжении всего периода Крымской войны нам не удалось установить в Бессарабии ни одного случая крестьянского волнения.

В целом в России в период войны крестьянское движение значительно усиливается. В 1853 г. в связи с призывом в морское ополчение среди крестьян стали распространяться слухи о том, что ополченцы будут освобождены от крепостной зависимости. На этой почве возникли, как известно, крестьянские волнения, охватившие Петербургскую, Новгородскую, Тверскую, Рязанскую, Тамбовскую и др. губернии России. Особенно усилились крестьянские волнения на Украине в 1855 г. в связи с призывом в общегосударственное ополчение. Крестьяне оказывали открытое сопротивление помещикам и властям. В 1856 г. проходили крупные крестьянские волнения в Херсонской и Екатеринославской губерниях. Крепостные крестьяне значительными группами оставляли помещиков и уходили в Таврию и Бессарабию. Все эти волнения в большинстве случаев подавлялись военной силой.

Несмотря на тяжесть войны и все усиливавшийся феодальный гнет, борьба крестьян Бессарабии, в отличие от вышеуказанных губерний России, не могла получить сколько-нибудь массовой и активной формы в период войны, хотя она несомненно упорно продолжалась. Это объясняется тем, что Бессарабия была прифронтовой полосой, ближайшим тылом, где сосредоточивались царские войска, которые вели войну против Турции. Значительная часть войск на протяжении всего периода войны находилась на постое в селах Бессарабии. В среднем в каждой крестьянской семье находился на постое один солдат¹. Ясно, что в условиях большого сосредоточения войск и введенного здесь, в прифронтовой полосе, на протяжении всего периода войны особого режима военного положения, крестьянское движение не могло принять сколько-нибудь активные формы. Возмущения и протесты, конечно, имели место, но они выражались в более пассивной форме.

Однако с момента окончания войны и вывода основных контингентов войск и до крестьянской реформы в России (1856—1861) борьба крестьян Бессарабии против феодального гнета усиливается, принимая все более активную и массовую форму. Феодальный гнет со стороны местных помещиков и тяжелое бремя войны очень сильно отразились на состоянии крестьянского хозяйства. Большая часть взрослого населения в связи с войной была отвлечена от работы в своем хозяйстве. Подводная, постоянная и многочисленные другие натуральные повинности, связанные с войной, были

¹ ЦГИА МССР. ф. 122, оп. 1, д. 56, л. 69.

разорительны для крестьян. В течение 1854 г., например, только одни государственные крестьяне Бессарабии предоставили для нужд войны 140 308 подвод с парой лошадей или парой волов каждая¹. Для выполнения различных работ по исправлению и строительству дорог, мостов и различных военных сооружений было выставлено 232 121 человек². Общая сумма стоимости всех натуральных повинностей одних государственных крестьян составляла в 1854 г. 176 493 рубля³. Значительно больше были обременены царане — основная категория крестьян Бессарабии, которые, кроме того, несли на своих плечах тяжесть все более возрастающих помещичьих и государственных повинностей.

В результате усиления феодального гнета, как следствие обострившегося кризиса крепостной системы, тяжелых последствий войны, разорительной для крестьянского хозяйства, общей революционной ситуации, складывавшейся в целом в России накануне крестьянской реформы и оказывавшей революционизирующее влияние на ее окраины, борьба крестьян Бессарабии против феодального гнета значительно обостряется. Стремление царан к переселению на казенные земли и отказ от выполнения феодальных повинностей приняли массовый характер. Попытки помещиков и царских властей принудить царан повиноваться «закону» зачастую приводили к активному сопротивлению со стороны последних и к массовым крестьянским волнениям.

Упорное сопротивление оказали помещику, посессору и полицейским властям царане с. Зеленая, Хотинского уезда. Когда в марте 1856 г. вступивший во владение именем новый посессор предъявил ряд новых условий договора царанам, последние категорически отказались выполнять их. Попытка помещика и посессора при помощи земского исправничества принудить царан к повиновению вызвала крестьянское волнение. Крестьяне прогнали посессора и земского заседателя и заявили, что никаких повинностей исполнять не будут⁴.

Тяжелый феодальный гнет, который все усиливался, особенно накануне реформы, полицейский произвол царских властей, бесправие крестьян явились причинами подачи крестьянами многочисленных жалоб в различные инстанции. 18 августа 1856 г. царане с. Маркауцы, Хотинского уезда, в своей жалобе бессарабскому военному губернатору писали, что «...для мужика нигде нет помилования. Мы часто ищем правды у господина поселянского стряпчего, но и сие лицо не

¹ ЦГИА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 56, л. 69.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 17, д. 670. л. 1.

обращает никакого внимания на нас бедных, а только смотрит за своими выгодами... все царяне никакой защиты не имеют»¹.

Чтобы освободиться от произвола помещика Казимира, крестьяне с. Черниловка, Сорокского уезда, просили губернатора разрешить им переселиться на земли вотчины Кетросы, того же уезда. Однако, по требованию Казимира, губернатор не только отказал царянам в удовлетворении их просьбы, но распорядился подвергнуть штрафу «зачинщиков требования о переселении»².

В сентябре 1856 г. произошло волнение крепостных крестьян в имении помещика Кристи, в Оргеевском уезде, подавленное военными силами³. В феврале 1857 г. произошел «бунт» крепостных цыган в имении помещика Донича.

Среди крепостных все чаще распространялись слухи о «свободе», которые зачастую служили поводом к крупным массовым волнениям. Эти слухи о «воле» приобрели столь массовый характер, что министерство внутренних дел вынуждено было направить губернаторам специальный циркуляр «О пресечении ложных слухов о свободе»⁴.

Характерно, что, в условиях кризиса крепостной системы, Бессарабия, которая только недавно, во время присоединения к России, была «полупустынным краем» с огромным количеством свободных земель, привлекавших переселенцев не только из России, но и из-за границы, уже в 50-х гг. становится краем безземелья и малоземелья, а его жители в поисках земли просят о переселении их на казенные земли Кавказа и Сибири.

Движение за переселение на казенные земли развивалось также среди малоземельных резешских крестьян. В феврале 1857 г. малоземельные резеши с. Чеколтены, Оргеевского уезда, просили губернатора разрешить им переселиться на Кавказ. Свою просьбу они мотивировали отсутствием земли и всяких средств для прокормления своих семейств⁵. О том же просили губернатора также малоземельные и безземельные резеши сс. Киштельница, Скорцены⁶, Стохная⁷ и Биешты, Оргеевского уезда.

В Бессарабии наиболее крупные выступления крестьян имели место в 1858—1859 гг. Они охватили, главным образом, центральную часть Бессарабии — Сорокский, Бельцкий, Оргеевский и, частично, Кишиневский уезды. О силе и размахе этого крестьянского движения свидетельствует тот факт, что

1 ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 17, д. 6579, л. 4.

2 ЦГИА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 754, лл. 1—2.

3 Там же, ф. 2, оп. 1, д. 6696, л. 9.

4 Там же.

5 Там же, л. 8766, л. 2.

6 Там же, лл. 41, 54.

7 Там же, л. 67.

оно охватило 19 сел и для его подавления, как будет показано дальше, царизм применил силы регулярных войск и полиции. Выступление началось, как обычно, с отказа крестьян отбывать феодальные повинности и попыток их самовольного переселения на казенные земли. Так, в 1858 г. царане сс. Флорешты и Чоропканы, Бельцкого уезда, категорически отказались отбывать в пользу помещика Бузня повинности, предусмотренные «Нормальным контрактом» 1846 г.¹ Помещик обратился к местным властям, требуя, чтобы они заставили царан повиноваться. По распоряжению волостного правления 9 человек так называемых инициаторов было арестовано. Суд присудил подвергнуть их телесному наказанию — дать каждому по 20 розог. Попытка властей привести приговор в исполнение вызвала крестьянское волнение. Крестьяне избили полицейских, представителей местных властей и освободили арестованных односельчан. Волнение крестьян было подавлено военной силой. Большая группа крестьян была арестована. Несмотря на все принятые репрессивные меры, крестьяне по-прежнему отказывались выполнять повинности по «Нормальному контракту»² и требовали переселения на казенные земли. В том же году имели место выступления царан против помещиков в сс. Лалова, Оргеевского уезда³, Челаповка, Бельцкого уезда, Дондюшаны, Сорокского уезда. Группа крестьян этих сел была осуждена⁴.

В 1858 г. поднялись и «находились на колесах» крестьяне многих сел Сорокского уезда. Многие из крестьян этого уезда двинулись в Херсонскую губернию. Переселение целыми селами осуществлялось не только без разрешения, но и вопреки распоряжениям губернских властей, защищавших интересы помещиков.

В сентябре 1858 г. царане 13 селений Сорокского и Ясского (Бельцкого) уездов (Сынжеря, Слободзея-Беличены, Александры, Гиличены, Кишкарены, Езерены, Чучулены, Глинжены, Хилиуцы, Фундуры, Жура, Правила и Драганешты⁵) отказались отбывать повинности помещикам и категорически потребовали переселения их на казенные земли.

Первыми предъявили требования о переселении на казенные земли царане села Сынжеря. Они заявили, что «не хотят ни заключать с владельцами условия, ни исполнять правила «Нормального контракта», ни оставаться жить на владельче-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6993, л. 1.

² Там же, л. 2.

³ Там же, лл. 1—3, д. 7043, л. 457.

⁴ Там же, д. 7370, лл. 1, 10, 13; д. 7351, л. 1.

⁵ Там же, д. 7043, л. 2.

ских землях» и просили разрешить им переселиться на казенные земли¹.

Вслед за царанами с. Сынжерея стали отказываться от выполнения феодальных повинностей и предъявлять местным властям требования о переселении на казенные земли и царане других сел Сорокского и Ясского (Бельцкого) уездов.

Царане с. Журы заявили чиновникам, прибывшим для расследования причин волнения, что «посессор не выполняет заключенного с ними условия» и требует от них выполнения повинностей значительно больших, чем предусмотрено условием, а те царане, которые отказываются от выполнения повинностей, подвергаются жестокому избиению посессором. В подтверждение своих слов царане привели своего односельчанина Беженаря «с рубахой полной крови», которого посессор три раза так жестоко избил, что он остался калеккой на всю жизнь. В результате таких побоев 5 царан со своими семьями сбежали из имения, а остальные отказались отбывать повинности посессору и потребовали переселения на казенные земли².

27 сентября 1858 г. царане с. Драганешты в количестве 115 семейств обратились к бессарабскому губернатору с прошением, в котором ходатайствовали о переселении их на казенные земли. Свое стремление к переселению они мотивировали желанием освободиться от невыносимого гнета помещицы Деляновой, от которой они «претерпевают множество разных обид и притеснений»³.

Крестьяне в своем прошении описывают омерзительные приемы их угнетения и притеснения помещицей Деляновой. Они пишут, что помещица приказывает запрягать поселян в ярмо и перевозить тяжести. Многие из крестьян подвергаются телесным наказаниям. По приказанию Деляновой малолетних детей крестьян заставляют выполнять тяжелые работы. Если они, не выдержав непомерного труда, убегают, то их силой возвращают опять в поле,⁴ а на ночь в наказание заковывают в кандалы⁴.

Как показывают факты, волнения крестьян в 1858 г. происходили прежде всего в тех селах, где помещичий произвол проявлялся в наиболее жестокой и отвратительной форме. Причины этих крестьянских волнений следует искать в усилении крепостнического гнета накануне крестьянской реформы 1861 г. в России. Так как неограниченный произвол помещиков и жестокая эксплуатация крестьян еще более усиливались, крестьяне искали выхода из этого тяжелого положения в переселении на казенные земли.

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, лл. 5—6.

² Там же, д. 6242, лл. 10—11.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 7047, лл. 63—64.

Но официальные представители царизма всячески стремились скрыть подлинные причины, побуждавшие царан к переселению на казенные земли. Так, в отчете III отделения канцелярии е. и. в. за 1858 г. об этом крупном крестьянском волнении в Бессарабии записано следующее: «В Бессарабской области царане 13 помещичьих селений желали переселиться на казенные земли и настаивали у местного начальства об оказании им содействия. Получив в этом отказ, они ожесточились, хотели самоуправно занять упомянутые земли. Для предупреждения такового беспорядка посланы были особые чиновники, которые посредством убеждений успели усмирить царан 8 селений; но прочие оставались в своем намерении непреклонными и оказали сопротивление. Поэтому, начальник области, пригласив с собой жандармского штаб-офицера, принял к усмирению личное участие и при содействии воинской команды водворили повсеместно спокойствие»¹.

Но даже официальные представители царизма, при объяснении причин возникновения этих волнений, часто оказывались вынужденными признать, что поводом для крестьянских выступлений нередко являются насилия помещиков над крестьянами и полное бесправие последних. Так, например, сорокско-яский окружной поселянский стряпчий в своем рапорте на имя бессарабского военного губернатора по поводу волнений крестьян указанных селений, писал: «...все эти волнения царан происходят оттого, что владельцы земель с царанами не имеют никаких условий, не наделяют их землей по «Нормальному контракту» и часто при полевых работах требуют от царан больше работ, чем они делали раньше, или же заменяют одну работу другой, более тяжелой»². Будучи притесненными помещиками, указывает далее поселянский стряпчий, царане «не хотят более оставаться на владельческих землях, высказывают свое нежелание записываться в новую перепись, а желают перейти на казенные земли, где правительству будет угодно, даже готовы быть все солдаты...»³.

Надворный советник Дабижа в секретной записке бессарабскому губернатору от 28 сентября 1858 г.⁴ писал, что «причинами недовольства царан к владельцам и желания их переселиться на казенные земли являются:

1. Притеснения со стороны землевладельцев, посессоров и управителей имений.

2. Злоупотребления богатых царан, обижающих бедных». Далее он пишет: «...голос царан сводится к тому, что ни одно условие царан с владельцами не соблюдается последними; не

¹ ЦГИАМ, ф. 109, оп. 85, д. 29, л. 21.

² ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, лл. 1—4.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 79.

было еще примера в Бессарабии, чтобы царанин выиграл дело с владельцем или посессором; не слыхано, чтобы взысканы были с последних самовольно захваченные ими у царан продукты, поля и скот, и чтобы возвращены были ими царанам незаконно взысканные с них деньги, поэтому они не верят более землевладельцам и желают переселиться на казенные земли»¹.

Военный губернатор Фантон-де-Верайон в своем донесении Александру II вынужден был признать, что «помещики, посессоры-управители не наделяют их (царан. — Я. Г.) землей в таком количестве, как следует по условию, не позволяют на отведенной обществу земле пасти скот после уборки посевов, потребляют неправильную меру как при наделении их земель, так и при назначении урочных работ, требуют исполнения повинностей сверх положения и делают излишние побо-ры, а также подвергают их телесному наказанию»².

В материалах следственной комиссии по делу о крестьянских волнениях в Ясском и Сорокском уездах указывается, что волнениями в этих уездах было охвачено всего 13 вышеупомянутых селений, причем здесь перечислены только те селения, крестьяне которых официально требовали переселения на казенные земли. Сюда не вошли многие села, охваченные волнением, где крестьяне также отказывались от выполнения феодальных повинностей, оказывали сопротивление помещикам и властям, но не ставили официально требования о переселении на казенные земли. Судя по имеющимся архивным материалам, крестьянские волнения в 1858 г. охватили значительно больше сел Ясского, Сорокского и других уездов.

Из письма бессарабского военного губернатора командиру 15-й пехотной дивизии мы узнаем, что крестьянским волнением было охвачено также с. Драговичи, которое не числится среди вышеупомянутых 13 селений. В этом письме говорится, что «так как прежде всего необходимо принять меры к прекращению беспорядков в сс. Фундуры, Драговичах и Правиле, то не угодно ли будет одну роту командировать завтра на обывательских подводах по прилагаемому при сем маршруту»³. Как уже упоминалось, волнением были охвачены также сс. Че лаповка, Флорешты и Чоропканы, Бельцкого уезда, Лалова, Оргеевского уезда, Дондюшаны, Сорокского уезда, и др.

Царане указанных сел решительно отказались отбывать феодальные повинности и требовали переселения их на казенные земли. Характерно, что многие из царан еще предавались монархическим иллюзиям, верили и надеялись, что царь внемлет их просьбе и разрешит переселиться на казенные земли,

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, лл. 73—74.

² Там же, д. 6242, л. 142.

³ Там же.

где им выделяют участки в 60 десятин, скот, инвентарь, хозяйственное оборудование и предоставят 25-летнюю льготу в отношении налогов. Такие слухи были распространены по всей области и взбудоражили умы крестьян многих сел центральных уездов Бессарабии.

По неполным данным, в 1858—1859 гг. крестьянскими волнениями было охвачено 19 сел, а не 13, как указано в заключении комиссии¹ и не 12, как указывает К. Ермолинский².

Села, охваченные крестьянскими волнениями в 1858—1859 гг.

№ п. п.	По нашему подсчету ³	По данным следственной комиссии	По данным К. Ермолинского
1	Сынжеря	1. Сынжеря	1. Сынжеря
2	Слободзея-Беличаны	2. Слободзея-Беличаны	2. Слободзея-Беличаны
3	Александрены	3. Александрены	3. Александрены
4	Гиличаны	4. Гиличаны	4. Гиличаны
5	Кишкарены	5. Кишкарены	5. Кишкарены
6	Езерены	6. Езерены	6. Езерены
7	Чучуены	7. Чучуены	7. Чучуены
8	Глинжены	8. Глинжены	8. Глинжены
9	Хилиуцы	9. Хилиуцы	9. Хилиуцы
10	Фундуры	10. Фундуры	10. Фундуры
11	Жура	11. Жура	11. Жура
12	Правила	12. Правила	12. Правила
13	Драганешты	13. Драганешты	
14	Драговичи		
15	Флорешты		
16	Чоропканы		
17	Челаповка		
18	Дондюшаны		
19	Лалова		

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6242, л. 142.

² К. Ермолинский, Статистические сведения по Хотинскому уезду, М., 1886, стр. 23 (Введение).

³ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, дд. 6242, 6993, 7043, 7370, 7351.

Кроме того, в апреле 1858 г. отказались исполнять барщину крепостные цыгане монастырей Нямц и Сыку¹. Бессарабский предводитель дворянства требовал от губернатора принятия срочных мер для «приведения в повиновение крепостных цыган, ибо они оказывают вредное влияние на царан окружающих сел»².

Крестьянские волнения в 1858 г. в центральных и северных уездах Бессарабии, особенно в Сорокском и Ясском уездах, приняли широкий размах и сильно встревожили помещиков и местные власти. Для прекращения этих волнений в указанные села были направлены специальные следственные комиссии, состоявшие из царских чиновников, полицейских чинов, священников. Все они обманом и угрозами уговаривали царан подчиниться требованиям властей, прекратить сопротивление, приступить к исполнению своих обязанностей в отношении помещиков.

Но все эти уговоры, внушения и угрозы ни к чему не привели. Особенно упорное сопротивление оказали царане сс. Хилиуцы, Фундуры, Драганешты, Правила и Сынжерее. Они категорически отказывались от выполнения феодальных повинностей и потребовали переселения на казенные земли.

Судебный заседатель третьего участка доносил в своем рапорте, что для исполнения поручения сельского суда он направился в с. Правила, жители которого совершенно отказывались выполнять повинности помещику³. Собрав крестьян, он объявил им решение суда и потребовал, чтобы они повиновались. Но собравшиеся крестьяне в один голос заявили следующее: «Пусть нас бьют, в острог сажают и вешают, но мы не хотим и ни за что не согласимся с сего времени впредь жить на помещичьей земле, желаем быть государственными крестьянами и согласны идти туда, куда нас начальство пошлет для поселения на казенные земли — хоть в Севастополь или в Сибирь»⁴.

Сорокский земский начальник доносил губернатору, что царане селений «Хилиуцы, Фундуры, Правила, Драганешты и Сынжерей, несмотря на все внушения, объяснения и заверения, не только не отказываются от противозаконного намерения переселиться на казенные земли, но даже с серьезностью требуют оного и тем оказывают неповиновение законной власти»⁵.

Когда распоряжением судебного заседателя крестьянин с. Правила Василий Захарко — один из инициаторов выступления крестьян — был арестован, односельчане силой освободи-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6848, лл. 1, 4.

² Там же, д. 6696, л. 27.

³ Там же, д. 7049, л. 71.

⁴ Там же, д. 7043, л. 71.

⁵ Там же, д. 6242, л. 144.

ли его, заявив при этом, что «если одного возьмут, то туда — все за ним пойдут»¹.

В с. Драганешты крестьяне не согласились принять объявление о распоряжении земского суда. Когда этот документ был вручен старосте села Василию Гиждяну, он вернул его чиновнику и сказал, что крестьяне не принимают такое распоряжение². Василия Гиждяну поддержали все собравшиеся царане.

Не добившись прекращения волнения царан уговорами, угрозами и обманом, губернатор решил направить туда войска и в крови потопить волнение царан. По приказу губернатора для подавления волнений в указанные села были направлены две сотни казаков Донского казачьего 65-го полка и два батальона Люблинского пехотного полка.

В район волнений выехал и сам бессарабский военный губернатор. В этих же селах начала «работать» созданная губернатором особая следственная комиссия. Но эта комиссия занималась не изучением жалоб царан и причин, вызвавших волнение, ибо они были известны администрации области, а розыском и обнаружением «подстрекателей, внушивших им (царанам. — Я. Г.) противозаконную мысль»³.

В своем рапорте царю бессарабский военный губернатор писал: «Я признал нужным для прекращения сих беспорядков, вразумления заблуждающихся и усмирения ослушных принять меры... Для исполнения сего, я теперь же отправлюсь в означенные села, распорядясь о командировании двух сотен казаков Донского казачьего 65 полка... дабы силой и строгостью положить конец неустройствам...»⁴.

При помощи войск и полицейских сил крестьянские волнения в указанных селах были подавлены. Наиболее активные участники волнений были арестованы и брошены в тюрьмы, а затем преданы суду. Многие из крестьян, принимавших участие в волнениях, были подвергнуты телесному наказанию.

Несмотря на жестокую расправу, крестьяне некоторых сел продолжали сопротивление. По донесению земского начальника Сорокского уезда, царане села Правила «бродят по селению толпою», царане из других сел приезжают в село Правила «как бы для совета»⁵.

Бессарабский военный губернатор вынужден был издать циркуляр, полный угроз в адрес крестьян. В своем циркуляре от 11 октября 1858 г. он писал: «...если какое царанское общество, следуя внушениям неблагонамеренных людей, будет упорством домогаться переселения на казенные земли, то с

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6242, л. 144.

² Там же.

³ Там же, л. 145.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ними будет поступлено так же, как с обществами некоторых селений Ясского и Сорокского уездов...»¹ (имеется в виду расправа над царанами сс. Хилиуцы, Фундуры, Правила, Драганешты и Сынжереи, где волнения были подавлены военной силой. — Я. Г.).

Несмотря на жестокие расправы с крестьянами в ряде сел и последующие угрозы губернатора в адрес крестьян, борьба против феодальной эксплуатации не прекращалась. Она лишь затихла на некоторое время, но с весны 1859 г. она нарастает с новой силой. В адрес земских начальников и самого губернатора поступает ряд прошений, в которых крестьяне протестуют против самоуправства помещиков и посессоров.

500 семейств с. Клишкоуцы, Хотинского уезда, просили новороссийского и бессарабского генерал-губернатора оградить их от незаконных притеснений и жестоких побоев управляющего². С подобной же просьбой обращаются царане с. Лалова, Оргеевского уезда³.

28 января, а затем вторично 9 марта 1859 г. царане с. Малешты, Бендерского уезда, жалуются губернатору на посессора вотчины, который лишает их земли, обременяет повинностями и подвергает телесному наказанию, наносит тяжелые побои⁴. 13 марта 1859 г. крестьяне (цыгане) с. Болотино, Ясского уезда, в количестве 70 семейств, жаловались губернатору на произвол и притеснения со стороны помещиков. Вместе с тем они просят губернатора разрешить им причислиться к городским обществам. Они пишут, что помещик «...начал нас угнетать до такой степени, что заковал в кандалы и бил плетью до того, что многие из нас заболели»⁵. 23 марта 1859 г. царане села Казанешты, Оргеевского уезда, жаловались губернатору, что помещик лишил их лучшей и большей части земли, заставляет отрабатывать больше урочных дней, чем это предусмотрено договором, и вообще совершает над крестьянами произвол и насилия. Царане просят разрешить им переселиться на другую землю⁶.

В 1859 г. имели место и более активные выступления. В некоторых селениях снова вспыхнули крестьянские волнения. 17 марта 1859 г. произошли крестьянские волнения в сс. Флорешты и Чоропканы. Крестьяне категорически, всем обществом, заявили помещикам и властям об отказе выполнять феодальные повинности. 7 крестьян из числа инициаторов волнений были арестованы, но сопротивление продолжалось. Ясский земский начальник в своем рапорте от 17 марта писал бесса-

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7043, л. 240.

² Там же, д. 6802, л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 6376, лл. 3, 5, 17.

⁵ Там же, д. 6428, л. 8.

⁶ Там же, д. 6424, лл. 1—4.

рабскому губернатору: «Я имел честь донести Вашему превосходительству об упорном уклонении поселян селений Флорешты и Чоропканы от отбывания государственных повинностей по «Нормальному контракту» и о неповиновении их полицейской власти... Я всеми силами старался внушить как тем поселянам, которые содержатся в остроге, так и всем остающимся на месте, чтобы они повиновались закону и отбывали повинности по «Нормальному контракту», но все эти поселяне... остались при своем, повторяя единогласно, что они по «Нормальному контракту» земли принимать не хотят и работать не будут...»¹. Волнение было подавлено судебно-полицейскими репрессиями.

В марте 1859 г. сорокский земский суд докладывал губернатору о категорическом отказе царан с. Парканы отбывать помещику повинности².

Подобные факты сопротивления крестьян помещицкому гнету в 1859—1861 гг. имели место также в Оргеевском, Кишиневском, Бендерском и других уездах Бессарабии.

Помещики и царские власти принимали против борющихся крестьян жестокие меры расправы. Циркуляром новороссийского и бессарабского генерал-губернатора от 25 июня 1858 года под угрозой наказания бессарабским крестьянам было запрещено даже жаловаться на своих помещиков³. За неповиновение помещикам и властям крестьян подвергали телесному наказанию — зверски избивали розгами и батогами. Для подавления крестьянских выступлений все чаще применялись воинские части.

Крестьянские волнения во второй половине 50-х годов принимают такие широкие и угрожающие для помещиков России размеры, что 21 июня 1858 г. министр внутренних дел царского правительства по указанию царя дает распоряжение военному командованию и губернаторам для «усмирения крестьян применить артиллерийские части»⁴.

Чтобы убить стремление крестьян к подлинной свободе, участников волнений судили, сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу, на поселение в Сибирь и на Кавказ, отдавали в солдаты и арестантские роты. Только в Бессарабии за период с 1847 по 1858 гг. к различным видам сурового наказания, не считая денежных штрафов, было осуждено 1790 крестьян⁵. Из них были осуждены:

1) на каторжные работы в Сибирь	— 72 чел.
2) на поселение в Сибирь	— 155 „
3) на поселение на Кавказ	— 27 „

¹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6242, лл. 457—458.

² Там же, д. 7035, л. 4.

³ Там же, д. 6696, лл. 63—66.

⁴ Там же, л. 147.

⁵ Там же, д. 8467, лл. 182—183.

кроме того:

4) отдано в арестантские роты	— 822 чел.
5) отдано в солдаты	— 178 »
6) посажено в тюрьму	— 536 »

Несмотря на принимаемые жестокие меры наказания, помещикам и царским властям не удалось приостановить борьбу бессарабских крестьян, являвшейся частью общерусской антикрепостнической борьбы — той борьбы, которая поставила знак вопроса над дальнейшим существованием крепостного права в России и заставила царское правительство приступить к подготовке проекта реформы 1861 г.

Крымская война, которая закончилась позорным поражением царизма, еще больше обострила противоречия в деревне. Эта война показала гнилость феодально-крепостнической системы и техническую отсталость России.

Массовое крестьянское движение в 50-х годах сильно встревожило весь лагерь крепостников и заставило царское правительство заняться непосредственно вопросом отмены крепостного права. Поэтому, в 1856 г. первый помещик Александр II, выступая перед депутатами московского дворянства, заявил: «...существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет отменяться снизу».

Опубликование царского рескрипта на имя генерала Назимова по поводу подготовки реформы и отмены крепостного права не остановило крестьянского движения в России. Классовая борьба в 1856—1860 гг. еще больше обостряется.

Учитывая огромное значение борьбы крестьян в России для дальнейших ее исторических судеб, 11 января 1860 г. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу писал: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов..., с другой стороны — движение рабов в России»¹.

§ 4. Краткие выводы

1) Борьба крестьян Бессарабии против феодально-крепостнического гнета в первой половине XIX в. была частью крестьянской борьбы многонациональной России. После присоединения Бессарабии к России на протяжении всей первой половины XIX в. общность экономического развития обусловила собой общность социального содержания и форм крестьянской борьбы в Бессарабии и всей остальной России. Хотя борьба крестьян против феодально-крепостнического гнета была стихийной и неорганизованной, что являлось ее основной сла-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 474.

бостью, она была общей и непрерывной по всей стране. Выступления крестьян в той или иной части России, поскольку они вызывались одной и той же причиной — тяжелым феодальным гнетом, находили живой отклик и в близлежащих районах. Об общности, взаимосвязи и взаимопомощи между крестьянами разных национальностей свидетельствует, правда еще эпизодическая в то время, совместная борьба русских, украинских и молдавских крестьян Подолии и Северной Бессарабии под руководством гайдука Устима Кармалюка, а также совместная борьба против помещиков и царских властей беглых русских, украинских и молдавских крестьян, поселившихся в буджакских степях.

2) В рассматриваемый период борьба крестьян Бессарабии, как и России в целом, против феодально-крепостнического гнета непрерывно нарастала и являлась ответом на усиление всей системы феодальной эксплуатации крестьян. Этот факт подтверждается ростом количества сел, охваченных крестьянским движением. По далеко не полным данным, за первые 22 года (с 1812 г., со времени присоединения Бессарабии к России, и до 1834 г., до введения «Положения о царанах») крестьянскими выступлениями было охвачено 11 сел; за 17 лет (с 1834 по 1850 гг. — время введения «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.») — 28 сел, а за 10 лет накануне реформы (с 1850 по 1860 гг.) — 26 сел.

3) Борьба крестьян с каждым десятилетием становилась упорнее, решительнее и более активной. Все чаще крестьяне переходили от требований отмены тех или иных повинностей к требованию отмены барщины и всех феодальных повинностей вообще. Обострение борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета было одним из важнейших проявлений глубокого кризиса крепостной системы. Массовые крестьянские выступления в дореформенный период, несмотря на их стихийность, разрозненность и локальность, все больше расшатывали основы феодально-крепостнической системы. Это положение подтверждается, в частности, и анализом конкретно-исторического материала о крестьянском движении в Бессарабии, которое особенно усилилось в 1858—1859 гг., т. е. накануне крестьянской реформы в России.

4) Упорная и активная борьба бессарабских крестьян против помещичьего гнета на протяжении всего рассматриваемого периода лишний раз опровергает лживые утверждения румынских буржуазных историков-националистов о том, что якобы молдавские крестьяне, мирные по своей природе, никогда не выступали против молдавских помещиков, рассматривая их как своих покровителей, а выступали якобы только против русских. Факты показывают, что молдавские крестьяне боролись против всех эксплуататоров, независимо от националь-

ности, причем в этой борьбе всегда проявлялась классовая солидарность между русскими, украинскими и молдавскими крестьянами, проживавшими на территории Бессарабии.

5) Борьба крестьян Бессарабии, как и всей России, в рассматриваемый нами период (1812—1861) носила ярко выраженный антифеодальный характер. Она была буржуазно-демократической по своему социальному характеру. Объективным содержанием крестьянского движения накануне реформы была борьба крестьян за землю и свободу, как необходимые условия самостоятельного хозяйствования мелкого сельского производителя. Крестьяне Бессарабии боролись против кабальных феодальных отношений в деревне, против всех форм феодальной эксплуатации. Введение новых «уставов», «положений» и «контрактов», имевших своей целью консервировать старые отношения, и, вместе с тем, усилить феодальный гнет, вызывало активизацию борьбы бессарабских крестьян. Однако, будучи темными и забытыми, находясь во власти «царистской» идеологии, крестьяне Бессарабии, как и всей России, не имели еще ясного политического сознания. Их борьба носила неорганизованный характер и принимала форму разрозненных стихийных «бунтов». «Когда было крепостное право, — писал В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись как умели и как могли»¹.

6) Крестьянское движение в Бессарабии в первой половине XIX в. являлось частью мощной борьбы крестьян всей России, которая все больше расшатывала устой крепостничества и в конечном итоге явилась одной из главных причин, заставивших царское самодержавие отменить крепостное право. Следовательно, крестьянство было той общественной силой, которая своей борьбой способствовала ликвидации отжившего социально-экономического строя и восстановлению нарушенного соответствия между развитием производительных сил и господствовавшими производственными отношениями.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединением Бессарабии к России в 1812 г. завершилась длительная борьба народов Бессарабии за освобождение от турецких поработителей. Это было важным историческим событием в жизни народов Бессарабии, в результате которого они навсегда связали свою будущность с судьбой дружественного им русского народа. Несмотря на установление в Бессарабии, как и на других окраинах, колониального режима, все же присоединение ее к России явилось объективно прогрессивным. Народы Бессарабии приобщились к России — к государству, которое в экономическом, политическом и культурном отношении было более передовым, чем Турецкая империя, находившаяся «на самой низкой и варварской стадии феодализма»¹.

Население Бессарабии, будучи включено в состав России, оказалось в лучшем положении по сравнению с прошлым. Бессарабия стала частью России, великой европейской державы, обеспечивавшей мирное развитие края, положившей конец его разорению турецкими и татарскими ордами. Вместе с тем народы Бессарабии приобщились к более передовой русской культуре. Если Турция играла регрессивную роль по отношению к поработленным ею народам Закавказья, Балкан, а также Бессарабии, то «Россия, — писал Ф. Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей»².

Прогрессивность факта присоединения Бессарабии к России состоит и в том, что под влиянием более развитого в эко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 374.

² Там же, т. XXI, стр. 211.

номическом отношении государства, каким являлась для народов национальных окраин Россия, был в конечном счете ускорен затянувшийся там процесс разложения феодально-крепостнических отношений и созданы предпосылки для перехода к новому, более прогрессивному способу производства. Присоединение к России соответствовало историческим чаяниям народов Бессарабии, открывало им возможность более быстрого экономического и культурного развития.

В результате присоединения к России и включения ее в состав общерусского рынка сложилась экономическая общность между Бессарабией и другими районами страны, оказавшая благотворное влияние на экономическое развитие края. В составе России для Бессарабии сложились более благоприятные условия развития, что и определило в значительной мере быстрое заселение края, быстрое увеличение сельскохозяйственного товарного производства, рост городов и местечек, развитие ремесла и мануфактурной промышленности, внутренней и особенно внешней торговли. Таким образом, социально-экономическое развитие Бессарабии в первой половине XIX в. было неразрывно связано с экономическим прогрессом России в целом, с развитием общерусского рынка, а также с расширением, в связи с этим, ее связей с внешними рынками.

На протяжении всей первой половины XIX в. в сельском хозяйстве Бессарабии, как и России в целом, господствовала феодально-крепостническая система, основанная на подневольном труде царан. В то же время в ее недрах зарождались и развивались новые, капиталистические формы производства, которые разлагали старые устои и привели в конечном итоге к кризису феодально-крепостнической системы.

На юге Бессарабии (Бендерский, Аккерманский и Измаильский уезды, составлявшие около 45% пространства области и более 30% ее населения), заселенном почти целиком колонистами и государственными крестьянами, после присоединения края к России капиталистические формы производства развивались быстрее, чем в остальной части Бессарабии, населенной еще до присоединения к России главным образом владельческими крестьянами — царанами. Помещики и прослойка богатых колонистов, занимаясь промышленным овцеводством и производством пшеницы для продажи, начали применять в своих хозяйствах наемный труд и более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, что и определило капиталистическое направление развития экономики этой части области.

Основой феодальной эксплуатации крестьян была собственность помещиков на землю и их неполная собственность на работников производства — крепостных цыган и зависимых крестьян — царан. Накануне крестьянской реформы 1861 г. в Бессарабии во владении помещиков и монастырей было сосре-

доточено до 75% всей земли области и более 60% крестьян, что выше соответствующего процента земель и крестьян, которыми владели помещики в целом по Европейской части России, а также Украины (где в их руках было сосредоточено 70% всей земли и 60% общего количества крестьян).

Крестьянство Бессарабии, как и крестьянство России в целом, в дореформенный период было раздроблено на многочисленные категории и разряды, различавшиеся между собой юридическим положением, размером наделов, находившихся в их пользовании, характером и степенью обременительности помещичьих и государственных податей и повинностей.

Вместе с тем, в юридическом и экономическом положении крестьян Бессарабии имелись свои особенности по сравнению с положением крестьян других губерний России. Основная масса крестьян Бессарабии — царане, в отличие от крепостных крестьян России, юридически считались лично свободными, хотя в экономическом отношении и были феодально-зависимыми от светских и духовных феодалов. Резешы, в большей своей части, были собственниками земли, а государственные крестьяне Бессарабии в земельном отношении были более обеспечены, чем государственные крестьяне остальной России.

Приспособление помещичьего хозяйства к условиям товарного производства сопровождалось уменьшением царанских наделов и массовым обезземеливанием крестьян-резешей. Значительно усилилось обезземеливание крестьян накануне крестьянской реформы 1861 г., когда помещики, принимая во внимание неизбежность реформы, чтобы сохранить за собой большую часть земли, стали изгонять массами крестьян из своих имений. Свидетельством этому является тот факт, что в начале XIX в. в пользовании царан было около 80% всей помещичьей земли, а в 1861 г. — не более 65%. В некоторых уездах Бессарабии царанская запашка составляла и того меньше. В наиболее густо заселенных северных уездах Бессарабии царанский надел в указанный период сократился почти наполовину, феодальные же повинности на десятину надельной земли увеличились более чем на $\frac{1}{3}$.

Основная масса крестьян Бессарабии — царане по закону имели право перехода, фактически же это право было сильно ограничено. Они, как и крепостные, были лишены земельной собственности и наделялись в пользование помещичьей землей. Но поземельный надел и здесь был условием обеспечения помещика рабочей силой. За пользование наделом царане обязаны были отрабатывать барщину, вносить «джиму» (десятину) и отбывать многочисленные другие повинности. Наличие феодальной собственности на землю и определяло собой все формы феодально-крепостнической эксплуатации царан. Но норма феодальной ренты царан была несколько ниже, чем норма ренты крепостных крестьян. В Бессарабии нака-

нуне царанской реформы 1868 г. на барщине находилось 68,8% царан, на денежной повинности 14% и на смешанной повинности 17,2%, т. е. значительно преобладала барщина.

Основной формой феодальной эксплуатации крестьян-резешей, поселенных на собственных землях, было взыскание с них государством крепостников податей и повинностей. Резеши-царане, и в значительной массе резеши-«пармаки», наделяемые помещичьей землей, отбывали помимо этого феодальные повинности помещикам. С развитием товарного производства и усилением наступления помещиков и монастырей на резешское землевладение резеши в значительной своей массе экспроприруются, обезземеливаются, их хозяйства разоряются и все большее число их переходит на положение царан. К 1861 г. было обезземелено и переведено на положение царан 34,3% общего количества резешей.

Государственные крестьяне, образовавшие здесь особый, феодально-зависимый от государства разряд, вместе с колонистами и новороссийскими казаками в 1861 г. составляли до 30% общего количества населения и производили свыше $\frac{1}{3}$ всех сельскохозяйственных продуктов края. В положении государственных крестьян Бессарабии и государственных крестьян тех западных губерний России, которые долгое время находились на так называемом «хозяйственном положении» (отбывали натуральные повинности арендаторам казенных имений), было много схожего — аграрный строй, формы землепользования, административное управление.

Общественно-политическое и экономическое положение государственных крестьян Бессарабии, как и государственных крестьян России в целом, было тяжелым. Но оно было все же лучше положения частновладельческих крестьян — царан. Наличие разряда государственных крестьян способствовало обострению классовой борьбы в дореформенной бессарабской деревне, так как царане, находившиеся в худших условиях, боролись, энергично добиваясь причисления их к казенному ведомству и поселения на государственных землях. Находясь в несколько лучшем материальном положении, государственные крестьяне скорее и легче вовлекались в торгово-промышленную деятельность, что способствовало процессу разложения натурального хозяйства и развитию капиталистических отношений. В 40—50-х гг. XIX в. в бессарабской государственной деревне уже начался процесс расслоения крестьянства, что явилось результатом развития капиталистических отношений в деревне.

Реформа П. Д. Киселева не улучшила положения основной массы государственных крестьян, поскольку ее главной целью было обеспечить исправную уплату казенными крестьянами государственных повинностей. Но она все же способствовала развитию капиталистических отношений в государственной

деревне, выделению более зажиточного слоя крестьян, которые перестраивали свое хозяйство на новых экономических основах. Что касается основной массы государственных крестьян, то она и после реформы П. Д. Киселева оставалась необеспеченной в материальном отношении. Это подтверждается, в частности, и данными о положении государственных крестьян Бессарабии.

Таким образом, в первой половине XIX в. в жизни всех разрядов крестьян Бессарабии, как и России в целом, происходили глубокие социально-экономические изменения, явившиеся результатом все усиливавшегося разложения феодально-крепостнической системы и развития в ее недрах капиталистических форм производства.

Борьба крестьян Бессарабии против феодально-крепостнического гнета в первой половине XIX в. была частью крестьянской борьбы многонациональной России. Установившаяся после присоединения Бессарабии к России общность экономического развития на протяжении всей первой половины XIX в. обусловила собой общность социального содержания и форм крестьянской борьбы в Бессарабии и всей остальной России. Борьба крестьян против феодально-крепостнического гнета была стихийной и неорганизованной, что являлось ее основной слабостью. Вместе с тем следует отметить, что в Бессарабии, как и во всей России, проявлялась классовая солидарность крестьян независимо от национальности. Свидетельством этому является и непосредственное совместное участие в борьбе против общих угнетателей русских, украинских и молдавских крестьян в Подолии и Северной Бессарабии под руководством гайдука Устима Кармалюка, а также совместная борьба беглых русских, украинских и молдавских крестьян, поселившихся в буджакских степях, против помещиков и царских властей, пытавшихся вернуть их на старые места жительства под помещичье ярмо.

Борьба крестьян Бессарабии, как и России в целом, против феодально-крепостнического гнета в рассматриваемый период непрерывно нарастала, являясь ответом на усиление всей системы феодальной эксплуатации деревни. Об этом свидетельствуют данные о количестве сел, охваченных крестьянскими волнениями. По далеко неполным данным за первые 22 года (с 1812 г., со времени присоединения Бессарабии к России, и до 1833 г., до введения «Положения о царанах»), крестьянскими волнениями было охвачено 13 сел, за 17 лет (с 1834 по 1850 гг. — время введения «Положения о царанах 1834 г.» и «Нормального контракта 1846 г.») — 39 сел, а за 10 лет накануне реформы (с 1851 по 1860 гг.) — 37 сел.

Борьба крестьян становилась все более массовой, активной и упорной. Все чаще крестьяне переходили от требований отмены тех или иных повинностей к требованию отмены барщины.

ны и всех феодальных повинностей вообще. Обострение борьбы крестьян против феодально-крепостнического гнета свидетельствовало о глубоком кризисе крепостной системы. Массовые крестьянские волнения в дореформенный период, несмотря на их стихийность, разрозненность и локальность, расшатывали основы феодально-крепостнической системы. Анализ конкретного исторического материала о крестьянском движении в Бессарабии подтверждает, что борьба бессарабских крестьян, как и крестьян всей остальной России, нарастала с каждым десятилетием и особенно усилилась к концу 50-х и началу 60-х гг. XIX в., в период революционной ситуации, сложившейся в России.

Упорная и активная борьба, которую бессарабские крестьяне вели против помещичьего гнета на протяжении всего рассматриваемого периода, еще раз доказывает ложность утверждений румынских буржуазных историков-националистов З. Арбуре, Н. Иорги и других о том, что молдавские крестьяне, якобы мирные по своей природе, никогда не поднимались против молдавских помещиков, считая их своими покровителями, а выступали только против русских. Факты доказывают, что молдавские крестьяне боролись против всех эксплуататоров — против молдавских, русских и других помещиков, причем в этой борьбе всегда проявлялась классовая солидарность между русскими, украинскими и молдавскими крестьянами, проживавшими тут попеременно, особенно в северной и южной частях Бессарабии.

Борьба крестьян Бессарабии, как и всей России, в рассматриваемый нами период (1812—1861) носила определенный, ярко выраженный антифеодальный характер. Она была буржуазно-демократической по своему социальному содержанию. Объективным содержанием крестьянского движения накануне реформы была борьба крестьян не только за действительную свободу, но и за землю, как необходимое условие для самостоятельного ведения хозяйства мелким сельским производителем.

На протяжении рассматриваемого периода крестьяне Бессарабии боролись против кабальных феодальных отношений в деревне, против всех форм феодальной эксплуатации.

На введение новых «уставов», «положений» и «контрактов», целью которых являлось сохранение старых отношений, и вместе с тем, усиление феодального гнета, бессарабские крестьяне отвечали активизацией борьбы.

Однако темные и забытые, находившиеся во власти «царистской» идеологии, крестьяне Бессарабии, как и всей России, не имели еще ясного политического сознания. Их борьба носила неорганизованный характер, проходила в форме разрозненных стихийных «бунтов». Среди темных, забытых

крестьян Бессарабии, как и всей России, сильны были иллюзии наивного монархизма.

Крестьянское движение в Бессарабии в первой половине XIX в. было частью мощной общерусской крестьянской борьбы, которая все больше расшатывала устой крепостничества и, в конечном итоге, явилась одной из главных причин, заставивших царское самодержавие отменить крепостное право. Следовательно, крестьянство было той общественной силой, которая своей борьбой способствовала ликвидации отжившего социально-экономического строя и восстановлению нарушенного соответствия между развитием производительных сил и господствовавшими производственными отношениями.

В России конфликт между развивавшимися производительными силами и старыми феодальными производственными отношениями разрешился не революцией, не полным уничтожением феодализма, а постепенной его ликвидацией, с сохранением еще на долгое время пережитков крепостничества. Реформа 1861 г. в силу своего крепостнического характера могла обеспечить установление не полного, а лишь относительного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Сохранившиеся многочисленные феодальные пережитки в бессарабской деревне, как и в российской деревне в целом, обусловили дальнейшую борьбу крестьян. Значительное обезземеливание царан, особенно в северных уездах Бессарабии, разорительные для них оброчные и выкупные платежи вызвали ряд мощных крестьянских волнений, подавленных лишь при помощи крупных вооруженных сил. В отличие от дореформенного периода, когда царане боролись за землю и подлинную свободу, в пореформенный период основным содержанием их движения была борьба за получение, по крайней мере, всей земли, находившейся в их пользовании до реформы, за полную ликвидацию всех феодальных пережитков.

В пореформенный период, в новых условиях победившего капитализма, крестьянство России в целом продолжало свою борьбу против остатков феодальной эксплуатации под руководством своего могучего союзника и гегемона — революционного рабочего класса.

* * *

На основе исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. Разложение феодально-крепостнических отношений в бессарабской деревне вообще, в южно-бессарабской, в особенности (как и в губерниях Новороссии), происходило быстрее, нежели в центральных губерниях России. Это было вызвано:

а) включением Бессарабии в общероссийский рынок, что обеспечивало более широкий сбыт сельскохозяйственной про-

дукции, поставку машин и другого сельскохозяйственного инвентаря;

б) всевозрастающим спросом на сельскохозяйственные продукты Бессарабии на внешних рынках, что стимулировало рост сельскохозяйственной продукции;

в) колонизационной политикой царизма, приведшей к образованию на территории Бессарабии огромных экономий, принадлежавших бессарабским помещикам, и насаждению большого количества колонистов-переселенцев;

г) несколько более слабым феодально-крепостническим угнетением крестьян Бессарабии по сравнению с другими губерниями России.

Все это привело к тому, что в Бессарабии вообще, в ее южных уездах, в частности, задолго до крестьянской реформы наблюдались:

а) своеобразное переплетение путей развития капитализма в сельском хозяйстве в условиях еще не ликвидированного феодального способа производства;

б) специализация различных районов края по производству отдельных видов сельскохозяйственных продуктов (зерна, винограда, фруктов, технических культур и т. д.) и превращение его, по определению В. И. Ленина, в район торгового земледелия.

2. Процесс разложения феодально-крепостнических и зарождения капиталистических отношений определил коренные изменения в социальном составе сельского населения. Постепенно стираются присущие феодализму пестрые сословные прослойки населения бессарабской деревни, хотя некоторые отличия между ними сохранялись еще долго и после реформы.

Процесс капиталистического расслоения бессарабского крестьянства, органически связанный со способом производства материальных благ, происходил в первой половине XIX в. также быстрее, нежели в остальных частях Российской империи. Это особенно рельефно выступает еще до крестьянской реформы на примере поляризации резешей и государственных крестьян.

3. Особенности, характер и сущность различных форм (пассивных и активных) классовой борьбы молдавского крестьянства, выступавшего совместно с русскими и украинскими крестьянами против общего социального врага, с очевидностью свидетельствует о том, что:

а) стихийное, неорганизованное крестьянское движение расшатывало устои феодализма в Бессарабии, не приведя к его ликвидации;

б) все же возrastавшая мощь классовой борьбы крестьянства вынудила правительство крепостников предпринять шаги к проведению некоторых реформ сверху.

4. Несмотря на то, что в Бессарабии процесс разложения

феодално-крепостнических и зарождения капиталистических отношений происходил быстрее, нежели в других губерниях России, нарушение закона о соответствии производственных отношений уровню развития производительных сил с каждым годом становилось все более очевидным и привело к тому, что, во избежание дальнейшего обострения классовой борьбы, царское правительство сочло для себя более выгодным проведение крестьянской реформы и в Бессарабии. Крестьянская реформа в Бессарабии, отличавшаяся рядом особенностей от общерусской, в определенной мере восстановила нарушенное соответствие между производственными отношениями и уровнем развития производительных сил, чем и способствовала дальнейшему развитию капитализма в Бессарабии. С другой стороны, будучи проведенной крепостническим государством в интересах помещиков-крепостников, крестьянская реформа сохранила большое количество феодальных пережитков и в Бессарабии, что породило новую мощную волну классовой борьбы бессарабского крестьянства. Высшим проявлением этой борьбы в последующий период истории являлось участие крестьянства Молдавии под руководством российского пролетариата в трех русских революциях.

Союз рабочего класса и крестьянства, под руководством Коммунистической партии, в период Великой Октябрьской социалистической революции обеспечил победу революции, свержение всех эксплуататорских классов и установление диктатуры пролетариата. Тем самым открылась новая эра в жизни молдавского народа, как и всех народов нашей социалистической, многонациональной Родины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛОЖЕНИЕ О ЦАРАНАХ ИЛИ СВОБОДНЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАХ БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ

Глава I

О взаимных отношениях владельцев земель и царан

§ 1

По истечении двух лет с издания сего положения и именно не позже 23-го (л. 168 об.) апреля 1836 года, владельцы земель Бессарабской области обязаны с живущими на оных царанами и впредь поселяющимися заключать добровольные письменные условия о тех повинностях, кои должны отправлять царане за пользование их землями.

§ 2

Условия сии могут (л. 169) быть заключаемы сроком от 3-х до 20-ти лет.

§ 3

В условиях надлежит означать подробно и с точностью:

а) Какое пространство земли и какие сверх того еще угодья и выгоды предоставляются царанам.

б) Взаимные обязанности царан за отведенные (л. 169 об.) им от владельцев земли, угодья и другие выгоды.

в) Срок действия постановленного добровольного условия или договора.

§ 4

Обязанности царан к владельцам могут состоять или в определенном по обоюдному согласию их денежном платеже, или во взносе части (л. 170) сельскохозяйственных и иных произведений, или же в определенных днях работы на владельца, или наконец, в определенных также с надлежащею точностью особенных уроках работ сил.

§ 5

В условии постановляется особою статьею владелец ли земли или живущие (л. 170 об.) на оной царане должны наблюдать за целостью леса и учреждать надлежащую для сего страну, могут ли царане брать в оном хворост и валежник и делать порубки для собственного домашнего обихода.

§ 6

Когда кто-либо из царан или же целое оных (л. 171) общество пожелают на земле, по условию в пользование их отданной, устроить какое-либо хозяйственное заведение, равно сад и т. п., о коем в общем их условии с владельцем земли не было упомянуто, то должны делать с ним особое о том соглашение и условие. В сем соглашении (л. 171 об.) определяется с точностью, какое полагается устроить заведение, на чей счет оно будет содержимо, а в случае нужды исправляемо, должны ли получаемые с него доходы принадлежать одним употребляющим его царанам, или же часть оных отдается владельцу земли, наконец, сколько времени (л. 172) оно имеет существовать в сем виде, и по истечении назначаемого срока за кем останется.

§ 7

Распивочная продажа вина в селении принадлежит одному владельцу земли, но царане могут приобретать право производить оную также по добровольному (л. 172 об.) соглашению с владельцем, заключая о сем особое на срочное время условие или договор.

§ 8

Не воспрещается заключать по взаимному согласию условия с царанами, живущими уже на владельческих землях и прежде срока в 1-м § сего положения определенного (л. 173), но при новом поселении вообще, со дня распубликования сего положения, никто из владельцев не может принять к себе царана, не заключив с ним вышепомянутого условия.

§ 9

С царанами, живущими на землях Кишиневской архиерейской кафедры, условия должны (л. 173 об.) быть заключены по истечении срока нынешнему посессионному их содержанию.

§ 10

Все условия должны быть являемы для засвидетельствования в уездном суде. Они имеют всю силу общими законами договорам присвоенную. За точным с обеих сторон исполнением оных (л. 174) наблюдают уездные предводители дворянства и Земская полиция.

§ 11

Царане, живущие на землях частных владельцев и землях духовного ведомства, могут свободно, по прошествии срока заключенных ими условия, или же и прежде, если владелец на сие (л. 174 об.) согласен, переходить на земли других владельцев, равномерно заключая с ними условия на основании установленных в сем положении правил, они могут переходить и на свои собственные, если таковые имеют или приобретут, но на земли казенные ни в каком случае не принимаются (л. 175).

§ 12

Переходя с земель одного владельца на другие, царане могут взять с собою свой скот, собственные земледельческие орудия и все свое движимое имущество, но дома, на земле владельца построенные, если не было о сем постановлено особого условия, остаются за владельцами, а (л. 175 об.) виноградные и фруктовые сады, до ныне самими царанами разведенные, буде также не было о них особых условий, предоставляется им продать, однако же без права на землю, буде токмо помещик не пожелает оставить их за собою по оценке, при посредстве земского суда произведенной (л. 176).

§ 13

Царане, остающиеся на землях владельческих без письменного условия до истечения срока в 1-й статье сего положения определенного, удерживая в пользовании своем прежнее количество оных, обязаны отбывать за сие владельцу повинности, сообразно древним молдавским узаконениям (л. 176 об.), т. е. работая на него 12-ть дней в году от восхождения до заката солнца с надлежащим отдыхом в полдень, под надзором помещика и при наблюдении сельской полиции, притом отдавая владельцу десятину всех произведений земли, от него отведенной, участвуя в охранении целости (л. 177) принадлежащего владельцу леса, если имеют дозволение брать из оно-го хворост и валежник, или делать порубки для собственного домашнего обихода, и производя нужные починки плотин и гатей, на пользу общую устроенных.

§ 14

Царанам, живущим ныне (л. 177 об.) на владельческих землях, объявить, что им не воспрещается и прежде истечения срока, сим положением определенного, заключать письменные с владельцами условия на правилах, выше сего изложенных.

Глава II

О сельском управлении царан

§ 15

Для удобнейшего наблюдения за порядком (л. 178) между царанами, поселенными на землях духовного ведомства и частных владельцев, из селений их составляются волости от 300 до 700 семейств. Впрочем местному начальству предоставляется назначать и более и менее вышепоказанного числа (л. 178 об.) семейств, смотря по удобности.

§ 16

В каждой волости учреждается волостное правление, в которое по избранию царан из среды их назначаются на три года голова и двое старшин или заседателей и определяется приговариваемый царанами за условленную плату (л. 179) по контракту писарь.

§ 17

Во всяком селении, входящем в состав волости, назначается один староста (или ворник) также на три года по выборам. Сверх сего от каждых 100 дворов избирается ежегодно сотский, коему в помощь определяются таким (л. 179 об.) же образом десятские с каждого селения, имеющего не менее 10-ти дворов.

§ 18

В каждом селении учреждаются сельские мирские сходы.

§ 19

Сельские мирские сходы составляются из хозяев домов того селения. Когда сам хозяин в отлучке или болен (л. 180), то место его занимает один из семейства его взрослый сын, зять или родственник.

§ 20

Число хозяев на сходе должно быть не менее двух третей всех хозяев того селения.

§ 21

На сельских мирских сходах производятся:

1) сельские (л. 180 об.) выборы; 2) раскладка податей и повинностей; 3) дача доверенности для хождения по делам общественным.

§ 22

Ежели не все пришедшие на мирской сход согласны, то мирским приговором почитается мнение, с которым согласились две трети (л. 181).

§ 23

Учиненный на сходе мирский приговор представляется старостою в Волостное правление, для приложения печати.

§ 24

Волостные правления учреждаются в селениях, сколь возможно ближайших к средоточию тех волостей так, чтоб каждое из подведомственных (л. 181 об.) правлению селений было от него не в весьма большом расстоянии. Волости называются именами тех селений, в коих находятся Волостные правления.

§ 25

Ведению Волостного правления подчиняются сельские старосты, сотские и десятские.

§ 26

Волостное правление (л. 182) собирается в приказной оною избе, которая по сему именуется сборною избою.

§ 27

Волостные правления состоят в непосредственном ведении Земского суда и все посылаемые от оною приказания, до земства относящиеся, предъявляют для сведения владельцам земель (л. 182 об.), объявляют царанам и исполняются в чем до них самих принадлежат неукоснительно, под опасением строгого взыскания.

§ 28

Волостные правления составляют ежегодную раскладку сбора и расходы мирской суммы на собственные надобности Волостного правления и с точностью (л. 183) записывают приход и расход сих сумм. Для сего им ежегодно выдается земским начальством особая счетная книга за шпуром, печатью и скрепою по листам.

§ 29

Земский начальник также ежегодно выдает Волостным правлениям три тетради за его скрепою (л. 183 об.) по листам: одну для записывания посылаемых в Правление поселений земского начальства донесений сельских старост и сотских, письменных жалоб и просьб царан и вообще всех вступающих в Правление бумаг; другую — для записывания донесений его на требования владельцев земель и иных лиц, приказаний Правления сельским старостам и сотским и вообще всех исходящих из оного бумаг; третью — для записывания мирских приговоров, словесных жалоб и просьб царан и сделанных им объявлений (л. 184 об.).

§ 30

В каждом Волостном правлении имеется ларец, в коем хранятся поступающие в сбор деньги, за печатью головы и ключем одного из старшин-заседателей.

§ 31

Все бумаги, исходящие из Правления, подписываются головою или одним из старшин- (л. 185) заседателей и скрепляются писарем, если голова и заседатели не знают грамоты, то вместо подписи прикладывают к бумаге свою печать.

§ 32

Исходящие из Правления бумаги помечаются номером, порядок в соблюдении нумерации возлагается на ответственность писаря (л. 185 об.).

§ 33

Все письменные дела Волостного правления хранятся в особом ларце за печатью писаря, который отвечает за целостность оных.

§ 34

Голова и старшины-заседатели по прошествии каждого года, при общем собрании царан-хозяев всех селений той волости (л. 186) дают отчет в издержках и объявляют предполагаемую на следующий год раскладку сборов и расходов на собственные надобности Волостного правления. Отчет и раскладка по утверждению оных общественным приговором представляются уездному предводителю дворянства (л. 186 об.) на его рассмотрение.

§ 35

Волостные правления, сельские старосты и сотские с десятскими смотрят за исправностью дорог и мостов, за чистотою в селениях и за сохранением общей безопасности, спокойствия и порядка как в оных, так и в принадлежащих (л. 187) к ним и окружающих оные местах. Они наблюдают, чтоб не было пристанодержательства беглых и особливо военных дезертиров и принимают все возможные меры для предупреждения или скорого прекращения пожаров в селениях, лесах и полях. Вообще же сотские и десятские исполняют все то, что изъяснено о должности их в инструкции 19-го декабря 1774 года (л. 187 об.).

§ 36

Волостные правления и сельские старосты обязаны побуждать царан к исправному взносу податей и денежных земских повинностей и делать уравнильные наряды людей и подвод для исправления всяких земских нужд и исполнения законных требований военных и гражданских начальств. Они наблюдают также, чтобы царане не прежде переходили от одного владельца к другому для водворения, как заплатив по прежнему месту жительства (л. 188) все следовавшие с них казенные подати и общественные повинности; в чем Волостные правления и снабжают царан особыми видами.

§ 37

Для отвращения недостатка могущего быть от недорода в хлебе и для пособий нуждающимся царанам учреждаются в волостях их хлебные запасные магазины (л. 188 об.).

§ 38.

Новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору предоставляется назначить по удобности те селения, в коих должны быть сии магазины.

§ 39

Попечение о целости магазинов и хлеба возлагается на Волостного голову и старшин-заседателей, им же поручается (л. 189) и выбор смотрителей к магазинам.

§ 40

Для наполнения магазинов ежегодно, по окончании жатвы, собирается со всех царан ржи или пшеницы по полчетверiku с души мужского пола, а ярового, где какой родится: ячменю, овса, кукурузы или проса по полугарнцу. (л. 189 об.).

§ 41.

Запасный хлеб собирается и сохраняется в магазинах зерном и выдается в ссуду не иначе, как по общему мирскому приговору каждого селения с утверждением Волостного правления.

§ 42

Для записки поступающего и выдаваемого хлеба, при каждом (л. 190) магазине имеются приходные и расходные книги.

§ 43

Дворянские предводители обязаны наблюдать, чтобы хлеб, в магазины собранный, был освежаем и не допущен до пореждения.

§ 44

Для рассмотрения подлежащих уголовному суду поступков царан, а равно и (л. 190 об.) маловажных между ими ссор и тяжб, учреждается в каждой волости особый сельский суд.

§ 45

Сельский суд составляется из Волостного головы, старосты того селения, к коему принадлежит обвиняемый или ответчик, и десяти почетнейших царан (л. 191), именуемых: добросовестными. Для исправления сей должности избираются царане ежегодно всеми селениями волости на мирских сходах из пользующихся наиболее общим уважением и доверенностью. Сии добросовестные заседают по очереди в сельском суде (л. 191 об.).

§ 46

Рассмотрению сельского суда, без всякой на решения оно-го апелляции, подлежат все дела царан той волости по жалобам на обиды, по ссорам и дракам между ими, когда при сем не было ни смертоубийства, ни увечья, по обвинениям в буйстве, неповиновении (л. 192) сельскому начальству, наконец в воровстве и мошенничестве, когда цена украденной вещи не выше 10-ти рублей ассигнациями, а равно и по спорам о наследстве и другим тяжбыным делам, если спорное имущество стоит не более 50 рублей ассигнациями (л. 192 об.).

§ 47

Сельский суд имеет право приговаривать виновных царан к наказанию розгами не свыше 25 ударов, к заключению в приказной избе от двух до пяти дней и к отдаче в общественные работы от трех до десяти дней.

§ 48

Из дел, возникающих по ссорам (л. 193) царан с посторонними, временно с той волости живущими или проезжающими людьми, поступают на рассмотрение сельского суда только те, в коих ответчик или обвиняемый принадлежит к обществу царан той волости.

§ 49

Сельский суд рассматривает (л. 193 об.) и решает дела, подлежащие его разбирательству, по большинству голосов. Решения оного записываются волостным писарем в особую книгу, объявляются спорящим или подсудимым и немедленно приводятся в исполнение.

§ 50.

Жалобы на сельский суд принимаются в земском суде (л. 194) того уезда, но лишь в таком случае, когда есть показание, что оный решил дело, не подлежавшее его рассмотрению.

§ 51

Дела по условиям царан с владельцами земель, сколь бы предмет оных ни был маловажен, ни в каком случае не могут (л. 194 об.) подлежать рассмотрению сельского суда.

§ 52

При конце каждого года владельцы, на землях коих поселено не менее двадцати дворов царан, имеют право проверять денежные счета волостных правлений и сельские магазины, и если заметят какие-либо (л. 195) излишние издержки, беспорядки или недостаток хлеба, то объявляют сие выборным и добросовестным, предлагая им принять меры для прекращения злоупотреблений или беспорядков, и извещают о том уездного предводителя дворянства.

§ 53

Для наблюдения (л. 195 об.) за правильностью хода дел и охранения пользы царан в судебных местах определяется в каждом уезде особый стряпчий с жалованьем из земских сборов и с правом уездного казенных дел стряпчего.

О порядке выборов и назначений в сельские должности

§ 54

Голова и старшины (л. 196), заседатели Волостного правления избираются всею волостию из людей незазорного поведения, радетельных к трудам и добрых хозяев.

§ 55

Сии выборы производятся следующим порядком: в каждом составляющем волость селении назначаются на мирском сходе (л. 196 об.) несколько царан (считая по одному на 10-ть семейств) из совершеннолетних, имеющих собственное свое хозяйство, хорошего поведения и не только не подвергавшихся никогда публичным наказаниям, но не бывших и в подозрениях, лишаящих человека доброго имени. Сии назначенные (л. 197) от сельских обществ царане собираются в селение, где учреждено Волостное правление, и в присутствии уездного предводителя дворянства приводятся к присяге, что они в выборе головы и старшин-заседателей, поступая по совести и беспристрастно, назначат в сие звание тех, коих считают достойнейшими.

§ 56

Предводитель дворянства (л. 197 об.), сделав имянный всем собравшимся список, и взяв благовременно о предполагаемых им в кандидаты для выборов отзыв от владельцев земель, на коих сии царане имеют жительство, одобряют ли они их или почему не одобряют, сообразно сему назначает из одобренных к выбору нескольких и не менее 10-ти человек лучших людей, имеющих по мнению его нужные в званиях головы и старшин (л. 198) способности качества. Из сих десяти человек утверждаются дворянским предводителем в должности головы и старшин те, в пользу коих будет более избирательных голосов. При равенстве голосов предводитель решит выбор по своему усмотрению (л. 198 об.).

Внутренний распорядок в выборах учреждается предводителями по местным удобствам.

§ 57

Списки баллотированных хранятся в Волостном правлении, и в случае нечаянного выбытия головы, или которого либо из старшин заседателей, назначаются (л. 199) к исправлению их

должностей те, кои после избранных в сии звания имели в свою пользу большее число голосов.

Примечание. К избранию в старшины-заседатели назначаются и те, которые были предъявляемы в головы, но остались за выбором (л. 199 об.).

§ 58

Сельские старосты и добросовестные избираются на три года в каждом селении на мирском сходе и утверждаются Волостными правлениями.

§ 59

Сотские и десятские, выбираемые Волостными правлениями, обязаны исполнять все требования (л. 200) земской полиции и все приказания Волостного правления по общественным делам.

§ 60

Сельская исправа под главным надзором Волостного правления должна оказывать владельцам земли все нужные пособия в случае неисполнения принятых царями по заключенным (л. 200 об.) ими условиям обязанностей.

§ 61

Как голова, так и старшины-заседатели Волостного правления, старосты, сотские и десятские по утверждении их в сем звании, приводятся к присяге, что возложенные на них должности будут исполнять с усердием и верностью (л. 201), служа для других примером хорошего поведения. О всех избранных в означенные должности дается знать земскому суду.

Глава IV

О правах и ответственности сельских выборных

§ 62

Голова получает (л. 201 об.) жалованья по 250 рублей в год из сумм мирских, он лично освобождается, до коле в должности, от платежа казенных податей, земских сборов и от исправления всякого рода общественных повинностей, те и другие оплачиваются и отбываются за него миром. Семейство головы, т. е. жена его (л. 202), неотделенные сыновья и незамужние дочери изъемяются от всяких общественных работ и нарядов.

§ 63

Голова, беспорочно прослуживший в сей должности три трехлетия, хотя бы и несряду, представляется через местное губернское начальство (л. 202 об.) и Министра внутренних дел к награждению серебряною медалью на Анненской ленте.

§ 64

Старшины-заседатели Волостных правлений получают жалованья по 120 рублей в год из мирских сумм.

§ 65

За оскорбление голов, старшин-заседателей (л. 203), сельских старост, добросовестных и сотских бранными словами, а тем паче побоями, налагается большее против обыкновенного в таких случаях взыскание.

§ 66

Голова, старшины-заседатели Волостных правлений и сельские старосты (л. 203 об.) до коле находятся в должности, могут подлежать телесному наказанию не иначе, как по приговору судебного места и с лишением своего звания.

§ 67

Головы и заседатели за нетрезвую жизнь и дурное поведение могут быть отрешаемы от должностей по рассмотрению поступков (л. 204) их уездным предводителем дворянства.

§ 68

За вредные для общества упущения, а тем паче за лихоимство, голова и старшины-заседатели Волостных правлений, по жалобам владельцев земли или царан, предаются суду (л. 204 об.) установленным законами порядком в уездном суде.

Подписал: за председателя Государственного совета *Николай Мордвинов*.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. 15, д. 11, 1832, лл. 168—204 об.

НОРМАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ 1846 г.

В С.-Петербурге, 27 марта 1846 г.

Правила, определяющие взаимные обязанности Бессарабских владельцев земель и живущих на оных царан, когда между ними не заключено добровольных условий.

§ 1

Владельцы земель монастырских и других духовного ведомства экономий, не заключившие в поставленный срок добровольных условий о взаимных обязанностях с живущими на их землях царанами, обязаны для наделения сих последних землею соответственно потребности и состоянию каждого в обрабатывании оной, а также к постепенному распространению и улучшению хозяйства царан, дать им землю по следующему размеру:

Царану, не имеющему ни волов ни лошадей	3	фальчи
Имеющему одну пару лошадей или волов	4	" 41 праж.
Имеющему две пары лошадей или волов	6	" 42 "
Имеющему три пары волов или лошадей	8	" 43 "
Имеющему четыре пары волов или лошадей	10	" 14 "

§ 2

В тех вотчинах, владельцы коих не будут в состоянии наделить поселенных у них царан землею по размеру, в § 1-м назначенному, на три и четыре пары волов, предоставляется отводить земли каждому поселянину, сколько пространство вотчины

позволит, на одну и на две пары волов, по мере какого наделения поселяне обязаны отбывать и повинности своему помещику, или же предоставляется на волю помещика, буде пожелают разделить вотчину на три равные части, из коих оставив одну в распоряжении своем, две остальные отдать в пользу поселян с тем, чтобы они делили уже и землю между собою по взаимному их соглашению, а помещику отбывали бы повинности тем числом рабочего скота, какое соответствовать будет пространству отведенной каждому из царан земли на основании выше-определенного в § 1-м размера, т. е. имеющий 4 фальчи 41 пажину, одною парю волов или лошадей, имеющий 6 фальчей 40 пажин, двумя парами и так далее.

§ 3

Более 10-ти фальчей и 44-х пажин земли царану не давать по тому, что приобрета четыре пары волов, он может иметь собственный свой плуг: следовательно быть полным хозяином.

§ 4

Отводимое пространство земли назначается под двор и хозяйственное заведение, сады, огороды для хлебопашества, сенокоса и выгона как рабочего, так и прочего домашнего скота. Из общего количества земли (§ 1) полагается под двор и хозяйственные заведения царану, неимеющему волов 10 пажин, имеющему одну пару волов, 11-ть пажин, имеющему две пары волов 12 пажин, имеющему три пары волов 13 пажин, имеющему четыре пары волов 14 пажин фальчевых.

§ 5

О качестве земель, отводимых царанам.	Владельцы обязаны отводить царанам землю, удобную как для хлебопашества, так равно и для сенокоса и пастбища, в расстоянии сколь возможно ближайшем селениям и отнюдь не далее 10 верст, и буде место положение дозволит в нераздробительных участках.

§ 6

Обязанности царан в обрабатывании земли.	Каждый поселянин наделенный должен пользоваться ею, как добрый хозяин и непременно третью часть засеять разного рода хлебом, кукурузою и картофелем, желающим увеличить свое хлебопашество предоставляется сие совершенно на их волю. Царане же, остающиеся и за внушениями земский полиции, волостных или сельских управлений нерадивыми, побуждаются к хлебопашеству посредством сельского суда.

§ 7

О водопое, починке плотин и гатей. Владельцы обязаны давать царанам удобный и достаточный водопой, а царане, взамен этого, должны содержать в исправности плотины и гати на тех вотчинах, где они жительство имеют, если же для сего потребуется материал, который приобрести нужно за деньги, то таковой должен быть куплен и доставлен помещиком на его счет.

§ 8

О измерении и переделе земли в ведение обществ царан. По опубликовании сих правил, владельцы земель должны когда кончатся первые, затем полевые работы и царане будут свободны от занятий, рассчитать по числу царан и имеющегося у них рабочего скота, сколько каждому и всем вместе следовать будет отвести земли по определенному выше в § 1, размеру и объявив о том обществам поселян, измерить это пространство земли в натуре, при свидетельстве старшин и нескольких депутатов от селений и сдать оное сельским обществам, а сии обязаны, приняв землю, поставив на свой счет знак или ограничить эту землю концами, вехами, или бороздою, проведенною плугом.

§ 9

В случае уклонения поселян от приема такой земли, измерение оной производится владельцем при поселянском стряпчем, Депутате со стороны дворянства и старшин Волостного правления, и если по свидетельству сих лиц земля окажется удобною и в полном количестве, то она оставляется за царанами, а заключенный об этом акт за подписом владельца и лиц, бывших при отводе земли, вносится в книгу Волостного правления и потом возвращается подлинником владельцу. Акты о земле, бесспорно царанами принятой, равномерно должны записываться в книгу Волостного правления.

§ 10

По поступлении таким образом земли в пользование царан, предоставляется им, по усмотрению своему и местному обыкновению, обращать хлебопахатные, выгонные и сенокосные участки на смену одни вместо других.

§ 11

Отведенная царанам земли остаются за ними без перемера на 5-ть лет, больший же срок предоставляется назначению по общему согласию владельца и поселян, однако если бы значи-

тельная прибыль или убыль народонаселения от неожиданных обстоятельств потребовала увеличить или уменьшить отведенные пространства земли, в таком случае допускается изменение сего условия и прежде пятилетнего срока.

§ 12

О разных работах царан в пользу владельцев земли. Каждое семейство царан и каждый бурлак или холостой, получив по своему состоянию определенное в § 1 пространство земли, обязан работать владельцу начиная с весны до осени, т. е. с открытия до окончания полевых работ, сообразно климату, в разных полосах Бессарабской области, 12 урочных или так называемых пунктовых дней, и сверх того отбывать другие повинности, поименованные ниже в §§ 16—22.

§ 13

Об урочных работах. Урочные работы царан в пользу владельцев земли суть следующие:

А) Каждый поселянин, имеющий пару волов или лошадей, обязан вспахать в один урочный день целины 9 пражин, с мягкой земли 14 пражин фальчевых, царанам же, имеющим две, три и четыре пары волов или лошадей, назначается сработать по стольку же на каждую пару рабочего скота, по числу коего они наделены от помещиков землею со включением в зачет того же урочного дня, засева и заборонения вспаханной земли. Затем, если одним плугом вспахано и засеяно будет назначенное по сему уроку пространство земли, то каждому поселянину, сколько их в составлении плуга участвовать будет, зачитать один из двенадцати урочных дней, т. е. как тому, который будет иметь одну пару, так и тому, кто будет иметь две, три и четыре пары волов или лошадей, а равно и тому, кто будет работать при плуге без волов или лошадей. Причем поставляется правилом, что в плуг для пахания целины более четырех пар, а для пахания мягкой земли более трех пар волов, или лошадей впрягаемо быть не должно. Плуги и бороны для сей работы поселяне должны употреблять свои собственные, а семена всех родов обязан дать помещик.

Б) Жать разного рода хлеба или льну в урочный день одному человеку 16 пражин или скосить двадцать пражин с доставкой оного и складкою на место молотбы, которое должно быть вблизи от полей, с которых снимается хлеб и не далее двух верст.

В) Молотить и провеять в урочный день одному человеку руками озимого хлеба, арнаутки или льну, одну копну или 60 снопов всякого другого рода ярового хлеба полторы копны или 90

снопов, человеку с лошадейю озимого хлеба, арнаутки или льну, две копны или 120 снопов, всякого другого ярового хлеба три копны или 180 снопов. Солома, после вымолота остающаяся, должна быть сложена на току в скирду теми же людьми.

Г) Прашевать (скапывать сапами) кукурузу в урочный день одному человеку двенадцать пражин и если нужно прашевать во второй раз, то восемнадцать пражин.

Д) Один урочный день назначается для уборки и перевозки в свое время кукурузы в кошеры, которые, где необходимость того требует, строятся также царанами, но собственно только для той кукурузы, которая возделана будет поселянами в урочные дни и для той, которую получит помещик от собираемой дежмы (десятины). Во всяком случае материал, нужный для сего, обязан приобрести и доставить на свой счет сам помещик.

Е) Молотить и провеять сухой из коша вынутой кукурузы, в урочный день одному человеку тридцать шесть четвериков.

Ж) Скосить одну фальчу травы, высушить оную, сгрести сено и сложить в стоги или скирды одному человеку в четыре урочных дня.

З) На основании высочайшей воли об усилении разведения картофеля, мера работы по сей статье определяется следующая:

1) Окучивать засеянного картофелем на пространстве 12 пражин одному человеку в один урочный день.

2) Окучивать картофель во второй раз в тот же урочный день одному человеку на пространстве восьми пражин.

3) Окучивать картофель в третий раз в тот же урочный день одному человеку на пространстве двенадцати пражин.

и 4) Выбирать картофель из земли на пространстве шести пражин, с укладкою оного на том же месте в кучи согласно изданному наставлению и с укрытием куч помещичьею соломою сверх оной землею одному человеку в один урочный день.

Примечание: Там где картофель еще не засевадается и где при плугах не будет надобности употреблять погонщиков из царан, не имеющих ни волов ни лошадей пункт А, вместо положенных для работ, по первой статье двух урочных дней, а по последней одного такого же дня, владелец может заменить их работами по прашеванию кукурузы, уборке ее и другого хлеба.

§ 14

Царане, которые не имеют вовсе рабочего скота, обязаны все урочные дни работать без онаго.

§ 15

Назначение, сколько из 12 урочных дней в году определен-ных выше в § 13, царане имеющие собственный рабочий скот должны работать с волами или лошадьми, и сколько без скота предоставляется помещику, однако он не имеет права требовать от поселян работы без скота (немо) более восьми урочных дней, иначе как разве по добровольному соглашению с царанами. При-чем, царане, имеющие несколько пар рабочего скота, по числу коего они наделяются от помещиков большим пространством земли (§ 1-м), обязаны по назначению сих последних работать без скота (немо), т. е. жать, прашевать и проч. по урокам, опре-деленным в § 13, вместо одного урочного дня, поселянин, имею-щий две и три пары по два, а имеющий четыре пары волов или лошадей, по три таких же дня.

Таким образом, урочные работы царан со всем рабочим ско-том, по числу которого они наделены землею, представляются в следующем виде:

Для царан, имеющих рабочего скота:

	1 пару	2 пары	3 пары	4 пары
Работы со скотом	4 урочн. дня	4 урочн. дня	4 урочн. дня	4 урочн. дня
Работы без скота	8 „ дней	16 „ дней	16 „ дней	24 „ дней
Всего . .	12 урочн. дней	20 урочн. дней	20 урочн. дней	28 урочн. дней

§ 16

Каждый земледелец из царан обязан привезть в дом помещика, на вотчине состоящий, еже-годно два воза дров, расстоянием на четыре ча-са (20 верст). Величина воза определяется такая, чтобы шестью пароволовыми фурами доставлена была кубическая сажень трех аршинной меры. Если помещик, по неимению собствен-ного леса, будет покупать оный, в таком случае поселянин дол-жен рубить дрова и перевезть оные в дом помещика не далее показанного расстояния, а если на сем расстоянии не будет ле-са, то поселяне обязаны доставлять помещику за каждая две фуры дров по одной кубической сажени бурьяну или камыша, произрастающего на вотчине помещика или на смежной вотчи-не, не далее двадцативерстного расстояния.

§ 17

Сверх того царане должны из того количества рабочего ско-та, по числу которого каждый из них наделен землею, дать в год одну подводку на расстояние 16 часов (80 верст), полагая тяжести на каждую пару волов по три мшерца или 30 пудов.

§ 18

Возку дров и подвод требовать помещикам в свободное от полевых работ время и тогда, когда еще бывает подножный корм, т. е. с 15 мая по 15 июня, или с 15 сентября по 1-е ноября, однако же возбраняется владельцам земель, по добровольному согласию с царанами пользоваться подводами и в зимнее время, взамен летнего.

§ 19

Каруцы или телеги для доставки дров, подвод равно и всякого рода перевозок и работ, какие помещик имеет право требовать на основании настоящих правил, поселяне употребляют собственные свои.

§ 20

Поселяне, не имеющие ни волов, ни лошадей, взамен сканных повинностей, возки дров и дачи подвод, должны работать один день по размеру выше означенному в § 13 на другой работе по указанию помещика.

§ 21

Все вообще поселяне, как имеющие волов и лошадей, обязаны работать при починке господских строений, на вотчине находящихся, как то: при исправлении камышевых и соломенных крыш, скотских загонов, плетней, при обмазке стен, содержании в исправности окопов и тому подобном, но отнюдь не при работах в капитальных зданиях. На всю эту поделку определяется каждому царану по четыре дня в году, от восхождения до захождения солнца с отдыхом в полдень двух часов, и с тем чтобы материалы были даны от помещика. Если владельцу не нужны будут эти дни для починок и исправлений в одном году, то в другом он уже не вправе требовать никакого за сие вознаграждение.

§ 22

Всякий царан обязан давать владельцу дежму (десятину) от всех продуктов, приобретаемых на той земле, которою пользуется и доставить сию дежму на ток помещика тою мерою, какую сам употребляет при измерении своего продукта. Но прежде всего всякий поселянин обязан об имеющейся у него в готовности десятине объявить сельской полиции и владельцу, который должен поверить лично, или через управителя, и принять эту десятину в продолжении шести дней от объявления. Буде владелец в течении одного срока не примет десятины царан, от кого следует таковая, может отвезть оную на ток помещика, не ожидая его разрешения лишь бы не во время и дождя и оставить там, сложив в порядке в присутствии сельского старшины или двух других свидетелей, и затем владелец не вправе жаловаться на доставление царанам десятины не в полном количестве.

§ 23

Как должны царане выходить на работы помещика. Царане обязаны выходить на работы владельца целыми семействами, не исключая женского пола, и производить соответствующие каждому возрасту и полу работы так точно как они работают для себя. Однако владелец не вправе требовать на работу детей моложе 14-ти лет, равно престарелых свыше 60 лет и хворых людей, а также женщин беременных, он должен располагать работы свои таким образом, чтобы сие не могло затруднять поселян в производстве собственных их работ.

§ 24

Ограничение помещиков при употреблении царан в работе. Запрещается владельцу употреблять в работы царан в дни праздничные, или требовать, чтобы все следующие ему 12-ть урочных дней были исполнены вдруг. Оные следует разделять на три части: для весны, лета и осени, полагая по четыре дня для каждого времени года. Предметы же производства работ должны быть по указанию владельца, сообразно надобностям в его хозяйстве. Возбраняется также посылать царан на работы далее 20 верст от их селений на той же вотчине, или в случае надобности, и последняя. Во ограждение царан от напрасной потери времени на переходы при посылке на такое расстояние, помещик должен в сем случае давать каждому работы не менее как на три урочные дни.

§ 25

Требование помещиков наряда рабочих людей и порядок выполнения сих требований. Как общества царан на основании § 8, должны принять или оставить за собою определенное им на основании § 1 пространство земли, а владельцы по смыслу § 15 могут требовать поселян с волами или лошадьми и часть без рабочего скота, то сообразно с сим они должны заблаговременно, до наступления каждой работы, объявить, сколько им нужно для работ людей с волами или лошадьми и сколько без скота, а общества по такому объявлению немедленно должны на мирском сходе постановить приговор, чтобы требуемое владельцем число рабочих назначено было в точности, и чтобы поселяне все обязанности свои, по роду работ, в уроках назначенных, исполняли без малейшего упущения.

§ 26

В случае неисправности кого-либо из царан, общество должно исполнить за него все упущенные работы немедленно и вообще во всем относящемся до взаимных обязанностей царан к владельцам отвечать всем своим составом за каждого по-рознь.

§ 27

За правильным и своевременным исполнением обществами своих обязанностей в особенности должны иметь строгое наблюдение сельская полиция и Волостные правления под собственною их в противном случае ответственностью. А как при полевых работах неразлучно соединенных с состоянием атмосфер, потеря и одного дня может сделать большую разность, то для охранения пользы помещиков и хозяйства их от разстройства, постановляется правилом, чтобы в случае, если общества царан, и за сделанными со стороны сельских и волостных управлений побуждениями будут уклоняться от исполнения обязанностей, на них лежащих, то Земские суды, тотчас по получении сведения о том, командируют на место одного из своих членов, который разобрав дело, понуждает царан к исполнению их обязанностей посредством сельского суда, предоставляя владельцу за убытки, буде случатся, искать удовлетворения особо, установленным порядком.

§ 28

**О пользовании
поселянам
помещичьим
лесом.**

На вотчинах, где имеются леса, царане, в случае надобности, могут пользоваться ими не иначе, как по соглашению с владельцами за денежную плату, или по особым условиям.

§ 29

**О садах,
поселянам
принадлежащих.**

В таких местах, где царане имеют фруктовые и виноградные сады какой либо величины таковые не были, они обязаны давать в пользу владельца (дежду) от всех произведений тех садов. Из сего делается исключение в том случае, если сказанные сады расположены будут на пространстве земли, отведенной под двор (§ 4).

§ 30

**Об ограждении
полей от
потравы.**

Общества селений обязаны хлебные поля и сенокосные места, как собственные свои, так равно и владельцам принадлежащая стараться предохранять от потравы их скотом и вследствие того, для пастьбы рогатого скота и лошадей, в особенности свиней, содержать от себя пастухов.

§ 31

**О продаже
полей.**

Для упрочения состояния поселян дозволяется каждому из них имеющему на помещичьей земле виноградный сад по отдаче помещику десятой части из выделанного вина, распоряжаться остальным вином вполне, как

своею собственностью, т. е. продаже выделяемое вино помещику или его откупщику или же посторонним лицам, но не иначе как о том. бочками не менее 10-ти ведер.

§ 32

Хозяева садов, разведенных на помещичьей земле, могут беспрепятственно употреблять вино собственного производства для своих надобностей, и помещик, получивший в пользу свою десятую часть урожая, не должен им того воспрещать. Однако предоставляется ему наблюдать, что при употреблении собственного производства вина владельцы не производили раздробительной продажи, а также не подвозили бы вина из других мест. В противном случае произвольный ввоз вина и всякого другого напитка принят будет за обман и виновный подвергнется суду.

§ 33

Принадлежности прочих угодий владельцам. Затем все доходы с заведений и угодий, на вотчинах помещиков находящихся, и в пользовании царан по силе настоящих правил не поступающих, как то: от питейной продажи, от мельниц, заводов, лесов, рыбных ловлей и других оброчных статей принадлежат исключительно одним владельцам вотчин, без согласия коих царане ничем более, кроме предоставляемых ими по сим правилам выгод пользоваться не могут.

§ 34

Об ограничении требования владельцами от царан повинностей. Равным образом и владельцы земель, сверх определенных в вышепрописанных §§ повинностей, не вправе требовать от царан никаких сборов, служб и работ по существовавшему доселе обычаю, как то: пряжи из льна и шерсти, дачи сто-рожей для сбережения лесов, работы по два дня в году всем семейством, именуемой клаки, денежных сборов под названием адет, сбора с овец, кур и пчел, платы за рогатый скот и прочее, словом все сборы и повинности, под какими бы названиями таковые доселе не существовали и которые в сих правилах не поименованы, уничтожаются, и владельцы ни под каким предлогом требовать оных не вправе.

Подписал: Председатель Государственного Совета Князь
Н. Васильчиков.

Верно: Секретарь (подпись)

Сверял Коллежский регистратор (подпись)

ТАБЛИЦА
сел, в которых волнения были подавлены войсками или без их помощи

№ п. п.	Название уездов	1812—1833				1834—1850				1851—1860				Всего за 1812—1860 гг.			
		Количество сел, в которых волнения были подавлены войсками	Количество сел, в которых волнения были подавлены без помощи войск	Всего сел, охваченных волнениями	Количество сел, в которых волнения были подавлены войсками	Количество сел, в которых волнения были подавлены без помощи войск	Всего сел, охваченных волнениями	Количество сел, в которых волнения были подавлены войсками	Количество сел, в которых волнения были подавлены без помощи войск	Всего сел, охваченных волнениями	Количество сел, в которых волнения были подавлены войсками	Количество сел, в которых волнения были подавлены без помощи войск	Всего сел, охваченных волнениями	Количество сел, в которых волнения были подавлены войсками	Количество сел, в которых волнения были подавлены без помощи войск	Всего сел, охваченных волнениями	
1	Хотинский	—	2	2	11	2	13	—	1	1	11	5	16				
2	Сорокский	1	—	1	6	—	6	7	1	8	14	1	15				
3	Ясский (Бельцкий)	4	1	5	2	2	4	14	1	15	20	4	24				
4	Оргевский	2	—	2	7	1	8	9	3	12	18	4	22				
5	Кишиневский	1	1	2	2	1	3	—	—	—	3	2	5				
6	Бендерский	—	—	—	—	2	2	—	1	1	—	3	3				
7	Аккерманский	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	2	2				
8	Измаильский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
9	Кагульский	1	—	1	—	1	1	—	—	—	1	1	2				
Итого . . .		9	4	13	28	41	39	30	7	37	67	22	89				

С П И С О К
селений Бессарабской области, охваченных крестьянскими
волнениями (1812—1860 гг.)

I

1812—1833

1. вотчина Волосены, Оргеевского у. — август 1813.
2. м. Леово — июнь—июль 1815.
3. м. Лапушна — 1817—1833.
4. с. Рашково
5. с. Соколуй
6. с. Жабки
7. с. Суслены, Оргеевского у. — ноябрь 1819.
8. с. Брайкова, Сорокского у. — 1819—1820.
9. с. Татаровка, Хотинского у. — 1821.
10. с. Шелты, Ясского у. — 1825.
11. с. Иновец, Хотинского у. — 1827.
12. с. Кожушна, Кишиневского у. — 1827—1829.
13. с. Раковцы, Ясского у. — 1828—1832.

II

1834—1850

1. с. Глины,
2. с. Гиждево
3. с. Новоселицы
4. с. Бырново
5. с. Чучулены, Ясского у. — 1836.
6. с. Васкауцы
7. с. Баланешты
8. с. Избешты
9. с. Машкауцы
10. с. Жаврени
11. с. Ракулешты

Хотинского у. — 1834—1836.

Хотинского у. — 1836.

Оргеевского у. — 1837.

12. с. Суслены	}	Оргеевского у. — март 1837.
13. с. Маркауцы		
14. с. Требужены		
15. с. Санкоуцы	}	Хотинского у. — 1837.
16. с. Бочкоуцы		
17. с. Широуцы		
18. с. Коленкоуцы		
19. с. Динжены	}	Сорокского у. — апрель 1836—1837.
20. с. Гринауцы		
21. с. Корженоуцы		
22. с. Ренова		
23. с. Киприяны — июнь 1838.		
24. с. Бучума — июль 1838.		
25. с. Кишкарены, Ясского у. — март 1845.		
26. с. Манзырь, Бендерского у.	}	1845.
27. с. Сарата-Галбена, Кагульского у.		
28. с. Баласинешты, Хотинского у. — 1847—1850.		
29. с. Теленешты, Оргеевского у. — 1847.		
30. с. Зарожаны, Ясского у. — 1847.		
31. с. Пырлица	}	Сорокского у. — 1847.
32. с. Боросены		
33. с. Надежда	}	Аккерманского у. — 1847.
34. с. Фрумушика		
35. с. Ниспорены, Кишиневского у. — 1848.		
36. с. Кожушна, Кишиневского у. — 1848—1849.		

III

1851—1860

1. с. Цаул, Оргеевского у. — 1851.
2. с. Стодольна
3. с. Лалова
4. воч. Речульского мон., Оргеевского у. — 1852.
5. с. Гура-Галбена, Бендерского у. — 1852.
6. с. Кашмирка, Сорокского у. — 1853.
7. с. Челаповка, Ясского (Бельцкого у.) — 1853.
8. с. Маркоуцы, Оргеевского у. — 1853.
9. с. Стрижень, Ясского (Бельцкого у.) — 1853.
10. с. Зеленая, Хотинского у. — 1856.
11. им. помещика Кристи, Оргеевского у. — 1856.
12. им. помещика Доница, Оргеевского у. — 1857.
13. с. Флорешты
14. с. Чоропканы
15. с. Лалова, Оргеевского у. — 1858.
16. с. Челаповка, Ясского у. — 1858.
17. с. Дондюшаны, Сорокского у. — 1858.

18. с. Сынжерея	}	Сорокского у. — 1858.
19. с. Слобоздея-Беличны		
20. с. Александрены		
21. с. Гиличны	}	Ясского у. (Бельцкого) — 1858.
22. с. Кишкарены		
23. с. Езерены		
24. с. Чучуены		
25. с. Глинжены		
26. с. Хилиуцы		
27. с. Фундуры	}	Сорокского у. — 1858.
28. с. Журы		
29. с. Правила		
30. с. Драганешты,		Ясского у. (Бельцкого) — 1858.
31. с. Драговичи,		Сорокского у. — 1858.
32. вотч. мон. Нямц	!	1858.
33. вотч. мон. Сыку	)	
34. с. Флорешты	}	Сорокского у. — 1859.
35. с. Чоропканы		
36. с. Парканы,		Сорокского у. — 1859.

БИБЛИОГРАФИЯ

(Источники и литература)

- К. Маркс, Капитал, т. 1, М., 1953, т. 3, М., 1951.
- К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII).
- К. Маркс, Восточный вопрос. Национальности в Турции (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX).
- К. Маркс, Подготовка крестьянской реформы в России (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 1).
- К. Маркс, Письмо к Энгельсу от 11 января 1860 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII).
- К. Маркс, Письмо к Энгельсу от 17 февраля 1863 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII).
- К. Маркс, Хронологические выписки (Архив Маркса и Энгельса, т. VII).
- К. Маркс, Заметки о реформе 1861 года и пореформенном развитии России (Архив Маркса и Энгельса, т. XII).
- Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Л., 1950.
- Ф. Энгельс, О России, М., 1945.
- Ф. Энгельс, Эмигрантская литература (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV).
- Ф. Энгельс, Послесловие к статье «Социальные отношения в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2).
- В. И. Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1, изд. 4.
- В. И. Ленин, Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, Соч., т. 1, изд. 4.
- В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, изд. 4.
- В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся, Соч., т. 2, изд. 4.
- В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4.
- В. И. Ленин, Рабочая партия и крестьянство, Соч., т. 4, изд. 4.
- В. И. Ленин, Что делать? Соч., т. 5, изд. 4.
- В. И. Ленин, Борьба с голодающими, Соч., т. 5, изд. 4.
- В. И. Ленин, Гонители земства и аннибалы либерализма, Соч., т. 5, изд. 4.
- В. И. Ленин, К деревенской бедноте, Соч., т. 6, изд. 4.
- В. И. Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., т. 9, изд. 4.
- В. И. Ленин, Проект речи по аграрному вопросу во 2-ой Государственной думе, Соч., т. 12, изд. 4.
- В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг., Соч., т. 13, изд. 4.

- В. И. Ленин, Аграрный вопрос в России к концу XIX в., Соч., т. 15, изд. 4.
- В. И. Ленин, Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч., т. 15, изд. 4.
- В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, изд. 4.
- В. И. Ленин, По поводу юбилея, Соч., т. 17, изд. 4.
- В. И. Ленин, Некоторые пути «землеустройства», Соч., г. 18, изд. 4.
- В. И. Ленин, Из резолюции Всероссийской апрельской конференции, Соч., т. 20, изд. 4.
- В. И. Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. 21, изд. 4.
- В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, изд. 4.
- Летописи марксизма, т. III (XIII), 1930.
- Политическая экономия, учебник, М., 1954.

ИСТОЧНИКИ

а) Официальные актовые материалы

Полное собрание законов. 1-ое собрание, СПб, 1830. О присоединении к Российской империи от Турции земли, простирающейся от Аккермана до устья реки Прута и от сего устья до Цегорской границы, а от толе вниз по Днестру, т. XXXII (1812—1814 гг.), № 251199.

О дозволении немецким колонистам переселяться из Герцогства Варшавского в Бессарабию, т. XXXII (1812—1814 гг.), № 25522.

Об освобождении от рекрутского набора жителей Бессарабии, т. XXXIII (1815—1816 гг.), № 25942.

О требуемых помещиками обратно беглых людей их, находящихся в Бессарабии, т. XXXIV (1817 г.), № 27122.

Устав образования Бессарабской области, т. XXXV (1818 г.), № 27357.

О поселении в Бессарабской области болгар и других задунайских переселенцев, т. XXXVI (1819 г.), № 28054.

О платеже Одесским солепромышленникам акциза с бессарабской соли, ввозимой в Россию и заготовленной до издания высочайшего указа 1821 г., т. XXXVIII (1822—1823 гг.), № 29579.

Полное собрание законов. 2-е собрание, СПб, 1885.

Введение, т. 1.

Учреждение в Бессарабии особой комиссии для рассмотрения проекта положения о взаимных обязанностях тамошних помещиков и живущих на их землях вольных поселян, т. 1 (1825—1827 гг.), № 340.

Учреждение в казенных селениях Бессарабской области волостных правлений, т. 1 (1825—1827 гг.), № 444.

Меры к облегчению переселения казенных крестьян из внутренних губерний в Бессарабию, т. I, (1825—1827 гг.), № 592.

О правилах, по коим следует поступать с беглыми помещичьими людьми, зашедшими в Новороссийский край и Бессарабскую область, т. II (1827 г.), № 1521.

О мерах прекращения бродяжничества в Бессарабии, т. III (1828 г.), № 2237.

О приостановлении до времени переселения казенных крестьян в Бессарабию по случаю значительного перехода переселенцев из Румынии и Болгарии для водворения в Бессарабии и о прекращении пожалования бессарабских земель, т. V (1830 г.), № 3775.

О разрешении переселения казенных поселян в Бессарабию, т. VII (1832 г.), № 5394.

Об учреждении при казенных аккерманских садах школы садоводства для обучения казенных бессарабских поселян разводить виноградники и приготавливать вино, т. VII (1832 г.), № 5448.

Положение о царнах или свободных земледельцах Бессарабской области, т. IX (1834 г.), № 6739.

О царанах, водворившихся на казенных землях Бессарабской области, т. XV. (1840 г.), № 13411.

Правила, определяющие взаимные обязанности бессарабских владельцев земель и живущих на оных царан, когда между ними не заключено добровольных условий, т. XXI (1846 г.), № 19881.

О правах состояния жителей Бессарабской области, т. XXII (1847 г.), № 20987.

Учреждение особой комиссии для составления правил генерального размежевания земель Бессарабской области, т. XXIV (1849 г.), № 23578.

Дарование жителям городов и селений Бессарабской области пособий и других облегчений по случаю военных обстоятельств, т. XXXI (1856 г.), № 29849 а.

Правила о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области, т. XXXV (1860 г.), № 36673.

б) Прочие актовые материалы

Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века, М.—Л., 1936.

Арменопуло К., Шестикнижие, Одесса, 1908.

Архив Государственного Совета, Главный Комитет, ч. III.

Bogdan I., Documente lui Ștefan cel Mare, vol. I, Buc., 1913.

Восстание в Бездне, Красный архив, т. 4 (35) и т. 5 (36), 1929.

Ghibănescu G., Surete și izvoade, vol. XV, Iași, 1926, vol. XX. Iași, 1928.

Ghibănescu G., Yspisoace și zapise, vol. V, Iași 1923—1924.

Донич А., Краткое содержание законов, извлеченных из царских книг, Яссы, 1814, Кишинев, 1831.

Отмена крепостного права, Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы (1861—1862), М.—Л., 1950.

Материалы редакционных комиссий для составления положений о крепостных, выходящих из крепостной зависимости. Первое издание.

Третий период, ч. IX, СПб, 1860.

Постановление пунктов об обязанных поселяках, Кишинев, 1819.

Sturdza-Scheianu, Acte și Legiuri privitoare la chestia țărănească, vol. I—II, Buc., 1907.

Uricarul, sub red. T. Kodrescu, v. 11, Iași, 1892.

Hurmuzaki; Documente privitoare la istoria Românilor, vol. I, supl. 11, Buc., 1893.

Центрархив, Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1 и 2. М., 1931.

в) Повествовательные, мемуарные и другие материалы

Афанасьев-Чужбинский А., Поездка в Южную Россию, ч. II, СПб, 1863.

Вигель Ф., Замечания на нынешнее состояние Бессарабии, СПб, 1823.

Кунцкии П., Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с

Портою Оттоманскою в Бухаресте в 1812 году, СПб, 1813.

Петренко С., О причинах обилия тяжб в Бессарабии, журнал министерства юстиции, т. II, ч. 2, (неофициальная), СПб, 1859.

Палаузов С. Н., Румынские господства Валахии и Молдавии в историко-политическом отношении, СПб, 1859.

Самарин Ю. и Дмитриев Ф., Революционный консерватизм, Берлин, 1875.

Сабуров Я., Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 г., М., 1830.

Скальковский А., Болгарские колонии в России, Одесса, 1848.

Скальковский А., Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, журн. МВД, кн. 3, март 1848.

- Скальковский А., Торговля и промышленность в Новороссийском крае, Одесса, 1851.
 Свиньин П., Описание Бессарабской области... в 1816 г. (ЗООИД, т. VI, Одесса, 1867).
 Сумароков П., Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г., М., 1800.

г) Статистические материалы

- Артемов А., Бессарабская область. Список населенных мест по сведениям 1859 г., СПб, 1861.
 Бессарабия в момент присоединения ее к России. Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 года. Обработка И. Халиппы (Тр. бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III, Кишинев, 1907.)
 Дараган, Военно-статистическое обозрение Бессарабской области, СПб, 1849.
 Ермолинский К., Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, М., 1886.
 Зашук А., Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, чч. 1 и 2, СПб, 1862.
 Зашук А., Статистика и этнография Бессарабской области (ЗООИД, т. V, Одесса, 1863).
 Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России, кн. 2, Одесса, 1873.
 Материалы для статистики России, СПб, 1839.
 Материалы для оценки земель Херсонской губернии, т. IV, Тираспольский уезд, Херсон, 1889.
 Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., Кишинев, 1862.
 Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака, Аккерман, 1899.
 Сборник сведений по России за 1890 г., СПб, 1890.
 Скальковский А., Опыт статистического описания Новороссийского края, чч. 1 и 2, Одесса, 1850—1853.
 Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России под ред. В. И. Петровского, т. 1.
 Семенов Д. П., Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России, СПб, 1904.
 Статистический ежегодник России, 1916 г., вып. 1, 1918.
 Труды Херсонского губернского статистического комитета 1866 г., т. II, вып. 1, Херсон, 1866.

д) Архивные материалы

- Бумаги В. Н. Хвостова. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, д. II, № 192, т. 2.
Центральный государственный архив МССР (ЦГИА МССР).
 Фонд сенаторов (№ 1).
 Фонд канцелярии бессарабского губернатора (№ 2).
 Фонд бессарабского верховного совета (№ 3).
 Фонд бессарабского областного временного комитета при наместнике (№ 4).
 Фонд бессарабского областного управления (№ 5).
 Фонд бессарабского губернского управления (№ 6).
 Фонд бессарабского по крестьянским делам присутствия (№ 8).
 Фонд бессарабского губернского по земским и городским делам присутствия (№ 9).
 Фонд кишиневского уездного земского суда (№ 12).
 Фонд канцелярии полномочного наместника Бессарабской области (№ 17).

Фонд бессарабской областной палаты государственных имуществ (№ 22).

Фонд бессарабского областного особого по земским повинностям присутствия (№ 24).

Фонд бессарабского областного уголовного суда (№ 38).

Фонд кишиневского окружного суда (№ 39).

Фонд кишиневско-оргеевского окружного суда (№ 40).

Фонд сорокско-яского окружного суда (№ 41).

Фонд оргеевского уездного суда (№ 43).

Фонд леовского уездного суда (№ 44).

Фонд яского уездного суда (№ 45).

Фонд кишиневского уездного суда (№ 59).

Фонд бессарабского областного прокурора (№ 61).

Фонд оргеевской уездной земской управы (№ 69).

Фонд бессарабского областного предводителя дворянства (№ 89) (№ 109).

Фонд бессарабской палаты государственных имуществ (№ 122).

Фонд бессарабского губернского земельного комитета главного управления землеустройства и земледелия (№ 127).

Фонд кишиневской уездной землеустроительной комиссии (№ 128).

Фонд бессарабской казенной палаты (№ 134).

Фонд бессарабской областной землеустроительной комиссии (№ 259).

Фонд бендерского уездного суда (№ 302).

Фонд бессарабского губернского присутствия (№ 329). Использованы также фонды № № 11, 12/с, 14, 32, 34.

Одесский областной государственный исторический архив (ООГИА)

Фонд канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (№ 1).

Центральный государственный исторический архив Москвы (ЦГИАМ)

Фонд III отделения «соб. е. и. в.» канцелярии (№ 9).

Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ)

Фонд комитета министров (журнальный) (№ 102).

Фонд министерства государственных имуществ (№ 379).

Фонд департамента земледелия (№ 398).

Фонд департамента окладных сборов министерства финансов (№ 573).

Фонд главного выкупного учреждения (№ 577).

Фонд департамента законов государственного совета (№ 1149).

Фонд департамента государственной экономики государственного совета (№ 1152).

Фонд государственного совета, секретного и главного по крестьянскому делу комитетов и редакционных комиссий при них (1857—1861 гг.) (№ 1180).

Фонд главного комитета по устройству сельского состояния (1861—1883 гг.), (№ 1181).

Фонд комитета министров (№ 1263).

Фонд департамента полиции исполнительной (№ 1283).

Фонд земского отдела министерства внутренних дел (1857—1875 гг.), (№ 1291). Использованы также фонды за № № 291, 325, 560, 1186, 1187, 1265, 1284, 1330.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Б а т ю ш к о в П. Н., Бессарабия, историческое описание, СПб, 1892.

Б ы х о в с к и й Н., Экономический кризис в Бессарабии, «Русская мысль», № 11, 1897.

Б а л л а с М., Виноделие России, ч. V, Южная Россия (Бессарабская, Херсонская, Подольская и Екатеринославская губернии), СПб, 1899.

- Готье Ю. В., Государственные крестьяне при Николае I и реформа Киселева. Книга для чтения по истории нового времени, т. IV, М., 1914.
- Готье Ю. В., Очерк истории землевладения в России, Сергеев Посад, 1915.
- Джаншиев, Эпоха великих реформ, изд. 8, М., 1900.
- Державин Н. С., Болгарские колонии в России, София, 1914.
- Егунов А., Местные гражданские законы Бессарабии, СПб, 1881.
- Егунов А., Бессарабская губерния в 1870—1875 гг., Кишинев, 1879.
- Заблоцкий-Десятовский А. П., Граф. П. Д. Киселев и его время, СПб, 1882.
- Записки Бессарабского статистического комитета, под ред. А. Егунова, т. III, Кишинев, 1898.
- Иванюков И. И., Падение крепостного права в России, изд. 2, СПб, 1903.
- Кричный Б., Бессарабская неурядица, журн. «Новое слово», кн. 3, декабрь, 1896.
- Князьков С. А., Граф. П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян, Великая реформа, изд. Сытина, т. II, 1911.
- Корнилов А., Крестьянская реформа, СПб, 1905.
- Клаус А., Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России, вып. 1, СПб, 1869.
- Корсаков, Законы народонаселения России. Материалы для статистики Российской империи, СПб, 1841.
- Ковалевский М., Происхождение современной демократии, т. I, ч. 1, М., 1891.
- Кассо Л., Византийское право в Бессарабии, М., 1907.
- Кассо Л., Россия на Дунае и образование Бессарабской области, М., 1913.
- Лашков Н., Бессарабия, Кишинев, 1913.
- Лашков Н., Местное устройство Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901.
- Лашков Н., К столетию присоединения Бессарабии к России, Кишинев, 1912.
- Лященко П. И., Очерки аграрной эволюции России, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, т. II, ч. 1, СПб, 1813, изд. 2, М., 1923.
- Могилянский Н. К., Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, Кишинев, 1916.
- Могилянский Н. К., Материалы для географии и статистики Бессарабии, Кишинев, 1913.
- Надеждин С., Права состояния разных классов народонаселения Бессарабской области, журн. МВД, ч. 1, 1843.
- Накко А., Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г., ЗООИД, т. XXII, Одесса, 1879.
- Накко А., История Бессарабии с древнейших времен, т. I, II, Одесса, 1875—1876.
- Накко А., Бессарабская область в историческом, экономическом и статистическом отношении (рукопись), Кишинев, 1879, хранится в рукописном фонде библиотеки Одесского государственного университета.
- Орбинский Р., Очерк развития производительных сил Бессарабии, СПб, 1885.
- Постников В. С., Южнорусское крестьянское хозяйство, М., 1891. «Русская старина», т. 91, 1897.
- Скальковский А., История новой Сечи, Одесса, 1864.
- Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I и II, 1888.
- Семенов-Тянь-шанский, В. П., Россия, т. XIV, Новороссия и Крым, СПб, 1910.

- «Сельское хозяйство и лесоводство», СПб, 1888.
- Суручан Д. Д., По поводу двадцатилетия реформы 14 июля 1868 г. «Новороссийский телеграф», № 4130, 1888.
- Суручан Д. Д., К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии, «Новороссийский телеграф», № 4009, 1888.
- Суручан Д. Д., К 20-летию реформы 1868 г. в Бессарабии, «Новороссийский телеграф», № 4182, 1888.
- Тройницкий А., Крестьянское население в России по 10-й народной переписи, СПб, 1861.
- Тройницкий А., О числе крепостных людей в России, СПб, 1858.
- Чулков М. Д., Историческое описание Российской империи при всех портах и границах..., т. 1—3, СПб, 1781—1888.
- Шимановский М. Ф., О местных законах Бессарабии, вып. 2, Одесса, 1887—1888.
- Шимановский М. Ф., Указатель судебных решений по вопросам местного бессарабского права, Одесса, 1887.
- Шимановский М. Ф., О резешах и резешском владении, Одесса, 1898.
- Шимановский М. Ф., О резешах (по документам архива б. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора), Одесса, 1899.
- Штанге А. Э., Историческая записка о крестьянской реформе в Бессарабской губернии, Кишинев, 1911.
- Щербатов М. М., История российская от древнейших времен, т. 1—7, СПб, 1770—1780.
- Юбилейный бессарабский с/х календарь за 1914 г., Кишинев, 1914.
- Яновский Б., Хозяйственно-экономические сведения о царанах Костештской, Меренской и Яловенской волостей, Кишиневского уезда, Кишинев, 1904.
- Янсон Ю., Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе, СПб, 1869.
- Янсон Ю., Опыты статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, СПб, 1877, изд. 2, СПб. 1881.
- Яцимирский А. И., Разбойники Бессарабии в рассказах о них, «Этнографическое образование», СПб, 1896, № 1.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Будак И. Г., Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период, Кишинев, 1954.
- Березняков Н., Турецко-фанариотский гнет в Молдавии, сб. Феодалные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв., Кишинев, 1950.
- Барабой А. З., Правобережная Украина в 1948 г., Исторические записки, т. 34, 1950.
- Белан Ю. Я., Крестьянское движение в Киевской губернии в 1863—1870 г., Наукові зап. Київського держ. ун-ту. Історіч. збірник, т. VIII, вып. 1, Київ, 1949, № 2.
- Базанов В., В. Ф. Раевский, Ленинград, 1949.
- Берг Л. С., Бессарабия — страна, люди, хозяйство, Пгтр., 1918.
- Гросул Я. С. и Ройтман Н. Д., Правильно освещать вопросы экономики Молдавии, Известия Молдавского филиала АН СССР, 1953, № 11—12.
- Гросул Я. С., Крестьянское движение в Молдавии в пореформенный период. Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавской н.-и. базы АН СССР, т. 1, Кишинев, 1948.
- Гросул Я. С., Крестьянская реформа 1868 г. в Бессарабии и ее особенности, Ученые записки ИИЯЛ Молдавской н.-и. базы АН СССР, т. II, Кишинев, 1949.
- Гросул Я. С., Разложение феодално-крепостнических и формирование капиталистических отношений в Молдавии в первой половине XIX в., сб. Феодалные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII в., Кишинев, 1950.

- Гросул Я. С., Роль России в освобождении Молдавии от турецко-феодалного гнета, «Октябрь», 1948, № 6.
- Греков Б. Д., Крестьяне на Руси, изд. 1, М.—Л., 1946, изд. 2, кн. 2, М., 1954.
- Грекул Ф. А., Книги по истории Молдавии, «Советская Молдавия» от 10 июня 1951 г.
- Грекул Ф. А., Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950.
- Гугушвили П. В., Сельское хозяйство и аграрные отношения, тт. I, II, Тбилиси, 1948—1950.
- Гуржий И., Росклад феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX стр. Київ, 1954.
- Дружинин Н. М., Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М., 1946.
- Дружинин Н. М., Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями, «Вопросы истории», 1954, № 7.
- Довженко В. И., Крестьянское движение на Правобережной Украине в 40-х гг. XIX в., «Исторические записки», 1941, № 12.
- Евстафьев П., Восстание военных поселян Новгородской губернии, 1831 г., М., 1934.
- Емельях Л. И., Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г., «Исторические записки», т. XXXVIII, 1951.
- Иванов Л. М., Государственные крестьяне Московской губернии и реформа Киселева, «Исторические записки», 1945, № 17.
- Игнатович И., Крестьянское движение на Дону в 1820 г., М., 1937.
- Игнатович И., Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании, Архив истории труда в России, кн. 10, 1923.
- Игнатович И., Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М., 1925.
- Игнатович И., Крестьянские волнения в первой четверти XIX в., «Вопросы истории», 1950, № 9.
- История СССР, т. II, М., 1949.
- История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951.
- Кошик А. К., Инвентарная реформа 1847—1848 гг. и крестьянское движение на Правобережной Украине, Наукові зап. Київського держ. ун-ту, Історичн. збірн., т. VIII, вып. 1, Київ, 1949, № 2.
- Лященко П. И., Очерк аграрной эволюции России, т. II, Ленинград.
- Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1952.
- Линков И. И., Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853—1856 гг., М., 1940.
- Лавров П. Д., Устим Яковлевич Кармалюк (Тр. исторического факультета Киевского государственного университета, т. I, 1940).
- Малинский В. Ф., Аграрная «реформа» 1918—1924 гг. в Бессарабии, Кишинев, 1949.
- Мохов Н. А., Феодальные отношения в Молдавии в XIV—XV вв., сб. Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв., Кишинев, 1950.
- Макаров С., Крестьянские картофельные бунты, Киров, 1939.
- Мороховец Е., Крестьянская реформа 1861 г., М., 1937.
- Пичета В. И., История крестьянских волнений в России, Минск, 1923.
- Рштуни В., Крестьянское движение в Армении в XIX в., Ереван, 1948.
- Сенкевич В. М., Исторические связи молдавского народа с великим русским народом, Кишинев, 1947.
- Сивков К. В., Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., М., 1951.
- Флоровский А. В., Воля панская, воля мужицкая, Страницы из истории аграрных волнений в Новороссии в 1861—1863 г., Одесса, 1921.
- Хромов И. П., Экономическое развитие России в XIX—XX в., Госполитиздат, 1950.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Istoria R. P. R. sub redacția lui M. Roller, Buc., 1952.
- Arbure Z., Basarabia în secolul XIX, Buc., 1898—1902.
- Bălcescu N., La question économique des principautés Danubiennes, Buc., 1850.
- Bălcescu N., Istoria Românilor sub Mihai Viteazu.
- Bălcescu N., Despre starea socială a muncitorilor plugari în principatele Dunărene în deosebite timpuri, Scrieri istorice, Ed. II, Scrisul Românesc, Craiova.
- Candrea L. A., Dicționarul enciclopedic ilustrat, Buc.
- Codrescu, Condiția Liuzilor, vol. II, Buc.
- Filitti, Proprietarii solului în trecutul Principatelor române, ser. III, vol. XXI, Buc., 1934—1935.
- Georgescu-Buzău G., Descompunerea feudalismului și începuturile capitalismului în țara Românească și Moldova. Colecția «Contemporanului», 1949.
- Giurescu G., Istoria Românilor, vol. III, Buc., 1944.
- Xenopol A., Istoria Românilor din Dacia Traiană, București, vol. IX—X—XI.
- Iorga N., Istoria Românilor, vol. VII, VIII, Buc., 1938.
- Iorga N., Constatări istorice, privitoare la viața agrară a Românilor, Buc.
- Nandriș G., Revista filologică, Octombrie, 1927. № 3.
- Negulescu O., Alexianu I., Regulamentele organice ale Valahiei și Moldovei, Buc., 1944.
- Poni P., Statistica rezeșilor, Buc., 1926.
- Radu Rosetti, Pământul, sătenii și stăpînii lor în Moldova, vol. I, Buc., 1907.
- Reghnault E., Histoire politique et sociale des principautés Danubiennes, Paris, 1955.
- Rosetti R., Pentru ce s'au răsculat țărani, Buc. 1908.
- Tașca G., Cum a evoluat claca dela începutul înființării ei și pînă azi, AAR, mem. secț. ist., ser. III, Buc., 1937.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
1. Постановка вопроса. Литература. Источники	3
а) Постановка вопроса	3
б) Литература	13
Глава I. Экономическое развитие Бессарабии в составе России в 1812—1861 гг.	45
§ 1. Заселение края (колонизация)	45
§ 2. Состояние и развитие сельского хозяйства Бессарабии в 1812—1861 гг.	59
§ 3. Развитие ремесла и кустарной промышленности	93
§ 4. Состояние и развитие торговли в Бессарабии в 1812—1861 гг.	102
§ 5. Краткие выводы	109
Глава II. Феодално-крепостнический гнет в Бессарабии в 1812—1861 гг.	111
§ 1. Помещичье землевладение—основа феодалной эксплуатации крестьян	111
§ 2. Феодалная эксплуатация царан в условиях разложения и кризиса феодално-крепостнической системы	127
§ 3. Экспроприация мелких собственников крестьян-резешей и распад резешской общины в условиях развития товарного производства (1812—1861 гг.)	167
§ 4. Система эксплуатации государственных крестьян крепостническим государством	196
§ 5. Краткие выводы	248
Глава III. Борьба крестьян Бессарабии против феодално-крепостнического гнета в 1812—1861 гг.	251
§ 1. Антикрепостническая борьба крестьян в первой трети XIX в.	251
§ 2. Аграрная политика царизма в Бессарабии в 30—40-х гг. и борьба царан против ее крепостнической сущности	295
§ 3. Усиление борьбы крестьян против феодално-крепостнического гнета в 50-х гг. XIX в.	330
§ 4. Краткие выводы	349
Заключение	352
Приложения	361
Библиография	389

Я. Гросул
КРЕСТЬЯНЕ БЕССАРАБИИ
(1812—1861)

*

Редактор *М. Иткис*
Художественный редактор *Л. Донец*
Технический редактор *В. Тельпис*
корректор *Н. Дворяк*

*

Сдано в набор 24.VI-1956 г. Подписано к печати 6.VIII-1956 г.
Формат бумаги 60х92 $\frac{1}{16}$. Бумажных листов 12,5
Печатных листов 25 Уч.-издат. листов 25,82
Тираж 1000 АБ01836

Государственное издательство Министерства культуры
Молдавской ССР, Кишинев. Могилевская, 35
Цена 17 руб. 50 коп. Заказ № 1022.

*

Полиграфкомбинат, Кишинев, Госпитальная. 32

17 р. 50 к.

КРЕСТЬЯНЕ БЕССАРАБИИ
(1812 ~ 1861_{гг.})

А. Брасул

